8692

13078

БИБЛІОТЕКА
УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИН. ФТН.

БИБЛІОТЕКА
УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИН. ФИН.

ОПЫТЪ
О
НАРОДНОМЪ БОГАТСТВѢ
ИЛИ
О НАЧАЛАХЪ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

8692

ОПЫТЪ

О

НАРОДНОМЪ БОГАТСТВѢ

ИЛИ

О НАЧАЛАХЪ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

—

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА БУТОВСКАГО.

Законы природы должны быть не изобрѣтаемы a priori, *но открываемы наблюденіемъ.*

Humboldt: Cosmos.

6395

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Второго Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

=

1847.

3.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобъ по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ Ноября 15 дня 1846 года.

Цензоръ *А. Никитенко.*

65395

БИБЛІОТЕКА
УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИН.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ КЪ ПУБЛИКѢ.

—

Вопросы о народномъ хозяйствѣ нынѣ много занимаютъ образованный міръ: посвятивъ ихъ изученію нѣсколько лѣтъ своей жизни, авторъ *Опыта*, предлагаемаго на судъ публики, столько же увлекался занимательностью предмета, сколько и надеждой сдѣлать что-либо полезное для своего отечества. Его цѣлью было представить, въ сколь можно ясномъ и простомъ изложеніи, естественные законы производства, обращенія, распредѣленія и потребленія богатства народнаго, и тѣ логическія условія этого движенія, отъ которыхъ наиболѣе зависитъ степень общественнаго благосостоянія. Для выполненія своего плана, онъ руководился не только уроками ученыхъ, которымъ наука политической экономіи обязана своимъ существованіемъ и своими успѣхами, но старался повѣрить ихъ на дѣлѣ собственными наблюденіями. Не обольщаясь страстью къ новому, не гоняясь слѣпо за честью открытій, авторъ можетъ смѣло ручаться однако, что ни одно изъ заключеній, имъ приводимыхъ, не принято имъ безотчетно, по слѣпому довѣрію къ тому или другому авторитету, къ той или другой школѣ: вездѣ убѣжденіе предшествовало изложенію. Быть

можетъ нѣкоторые читатели будутъ несогласны съ авторомъ въ мнѣніяхъ; быть можетъ его трудъ удостоится критикъ и возраженій: онъ впередъ благодаритъ за честь и уроки. Въ наукахъ, уже вполнѣ утвердившихся, нѣтъ недостатка въ поводахъ къ разногласію; тѣмъ болѣе имъ должна быть подвержена наука о народномъ богатствѣ, еще можно сказать недостроенная, и особенно, когда ея органомъ является писатель, котораго неопытность невольно вызываетъ на благосклонную снисходительность.

С.-Петербургъ

Ноябрь 1846 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА (*)

Вступленіе:

Стран.

I. Предметъ науки народнаго богатства или политической экономіи . . . . . I.

II. Она принадлежитъ къ разряду наукъ нравственно-политическихъ . . . . . VII.

III. Ея соотношенія: a) съ другими нравственными науками . . . . . IX.

IV. b) Съ науками физическими и техникою. . XV.

V. c) Съ науками историческими . . . . . XIX.

VI. Важность и польза политической экономіи . XXII.

VII. Понятіе о политической экономіи прикладной XXVI.

VIII. Трудности изложенія науки народнаго хозяйства. . . . . XXXII.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРОИЗВОДСТВО БОГАТСТВЪ.

Глава I. О богатствѣ вообще.

1. Потребности . . . . . 1.

2. Понятіе о полезномъ . . . . . 3.

3. Понятіе о цѣнности . . . . . 9.

4. Цѣнность мѣновая . . . . . 15.

5. Какъ она опредѣляется . . . . . 22.

6. Какъ она измѣряется. . . . . 31.

7. Сущность богатства; его свойства . . . . . 38.

(*) См. въ концѣ III-го Тома азбучный указатель предметовъ.

Стран.

8. Понятіе о богатствѣ народномъ . . . . . 44.
9. Различіе между богатствомъ и цѣнностію . . . 46.

Глава II. О производствѣ и производительныхъ силахъ вообще.

10. Въ чемъ состоитъ производство . . . . . 52.
11. Производительныя силы . . . . . 54.
12. Онѣ дѣйствуютъ совокупно . . . . . 57.
13. Когда имѣютъ цѣнность. . . . . 60.
14. Не всегда производятъ . . . . . 63.
15. О производительныхъ сословіяхъ въ обществѣ . 64.

Глава III. О производительной силѣ природы.

16. Она не въ равной степени предоставлена всѣмъ народамъ . . . . . 71.
17. Общее раздѣленіе производительныхъ силъ природы. . . . . 76.
18. Мѣстоположеніе страны. . . . . 79.
19. Климатъ. . . . . 84.
20. Внутреннiй составъ грунта. . . . . 87.
21. Органическія произведенія. . . . . 93.
22. Важность вліянія мѣстныхъ природныхъ силъ на производство богатства народнаго . . . 104.
23. Необходимость присвоенія нѣкоторыхъ изъ нихъ . . . . . 107.
24. Происхожденіе поземельной собственности . . 115.
25. Вліяніе присвоенія на положеніе природныхъ силъ . . . . . 122.

Глава IV. О трудѣ.

26. Свойства труда. . . . . 127.
27. Анализъ труда производительнаго . . . . . 132.
28. Вліяніе раздѣленія занятій на производительность труда. . . . . 138.

Стран.
29. Естественные предѣлы раздѣленія занятій . . 143.
30. Употребленіе орудій и машинъ . . . . . 149.
31. Трудъ совершенствуется образованіемъ . . . 153.
32. Народная образованность различно развивается . 160.
33. Вліяніе невольничества на производительность труда. . . . . 165.
34. Вліяніе феодальныхъ постановленій . . . . . 171.
35. Вліяніе монополій и привилегій . . . . . 179.

Глава V. О капиталѣ.

36. Образованіе капиталовъ . . . . . 187.
37. Сущность капитала; его разные виды . . . . 191.
38. О капиталѣ постоянномъ: a) Самобытномъ . . 194.
39. b). Поземельномъ. . . . . 199.
40. c). Нравственномъ . . . . . 201.
41. О капиталѣ оборотномъ. . . . . 205.
42. Примѣненіе капиталовъ къ производству . . . 212.
43. Обстоятельства, препятствующія образованію, употребленію и сохраненію капиталовъ . . 216.
44. Понятіе о капиталѣ народномъ и капиталахъ государственныхъ . . . . . 220.

Глава VI. О промышлености вообще.

45. Понятіе о промышлености; различные виды промысловъ . . . . . 230.
46. Необходимость соотношенія всякого промысла съ потребностью общественной; сбыты . . 233.
47. Необходимость соображенія издержекъ производства . . . . . 236.
48. Порядокъ образованія предпріятій . . . . . 245.
49. Общія стороны средствъ, различными промыслами употребляемыхъ. . . . . 248.
50. Вліяніе нравовъ на промышленость . . . . 254.

Стран.

51. Относительная важность промысловъ; злоупотребленія производительныхъ силъ . . . 257.
52. Отношенія между властію общественной и промышленостью. . . . . 265.

Глава VII. О промыслахъ, производящихъ вещественныя блага.

53. Различные виды этихъ промысловъ. . . . . 273.
54. О промыслахъ извлекающихъ. . . . . 277.
55. О промыслахъ перемѣщающихъ или торговыхъ. 298.
56. О промыслахъ преобразующихъ или мануфактурныхъ . . . . . 329.
57. О промыслахъ земледѣльческихъ. . . . . 384.

Глава VIII. О промыслахъ, производящихъ невещественныя блага.

58. Общія замѣчанія; разные виды этихъ промысловъ . . . . . 428.
59. О промыслахъ гигіеническихъ и врачебныхъ, или сохраняющихъ и возстановляющихъ тѣлесныя силы человѣка . . . . . 437.
60. О промыслахъ художественныхъ, или занимающихся эстетическимъ образованіемъ человѣка . 457.
61. О промыслахъ учебныхъ, или образующихъ умственныя способности . . . . . 479.
62. 63. Заключеніе главы . . . . . 501.

Примѣчанія . . . . . 503.

ОПЫТЪ
О НАРОДНОМЪ БОГАТСТВѢ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

I.

Предметъ науки народнаго богатства или политической экономіи.

Благодаря улучшеннымъ средствамъ наблюденья и успѣхамъ анализа, познанія человѣческія распространились: отъ этого родилась необходимость раздробленья ихъ на вѣтви, которая менѣе ощущалась въ древности. Нынѣ каждая наука должна держаться въ своихъ предѣлахъ и, опираясь на смежныя съ ней науки, не прерывая, такъ сказать, цѣпи познаній, обнимать факты и законы однородные, *sui generis*. Постановленіе предѣловъ науки есть важное условіе ея отдѣльнаго существованія.

Два главныя хранилища фактовъ и явленій: природа и свободно-разумная дѣятельность человѣка. Отъ этого, сфера познаній раздѣляется на двѣ половины: въ одну входятъ науки излагающія законы природы,—науки *физическія;* въ другую—науки объясняющія законы, которыми направляется свободно-разумная дѣятельность человѣка къ достиженію различныхъ цѣлей,—науки *нравственныя*.

Изученіе человѣка, служа главнымъ предметомъ второго отдѣла наукъ, входитъ также и въ первый.

Но физическія науки: зоологія, анатомія, физіологія разсматриваютъ человѣка какъ животное, какъ часть творенія; онѣ указываютъ въ его сложеніи сходство болѣе или менѣе близкое съ другими одушевленными существами; разбираютъ его познавательныя силы; открываютъ въ немъ свободу воли, эту способность соображать свои дѣйствія съ познаніями, которой нѣтъ въ другихъ животныхъ—и тутъ оканчиваются ихъ изслѣдованія. Тутъ начинается новый разрядъ фактовъ, для постиженія которыхъ человѣкъ долженъ, такъ сказать, войти въ самого себя. Онъ долженъ искать ихъ причины въ собственной природѣ, въ ея многоразличныхъ побужденьяхъ, и не теряя никогда изъ виду свободы произвола, отличительной черты человѣчества, открыть въ этихъ явленіяхъ, путемъ сравненія и отвлеченія, стороны общія, и вывести изъ нихъ законы, долженствующіе руководить его волю.

Какъ не замѣтить тутъ важнаго различія между науками физическими и нравственными. Первыя обогащаютъ умъ нашъ познаніями; открываютъ таинства природы; объясняютъ ея законы; предаютъ намъ ея силы; въ борьбѣ разума съ вещественностью, эти науки можно уподобить нервамъ, по которымъ впечатлѣнія внѣшнія проникаютъ до мозгу. Онѣ-то указываютъ людямъ все, что можетъ быть полезно или вредно въ природѣ; все, что можетъ служить къ достиженію различныхъ цѣлей; все, чего должно избѣгать. Вторыя, излагая въ стройномъ порядкѣ пути, по которымъ должна направляться свободно-разумная дѣятельность человѣка для до-

стиженія, или избѣжанія различныхъ реезультатовъ, не только обогащаютъ насъ познаньями, но также руководятъ насъ въ жизни, въ сношеніяхъ съ природой и намъ подобными; провозглашаютъ законы развитія нашихъ силъ и познаній. Ихъ можно уподобить мускуламъ, пріемлющимъ движеніе отъ мозга и сообщающимъ его членамъ огромнаго тѣла человѣчества.

Человѣкъ ощущаетъ потребности, желанья; ему свойственно искать средствъ къ ихъ удовлетворенію. Онъ живетъ въ сообществѣ съ другими людьми и жизнь его должна быть ограждена отъ дѣйствій для него враждебныхъ. Въ немъ есть внутреннее сознаніе добра и зла: онъ переноситъ это сознаніе на себѣ-подобныхъ и на весь міръ, его окружающій. Онъ открываетъ и постигаетъ гармонію творенія; отличаетъ дурное отъ прекраснаго; избѣгаетъ перваго и ищетъ послѣдняго. *Полезное, правое, доброе, изящное*—вотъ четыре категоріи человѣческой дѣятельности, четыре главныя побужденія, проистекающія изъ разума и направляющія волю человѣка. Къ нимъ должно присоединить еще пятое:—неодолимое стремленіе восходить къ настоящимъ причинамъ вещей—стремленіе къ *истинному*. Этотъ послѣдній видъ дѣятельности свободноразумной проявляется въ успѣхахъ познаній; самые же законы, по которымъ разумъ нашъ восходитъ до открытія истины, служатъ предметомъ науки, названной весьма правильно *философіей*.

Подобно физическимъ, нравственныя науки восходятъ отъ разсѣянныхъ фактовъ къ законамъ, по-

мощію наблюденій и анализа. Побужденія, въ которыхъ кроется начало свободно-разумной дѣятельности человѣка, и которыя всѣ подходятъ подъ вышеприведенныя пять категорій: *истиннаго, изящнаго, добраго, праваго* и *полезнаго,* существуютъ съ тѣхъ поръ, какъ родъ человѣческій занялъ мѣсто въ ряду тварей земныхъ. Еще задолго до приведенія въ стройный порядокъ законовъ, которыми достигаются различныя цѣли человѣчества, міръ предусматривалъ эти законы разумомъ, иногда смутно, не ясно, сквозь тусклую призму эмпиризма; иногда же мѣтко и вѣрно, словно по вдохновенью. Отъ этого происходитъ въ жизни людей сочетаніе заблужденій, предразсудковъ съ нѣкоторымъ наружнымъ порядкомъ—сочетаніе, какого не видимъ слѣдовъ въ мірѣ физическомъ, гдѣ всюду насъ поражаетъ одна воля и единая всеобъемлющая мысль. Первые шаги самихъ наукъ робки и не тверды. Иногда фантазія порабощала разумъ и порождала системы, которыя, прививаясь къ дѣятельности людской, совращали ее съ истинныхъ путей. Иногда, напротивъ, люди, принимавшіе на себя изложеніе законовъ, не умѣли свергнуть иго эмпиризма и предразсудковъ и только поддерживали заблужденія. Такимъ образомъ, то изложеніе науки просвѣщало или затемняло мнѣнія людей, то напротивъ, мнѣніе людей правильное или неправильное отражалось въ наукѣ.

Другія важныя препятствія къ усмотрѣнію настоящихъ законовъ міра нравственнаго заключаются въ нашихъ страстяхъ, въ побужденіяхъ, сильно

завлекающихъ свободно-разумную волю, и которыхъ источникъ не въ разумѣ, но въ тѣлесной половинѣ нашего существа, или въ воображеніи. Множество степеней представляетъ развитіе страстей. Вы откроете вліяніе этихъ анормальныхъ побужденій и въ тихомъ, почти незамѣтномъ, внушеніи своекорыстія, и въ бурныхъ порывахъ зависти, мщенія; въ молчаливомъ сопротивленіи скрытаго самолюбія, и въ неистовыхъ проявленіяхъ гордости; въ смутной наклонности къ нѣгѣ и удобствамъ жизни, и въ сластолюбіи Сарданапала. Возникая на каждомъ шагу въ жизни людей, безпрестанно бросая ихъ волю то въ ту, то въ другую сторону, страсти запутываютъ или подкупаютъ соображенія разума, заглушаютъ его внушенія, воздвигаютъ, такъ сказать, стѣну между знаніемъ истинныхъ законовъ и предубѣжденіями современниковъ. Отъ этого иногда поражаютъ наблюдателя глубокія противорѣчія между наукой и мнѣніемъ людей. Но какъ усомниться въ причинѣ этихъ противорѣчій? созидая науку, разумъ дѣйствуетъ свободно и царственно; въ эти торжественныя минуты человѣкъ возвышается надъ собственнымъ существомъ;—мнѣніе свѣта образуется, бо́льшей частью, изъ эмпирическаго взгляда на вещи, въ которомъ личное побужденье почти всегда принимается за главное и единственное начало.

Эмпиризмъ и ложныя системы—вотъ камни претковенья, которыхъ должны избѣгать науки физическія. Эмпиризмъ, ложныя системы и вліяніе страстей на убѣжденія—вотъ тучи, затмевающія настоя-

щіе законы, которымъ должна слѣдовать свободно-разумная дѣятельность человѣка: ихъ-то стремятся разсѣять науки нравственныя.

Такъ, путеводимыя свѣтильникомъ разума:—*философія* укажетъ настоящія стези для достиженья познанія *истиннаго*, какъ въ мірѣ физическомъ, такъ и въ мірѣ нравственномъ;—*эстетика*, въ обширномъ значеніи слова, откроетъ людямъ гармоніи, согласія, эти элементы *изящнаго*, къ которому человѣкъ безотчетно стремится и, осуществленіе котораго во внѣшнихъ проявленіяхъ жизни всегда служитъ мѣриломъ нашего образованія;—*нравоученіе*, объяснивъ начала добраго и злого, открытыя имъ въ самомъ человѣкѣ, изложитъ законы, которые, какъ въ отношеніи къ намъ самимъ, такъ и къ другимъ людямъ и ко всему міру, должны предохранять насъ отъ злого и направлять на *доброе*;—*правовѣденіе* объяснитъ точное значенье личности человѣка и его свободы, предѣлы и той и другой въ соотношеніи съ другими людьми, ихъ примѣненіе къ вещамъ, насъ окружающимъ и порядокъ, въ которомъ не уклоняется отъ естественной справедливости, отъ *праваго*, дѣятельность человѣческая;—*политическая экономія*, развивъ идею полезнаго, откроетъ законы, по которымъ люди, не измѣняя всѣмъ прочимъ условіямъ усовершимости рода человѣческаго, обрѣтаютъ, въ своей собственной дѣятельности и въ природѣ ихъ окружающей, средства къ удовлетворенію своимъ потребностямъ.

Послѣдняя наука составитъ предметъ нашего изложенія.

II.

Она принадлежитъ къ разряду наукъ нравственно-политическихъ.

Первое послѣдствіе свободно-разумной воли человѣка открывается въ его усовершимости. Тогда какъ другія животныя заключены въ тѣсныхъ предѣлахъ инстинкта, внушенія котораго хотя поражаютъ насъ иногда мѣткостью удивительной, но всегда одинаковы, большей частью независимы отъ окружающихъ обстоятельствъ и, достигнувъ въ каждомъ изъ недѣлимыхъ извѣстной степени развитія, встрѣчаютъ неодолимыя преграды къ дальнѣйшему преуспѣянію,—въ человѣкѣ нельзя открыть положительные предѣлы развитію его способностей. Его опытность, это примѣненіе соображеній разума къ дѣяніямъ, растетъ съ каждымъ днемъ. Безпрестанно выясняя настоящее значеніе вещей, ихъ причины и послѣдствія, онъ открываетъ въ собственныхъ силахъ новыя средства для примѣненья этихъ вещей къ удовлетворенію своимъ новымъ потребностямъ.

Провидѣніе, населивъ землю множествомъ животныхъ, премудро надѣлило каждое изъ нихъ силами необходимыми для поддержанья его жизни. Тварямъ безсловеснымъ, которыхъ потребности ограничены, оно дало инстинктъ или способности, удивительно приноровленныя къ этимъ потребностямъ. Человѣку, въ душу котораго оно заронило свободу воли, откуда множество побужденій самыхъ разнообразныхъ, оно дало разумъ, возможность примѣнять его способности къ осуществленію условій

его двойственнаго бытія. Надѣливъ всѣ другія твари, каждую въ своемъ родѣ, крайнимъ совершенствомъ, оно предоставило человѣку средства къ собственному усовершенствованію.

Но несомнѣнные факты и ежедневныя наблюденія доказываютъ, что неизбѣжное условіе нравственнаго развитія человѣка заключается въ жизни общественной. Одинокій, этотъ царь природы слабъ и подавленъ борьбою съ міромъ вещественнымъ, его окружающимъ; потребности высшія въ немъ заглушены; для удовлетворенія же тѣмъ, которыя громко вопіютъ въ немъ, какъ и во всякомъ другомъ животномъ, онъ лишенъ естественныхъ средствъ, предоставленныхъ прочимъ тварямъ, и долженъ изнемочь подъ бременемъ бѣдствій.

Въ баснѣ Робинсона Крузо можно допустить нѣкоторую вѣроятность, потому-что авторъ представляетъ человѣка образованнаго, заброшеннаго на необитаемый островъ. Но рѣдкіе случаи людей, живущихъ разсѣянно, въ состояніи совершенно дикомъ, служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что, внѣ общественности, способности человѣка не могутъ развиться, и что въ этомъ состояніи онъ мало возвышается надъ другими животными.

Какъ ни объяснять причины соединенія людей въ общества, природнымъ ли влеченіемъ, семейными ли узами, внушеніемъ ли разума или вдохновеніемъ сверхъестественнымъ, нельзя не согласиться, что только въ соединеніи съ себѣ-подобными человѣкъ является настоящимъ властелиномъ природы, перестаетъ оспоривать въ тяжкой борьбѣ

скудную дневную добычу, но, разгадавъ природу, съ ея законами употребляетъ ее, какъ орудіе, на удовлетвореніе своимъ потребностямъ, вызывая, умѣряя, или подавляя, по-мѣрѣ надобности, ея силы.

Съ идеей общества неразлучна идея внутренняго устройства или государства. Общества человѣческія нельзя разсматривать, какъ простыя столпленія, подобныя стадамъ животныхъ. Тамъ, гдѣ соединяются существа свободно-разумныя, между ними рождаются узы нравственныя; признаются цѣли общія; образуется тѣсный союзъ интересовъ и средствъ. Отъ смутной массы личныхъ интересовъ отдѣляется интересъ общественный; онъ высказывается въ законахъ, изъ которыхъ составляется внутренній порядокъ. Одни изъ этихъ законовъ выражаются положительно, письменно или словесно; другіе предписываются мнѣніемъ общественнымъ, и хотя еще не доведены до степенн закона положительнаго, тѣмъ не менѣе власть ихъ огромна. Въ жизни человѣка общественнаго два элемента, два отдѣла побужденій, двоякое проявленіе свободно-разумной дѣятельности: начало одного въ личномъ интересѣ, въ сознаніи пользы частной; начало другого въ интересѣ государственномъ, въ признаніи необходимости уважать чужіе интересы.

Тамъ только, гдѣ равновѣсіе водворяется между этими двумя началами, или, по-крайней мѣрѣ, гдѣ оно принимается за основаніе, можно предполагать дальнѣйшее развитіе человѣческой дѣятельности. Тамъ только пробуждается въ людяхъ стремленіе къ истинному; развиваются между ними по-

нятія изящнаго, добраго; утверждается понятіе о правомъ, рождается законность. Стремленіе людей къ полезному перестаетъ слѣдовать безотчетнымъ внушеніямъ чувственности; но, опираясь на общее разумное содѣйствіе, открываетъ себѣ широкіе пути къ обезпеченію и благосостоянію. Тамъ только, въ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности можно избѣгнуть большей части столкновеній, въ которыхъ теряется ея сила, и придать этой дѣятельности согласіе, порядокъ, главныя и единственныя условія могущества народовъ. Тамъ только, разумъ открываетъ и предначертываетъ законы для достиженія различныхъ цѣлей человѣчества, отъ чего зависитъ степень его совершенства, его образованности.

И такъ, общественность есть основный фактъ, на которомъ созидаются науки нравственныя. Тѣ изъ нихъ, которыя разсматриваютъ человѣка, какъ существо принадлежащее къ обществу, но отдѣльное, самобытное, можно назвать *чисто-нравственными*. Тѣмъ же, въ которыхъ человѣкъ разсматривается какъ членъ общества или государства, или лучше сказать, изслѣдованія которыхъ направляются на самое общество, какъ на совокупную дѣятельность общихъ интересовъ всѣхъ его членовъ, приличествуетъ названіе *политическихъ*, отъ слова *πολις* (городъ, государство). Отъ изученья частныхъ интересовъ каждого человѣка отдѣльнаго онѣ восходятъ до совокупнаго проявленія этихъ интересовъ, или до интереса общественнаго.

Политическая экономія, или наука о народномъ

богатствѣ, исключительно посвящающая себя изученію средствъ, помощью которыхъ люди, въ обществѣ живущіе, достигаютъ возможнаго благосостоянія, принадлежитъ къ подраздѣленію наукъ политическихъ.

III.

Ея соотношеніе: а) съ другими нравственными науками.

Жизнь существъ одушевленныхъ, которой начало сокрыто навсегда отъ изслѣдованій разума въ непостижимой премудрости творенія, поражаетъ насъ однообразіемъ и единовременностью ея проявленій. Животное въ одно время пріемлетъ множество ощущеній самыхъ различныхъ: оно видитъ, слышитъ, обоняетъ, чувствуетъ; мгновенно эти ощущенія превращаются въ побужденія, побужденія въ дѣйствія, и тогда только можно судить о свойствѣ и началѣ первыхъ. То-же разнообразіе, ту-же единовременность замѣчаемъ во внутренней жизни человѣка; различныя побужденія дѣйствуютъ постоянно въ душѣ нашей, тогда-какъ наше тѣло живетъ жизнью общей съ другими животными. Но несмотря на это сходство происхожденья, нельзя не распознать въ каждомъ внѣшнемъ дѣйствіи нашей жизни качество побужденія, его вызвавшаго: если оно не принадлежитъ исключительно къ тѣмъ побужденіямъ, которыя намъ свойственны какъ существамъ одушевленнымъ, къ побужденіямъ органическимъ, то вы откроете въ немъ или желаніе истины, или склонность къ изящному, или приверг

женость къ доброму, или сознаніе права, или наконецъ стремленье удовлетворить потребности.

Побужденія эти не всегда просты и отдѣльны: часто онѣ совокупляются одно съ другимъ, и одно и то-же дѣйствіе бываетъ послѣдствіемъ нѣсколькихъ причинъ. Иногда воля человѣческая, склоняясь къ какому-либо дѣянію однимъ побужденіемъ, ощущаетъ вліяніе другихъ. Иногда-же, напротивъ, она увлекается, и въ ея увлеченьи замѣтно совершенное забвеніе прочихъ. Участіе, принимаемое вещественной половиной человѣка и страстьми въ его свободно-разумной дѣятельности, имѣетъ огромное вліяніе на побужденія, руководящія нашими поступками. Тѣмъ не менѣе, наблюдатель всегда откроетъ преобладаніе какого-либо одного изъ побужденій, по-крайней мѣрѣ въ его ближайшемъ проявленіи.

Поспѣшимъ замѣтить, что тамъ, гдѣ нѣтъ свободно-разумной воли, нѣтъ и нравственныхъ побужденій, а одна только жизнь животная со всѣми ея проявленьями. Болѣзнь иногда затмеваетъ разумъ человѣка: этого довольно для его исторженія изъ жизни общественной. Ума-лишенные живутъ посреди насъ взаперти или на свободѣ, какъ животныя нами уважаемыя и призираемыя.

На этомъ различіи побужденій, и еще болѣе на различіи ихъ обнаруженій въ свободно-разумной дѣятельности человѣческой, основано раздѣленіе наукъ нравственно-политическихъ. Каждой изъ нихъ предстоитъ свое поприще, факты sui generis, подводимые подъ законы особенные, образующіе

отдѣлы совершенно отличные. Въ природѣ, каждое явленіе относится къ особенному разряду и составляетъ предметъ особенной науки; такъ точно и въ мірѣ нравственномъ нельзя не придерживаться строгого распредѣленія, безъ котораго разумъ не всилахъ открыть настоящіе законы, и принужденъ блуждать посреди гипотезъ и сбивчивыхъ заключеній.

Такъ политическая экономія должна ограничиться разсмотрѣніемъ побужденій свободно-разумной дѣятельности человѣческой, которыхъ цѣлью *полезное;* изученіемъ ихъ свойствъ, оттѣнковъ и, въ особенности, ихъ проявленій посреди жизни общественной; должна открыть связь и послѣдствія, между ними существующія; вывесть законы экономическіе, тогда-какъ другія науки откроютъ связь между иными побужденіями и проявленіями человѣческой воли, выведутъ законы юридическіе, нравственные, эстетическіе и философическіе.

Но, опираясь на это раздѣленіе началъ дѣятельности человѣческой, нельзя разлучить ихъ совершенно и заставить разумъ слѣдя за однимъ забывать о другихъ. Побужденія, которыми направляется воля, находятся между собой въ тѣсной связи. Онѣ всѣ происходятъ отъ одного источника; кромѣ того, онѣ должны держаться въ равновѣсіи, особенно въ жизни общественной, гдѣ мы различаемъ на каждомъ шагу цѣли общія всѣмъ людямъ и цѣли частныя. Дѣяніе, результатомъ котораго должно быть для насъ *полезное*, можетъ противорѣчить началу *добраго*. Оно не достигнетъ предпола-

гаемой цѣли если не руководимо знаніемъ *истиннаго*. Оно можетъ быть *неправо*, если противно законамъ государства, или *безобразно*, если оскорбляетъ понятія объ *изящномъ*. Подобнаго противорѣчія нельзя допустить въ наукахъ: онѣ всѣ идутъ по одной дорогѣ, но каждая избираетъ свою тропу, не задѣвая другихъ. Напротивъ, онѣ опираются одна на другую, и благодаря всего болѣе этому согласію въ ихъ развитіи, этому сліянію ихъ совѣтовъ, съ одной стороны разумъ открываетъ настоящіе законы міра нравственнаго, съ другой воля народовъ, слѣдуя этимъ законамъ, пролагаетъ себѣ широкіе пути къ образованности.

Ограничиваясь изложеніемъ законовъ экономическихъ, наука о народномъ хозяйствѣ не теряетъ однако изъ виду наукъ, съ ней сопредѣльныхъ. Такъ точно, какъ химія безпрестанно опирается на физику, механика на математику, политическая экономія идетъ рука объ руку съ нравоученіемъ, правовѣдѣніемъ и другими вѣтвями нравственно-политическаго знанія. Между ними многочисленны точки соприкосновенья; но это отнюдь не уничтожаетъ самобытности наукъ, излагающихъ законы совершенно особенные, хотя и согласные съ законами иного рода, служащими предметомъ другихъ наукъ. Впрочемъ, какого довѣрія заслуживаетъ ученіе, не представляющее подобнаго согласія?.... Можно ль одобрить напр. мнимую политическую экономію, ниспровергающую правила нравственности и порядокъ государственный?....

VI.

в) съ науками физическими и техникою.

Простое влеченіе инстинкта открываетъ животному полезную сторону въ вещахъ, изъ которыхъ образуется, природа его окружающая, и въ его собственныхъ дѣйствіяхъ. Въ этихъ дѣйствіяхъ, наиболѣе удивляющихъ сложностью и отдаленностью цѣли, и въ строеніяхъ бобра, и въ переселеніяхъ ласточки, и въ работахъ пчелы, и въ запасливомъ духѣ муравья, не видимъ слѣдовъ первоначальнаго соображенья и свободы воли; въ нихъ отражается премудрая воля Творца, не сознаваемая животнымъ и непостижимая для насъ. Какъ объяснить иначе увѣренность, мѣткость, съ которою каждое изъ животныхъ, совершенно уединенное и никогда не видавшее себѣ-подобныхъ, совершаетъ эти удивительныя дѣйствія, даже и тогда, когда ничто въ окружающихъ обстоятельствахъ не можетъ служить тому побужденіемъ.

Человѣкъ, напротивъ, познаетъ полезную сторону вещей опытомъ и наблюденьемъ. Чѣмъ лучше изучаетъ онъ законы природы и собственнаго организма, чѣмъ глубже проникаетъ въ таинства міра вещественнаго, тѣмъ болѣе открываетъ въ немъ свойствъ для себя полезныхъ, тѣмъ правильнѣе успѣваетъ направить эти свойства на удовлетвореніе своимъ нуждамъ.

Въ необходимости познанія законовъ природы заключается соотношеніе между науками физиче-

скими, излагающими эти законы, и наукою хозяйства народнаго.

Тамъ, гдѣ оканчиваются изслѣдованія первыхъ, начинаются изъисканія послѣдней. Предъ нами представляется огромная картина разоблаченной природы; нашъ глазъ, наши чувства ощущаютъ т. ск. ея сокровенные процесы; нашъ разумъ открылъ въ нихъ законы и предусматриваетъ возможность дать этимъ процесамъ желаемое направленіе, привесть ихъ къ опредѣленнымъ результатамъ. Тутъ, естественно, мы предлагаемъ себѣ вопросъ: какими путями наша свободно-разумная воля вызоветъ эти результаты, воспользуется открытыми тайнами? и сіи то пути намъ указываетъ политическая экономія, объясняя процесъ, помощью котораго въ обществѣ полезное производится и примѣняется къ удовлетворенью потребностямъ.

Изъ этого сочетанія наукъ физическихъ съ политической экономіей, рождается обширный рядъ знаній или наукъ прикладныхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *техническихъ*, или подъ общимъ наименованіемъ *технологіи*. Доселѣ еще этихъ знаній не привели въ одно стройное цѣлое, не совокупили въ единое тѣло, въ науку; ихъ изложеніе доселѣ предлагается или въ отдѣльныхъ трактатахъ, или въ совокупности чисто механической. Впрочемъ и нельзя искать тѣснѣйшей связи между знаніями, изъ которыхъ каждое основывается на совершенно особенныхъ началахъ, между которыми или нѣтъ, или есть весьма мало общихъ законовъ, и которыя только примѣняютъ къ себѣ законы, составляющіе

предметъ совершенно различныхъ наукъ. Ихъ можно разсматривать каждое отдѣльно какъ науки техническія, или какъ части наукъ, къ которымъ относятся законы природы, составляющіе предметъ ихъ изъисканій.

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, всякое техническое знаніе имѣетъ предметомъ средства, помощію которыхъ человѣкъ, противопоставляя одинъ другому различные законы природы, достигаетъ результатовъ экономическихъ, т. е. полезностей въ надлежащихъ условіяхъ общественнаго потребленія. Если техническія заключенія несогласны съ законами природы, онѣ ложны; если онѣ противорѣчатъ здравымъ законамъ экономическимъ, то хотя и согласны съ природными, не могутъ однако быть примѣнены, и посему превратны. Такъ прикладная химія, прикладная механика, агрономія, металлургія и другія техническія науки, примѣняя къ различнымъ искусствамъ законы, открытые въ физикѣ, химіи, математикѣ, механикѣ, естественной исторіи и т. п., не должны никогда терять изъ виду законы, изложеніемъ которыхъ занимается политическая экономія.

Было время когда не замѣчали и не признавали этой связи между примѣненіемъ наукъ физическихъ и политической экономіей. Тогда не знали даже о существованіи послѣдней, не подозрѣвали законовъ, ею открытыхъ. Тѣмъ не менѣе техническія познанія, а вмѣстѣ съ ними искусства, процвѣтали и надѣляли родъ человѣческій множествомъ полезныхъ результатовъ.

Основываясь на этомъ, ужели можно отвергнуть существованіе этой связи? Науки не было, но законы экономическіе существовали; они существуютъ съ тѣхъ поръ, какъ образовались общества, и люди имъ слѣдовали и будутъ слѣдовать всегда и вездѣ: иначе нельзя допустить дальнѣйшее развитіе образованности. Заблужденія могли совращать общества съ путей, проложенныхъ наукой, замедлять ихъ успѣхи; но еслибъ посреди этихъ колебаній, освѣщенныя опытностью не выходили онѣ по временамъ на стезю настоящую, то какъ могли бы сами возражатели указывать на тѣ проблески истины, на которые опираютъ свое возраженіе? Какіе слѣды образованности можно отъискать между дикими племенами, открытыми на островахъ Полинезіи, гдѣ на дѣятельность человѣка почти не замѣтно вліяніе законовъ экономическихъ?

Что же дѣлаетъ наука?—Объясняя настоящіе законы экономическіе, провозглашая ихъ народамъ, она отвращаетъ заблужденія, замедляющія ихъ образованность; предостерегаетъ ихъ отъ ложныхъ путей; овладѣвая убѣжденьемъ людей, придаетъ ихъ дѣятельности мѣткость и правильность, которыхъ прежде она не имѣла. Прививаясь къ техникѣ, политическая экономія предохраняетъ ее отъ безполезныхъ изъисканій, отъ превратныхъ заключеній, и предлагая ей новыя цѣли, далеко разширяетъ ея предѣлы.

Такъ въ новѣйшія времена, когда наконецъ наука о народномъ хозяйствѣ, разсѣявъ тучи эмпиризма и системъ, ее затмевавшихъ, пролила свѣтлый лучь

истины въ убѣжденіе людей, огромныя открытія ознаменовали искусства человѣческія. Отъ роли скромнаго руководства для мастерскихъ, *техника* вдругъ возвысилась до степени великихъ наукъ. Своимъ блескомъ, своими притязаньями, она затмила даже тѣ науки, на которыхъ основана. Механика чистая сокрылась за механикой прикладной, которая внесла въ міръ одно за другимъ цѣлый рядъ великихъ изобрѣтеній. Бумаго- и льно-прядильныя машины, Жакардовъ станокъ, паровая машина, пароходы, желѣзная дорога — вотъ плоды науки технической, т. ск. возбужденной голосомъ политической экономіи. То-же движеніе отразилось съ тѣхъ поръ и въ прикладной химіи, и въ металлургіи, и въ агрономіи, и въ другихъ вѣтвяхъ технологіи. Какъ не замѣтить въ этихъ огромныхъ успѣхахъ техническихъ наукъ глубокаго вліянія открытій истинныхъ законовъ экономическихъ.

V.

c) съ науками историческими.

Всѣ проявленія свободно-разумной дѣятельности человѣческой принадлежатъ къ прошедшему или настоящему. Былое въ преданіяхъ переходитъ отъ одного поколѣнія къ другому. Знаніе настоящаго распространяется помощію путешествій, расказовъ и описаній. Изложеніе происшествій временъ прошедшихъ, въ порядкѣ систематическомъ и хронологическомъ, образуетъ науку *исторіи*. *Статистика*, приводя въ одно цѣлое разсѣянныя указанія современныхъ фактовъ, излагаетъ настоящее положеніе

народовъ. Съ многочисленными отраслями, каковы археологія, хронологія, этнографія, этимологія и т. п., эти знанія образуютъ отдѣлъ *наукъ историческихъ,* предлагающихъ обширное поле для наблюденій и приложеній наукамъ нравственнымъ вообще, и въ особенности политической экономіи.

Наблюдая то, что происходило и что происходитъ въ жизни общественной, наука о народномъ хозяйствѣ не только открываетъ общую сторону фактовъ, ихъ настоящія причины и выводитъ законы; но этимъ путемъ она можетъ также повѣрить собственные выводы, и, убѣдившись въ ихъ точности, указать народамъ истинные пути для будущаго. Такъ анатомія, разсѣкая трупы, иногда углубляя лезвіе своихъ орудій въ самыя нѣдра жизни, открываетъ настоящіе законы организма и выводитъ результаты драгоцѣнные для нашей гигіены.

Но если экономистъ нуждается въ пособіи *исторіи* и *статистики,* то какъ не согласиться, что знаніе законовъ экономическихъ должно служить важнымъ пособіемъ историку и статистику?

Знанія историческія становятся на степень науки, по-мѣрѣ того, какъ происшествія и явленія, ими предлагаемыя, представляются въ связи философической, съ указаніемъ причинъ, значенія и послѣдствій каждого изъ нихъ; по-мѣрѣ того, какъ онѣ обнаруживаютъ скрытыя соотношенія между фактами, которыя не замѣчаются современниками;—даютъ здравое и полное понятіе о жизни народовъ, не ограничиваясь указаніемъ однѣхъ только проявленій ихъ жизни вещественной, но слѣдя за развитіемъ ихъ жизни внутрен-

ней, проникая въ тайники ихъ духа, гдѣ кроются побужденія, служащія поводомъ къ происшествіямъ. Эту связь, это соотношеніе между внѣшней и внутренней жизнью народовъ, нельзя открыть безъ знанія наукъ нравственныхъ и въ особенности пол. экономіи, которая, предохраняя отъ заблужденій, догадокъ, гипотезъ и эмпирическихъ заключеній, позволяетъ разуму восходить до дѣйствительныхъ причинъ каждого явленія.

Безъ политической экономіи исторія превращается въ простой расказъ о событіяхъ, сохранившихся въ памяти людей или въ современныхъ преданіяхъ, ничего не объясняющій, и который можетъ служить только матеріяломъ для критики исторической. Безъ политической экономіи, статистика есть сухое собраніе чиселъ, механическое совокупленіе фактовъ; если эти числа правильны, если факты существенны, то въ нихъ заключаются матеріялы науки или настоящей статистики.

Многіе писатели, посвятившіе свои труды наукамъ историческимъ, постигли эту необходимость совокуплять съ ними критику, безъ которой простое изложеніе фактовъ не можетъ стать на степень науки. Но не всякій писатель понялъ въ чемъ состоитъ эта критика, и многіе, не опираясь на знаніе наукъ нравственныхъ, предприняли объяснять жизнь народную путемъ простого соображенья. Иные, одаренные умомъ великимъ, со славою совершили предпринятый подвигъ и творенія ихъ поражаютъ насъ глубокостью и часто правильностью заключеній. Но сколько другихъ, при самыхъ блистательныхъ спо-

собностяхъ изложенія, не нашли въ себѣ надлежащихъ условій, для достиженья разультата столь высокого, и только затмили ложнымъ и превратнымъ толкованьемъ тѣ уроки, которыхъ родъ человѣческій ждетъ отъ опытности вѣковъ.

Нынѣ можно принять за аксіому, что всякій, желающій писать исторію или статистику въ собственномъ значеніи слова, долженъ изучить законы экономическіе, составляющіе предметъ науки народнаго хозяйства.

VI.

Важность и польза политической экономіи.

Въ этой связи съ науками нравственными, физическими и историческими, открывается важность и польза науки экономической. Поперемѣнно, то опираясь на другія науки, то ихъ поддерживая, она служитъ однимъ изъ краеугольныхъ камней зданія человѣческихъ познаній. Исторгнуть этотъ камень, значитъ оставить пустоту въ кладкѣ, пошатнуть сосѣднія садки, поколебать прочность всего строенія. Такъ нельзя изъять политическую экономію изъ круга наукъ, не причинивъ важной неполноты, которая ощутится всего болѣе въ наукахъ съ нею смѣжныхъ, въ наукахъ нравственныхъ. Не соображаясь съ политической экономіей, нравоученіе, правовѣдѣніе, эстетика впали бы неминуемо въ гипотезы, неправильные выводы; открыли бы мнимые законы, слѣдуя которымъ, человѣчество не можетъ преуспѣвать въ образованности, потому-что они противо-

рѣчатъ другимъ законамъ его развитія, законамъ экономическимъ.

Какъ нравственно-политическая, наука экономическая принимаетъ важное участіе въ общественной жизни. Внимая ея совѣтамъ, гражданинъ лучше и правильнѣе располагаетъ свою дѣятельность; въ явленіяхъ, вокругъ него происходящихъ, онъ открываетъ значеніе и смыслъ, непостижимые для того, кто незнакомъ съ законами экономическими. Избѣгая сужденій эмпирическихъ, онъ не вдается въ превратныя мнѣнія, которыя могутъ совратить его дѣятельность съ надлежащихъ путей къ достиженію возможнаго обезпеченія собственнаго благосостоянія.

По-мѣрѣ того, какъ внушенія науки экономической распространяются между народами, укореняются въ ихъ убѣжденіи и прививаются къ ихъ дѣятельности—въ послѣдней оказываются важные и благіе результаты. Жизнь этихъ народовъ украшается признаками образованности. Здравое сужденіе каждого о собственномъ и чужомъ интересахъ предотвращаетъ растрату силъ на безпрестанныя столкновенія и несогласія; ясное сознанье цѣлей и средствъ ведетъ къ совокупленію этихъ силъ. Разъединяющее начало взаимныхъ опасеній, недовѣрчивости, ослабѣваетъ и, въ большей части сношеній между членами государства, замѣняется плодотворнымъ началомъ довѣрія. Множество новыхъ узъ присоединяются къ тѣмъ, которыя связываютъ людей въ общества, и въ этихъ узахъ заключается новый залогъ дальнѣйшаго преуспѣянія самихъ обществъ на пути образованности.

Медленно и незамѣтно совершается этотъ процесъ пріобщенія науки къ жизни общественной. Древо познанія не вдругъ пускаетъ корни въ почву убѣжденья; сначала эти корни едва держатся на поверхности и существованіе науки сливается, такъ сказать, съ бытіемъ не многихъ недѣлимыхъ, ее постигающихъ. Вскорѣ начинается дѣйствіе примѣра и подражанія; сперва оно робко и не твердо; первые отпрыски долго глохнутъ посреди предразсудковъ, предубѣжденій, привычекъ; но, согрѣваемые внутреннимъ огнемъ, они не изчезаютъ и, когда неодолимая сила вещей разрушитъ ложное и превратное, мощно пробиваются на свободу, и развертываются во всей полнотѣ.

Истины экономическія, срываясь съ пера великаго писателя, сначала не признаются толпой и проникаютъ только въ убѣжденія немногихъ. Первые послѣдователи часто навлекаютъ на себя упреки или гоненіе современниковъ. Въ ихъ дѣяніяхъ, которыхъ одни не могутъ, другіе не хотятъ понять, многіе видятъ послѣдствія мечтаній, пустыя предположенія. Но, рано или поздно, истина откроется, и тогда начинается безотчетный процесъ подражанія. Такъ мало по малу, въ самыхъ низшихъ слояхъ общества исправляются понятія о вещахъ, уничтожаются заблужденія, слабѣютъ предразсудки отъ вліянія науки, по видимому дѣйствующей прямо на убѣжденія однѣхъ высшихъ сословій, въ которыхъ любознательность можетъ опираться на знанія уже пріобрѣтенныя.

Всего болѣе нуждаются въ знаніи законовъ эко-

номическихъ люди, призванные судьбой, или закономъ государственнымъ, къ управленію народами. Облеченные властью общественной, возвышающей ихъ надъ толпой, они легче другихъ могутъ усмотрѣть, въ дѣятельности обществъ, уклоненія отъ путей настоящихъ и предохранить ее отъ дальнѣйшихъ заблужденій. И для этого имъ нѣтъ необходимости дѣйствовать на убѣжденія, или прибѣгать къ принужденьямъ. Часто простая мѣра административная, скромно и почти незамѣтно осуществленная, ведетъ къ самымъ благимъ результатамъ. Впрочемъ, и кромѣ новыхъ мѣръ, которыя могутъ быть внушены наукой богатства народнаго, какую огромную помощь обрѣтаютъ правители въ этомъ знаніи? . . Оно предохраняетъ ихъ отъ множества заблужденій, ошибокъ; открываетъ имъ настоящія причины множества фактовъ, ихъ занимающихъ; указываетъ вѣрнѣйшія средства къ отвращенію различныхъ неудобствъ, съ которыми они принуждены бороться. Даже не примѣняемая, и тогда, когда ея совѣты раздаются какъ голосъ въ пустынѣ, политическая экономія предлагаетъ драгоцѣнное содѣйствіе людямъ государственнымъ:—они видятъ въ ней критику на существующее, и могутъ судить о тѣхъ недостаткахъ въ устройствѣ общественномъ, которыхъ отвратить не позволяютъ обстоятельства, отъ нихъ не зависящія. Въ такомъ случаѣ, по-крайней мѣрѣ, они могутъ издалека приготовлять благотворныя перемѣны, которыми воспользуется потомство.

VII.

Изъ предшествующихъ соображеній о пользѣ и важности науки народнаго хозяйства естественно рождается вопросъ о ея приложеніяхъ.

Понятіе о политической экономіи прикладной.

Опредѣленный отдѣлъ законовъ міра вещественнаго или нравственнаго, представленный въ систематическомъ порядкѣ и въ отвлеченіи отъ частныхъ измѣненій, образуетъ теорію науки. Примѣненіе этихъ законовъ къ объясненію частныхъ случаевъ и тѣхъ перемѣнъ въ ихъ проявленіи, которыя зависятъ отъ обстоятельствъ, составляетъ практику или приложеніе науки, или, иначе, искусство. Изъ систематическаго описанія порядка примѣненія теоріи къ достиженью какихъ-либо особенныхъ результатовъ, составится наука прикладная.

Въ политической экономіи мы откроемъ всѣ эти три вида знанія. Изъ общихъ законовъ, по коимъ люди стремятся къ обезпеченію своего благосостоянія въ жизни общественной, образуется ея теорія; въ умѣньи прилагать эти законы къ самой дѣятельности общественной, то предписывая ей законы положительные, то принимая различныя мѣры къ облегченію ея правильнаго развитія, заключается искусство политико-экономическое, которое тѣсно сродняется съ политикою или искусствомъ государственнаго управленія; главныя черты этого искусства, изложенныя въ трудѣ аналитическомъ и въ примѣненіи къ различнымъ положеніямъ наро-

довъ, составятъ политическую экономію прикладную.

Есть теоріи, обнимающія въ своихъ отвлеченныхъ выводахъ столь огромные размѣры бытія, что люди, порабощенные минутными впечатлѣніями ихъ окружающими, не видятъ приложенія этихъ теорій. Тотъ, кто привыкъ уважать науку, преклоняется предъ ея высокимъ ученіемъ и постигаетъ, что законамъ столь обширнымъ должно соотвѣтствовать приложеніе вѣковое, котораго слѣдовъ или проявленія мы не можемъ искать вокругъ себя, но которое глубокій мыслитель откроетъ въ исторіи рода человѣческаго. Люди слабые не могутъ вызвыситься до подобнаго сознанія. Одержимые кичливостью полу-знанія, или упрямствомъ лѣниваго невѣжества, они отвергаютъ существованіе того, чего не могутъ уразумѣть, и въ уразумѣніи чего по-видимому не нуждаются. Но лучи истины дѣйствуютъ на міръ подобно лучамъ солнца: преграды, противъ нихъ воздвигаемыя, могутъ только умѣрить ихъ вліяніе, но не всилахъ его уничтожить; благотворная теплота ихъ проникаетъ въ самую глубину убѣжденія людей, наиболѣе омраченныхъ невѣжествомъ, занося повсюду сѣмена образованности.

Что́ можетъ быть выше тѣхъ отвлеченныхъ выводовъ, которые, признавая предѣлы, положенные познавательной силѣ человѣка, признавая необходимость вѣры, успѣли однако ниспровергнуть заблужденья суевѣрія даже въ низшихъ сословіяхъ общественныхъ, гдѣ всего болѣе встрѣчаемъ упорст-

ва въ предразсудкахъ, гдѣ всего слабѣе дѣйствуютъ силы познанія.

Теоретическія истины политической экономіи не могутъ быть отнесены къ этому разряду превыспреннихъ отвлеченностей. Онѣ всѣ выдерживаютъ простую повѣрку здраваго смысла; за ихъ приложеніемъ можно слѣдить ежедневно, на каждомъ шагу въ жизни; ктому-же, онѣ большей частью прививаются къличнымъ интересамъ; признаніе-же тѣхъ, которыя обращаются къ интересамъ общимъ, требуетъ менѣе труда мыслительнаго, нежели безпристрастія и самоотверженія. Многіе, страшась признать выводы противные ихъ частнымъ выгодамъ, отвергаютъ всю теорію: но они отвергаютъ ее безусловно, не входя въ ея разсмотрѣніе, не повѣряя ея анализомъ—отвращеніе къ подобной повѣркѣ легко объясняется внутреннимъ сознаніемъ непобѣдимости истины. Мы не говоримъ здѣсь о тѣхъ, которые не только не изучили науки, но и не могутъ возвыситься до подобнаго изученія.

Противники теоріи, или правильнѣе, противники науки политической экономіи—потому-что гдѣ нѣтъ теоріи, тамъ не можетъ быть науки—въ опроверженіе ея безпрестанно приводятъ мнимую науку *практической* экономіи. Но если мы понимаемъ и признаемъ важность прикладной политической экономіи, опирающейся на теорію, мы не можемъ не только признать такъ называемую практическую экономію, но даже и дать себѣ отчетъ въ ея существованіи, независимомъ отъ теоріи. Не будетъ ли это одно простое собраніе поверхностныхъ взгля-

довъ и выводовъ эмпирическихъ, безъ взаимной связи, представленное, такъ сказать, въ совокупности механической? И если даже, въ числѣ этихъ выводовъ, окажутся правильные, то разумъ слушателя или читателя, жаждущаго познать истину, не можетъ постигнуть ихъ вполнѣ, ни сохранить ихъ въ памяти—онъ лишенъ для того важнаго пособія теоріи, которая служитъ рамой для распредѣленія познаній, безъ уничтоженія связи, между ними существующей.

Въ наукѣ народнаго богатства, какъ во всѣхъ другихъ наукахъ, теорія должна служить основаніемъ приложенья. Кто начинаетъ съ послѣдняго, можетъ впасть въ заблужденія, такъ точно, какъ и всякій, занимающійся прикладной механикой или химіей, долженъ предварительно изучить теорію механики или теорію химіи.

На самомъ дѣлѣ, встрѣчаются иногда люди, удачно занимающіеся какимъ-либо искусствомъ, не зная теоріи науки, служащей ему основаніемъ. Но въ искусствѣ обыкновенно отражается одна только часть законовъ, образующихъ теорію. Силою медленнаго и безотчетнаго пріобщенія науки къ дѣятельности человѣческой, о которомъ выше упомянуто, эти законы могли привиться къ искусству, и путемъ ученичества и подражанья распространиться въ народѣ. Но, при отсутствіи знаній теоретическихъ, лица, отправляющія весьма удачно нѣкоторыя искусства, поражаютъ насъ понятіями односторонними и неполными. Имъ чуждо все, что выходитъ изъ предѣловъ ихъ ремесла, и, не понимая

связи, въ которой законы ими примѣняемые находятся съ другими законами, имъ неизвѣстными, они не только не могутъ подвинуть впередъ искусство, но даже не всостояніи избѣгнуть иногда ошибокъ самыхъ грубыхъ.

Такъ всякій день самые опытные фабриканты и мастера прибѣгаютъ къ совѣтамъ ученаго для объясненія результатовъ, которыхъ не могли предвидѣть по недостатку свѣденій теоретическихъ. Такъ въ администраціи, многія лица весьма способныя для исправленія опредѣленнаго рода обязанностей, не могутъ возвыситься до уразумѣнія высшихъ интересовъ общественныхъ. Иной банкиръ имѣетъ самое полное понятіе о кредитныхъ операціяхъ, но исторгните его изъ этого круга, поставьте его предъ другими разнообразными проявленіями общественной жизни, вся опытность его теряется, онъ впадаетъ въ односторонность, и если одержимъ упрямствомъ и самолюбіемъ, то превращается въ опаснаго совѣтника.

Собственно прикладная политическая экономія состоитъ въ догматическомъ примѣненіи законовъ теоретическихъ къ объясненію результатовъ, которые произошли, происходятъ или могутъ произойти посреди данныхъ обстоятельствъ времени, мѣста и народа. Она обнимаетъ многія вѣтви подобно и другимъ наукамъ прикладнымъ; но, кромѣ того, она должна измѣняться вмѣстѣ съ тремя вышеупомянутыми главными обстоятельствами: временемъ, мѣстомъ и народомъ. Законы экономическіе, въ сущности вездѣ одинакіе, проявляются различ-

но и ведутъ къ различнымъ результатамъ, смотря по смежнымъ съ ними обстоятельствамъ. Отъ этого глубокія различія въ экономическомъ положеніи, не только различныхъ народовъ, но даже одного и того же народа въ различныхъ періодахъ его существованія.

Если примѣнить теорію къ объясненью различныхъ сторонъ экономическаго положенія Англіи, то еще мало будетъ брошено свѣту на тѣ-же вопросы относительно Франціи, или Россіи, и еще менѣе относительно Египта или Китая. Свободно-разумная дѣятельность народная, въ каждомъ изъ этихъ государствъ, находится подъ вліяніемъ обстоятельствъ, совершенно несходныхъ, климата, мѣстоположенія, государственнаго устройства, обычаевъ и вообще образованности. Не удивительно, что и въ ея проявленіяхъ, при всей одинаковости побужденій и средствъ, есть большое несходство, особенно въ направленьи и результатахъ.

Впрочемъ, различая теорію отъ ея приложенія, мы отнюдь не намѣрены ограничиться однимъ сухимъ изложеніемъ первой. Чисто-метафизическія умозрѣнія утомляютъ разумъ и худо врѣзываются въ памяти: факты, приводимые въ подтвержденіе или въ примѣръ, сообщаютъ, такъ сказать, тѣлесность выводамъ чистаго разума, говорятъ краснорѣчивѣе убѣжденію; облегчаютъ соображенія, придаютъ занимательность изложенію науки. Въ нѣкоторыхъ превыспреннихъ теоріяхъ нельзя допустить подобныхъ непосредственныхъ приложеній; ничто не противится тому въ политической экономіи, кото-

рая, излагая законы теоретическіе, можетъ безпрестанно указывать на ихъ отраженіе, какъ въ зеркалѣ, въ исторіи народовъ и въ нашемъ собственномъ быту.

Въ физикѣ, въ химіи, въ механикѣ, въ зоологіи, въ ботаникѣ, въ минералогіи и геологіи, на каждомъ шагу встрѣчаемъ подобныя указанія. Изложивъ законы, наука объясняетъ ихъ примѣненія. Такъ точно и въ наукѣ народнаго хозяйства, и болѣе чѣмъ во всякой другой, изложеніе теоріи можетъ безпрестанно опираться на факты, на событія, касаться главнѣйшихъ приложеній. Этимъ простымъ сочетаніемъ ученій теоретическаго и практическаго, политическая экономія, всего лучше и всего рѣшительнѣе, опровергнетъ возраженія приводимыя противъ ея сущности.

VIII.

Трудности изложенія науки народнаго хозяйства.

Приступая къ изложенію этой науки нельзя не сказать нѣсколько словъ о трудностяхъ, съ нимъ сопряженныхъ.

Въ изслѣдованіи законовъ экономическихъ, съ одной стороны должно бороться съ эмпиризмомъ, который угрожаетъ этой наукѣ болѣе чѣмъ всякой другой. Предметы ея наблюденій намъ такъ близки, такъ, по-видимому, знакомы, что сначала разумъ невольно возстаетъ противъ ученія, которое покушается открыть въ нихъ глубокій смыслъ, тайную связь, о которой мы не помышляли. Самые термины, ею употребляемые, поддерживаютъ насъ въ

этомъ предубѣжденьи. Что́ проще, что́ обыкновеннѣе словъ: трудъ, капиталъ, цѣна, цѣнность, богатство, товаръ, рынокъ и т. п? Ихъ значенье намъ извѣстно съ колыбели; намъ объяснили ихъ наши няньки. Это предубѣжденье, встрѣчаемое и въ старыхъ и въ молодыхъ, много вредитъ распространенью знанія законовъ экономическихъ. Всякій хочетъ толковать факты по своему, и впадаетъ въ нелѣпости, которыя — что́ гораздо хуже — вовлекаютъ въ ошибки. Часто два или болѣе фактовъ экономическихъ развиваются независимо одинъ отъ другого: эмпиристъ видитъ въ нихъ мнимую связь, упорствуетъ въ объясненіи одного другимъ, и предразсудокъ его столь глубокъ иногда, что онъ раздражается противъ науки, которая покушается разрушить его ложное убѣжденье.

Всякому знанію должно предшествовать сомнѣніе. Тотъ, кто ни въ чемъ не сомнѣвается, кто проникнутъ глубокимъ убѣжденіемъ во всѣхъ своихъ мнѣніяхъ, тотъ не долженъ обращаться къ наукамъ, и не для него мы предпринимаемъ это изложеніе, но для людей истинно образованныхъ, которые умѣютъ сомнѣваться, а съ тѣмъ вмѣстѣ и просвѣщаться. Сколько предметовъ, насъ окружающихъ, ежеминутно бываютъ доступны нашимъ ощущеніямъ, а между-тѣмъ ихъ свойство намъ непонятно, пока не изучимъ науки, ихъ объясняющей. Такъ и факты экономическіе, какъ ни близки они къ намъ, становятся однако понятны лишь по-мѣрѣ ихъ изученія.

Въ борьбѣ съ ученіемъ экономическимъ, эмпиризмъ опирается на сильнаго союзника—на личный

интересъ, который часто не согласенъ съ интересомъ общимъ. Политическая экономія, имѣя въ виду одни только интересы общіе, наноситъ иногда чувствительные удары выгодамъ частнымъ, отдѣльнымъ, и возбуждаетъ противъ себя враговъ неумолимыхъ, запальчивыхъ, которые не довольствуются однимъ опроверженіемъ, но присоединяютъ къ нему жестокія преслѣдованія. Доводы этихъ враговъ, подкрѣпляемые эмпирическимъ догматизмомъ, искусно дѣйствуя на струны сходственныхъ интересовъ, завладѣваютъ убѣжденьемъ слабыхъ, и сколько усилій, сколько твердости должно предположить въ наукѣ, чтобъ ей выдержать ихъ бурные и часто коварные натиски.

Изъ внушеній эмпиризма, изъ неправильно понятыхъ общихъ интересовъ, изъ завлеченнаго воображенія, возникли многія системы, жившія и еще живущія въ убѣжденіи современниковъ. Нѣкоторыя изъ нихъ полу-разрушены, разбиты, но дышатъ еще въ обрывкахъ, подобно полипамъ, въ которыхъ жизнь не прекращается разсѣченіемъ на самыя мелкія части. Политическая экономія должна постоянно остерегаться этихъ опасныхъ враговъ, угрожающихъ единству и правильности ея выводовъ.

Эти системы, ею опровергаемыя, сначала волновавшія противъ нея личные интересы, частью изчезнувшія при свѣтѣ истинъ ею открытыхъ, оставили въ ней, такъ сказать, свои жала и навлекли на ея теорію подозрѣнія и обвиненія, которыхъ мы коснулись выше.

Не смотря на всѣ эти препятствія, предубѣжде-

нія и пристрастные возгласы, политическая экономія успѣла утвердиться, какъ наука, какъ сила нравственная, которой болѣе нельзя пренебрегать. Она имѣетъ свои кафедры, откуда можетъ громко и во всеуслышанье отвѣчать возражателямъ; враги ея не сливаются болѣе съ массою народовъ; ихъ можно указать, счесть, а это ужъ есть начало торжества.

Но тутъ ей грозитъ важная опасность отъ самихъ ея сподвижниковъ, и въ особенности отъ тѣхъ которые, будучи поражены блистательной стороной ея выводовъ, принимаютъ ихъ безусловно, не углубляясь въ ихъ значеніе, не прилагая къ нимъ критики собственнаго разума, не восходя до началъ науки; разносятъ эти выводы, подобно знаменамъ, по ратному полю словопренія, и рѣзкостью своихъ заключеній, докторальностью тона, неловкостью объясненія, возбуждаютъ недовѣріе къ самой наукѣ. Какъ правильно можемъ мы повторить вмѣстѣ съ наукой, слова баснописца:

Избави, Боже, насъ отъ этакихъ друзей! . . .

Къ числу этихъ друзей нельзя не причислить и тѣхъ, которые вмѣняютъ себѣ въ воображаемый долгъ излагать свои неполныя и не складныя мнѣнія въ брошюрахъ или книгахъ, годныхъ болѣе для затменія истины, нежели для ея проясненія. Если эти сочиненія отличаются талантомъ изложенія, завлекательностію слога, то ихъ по справедливости можно назвать опасными, не для людей серіозныхъ, знакомыхъ съ началами науки, но для толпы, которая вѣруетъ въ печатное, и которой подобныя книги,

открывая одинъ уголъ истины, но не объясняя въ точности связи между ея различными проявленіями, внушаютъ понятія сбивчивыя и превратныя.

Извѣстный экономистъ *Ж. Б. Се* сказалъ гдѣто, что приступая къ изученію политической экономіи должно забыть все, что о ней знали до того. Устранивъ что́ есть слишкомъ безусловнаго въ этомъ замѣчаніи, согласимся однако, что урывчатыя свѣденія превращаются въ познанія, лишь когда совокупляются съ истиннымъ знаніемъ началъ. Кому не случалось слышать или читать разсужденія о политической экономіи: но отъ этихъ впечатлѣній, поразившихъ разумъ и сохранившихся въ памяти, еще далеко до знанія науки. Чтобъ постичь вполнѣ политическую экономію, ее должно изучать какъ и всякую другую науку, какъ физику, химію, математику, восходить отъ началъ къ послѣдствіямъ и заключеніямъ.

Можно, конечно, повѣрить ея выводамъ на слово, безъ разсужденія; какъ всякій принужденъ вѣрить въ выводы другихъ наукъ, которыхъ не успѣлъ изучить. Но тому, кто принимаетъ безусловно заключенія предлагаемыя ему ботаникой или анатоміей, никогда не можетъ прійти странная мысль выдавать себя за новаго Линнея или свѣдущаго анатомиста. Такъ точно простое знаніе выводовъ политической экономіи можетъ быть весьма полезно въ жизни; но становится вреднымъ когда полу-ученые, схватившіе его мимоходомъ, поверхностно, безъ дальнѣйшихъ наблюденій и изученій, ставятъ себя на

пьедесталъ истинныхъ экономистовъ и мечтаютъ предписывать законы міру.

Въ послѣднее время политическая экономія, отбиваясь отъ эмпиризма, внушенія личныхъ интересовъ, ложнаго ученія системъ и полу-познаній, вдругъ встрѣтила сильное противоборство въ самомъ нѣдрѣ науки, въ кругу своихъ сильнѣйшихъ поборниковъ, которые, собственными руками подкрѣпивъ это зданіе, нынѣ силятся, но тщетно, его пошатнутъ. Мы говоримъ о тѣхъ, которые упрекаютъ политическую экономію въ преданіи забвенію началъ *добраго*, для исключительнаго посвященія дѣятельности человѣческой началамъ *полезнаго*. Самое блистательное выраженіе этого мнѣнія должно искать въ твореніяхъ *Сисмонди* и писателей его школы. Поразившись развитіемъ нищеты въ государствахъ, гдѣ наиболѣе замѣтно знаніе законовъ экономическихъ, гдѣ родилась самая наука экономическая, и гдѣ подъ ея вліяніемъ наиболѣе оказалось успѣховъ въ богатствѣ народномъ, они приписываютъ этому вліянію бѣдствія, столь краснорѣчиво ими описанныя.

Этого упрека не заслуживаетъ политическая экономія. Излагая законы, на которыхъ утверждается благосостояніе народное, она отнюдь не отвергаетъ и не забываетъ законовъ нравоученія. Напротивъ, между нею и моралью существуетъ глубокая связь, какъ и вообще между науками нравственными. Но родъ человѣческій не руководствуется однѣми побужденіями къ *доброму:* напротивъ, въ немъ сильнѣе дѣйствуютъ побужденія къ *полезному*. Науку,

исключительно посвященную разсмотрѣнію свойства послѣднихъ, ихъ оттѣнковъ, ихъ проявленія въ обществахъ, нельзя упрекать, если она разсматриваетъ другія побужденія нравственныя, какъ постороннія, только для сохраненія гармоніи въ общей игрѣ свободно-разумной дѣятельности людей. Отказать въ этомъ правѣ политической экономіи значитъ низложить ее какъ науку, лишить ее самобытности.

Что же касается до нищеты, или такъ называемаго пауперизма, котораго развитіе приписываютъ вліянію политической экономіи, то это есть одинъ фактъ, явленіе въ жизни народной, огромное, конечно, но котораго причины и свойства вполнѣ объясняются наукой. Изъ того же, что это явленіе есть анормальное, противное законамъ экономическимъ, мы не можемъ заключить о несправедливости этихъ законовъ, такъ точно, какъ изъ анормальнаго движенія кометъ нельзя вывести никакого заключенья противъ законовъ астрономическихъ. Напротивъ, углубляясь только въ изученіе народнаго хозяйства, откроемъ мы средства не только къ объясненію анормальностей насъ поражающихъ, но также къ ихъ отвращенію, когда онѣ сопряжены съ бѣдствіями народными. Такъ мы убѣдимся, что пауперизмъ не только не есть послѣдствіе ученія экономическаго, но что, напротивъ, его должно приписать еще недостаточному укорененію законовъ экономическихъ въ убѣжденіи современниковъ, уклоненію ихъ дѣятельности отъ этихъ законовъ разными препятствіями, противъ которыхъ ежедневно возстаетъ наука народнаго хозяйства.

Мнѣніе *Сисмонди* и его послѣдователей имѣло бы тѣнь справедливости, еслибъ они указали гдѣ-либо полное примѣненіе на самомъ дѣлѣ всѣхъ законовъ экономическихъ, и подлѣ этого примѣненія язву пауперизма. Но еще нигдѣ не видимъ полнаго осуществленія экономическаго порядка, такъ какъ его понимаетъ наука,—напротивъ, вездѣ еще господствуютъ старинныя постановленія, плодъ заблужденій и предразсудковъ временъ прошедшихъ, а вы ужъ упрекаете науку въ ложныхъ указаніяхъ, вы приписываете ей бѣдствія, для отвращенія которыхъ она открываетъ единственный путь, вы ее отвергаете. Не значитъ-ли это, указавъ бездну подъ ногами странника, вырвать у него посохъ, и, лишивъ его послѣдней опоры, отнять всякое средство къ спасенію? . . . . .

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПРОИЗВОДСТВО БОГАТСТВА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О БОГАТСТВѢ ВООБЩЕ.

1. ПОТРЕБНОСТИ.

Чувство потребностей овладѣваетъ человѣкомъ у порога жизни и не покидаетъ его до могилы. Подобно всѣмъ другимъ существамъ одушевленнымъ, онъ влачитъ цѣпи организма, и нужды тѣлесныя ежеминутно напоминаютъ ему о тяжкой зависимости бытія земнаго. Къ нимъ присоединяются другія потребности разряда высшаго: однѣ съ ними сливаются, ихъ облагороживаютъ и возвышаютъ; другія рождаются изъ побужденій, которыхъ начало кроется въ духовной половинѣ его природы. Въ столкновеніи свободно-разумной дѣятельности множества недѣлимыхъ, въ сношеніяхъ общественныхъ еще таится другое начало потребностей и желаній самыхъ разнообразныхъ.

Нѣкоторая послѣдовательность замѣтна въ развитіи потребностей человѣческихъ. Въ младенцѣ, на-

прасно будемъ искать ихъ сознанія; онъ ощущаетъ ихъ безотчетно, смутно, подобно животному неразумному; въ его плачѣ, его крикахъ раздается вопль природы; еще не слышенъ голосъ разсудка. По мѣрѣ раскрытія способности познавательной, въ потребностяхъ начинаютъ проявляться слѣды соображенія, и скоро пробивается идея лучшаго. Онѣ размножаются и развѣтвяются, смотря какъ расширяется кругъ познаній; ростутъ и обозначаются вмѣстѣ съ укрѣпленіемъ силъ умственныхъ и нравственныхъ. Чѣмъ болѣе воспитаніе, вліяніе примѣра, обычаевъ, просвѣщенія, разлитаго въ народѣ или сословіи содѣйствуютъ развитію послѣднихъ, тѣмъ болѣе обширности, полноты и разнообразія оказывается и въ самихъ потребностяхъ. Душа человѣка можетъ быть уподоблена музыкальному инструменту: образованіе настроиваетъ въ ней множество струнъ, которыя безъ него оставались бы въ вѣчномъ безмолвіи.

Исчислить эти струны невозможно. О степени развитія потребностей мы судимъ только по сравненію; ему нельзя ни указать, ни положить предѣловъ. Идея лучшаго, однажды пробужденная, вездѣ и всегда сопутствуетъ человѣку. Порою, она устремляетъ его волю въ пути ложные; порою, замираетъ, но пробуждается при первомъ благопріятномъ обстоятельствѣ. Далеко отъ потребностей дикаго островитянина Полинезіи до потребностей, ощущаемыхъ Европейцемъ: но если въ первомъ расшевелить познавательныя силы, если дать настроиться въ его душѣ струнамъ, нынѣ огрубѣ-

лымъ и нѣмымъ,—въ немъ породится немедленно множество новыхъ потребностей, о которыхъ теперь онъ и не помышляетъ.

Въ этомъ стремленіи къ лучшему, безпрестанно вызывающемъ въ насъ новыя потребности, которыя разростаются сами собою, физіологія открываетъ главную отличительную черту человѣчества, философъ видитъ первое условіе его усовершимости.

2. понятіе о полезномъ.

Всякая потребность есть или *послѣдствіе* или *причина* какого либо недостатка въ бытіи человѣка; *предполагаетъ* или *открываетъ* отсутствіе какого либо условія его полноты существенной или воображаемой. Въ первомъ случаѣ, потребность пробуждается обстоятельствами, отъ воли человѣка не зависящими, изъ круга природныхъ или общественныхъ, и дѣйствуетъ какъ *нужда*. Во второмъ, она беретъ начало въ побужденіяхъ собственной воли человѣка, подъ однимъ только вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, и дѣйствуетъ какъ *желаніе*.

Нужды представляютъ различную степень настоятельности, смотря по недостатку, который ихъ причиняетъ: во всякомъ случаѣ, пока длится недостатокъ, человѣкъ ощущаетъ томленіе, скорбь, страданіе. Иногда онъ можетъ долго терпѣть это непріятное чуство, не изнемогая подъ бременемъ лишеній; но есть нужды, требующія удовлетворенія безотлагательнаго, немедленнаго осуществленія того условія, безъ котораго должна прекратиться самая жизнь. Вооружась терпѣніемъ можно долго обхо-

диться безъ опрятной и приличной одежды, покойнаго жилища, разнообразной пищи, и множества другихъ условій жизни счастливой и покойной въ кругу собратій; но лишите насъ воздуха на нѣсколько минутъ или пищи на нѣсколько дней, заставьте провести одну ночь на морозѣ безъ крова, не подайте помощи въ часъ недуга—и мы погибнемъ.

Такъ и желанія: зарождаясь внутри самого человѣка, то въ чувственной, то въ душевной половинѣ его природы, то въ разумѣ, то въ воображеніи, то въ страстяхъ, дѣйствуютъ съ силою различною: иногда говорятъ въ насъ покойно и умѣренно, не заглушая совѣтовъ разсудка; иногда, напротивъ, проявляются бурно и пламенно и вдругъ становятся на степень нужды самой настоятельной. Многія изъ нихъ, и даже изъ самыхъ пылкихъ, могутъ и часто должны оставаться безъ удовлетворенія посреди жизни общественной: тѣмъ не менѣе всякое неудовлетворенное желаніе сопровождается нѣкоторымъ болѣзненнымъ чувствомъ. Намъ непріятно ощущать отсутствіе условія нашего довольства, условія, можетъ быть не совсѣмъ необходимаго, даже излишняго, о которомъ мы однако мечтаемъ, къ которому стремимся.

Пораженные мрачною стороною потребностей, томленіемъ, которое предшествуетъ ихъ сознанію и которое неразлучно съ ихъ тщетностью, Діогенъ и его послѣдователи принимали за идеалъ счастія отсутствіе нуждъ и желаній. Всѣ усилія ихъ ученія клонились къ тому, чтобъ освободить человѣка отъ ига потребностей, и приблизить его къ состоянію тѣла неодушевленнаго. Но не смотря на

самоотверженіе, съ которымъ киники старались поддержать свой софизмъ, прилагая примѣръ къ совѣтамъ, ихъ ученіе къ счастію не имѣло успѣха. Опираясь на фактъ справедливый, на тягостное ощущеніе, сопровождающее всякую неудовлетворенную потребность, эта школа забывала что наслажденіе, приносимое удовлетвореніемъ потребностей, перевѣшиваетъ тягость ихъ сознанія, а еще болѣе то, что по сущности своей человѣкъ долженъ безпрестанно совершенствовать самого себя, и что нельзя допустить въ немъ усовершимости, заключивъ его въ тѣсный кругъ немногихъ нуждъ, которыхъ невозможно избѣгнуть. Гораздо правильнѣе судили стоики, допускавшіе это развитіе во всей его полнотѣ, но подъ скипетромъ разума и въ постоянной покорности его внушеніямъ.

Идею *блага* или *полезности* должно естественно относить ко всему, что отвращаетъ недостатокъ, порождающій въ насъ нужду или желаніе; ко всему, въ чемъ содержится условіе нашего довольства; короче, ко всему тому, что можетъ служить къ удовлетворенію нашихъ потребностей.

Въ значеніи безусловномъ, мы не можемъ постигнуть во всей полнотѣ *блага* или *полезности*. Ограниченность нашихъ познавательныхъ силъ, съ одной стороны заглушая въ насъ самихъ иныя понятія о лучшемъ, изъ которыхъ рождаются потребности, съ другой, не позволяя намъ отличать полезнаго свойства множества предметовъ, будетъ всегда къ тому преградою неодолимою. Восходя до высшихъ отвлеченностей, умъ убѣждается, что въ тво-

реніи нѣтъ ничего безполезнаго, что премудрость Создателя связала все существо тѣсными узами; но эти узы для насъ сокрыты. Наши наблюденія могутъ слѣдить за безконечною нитью творенія; но, при всѣхъ усиліяхъ умозрѣнія и учености, намъ не открыть множества такихъ полезностей, которыхъ отсутствіе однако причинило бы важное разстройство въ нашемъ бытіи. Правда, кругъ нашихъ познаній расширяется и, по временамъ, въ него входятъ открытія важныя, озаряющія благодѣтельнымъ свѣтомъ дѣятельность людей; но сколько законовъ, сколько элементовъ въ природѣ и въ насъ самихъ еще покрыты завѣсою неизвѣстности. Вотъ почему для насъ понятіе о полезномъ всегда останется *условнымъ:* человѣкъ признаетъ полезность въ данномъ предметѣ тогда только, когда, съ одной стороны, ощущаетъ потребность ей соотвѣтствующую; съ другой, постигаетъ соотношеніе, между этою потребностію и этимъ предметомъ существующее. Подъ этимъ только двоякимъ условіемъ, понятіе полезности становится на степень *интереса* и побуждаетъ людей къ ея пріобрѣтенію и употребленію.

Что люди не всегда правильно усматриваютъ полезность; что во множествѣ случаевъ они заблуждаются въ самомъ свойствѣ своихъ потребностей и увлекаются грубыми инстинктами или страстями, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Тогда они руководятся мнимыми, или только минутными, интересами, которымъ часто приносятъ въ жертву свое будущее благосостояніе. Опытность, разсудительность, добродѣтель во всѣхъ положеніяхъ общественныхъ

дѣйствуютъ въ противную сторону и, указывая человѣку на его настоящіе интересы, уклоняютъ его дѣятельность отъ путей ложныхъ и опасныхъ. Другой цѣли не имѣютъ науки нравственно-политическія, которыя суть не что иное, какъ систематическое изложеніе выводовъ вѣковой опытности народовъ. Тамъ, гдѣ наиболѣе господствуетъ началъ, ими усмотрѣнныхъ и доказанныхъ, наиболѣе также господствуетъ между людьми здравыхъ понятій объ истинно-полезномъ.

Иногда человѣкъ ощущаетъ потребность и вокругъ него нѣтъ недостатка въ полезностяхъ, ей соотвѣтствующихъ; но будучи не въ состояніи ихъ постигнуть, онъ ихъ отвергаетъ или пренебрегаетъ ими. Такъ дитя отталкиваетъ лекарство, которое должно возвратить ему здоровье. Иной поселянинъ, погруженный въ невѣжество, терпитъ отъ голода и, по суевѣрію, не рѣшается воспользоваться питательнымъ свойствомъ картофеля, ему предлагаемаго. Дикій островитянинъ страждетъ отъ наготы и, для предохраненія своего тѣла отъ жестокаго уязвленія мустиковъ, обливаетъ себя масломъ, не соглашаясь принять удобную одежду Европейца. Множество полезныхъ обычаевъ, которымъ слѣдуютъ одни народы, не только неизвѣстны, но даже противны другимъ, еще стоящимъ на нисшей степени образованія. Интересы, живущіе въ одномъ мѣстѣ, чужды и непонятны въ другомъ.

На эти различія, не менѣе важное вліяніе имѣютъ мѣстныя обстоятельства пространства, климата, времени. Въ странѣ холодной, мы нуждаемся въ теплой

одеждѣ; но она становится для насъ безполезною подъ тропиками. Когда раздается громъ брани, или когда мы путешествуемъ въ пустынѣ, гдѣ на каждомъ шагу угрожаетъ нападеніе врага, мы нуждаемся въ оружіи, но тотчасъ бросаемъ его, вступая въ дружескій кругъ. Тысячи желаній насъ преслѣдуютъ въ юности; умолкаютъ въ лѣтахъ зрѣлыхъ и въ старости. То, что полезно въ одномъ мѣстѣ, въ однѣхъ рукахъ, и при данныхъ обстоятельствахъ, перестаетъ быть полезнымъ и возбуждать интересъ, когда эти обстоятельства измѣнятся.

И такъ, полезность есть не только понятіе условное, но также относительное. Она измѣняется по обстоятельствамъ внѣшнимъ, по степени образованія умственнаго и нравственнаго. Есть полезности общія всему роду человѣческому, всѣми людьми равно признаваемыя; другія-же общи только одному народу. Въ самихъ народахъ, однѣ сословія признаютъ полезности, часто непонятныя другимъ сословіямъ. Наконецъ, всякій человѣкъ, всякое недѣлимое (individuum) можетъ разсматривать, какъ полезные для себя, предметы, въ которыхъ не заключается никакой пользы для другихъ.

Значеніе *блага* или *полезности* нельзя ограничить тѣснымъ кругомъ вещественности. Не нужно глубокихъ и продолжительныхъ умствованій, чтобы убѣдиться, что кромѣ благъ *внѣшнихъ, вещественныхъ*, люди сильно нуждаются въ благахъ *внутреннихъ, невещественныхъ*. Мы страдаемъ также отъ недостатка здоровья, познаній, добрыхъ привычекъ. Обладаніе этими благами внутренними для насъ столь

же важно, какъ и внѣшними и, почему не сказать того, еще важнѣе: въ нихъ заключается одно изъ самыхъ существенныхъ условій пріобрѣтенія и сохраненія благъ внѣшнихъ (*).

Какъ тѣ, такъ и другія служатъ къ обезпеченію покойнаго и счастливаго существованія: различіе между ними единственно въ ихъ бытѣ. Блага, или полезности, внѣшнія заключаются въ вещахъ, съ ними длятся, съ ними уничтожаются; блага, или полезности, внутреннія представляются въ тѣсномъ совокупленіи съ самимъ человѣкомъ и не имѣютъ существованія отъ него отдѣльнаго, независимаго: отъ этого ихъ существенность ускользаетъ отъ наблюденія. Но, чтобы она сдѣлалась разительною, довольно предположить отсутствіе одного изъ этихъ благъ: кто не согласится скорѣе потерять весь свой достатокъ, нежели зрѣніе; что сталось бы съ нами, если бы вдругъ наша память утратила тѣ знанія и ту опытность, которыя мы снискали долголѣтнимъ трудомъ. Эти блага неосязаемы, неизмѣримы: но въ нихъ заключается часть нашего бытія, и онѣ тѣмъ для насъ драгоцѣннѣе.

3. понятіе о цѣнности.

Признавъ полезность, человѣкъ, подстрекаемый потребностію, естественно стремится ее себѣ усвоить: онъ видитъ въ ней условіе своего благосо-

(*) *Шторхъ* прежде другихъ экономистовъ хорошо постановилъ аналогію между благами внѣшними и внутренними (См. его *Cours d'économie politique t.* 1). Въ послѣднее время *Дюнойе (Dunoyer)* подкрѣпилъ эту аналогію подробнымъ анализомъ въ своемъ сочиненіи: *De la liberté du travail; ed. Guillaumin; Paris 3 volumes in* 8°.

стоянія, своего довольства, и въ этомъ состоитъ то побужденіе, которому мы дали названіе *интереса*. Чѣмъ легче человѣкъ можетъ усвоить себѣ благо, въ которомъ нуждается, тѣмъ лучше для него: тѣмъ скорѣе и тѣмъ удобнѣе онъ избавится отъ недостатка, который его безпокоитъ, удручаетъ или огорчаетъ.

Вникая въ свойство благъ, или полезностей, мы видимъ, что для пріобрѣтенія или усвоенія иныхъ довольно одного желанія; а нѣкоторыя даже не требуютъ этого простаго утружденія нашей воли, если можно желаніе назвать утружденіемъ. Провидѣніе предоставляетъ ихъ людямъ совершенно готовыми, и они могутъ ими пользоваться безъ всякаго усилія съ своей стороны, не вовлекая себѣ подобныхъ ни въ какія пожертвованія. Всѣ люди, безъ изключенія, при самомъ рожденіи получаютъ въ удѣлъ нѣкоторое количество благъ внѣшнихъ и внутреннихъ; каждаго природа надѣляетъ силами тѣлесными и душевными; для всѣхъ разлита неистощимая атмосфера, горятъ благотворные лучи солнца, льется вода въ рѣкахъ и ручьяхъ.

Подлѣ этихъ благъ, которыми человѣкъ пользуется даже и тогда, когда ихъ не признаётъ или не цѣнитъ, благъ *безмездныхъ и естественныхъ*, (*) мы видимъ множество другихъ, изъ числа необходимѣй-

(*) Нѣкоторые экономисты раздѣляютъ блага на *неограниченныя* и *ограниченныя*. Послѣдній терминъ можетъ быть отнесенъ ко всѣмъ благамъ пріобрѣтеннымъ, потому что всѣ онѣ быстро или медленно разрушаются потребленіемъ и всѣ представляются въ количествѣ, которое можно опредѣлить. Терминъ *неограниченный* не приличествуетъ всѣмъ благамъ природнымъ и безмезднымъ: между ними многія истощаются въ срокъ болѣе или менѣе продолжительный, и часто отличаются рѣдкостію.

шихъ, которыя становятся ему доступны, только благодаря его собственной дѣятельности. Для ихъ усвоенія мало одного желанія: необходимы усилія. Надлежитъ одолѣть, отвратить препятствія, ихъ отъ насъ отдѣляющія. Пища для насъ столь же необходима какъ и воздухъ, но первая не расточается намъ природою съ такою щедростію, какъ послѣдній: мы принуждены ее отыскивать, добывать. Сколь ни удивительно приспособленъ нашъ организмъ, сколь ни богатъ онъ элементами нравственными, мы не находимъ въ немъ ни познаній, ни искусствъ, ни опытности, въ которыхъ нуждаемся: снисканіе этихъ внутреннихъ благъ предполагаетъ усилія съ нашей стороны. Непредвидимыя обстоятельства могутъ разстроить наши силы тѣлесныя, лишить насъ здоровья; его возстановленія не всегда можно ожидать отъ одной природы: попеченія искусства необходимы. Для отличія отъ благъ естественныхъ, готовыхъ или даровыхъ, тѣмъ благамъ, въ доставленіи которыхъ людямъ участвуетъ ихъ собственная дѣятельность, дадимъ названіе благъ *пріобрѣтенныхъ* или *произведеній*.

Отъ трудности добыванія предмета, въ которомъ признана полезность, зависитъ его *цѣнность*.

Понятіе *цѣнности* не должо смѣшивать съ тѣмъ, что можно назвать *сравнительною важностію полезности*. (*) Послѣднее, въ примѣненіи къ данному предмету, всегда будетъ зависѣть отъ его потреби-

---

(*) *Адамъ Смитъ* различаетъ двѣ цѣнности: *цѣнность потребительную* и *цѣнность мѣновую*. Послѣднею мы займемся ниже. Первой онъ придаетъ обширное значеніе *полезности*. Для ясности, кажется

тельности, или способности служить къ удовлетворенію потребности болѣе или менѣе настоятельной. Но, въ числѣ благъ естественныхъ, многія представляютъ высшую степень полезности и, между тѣмъ, не имѣютъ никакой цѣнности. Между благами пріобрѣтенными наиболѣе цѣнности видимъ не на сторонѣ тѣхъ, въ которыхъ наиболѣе заключается полезности. Нигдѣ человѣкъ не можетъ обойтись безъ хлѣба; гораздо менѣе онъ нуждается въ золотѣ и серебрѣ: вездѣ однако послѣднія цѣнятся выше перваго. Никакого сравненія не допускаетъ полезность алмаза съ полезностію желѣза: первый удовлетворяетъ потребностямъ наименѣе настоятельнымъ; безъ втораго, люди лишились бы множества важнѣйшихъ элементовъ своего благосостоянія: между тѣмъ, какая разность въ относительной цѣнности того и другаго.

Пока не измѣнится сущность вещи то вслѣдствіе ея обвѣтшанія, то вслѣдствіе потребленія, и пока не прекратится потребность ей соотвѣствующая, —полезность всегда остается при ней и отнюдь не зависитъ отъ цѣнности, которую эта вещь имѣетъ въ глазахъ людей. Она не увеличивается когда цѣнность возрастаетъ, не уменьшается когда цѣнность упадаетъ или даже вовсе исчезаетъ. При данныхъ обстоятельствахъ, положимъ въ 6 руб. цѣнность четверти пшеницы; положимъ, также что этой чет-

---

лучше оставить *цѣнности* значеніе исключительно ей свойственное. Въ моемъ изложеніи она всегда будетъ выражать полезность, которой пріобрѣтеніе сопряжено съ трудностями, и не будетъ ни въ какомъ случаѣ относиться къ благамъ природнымъ и безмезднымъ, которыя безъ всякого усилія достаются людямъ.

верти довольно для прокормленія, въ теченіи мѣсяца, четырехъ человѣкъ. Если обстоятельства измѣнятся, если напр. усилится трудность добывать хлѣбъ, цѣнность четверти возрастетъ до 8 руб.: этимъ нимало не увеличится полезность и, по прежнему, она будетъ достаточна только для прокормленія четырехъ человѣкъ. Противное можетъ произойти: въ добываніи хлѣба окажется облегченіе или изобиліе и цѣнность четверти понизится до 4-хъ рублей: этимъ не уменьшится ея полезность. Она сохранилась бы во всей полнотѣ, даже и въ томъ случаѣ, еслибъ хлѣбъ потерялъ всю свою цѣнность и сдѣлался доступенъ людямъ, какъ воздухъ или вода, которую стóитъ только зачерпнуть въ рѣкѣ.

Но если полезность есть качество независимое отъ цѣнности, то цѣнность, напротивъ, есть качество въ высшей степени подчиненное полезности. Послѣдняя можетъ существовать отдѣльно во множествѣ предметовъ, никакой цѣнности неимѣющихъ или ее утратившихъ. Цѣнность исчезаетъ, едва прекратится полезность или потребительность предмета, въ которомъ она оказалась. По сему можно сказать, что основаніе цѣнности заключается въ полезности; что оно есть качество исключительно свойственное предметамъ полезнымъ или потребительнымъ, но оказывается въ нихъ только по мѣрѣ трудности, сопряженной съ ихъ пріобрѣтеніемъ. Съ одной стороны полезность, съ другой, трудность добыванія— вотъ два условія, изъ сокупности которыхъ въ какомъ либо предметѣ образуется цѣнность: ея не можетъ быть тамъ, гдѣ нѣтъ одного изъ этихъ условій.

Воздухъ необходимъ для поддержанія жизни и въ немъ заключается полезность огромная; но воздухъ не имѣетъ цѣнности для людей потому, что его усвоеніе не требуетъ съ ихъ стороны никакого усилія. То-же самое должно замѣтить о бо́льшей части природныхъ благъ въ равной мѣрѣ доступныхъ всѣмъ людямъ; онѣ не имѣютъ цѣнности именно потому что не нужно одолѣвать никакого препятствія для пользованія ими. Всѣ произведенія промышлености, напротивъ, стоятъ болѣе или менѣе усилій человѣку: но, чтобъ имѣть цѣнность, онѣ должны соотвѣтствовать какой либо потребности и имѣть полезность. Мѣховая одежда есть плодъ издержекъ и труда, но въ странѣ тропической она не имѣетъ полезности, и утрачиваетъ свою цѣнность. Иголка есть результатъ цѣлой серіи операцій; довольно упустить одну изъ нихъ, чтобы лишить это произведеніе всей его полезности и уничтожить его цѣнность: гдѣ и когда цѣнили иголки безъ ушковъ, не закаленыя или не заостреныя?

Придайте каждому изъ этихъ предметовъ условіе ему недостающее и въ немъ окажется неминуемо цѣнность. Заключите человѣка въ смрадную темницу, куда воздухъ скупо проникаетъ, и воздухъ, которымъ онъ не дорожилъ на свободѣ, вдругъ получитъ для него цѣнность огромную: несчастные узники развѣ не платятъ большихъ суммъ тюремщикамъ за одно дозволеніе подышать свѣжею атмосферою и взглянуть на свѣтлое небо. Стаканъ воды у рѣки не имѣетъ цѣнности: въ степи африканской странникъ готовъ купить его цѣною крови.

Подъ экваторомъ шуба не имѣетъ цѣнности потому, что ей не соотвѣтствуетъ тамъ приличная потребность: перенесите ее подъ 80° Ш., и тамъ окажется въ ней полезность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и цѣнность. Изготовьте иголку какъ слѣдуетъ, и ваши усилія не будутъ тщетны: вмѣстѣ съ полезностію, вы придадите этому произведенію и цѣнность.

4. цѣнность мѣновая.

Въ жизни общественной, пріобрѣтенныя полезности, утратившія для владѣтеля прямую потребительность, не всегда однако съ тѣмъ вмѣстѣ утрачиваютъ свою цѣнность. Благодаря сношеніямъ, которыя естественно установляются между различными членами общества, онъ можетъ найти охотника взять эти полезности въ обмѣнъ за другія, въ которыхъ нуждается. Если напр. у одного оказался избытокъ въ хлѣбѣ, у другаго избытокъ въ ткани служащей, для одежды и если первый напротивъ терпитъ недостатокъ въ ткани, второй въ хлѣбѣ, ясно что они могутъ обмѣняться своими избытками съ выгодою обоюдною. Пріобрѣтенныя полезности способныя къ подобнымъ обмѣнамъ, по недостатку *цѣнности прямой* или *потребительной*, всегда имѣютъ для владѣтеля *цѣнность косвенную* или *мѣновую*.

Выгода обоюдныхъ обмѣновъ не можетъ долго укрываться отъ вниманія людей. Внушаемая простымъ соображеніемъ здраваго смысла, она усматривается на самыхъ нисшихъ ступеняхъ общественности; слѣды обмѣновъ открыты между дикими; они становятся замѣтнѣе по мѣрѣ успѣховъ

образованности и, въ особенности, по мѣрѣ распространенія въ народахъ понятій о собственности; мало по малу, изъ сдѣлокъ случайныхъ, мѣна превращается въ обычай, и въ ея водвореніи и распространеніи заключается одно изъ важнѣйшихъ преимуществъ совокупленія людей въ общества, главное условіе преуспѣянія этихъ обществъ. Человѣкъ одинокій, стремясь собственными силами одолѣть всѣ препятствія, отдѣляющія отъ него полезности, въ которыхъ онъ нуждается, изнемогъ бы въ борьбѣ, или вѣчно влачилъ бы жизнь скудную наслажденіями, обильную лишеніями и отчаянными заботами:—въ быту общественномъ, всякій удачнѣе направляетъ свои усилія на одолѣніе какого либо одного препятствія, предоставляя одолѣніе другихъ своимъ собратіямъ, и результаты этихъ усилій, пріобрѣтенныя полезности,-обезпеченные каждому дѣлателю правомъ собственности, путемъ обмѣновъ распредѣляются между всѣми, принимавшими въ нихъ участіе. Такъ объясняется интересъ, побуждающій людей посвящать свою дѣятельность пріобрѣтенію полезностей, не имѣющихъ для нихъ прямой цѣнности потребительной, напримѣръ монеты, которую всякій изъ насъ употребляетъ единственно для обмѣна на разные предметы потребленія.

Чтобы какая либо вещь имѣла цѣнность мѣновую, не довольно одного признанія ея полезности человѣкомъ, которому она принадлежитъ, и которому ея пріобрѣтеніе стоитъ или стояло бы великихъ усилій. Для него она можетъ имѣть высокую цѣнность потребительную, и вовсе не имѣть никакой

полезности, а слѣдовательно и цѣнности, для другихъ. Подобныя полезности не могутъ служить предметомъ обмѣна; ихъ цѣнность не выходитъ изъ тѣснаго круга личности, гдѣ только ей соотвѣтствуетъ условіе, безъ котораго она не можетъ существовать. Такъ мы привязываемся къ вещамъ, съ которыми неразлучно воспоминаніе для насъ священное, къ портрету матери, къ локону невѣсты, къ старой одеждѣ друга, и эти предметы, совершенно безполезные для другихъ, имѣютъ для насъ цѣнность высокую (pretium affectionis): они удовлетворяютъ живѣйшей потребности нравственной и потеря ихъ была бы невознаградима. Люди дорожатъ иногда, по привычкѣ, обвѣтшалыми пожитками совершенно негодными; приписываютъ много цѣнности разнымъ орудіямъ, снадобьямъ, письмамъ, собственнымъ произведеніямъ, потому что сдѣлали, или готовы сдѣлать, множество усилій для ихъ составленія или сохраненія. Но все это суть цѣнности чистопотребительныя. Мѣновыми онѣ станутъ только въ томъ случаѣ, если въ нихъ окажется какая либо полезность для другихъ членовъ общества.

Вещи, соединяющія въ себѣ цѣнность потребительную и мѣновую, способныя служить какъ для пользованія такъ и для обмѣна, утрачиваютъ послѣднюю способность, вполнѣ или частію, когда обращаются владѣтелемъ на удовлетвореніе его потребностей. Потребленіе измѣняетъ сущность вещи, разлагаетъ элементы, изъ особеннаго соединенія которыхъ образовалась ея полезность и,

уничтожая послѣднюю быстро или медленно, дѣйствуетъ такимъ же образомъ и на ея цѣнность. Провизія, купленная на одномъ рынкѣ и перенесенная на другой, не утрачиваетъ своей мѣновой цѣнности; но разъ поступивъ въ кухню покупателя, она имѣетъ одну только цѣнность потребительную, которая сама изчезаетъ вмѣстѣ съ яствами, изъ этой провизіи приготовленными. Въ поношенной одеждѣ, устарѣвшей мебели, обветшавшемъ зданіи нѣтъ той мѣновой цѣнности, которая была въ нихъ при началѣ ихъ употребленія. Мнѣніе людей имѣетъ также важное вліяніе на установленіе цѣнности и содѣйствуетъ иногда ея ослабленію и уничтоженію: извѣстно, что произведеніе, нетронутое и вовсе неповрежденнное, не рѣдко утрачиваетъ большую часть своей цѣнности мѣновой потому только, что пробыло нѣсколько минутъ въ рукахъ потребителя. Перемѣна моды или обычая часто лишаетъ цѣнности, не только мѣновой но даже потребительной, вещь, еще вовсе не потерявшую полезности.

Есть вещи, которыхъ мѣновая цѣнность не только не уменьшается, но даже возрастаетъ, съ ихъ устарѣніемъ. Таковы, напримѣръ, разныя произведенія художествъ: ветхія картины Рафаэля, обломанные мраморы помпейскіе цѣнятся нынѣ, вѣроятно, несравненно выше, нежели цѣнились при жизни самихъ художниковъ, когда были новы и цѣлы. Но въ этихъ произведеніяхъ цѣнится совсѣмъ не матеріяльная оболочка, а полезность невещественная, которая сохранилась, вопреки разрушительному вліянію времени, и пріобрѣла цѣнность великую

вслѣдствіе ихъ рѣдкости и трудности ихъ добыванія.

Мѣновая цѣнность не есть качество, исключительно свойственное пріобрѣтеннымъ благамъ вещественнымъ; въ нѣкоторой степени ее могутъ имѣть и пріобрѣтенныя блага внутреннія. Люди не всегда снискиваютъ послѣднія, какъ и первыя, единственно для себя: они весьма часто употребляютъ ихъ для обмѣна на другія блага вещественныя или невещественныя. Врачъ изучаетъ средства сохранять и возстановлять здоровье; стряпчій, законы и судопроизводство; но ни тотъ, ни другой не имѣютъ въ виду исключительно собственныхъ нуждъ въ подобномъ знаніи и искусствѣ. Въ обществѣ всегда есть лица, которыя нуждаются однѣ въ здоровьѣ, другія въ судебной расправѣ: имъ-то врачъ и стряпчій предлагаютъ свои услуги; они, такъ сказать, уступаютъ имъ свое знаніе, свое искусство и, въ обмѣнъ, получаютъ отъ нихъ другія цѣнности. Такъ точно професоръ, ученый изустно или письменно стараются развить свои познанія въ другихъ людяхъ, которые въ нихъ нуждаются, и получаютъ за то въ обмѣнъ соразмѣрное возмездіе.

Иные скажутъ, что ни врачъ, ни стряпчій, ни професоръ ничего не даютъ вещественнаго; что въ этой мѣнѣ они берутъ и причиняютъ издержку кому-либо, сами же остаются каждый при своемъ благѣ внутреннемъ. Но портной, сшившій намъ платье; плотникъ, стесавшій намъ сарай, развѣ не остается также при своемъ искусствѣ? и развѣ мы не платимъ ему за это искусство? конечно, портной и плот-

никъ представили намъ въ обмѣнъ за наши рублевики вещь осязаемую; но мы платимъ не за вещи собственно, а за полезность, въ нихъ содержимую и которую нельзя имъ придать безъ усилій. Если же допустить, что́ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что есть полезности невещественныя, въ которыхъ мы сильно нуждаемся, и что эти полезности могутъ быть намъ доставлены чьимъ-либо трудомъ, то какъ не согласиться, что люди, поставившіе себя въ условія, необходимыя для оказанія намъ подобной услуги, могутъ разсматривать ее какъ цѣнность мѣновую, продавать намъ здоровье, познанія такъ точно, какъ другіе намъ продаютъ одежду, мебель.

Ктому же въ самомъ фактѣ обмѣна, предметомъ котораго бываетъ цѣнность невещественная, есть сторона матеріяльная, какъ и во всякомъ другомъ обмѣнѣ. Портной приноситъ намъ результатъ своего труда въ платьѣ; ученый передаетъ результатъ своихъ изслѣдованій въ книгѣ. Професоръ, врачъ, адвокатъ могутъ также письменно сообщать намъ каждый свои полезности. Когда же прибѣгаютъ къ изустной передачѣ, то предоставляютъ въ наше распоряженіе, на время болѣе или менѣе краткое, свою особу или свою собственную дѣятельность. Подобный обмѣнъ можетъ имѣть для насъ послѣдствія выгодныя или нѣтъ: это зависитъ отъ насъ и отъ обстоятельствъ. Но отъ насъ же, и частію отъ обстоятельствъ, зависитъ также польза, которую извлечемъ изъ цѣнностей вещественныхъ, пріобрѣтенныхъ путемъ обмѣна. Послѣднія, какъ и первыя, могутъ быть нами потеряны безъ пользы.

Въ довершеніе аналогіи замѣтимъ, что пріобрѣтенныя блага внутреннія также не всѣ способны къ обмѣну. Нѣкоторыя бываютъ исключительно примѣнены къ личности человѣка ихъ снискавшаго, не имѣютъ ни полезной стороны общественной, ни цѣнности мѣновой. Таковы напр. разныя познанія и искусства, единственно для наслажденія пріобрѣтаемыя, не довольно глубокія, не довольно полныя, чтобъ служить для развитія подобныхъ же благъ въ другихъ членахъ общества.

Изъ благъ естественныхъ, нѣкоторыя снискиваютъ цѣнность мѣновую вслѣдствіе ихъ ограниченности и неравнаго распредѣленія ихъ собственности между людьми. Земля не имѣетъ цѣнности мѣновой, пока въ одинаковой степени принадлежитъ всѣмъ членамъ орды или племени, подобно воздуху: раздробленная на участки между владѣльцами, она перестаетъ быть доступна другимъ членамъ общества; изъ этого препятствія къ ея пріобрѣтенію, при данныхъ обстоятельствахъ общественныхъ, когда потребность въ ней не только не уменьшается, но усиливается отъ возрастающей населенности —въ землѣ образуется цѣнность. Государственные законы иногда предоставляютъ одному лицу исключительное право употреблять въ нѣкоторомъ порядкѣ иную безмездную силу природную: этого довольно для приданія мѣновой цѣнности тому, что иначе вовсе ея не имѣло бы. Вода есть одно изъ благъ безмездныхъ и неограниченныхъ, неимѣющее никакой мѣновой цѣнности, кромѣ той, которую иногда заимствуетъ отъ труда людей, прибли-

жающихъ ее къ потребителю. Всякій можетъ ее употреблять по собственному усмотрѣнію въ жидкомъ, твердомъ, или газообразномъ видѣ. Но если кто либо вздумаетъ примѣнить расширительную силу водяныхъ паровъ, для сообщенія движенія машинамъ, и пріищетъ къ тому удобныя средства; и если государство предоставитъ ему на срокъ, болѣе или менѣе продолжительный, исключительное право употреблять эту силу въ особенныхъ условіяхъ ея примѣненія, то она перестанетъ быть доступною всѣмъ членамъ общества, которые могутъ въ ней нуждаться, и получитъ цѣнность мѣновую. Изобрѣтатель можетъ не только самъ ею пользоваться исключительно предъ прочими, но также уступать это право въ обмѣнъ за другія цѣнности.

5. КАКЪ ОПРЕДѢЛЯЕТСЯ МѢНОВАЯ ЦѢННОСТЬ.

Завися отъ двухъ условій непостоянныхъ, мѣновая цѣнность измѣняется вмѣстѣ съ ними. Она возникаетъ въ различныхъ предметахъ, усиливается, ослабѣваетъ или уничтожается, смотря по обстоятельствамъ времени, мѣста и степени образованности народа, и всѣ эти обстоятельства подходятъ подъ двѣ категоріи: 1-е усиленія, ослабленія или уничтоженія полезности, вслѣдствіе перемѣны то въ потребностяхъ общественныхъ, то въ сущности самихъ предметовъ, и 2-е возниканія, усиленія, ослабленія или совершеннаго устраненія препятствій къ пріобрѣтенію этихъ предметовъ.

Потребность общественная, или та степень полезности, которую признаетъ общество въ данномъ

родѣ благъ, выражается въ *запросѣ*, на нихъ предъявляемомъ. Препятствія, къ ихъ пріобрѣтенію предстоящія, болѣе или менѣе отражаются въ *предложеніи* или количествѣ этихъ благъ, на лице къ обмѣну поставленныхъ. Мѣновая цѣнность всякого рода благъ, въ отношеніи однѣхъ къ другимъ, будетъ всегда въ прямомъ содержаніи къ запросу и въ обратномъ къ предложенію. Она будетъ тѣмъ выше, чѣмъ болѣе блага требуется и чѣмъ менѣе его предлагается, и напротивъ тѣмъ ниже, чѣмъ менѣе его требуется и чѣмъ болѣе предлагается. Усиленіе или ослабленіе запроса, безъ перемѣны въ предложеніи, всегда влечетъ за собою повышеніе или пониженіе мѣновой цѣнности, тогда какъ усиленіе или уменьшеніе предложенія, безъ перемѣны въ запросѣ, всегда причиняетъ пониженіе или повышеніе цѣнности. Никакой перемѣны въ цѣнности не оказывается, если запросъ и предложеніе уменьшаются или усиливаются въ одинакой мѣрѣ.

Хотя запросъ проистекаетъ изъ потребности, всѣми или нѣкоторыми членами общества ощущаемой, нельзя смѣшивать однако эти два понятія. Потребность, какъ мы видѣли, возникаетъ подъ однимъ вліяніемъ побужденій, дѣйствующихъ на волю человѣка, и ей нельзя положить опредѣленныхъ границъ. Запросъ всегда ограничивается тѣмъ количествомъ мѣновыхъ цѣнностей, которыми располагаетъ недѣлимое, его предъявляющее. Кто спрашиваетъ, тотъ принужденъ въ то же время и предлагать: иначе не можетъ состояться обмѣнъ. Только въ этихъ предѣлахъ, въ запросѣ отражаются всѣ перемѣны,

которымъ подвержены потребности общественныя.

Запросъ отличается постоянствомъ и обширностію, когда рождается изъ потребности настоятельной, раздѣляемой всѣми членами общества. Какова бы ни была степень достатка людей, они всегда будутъ нуждаться въ пищѣ, въ жилищѣ, въ одеждѣ, и всегда будутъ ихъ спрашивать. Смотря по обстоятельствамъ, запросъ скорѣе уменьшится на тѣ предметы, которымъ соотвѣтствуютъ нужды, болѣе допускающія отлагательства, напр. на одежду скорѣе, нежели на пищу. Потребности, которыхъ начало кроется въ причудахъ моды, въ воображеніи, служатъ поводомъ къ запросу невѣрному, то чрезъ-мѣру сильному, то чрезъ-мѣру слабому. Въ отношеніи ко всякому благу мѣновому, общество дѣлится на предлагающихъ и спрашивающихъ: послѣдніе располагаютъ нѣкоторымъ количествомъ цѣнностей и, съ своей стороны, могутъ предложить ихъ въ обмѣнъ. Если они принуждены посвятить болѣе изъ своего достатка на удовлетвореніе какой-либо одной потребности, то необходимость заставляетъ ихъ менѣе спрашивать для другихъ. Это объясняетъ, почему запросъ, часто оставляя однѣ произведенія, переносится на другія, тогда какъ собственно въ самихъ потребностяхъ, его породившихъ, не оказывается ослабленія.

Во время неурожая, напр., общество по прежнему нуждается въ разныхъ предметахъ роскоши, въ галантерейныхъ украшеніяхъ, въ красивой одеждѣ, въ утвари, но оно еще болѣе нуждается въ хлѣбѣ, и

всякій, страшась утратить средства къ обезпеченію своего пропитанія, жертвуетъ другими наслажденіями, для заблаговременнаго снисканія этихъ средствъ.

Каждое колебаніе въ запросѣ на данную полезность должно отражаться въ ея цѣнности, если ему не соотвѣтствуетъ, въ обратную сторону, равномѣрная перемѣна въ предложеніи. Препятствія, ограничивающія послѣднее, состоятъ или въ усиліяхъ и времени, которыхъ требуетъ добываніе полезности, или въ ея рѣдкости и несоразмѣрности съ нуждами общественными. Въ одномъ изъ этихъ двухъ обстоятельствъ, и еще чаще въ ихъ совокупности, почерпаютъ свою мѣновую цѣнность всѣ предметы, въ которыхъ признано полезное свойство. Величайшія и необходимѣйшія блага, какъ уже замѣчено выше, но которыхъ добытіе не требуетъ никакихъ усилій, и которыя предоставлены людямъ въ количествѣ неисчерпаемомъ, какъ-то: воздухъ, вода, солнечный свѣтъ, теплота и т. п., въ количествѣ, не допускающемъ ихъ исключительнаго присвоенія, не имѣютъ никакой цѣнности мѣновой.

Если бъ люди постоянно снискивали въ собственной дѣятельности, въ своемъ трудѣ и въ неограниченныхъ и даровыхъ силахъ природныхъ, достаточно средствъ для размноженія полезностей, по мѣрѣ усиленія на нихъ запроса, то ихъ мѣновая или относительная цѣнность соразмѣрялась бы съ количествомъ труда, для ихъ добыванія необходимаго. Подъ словомъ: *трудъ*, здѣсь мы разумѣемъ не только непосредственное примѣненіе силъ человѣческихъ къ изготовленію или добычѣ полезно-

сти, но также и тѣ усилія, которыхъ требовало изготовленіе орудій, матеріяла, пріобрѣтеніе познаній, навыка, вообще всего того, что въ послѣдствіи мы назовемъ *капиталомъ*, и что вмѣстѣ съ трудомъ образуетъ *издержки производства*, или *стоимость* произведенія. Въ такомъ случаѣ, вещь, которой пріобрѣтеніе стоило бы десяти дней труда, цѣнилась бы вдесятеро болѣе той, которой добываніе требовало одного дня, и обмѣны совершались бы на этомъ основаніи, каково бы ни было положеніе запроса. Измѣненія въ послѣднемъ, иногда внезапныя и неожиданныя, или слишкомъ быстрыя, причиняли бы только временныя уклоненія отъ этого закона.

Порукою въ томъ личные интересы людей, принимающихъ участіе въ мѣнѣ. Они всѣ предлагаютъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ спрашиваютъ. Предлагаютъ то, въ чемъ сами не нуждаются; спрашиваютъ напротивъ то, безъ чего не могутъ или не хотятъ обойтись. Какъ предлагающій, всякій старается получить болѣе чужаго и дать менѣе своего; какъ спрашивающій, всякій обращаетея туда, гдѣ съ меньшимъ пожертвованіемъ можетъ получить то, чего ищетъ. Отъ этого, соперничество съ одной стороны, разборчивость съ другой: и подъ вліяніемъ этихъ побужденій, какъ производитель, никто не можетъ требовать за свои произведенія болѣе, нежели другіе; какъ спрашивающій, никто не согласенъ дать одному производителю болѣе того, чѣмъ довольствуются другіе или другой, а въ случаѣ чрезмѣрнаго требованія отъ всѣхъ, ищетъ въ своемъ собственномъ трудѣ удовлетворенія своимъ потребностямъ,

не видя никакой выгоды посвятить болѣе труда на добываніе полезностей, неимѣющихъ для него никакой прямой цѣнности, и за которыя ему предлагаютъ въ обмѣнъ плоды труда не столь значительнаго. Такъ, быстро или медленно, равновѣсіе установлялось бы между запросомъ и предложеніемъ; послѣднее то уменьшалось бы, то увеличивалось бы, въ равной степени съ первымъ, и относительная цѣнность произведеній постоянно держалась бы въ предѣлахъ издержекъ производства или *стоимости*. Тогда, принявъ за общій сравнительный терминъ, или мѣрило, какую либо полезность, которой соотвѣтствуетъ вездѣ постояный запросъ, наприм., *хлѣбъ*, можно было бы легко судить о положеніи мѣновой цѣнности различныхъ полезностей, какъ въ пространствѣ, такъ и во времени, принимая только въ разсужденіе періодическія уклоненія, причиняемыя то слишкомъ быстрымъ колебаніемъ запроса, то неизбѣжною медленностію, съ которою сопряжено соразмѣрное съ этимъ колебаніемъ уменьшеніе или усиленіе въ предложеніи.

Но, много-ли можно указать полезностей, которыхъ размноженіе зависитъ исключительно отъ труда человѣческаго? Почти во всѣхъ положеніяхъ, его дѣятельность встрѣчаетъ препятствія, то естественныя, то искуственныя, то со стороны самихъ людей, которыхъ не можетъ одолѣть, и которымъ принужденно ограничивается ея вліяніе на размноженіе разныхъ полезностей. Усиленію добыванія плодовъ земныхъ, въ которыхъ наиболѣе нуждается человѣкъ, предстоитъ неодолимая преграда

въ самомъ пространствѣ и плодородіи земель, къ ихъ произрастанію способныхъ. Предложеніе этихъ плодовъ не всегда можетъ усиливаться въ равной степени съ запросомъ на нихъ, который возрастаетъ вмѣстѣ съ населенностію. Болѣе вліянія, кажется, имѣетъ человѣкъ на размноженіе издѣлій мануфактурныхъ; тамъ, гдѣ болѣе ихъ спрашивается, ихъ дѣйствительно болѣе предлагается, и до того дружно слѣдятъ одно за другимъ эти два условія ихъ цѣнности, что одинъ изъ знаменитѣйшихъ экономистовъ *Давидъ Рикардо,* рѣшился сказать, «что «ихъ можно размножать не только въ одной стра«нѣ, но и во многихъ въ степени, которой почти «нельзя положить предѣлы» (*). Но какъ не согласиться, что въ этой мысли есть много оптическаго обмана, когда подумаемъ, что эти издѣлія суть только преобразованные матеріялы, изъ нѣдръ земли почерпнутые и подлежатъ тому самому предѣлу, который тяготитъ надъ послѣдними? Производство множества другихъ благъ, какъ внѣшнихъ такъ и внутреннихъ, зависитъ отъ талантовъ, способностей, которыхъ распредѣленіе между людьми поражаетъ крайнимъ неравенствомъ. Нигдѣ также не осуществляется вполнѣ свободное соперничество между производителями: оно стѣсняется то постановленіями, то обстоятельствами.

Бочка шато-лафита и бочка простаго столоваго вина бордосскаго (кларетъ) стоили одинаковаго труда; но первая цѣнится въ десять разъ болѣе послѣдней потому только, что къ произрожденію ви-

(*) Смотр. *Principes de l' Economie politique et de l' impôt.*

нограда, годнаго для выдѣлки *лафита*, способенъ небольшой клочекъ земли во сто разъ ограниченнѣе того пространства, на которомъ ростетъ виноградъ, годный для обыкновеннаго столоваго вина. Запросъ, соотвѣтствующій послѣднему, несравненно значительнѣе того, который предъявляется на шато-лафитъ; но не смотря на это различіе, гораздо болѣе несоразмѣрности между предложеніемъ и запросомъ на вино обыкновенное. Одинакихъ познаній и одинакого труда стоитъ сочиненіе объ одномъ и томъ же предметѣ двумъ авторамъ; но одинъ обладаетъ талантомъ, котораго не имѣетъ другой, и книга перваго цѣнится втрое, вчетверо выше книги послѣдняго. Въ Бельгіи, гдѣ всякій свободенъ заниматься табачною фабрикаціею, килограммъ мариланда стоитъ 3 франка; во Франціи, гдѣ предложеніе табаку сосредоточено въ рукахъ казны, тотъ-же килограммъ продается по 12 фран. Такъ въ относительную цѣнность произведеній безпрестанно входятъ элементы, которые нельзя объяснить стоимостью; ихъ начало кроется единственно въ несоразмѣрности предложенія съ запросомъ или въ *рѣдкости*, которая сама, какъ мы увидимъ далѣе, объясняется *монополіями* естественными и искуственными.

Стоимость, правда, всегда служитъ предѣломъ, къ которому мѣновая цѣнность произведеній тѣмъ болѣе приближается, чѣмъ менѣе встрѣчаютъ препятствій люди къ ихъ размноженію; но она почти никогда не достигаетъ вполнѣ этого предѣла, посреди тысячи разнообразныхъ обстоятельствъ,

случайно или постоянно стѣсняющихъ производство. Доселѣ, въ наукѣ народнаго хозяйства, формула запроса и предложенія остается единственнымъ ключемъ для удовлетворительнаго объясненія перемѣнъ, которымъ подвергается мѣновая цѣнность и, чтобъ отдать себѣ отчетъ въ причинахъ этихъ перемѣнъ, нѣтъ другого пути, кромѣ разсмотрѣнія колебаній, которымъ подвергались какъ запросъ, такъ и предложеніе. Если, наприм:, нынѣ цѣнность четверти пшена въ Россіи равняется четыремъ аршинамъ холста, тогда какъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ она равнялась только двумъ, то чтобъ узнать настоящую причину этой разности, должно обратить вниманіе на запросъ и предложеніе какъ того, такъ и другого продукта. Мы увидимъ съ перваго взгляда, что запросъ какъ на пшено, такъ и на холстъ, значительно усилился вслѣдствіе прибылой населенности; если замѣтимъ, что предложеніе пшена, при обстоятельствахъ, въ которыхъ еще находится Россія, усиливалось въ соразмѣрности съ запросомъ, то заключимъ изъ этого, что разность должна быть приписана перемѣнѣ въ предложеніи холста, которое дѣйствительно, благодаря улучшенію фабричныхъ пріемовъ, усилилось въ прогресіи несравненно быстрѣйшей, нежели запросъ. Но если мы откроемъ, что предложеніе пшена, вслѣдствіе крайности приступить къ воздѣлыванію земель не столь плодородныхъ, усиливалось медленнѣе, нежели возрасталъ на него запросъ, то происшедшую разность въ относительной цѣнности пшена и холста должно приписать

совокупности двухъ различныхъ причинъ: съ одной стороны, пропорціонально уменьшившемуся предложенію пшена; съ другой, пропорціонально усилившемуся предложенію холста.

Далѣе, изучая средства, помощію которыхъ люди добываютъ или производятъ полезности, мы убѣдимся, что мѣновая цѣнность тѣмъ болѣе подвержена увеличенію, чѣмъ болѣе зависитъ отъ *рѣдкости;* и что напротивъ представляетъ болѣе наклонности къ пониженію въ произведеніяхъ, на размноженіе которыхъ имѣетъ болѣе вліянія дѣятельность человѣка.

6. КАКЪ ИЗМѢРЯЕТСЯ МѢНОВАЯ ЦѢННОСТЬ.

Изъ предшествующихъ соображеній слѣдуетъ, что въ обмѣнахъ цѣнности безпрестанно сравниваются и измѣряются однѣ другими. Для упрощенія этихъ операцій, руководясь простымъ внушеніемъ естественной логики, люди вездѣ избираютъ одну какую либо цѣнность, которую употребляютъ какъ общій типъ для измѣренія всѣхъ другихъ, или какъ монету, отъ латинскаго слова moneге: *означать, объявлять*. Выраженная въ единицахъ или дробяхъ монеты, мѣновая цѣнность есть то, что разумѣютъ подъ словомъ *цѣна*.

Легко понять, что монетою, въ обширномъ значеніи слова, т. е. общимъ мѣриломъ цѣнности, можетъ служить всякое произведеніе. Если предпочтеніе отдается нѣкоторымъ, напр., золоту или серебру, то потому только, что ихъ цѣнность наиболѣе извѣстна и менѣе подвержена измѣненіямъ.

Согласившись однажды въ подобномъ типѣ, чтобъ выразить мѣновую цѣнность какихъ либо предметовъ, просто говорятъ его *цѣну*, т. е. то количество монеты, которое можно получить за него въ обмѣнъ: такъ точно, какъ физикъ, чтобъ дать понятіе объ относительной тяжести или плотности какого либо тѣла, твердаго или жидкаго (*), говоритъ, сколько долженъ объемъ этого тѣла вѣсить кубическихъ центиметровъ перегнанной воды при 4° температуры по стоград. термометру. Есть однако важная, капитальная разница между этими двумя уравненіями. Въ уравненіи, выражающемъ относительную тяжесть тѣла, мы видимъ одинъ членъ всегда постоянный, а именно: тяжесть кубическаго центиметра перегнанной воды при 4° стогр.; другой измѣняется по роду тѣла и по его положенію. Въ цѣнѣ или уравненіи, выражающемъ относительную цѣнность какого-либо произведенія, нѣтъ ни одного члена, который можно было бы разсматривать какъ неизмѣнный. Монета или типическая цѣнность, съ которою сравнивается цѣнность измѣряемая, подобно послѣдней не изъята колебаній. Она также увеличивается или уменьшается вмѣстѣ съ запросомъ или предложеніемъ. Относительная цѣнность серебра, напр., нынѣ служащаго монетою въ Европѣ, не та, что была до открытія Америки; она также измѣняется не только по частямъ свѣта, по странамъ, но даже по об-

(*) Извѣстно, что для опредѣленія тяжести газовъ принимаютъ за единицу вѣсъ одного литра воздуха при темп. 0° и при баромет. давленіи 0,76.

ластямъ или городамъ одного и того же государства. Каждое изъ этихъ измѣненій принужденно отражается въ цѣнѣ произведеній, такъ точно, какъ и перемѣны, свойственныя собственно ихъ цѣнности. Нельзя сказать, что вещь, которой цѣна равняется 4 золотникамъ серебра данной пробы въ Англіи, имѣетъ цѣнность равную той вещи, которую можно купить за 4 золотника одинакой пробы серебра въ Россіи: можетъ случиться, что въ Россіи 4 золотника серебра имѣютъ цѣнность выше или ниже той, какую имѣютъ въ Англіи, — этого довольно для неправильности вывода.

Чтобъ какая-либо цѣнность могла служить совершенно точнымъ типомъ для измѣренія всѣхъ другихъ, она сама не должна никогда измѣняться. Для этого ей слѣдуетъ быть результатомъ запроса и предложенія, всегда въ одинакомъ отношеніи находящихся; но подобной цѣнности мы еще не имѣемъ и по всему вѣроятію никогда не будемъ имѣть.

Сдѣланы однако попытки пріискать неизмѣнный общій [всѣмъ народамъ и всѣмъ временамъ типъ для измѣренія мѣновыхъ цѣнностей. Пораженные непостоянствомъ въ цѣнности золота и серебра, почти вездѣ служащихъ монетою, нѣкоторые экономисты (*) принимали за мѣрило всѣхъ другихъ цѣнностей, и самой ходячей монеты, цѣнность *хлѣба,* служащаго основнымъ продовольствіемъ. Но если можно, съ неважными оговорками, допустить, что этому продукту всегда соотвѣтствуетъ одинаковый

(*) Ученый переводчикъ *Ад. Смита* на французскій языкъ Графъ *Жерменъ Гарнье.* По слѣдамъ его *Ж. Б. Се.*

запросъ, соразмѣрный съ населенностію, то кто рѣшится утверждать, что предложеніе этого продукта всегда и вездѣ усиливается въ одинакой мѣрѣ съ запросомъ? Что во многихъ случаяхъ это усиленіе зависитъ въ теченіи періода времени, болѣе или менѣе продолжительнаго, отъ труда людей, и что тогда цѣнность хлѣба опредѣляется его стоимостію или издержками производства, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Но развѣ эта стоимость всегда и вездѣ одинакова? развѣ она не усиливается по мѣрѣ, какъ уменьшается плодородіе почвы? развѣ на нее не имѣютъ вліянія улучшенные или устарѣлые способы производства? и кромѣ стоимости, развѣ въ мѣновую цѣнность хлѣба не входятъ безпрестанно элементы вовсе ей чуждые: то налоги, то премія монополистовъ? Какъ общій мѣритель цѣнности, хлѣбъ не только не можетъ быть предпочтенъ драгоцѣннымъ металламъ, но представляетъ, напротивъ, неудобства гораздо важнѣйшія, именно потому что его предложеніе гораздо болѣе подвержено измѣненіямъ. Его цѣнность можно принимать только въ разсужденіе для исправленія неполноты обычнаго типа, но съ крайнею осторожностью и множествомъ оговорокъ.

Другіе (*) выдавали цѣнность *труда рабочаго* за точнѣйшій типъ для измѣренія прочихъ цѣнностей. По ихъ мнѣнію, чтобъ составить себѣ понятіе о различіи мѣновой цѣнности одного и того-же предмета въ разныхъ мѣстахъ или въ разныя времена, должно сравнить то количество труда, которое можно на него купить. Если, напр. за аршинъ

(*) Адамъ Смитъ.

холста можно купить день работы во Франціи, а три дня въ Турціи, то изъ этого слѣдовало бы, что аршинъ холста имѣетъ въ Турціи цѣнность втрое значительнѣе, нежели во Франціи. Но что мѣшаетъ оборотить предположеніе? Развѣ не можетъ случиться, что причина этой разности кроется не въ цѣнности холста, а въ цѣнности самого труда; что работы дается втрое болѣе за одинаковое количество холста въ Турціи, нежели во Франціи, потому только, что въ первомъ государствѣ трудъ цѣнится втрое менѣе, нежели въ послѣднемъ. Цѣнность труда человѣческаго измѣняется по отношенію между запросомъ и предложеніемъ, такъ точно, какъ и цѣнность всѣхъ другихъ полезностей; для подтвержденія того нѣтъ недостатка въ фактахъ и событіяхъ, повсюду вокругъ насъ происходящихъ, и эту цѣнность отнюдь нельзя принять за точное мѣрило.

Не должно полагать также, что вещь, стоявшая нѣкотораго количества труда, всегда способна купить равное количество труда, хотя эта мысль и встрѣчается у самого *Адама Смита*. Если это случается иногда, то весьма рѣдко и не можетъ быть принято за правило. Трудъ, необходимый для производства какой-либо полезности, и трудъ, который можно получить за него въ обмѣнъ, суть двѣ величины совершенно независимыя одна отъ другой. Два человѣка роются десять дней въ одной и той же ямѣ: одинъ извлечетъ оттуда яхонтъ; другой, алмазъ. Первый продастъ яхонтъ и получитъ за него, положимъ, 30 франковъ, что представляетъ цѣнность 10-ти рабочихъ дней; другой выручитъ за свой алмазъ

300 франковъ, что равняется цѣнности 100 рабочихъ дней. Положимъ въ 15 фр. цѣну четверти ржи: одинъ помѣщикъ посвятитъ на добываніе хлѣба десятину земли и пятьдесятъ рабочихъ дней по 3 франка, и получитъ двадцать четвертей, что равняется 300 франкамъ, или цѣнности 100 рабочихъ дней; другой посвятитъ столько-же земли и столькоже работы и получитъ только десять четвертей ржи или цѣнность, не превышающую пятидесяти рабочихъ дней. Чтобъ количество труда, которое можно получить въ обмѣнъ за произведеніе, всегда равнялось тому количеству труда, котораго стоило его изготовленіе или добываніе, надлежало бы цѣнности этого произведенія зависѣть исключительно отъ предложенія, а самому предложенію единственно отъ усилій человѣка; но этого не можетъ быть, съ одной стороны потому, что на цѣнность имѣетъ вліяніе запросъ, а съ другой, потому-что само предложеніе въ тысячѣ случаевъ ограничивается природною рѣдкостію или монополіею.

То, что замѣчено о цѣнностяхъ: *серебрѣ, хлѣбѣ, трудѣ,* слѣдуетъ повторить и о всѣхъ цѣнностяхъ вообще. Онѣ всѣ могутъ служить мѣриломъ другихъ цѣнностей, но не могутъ быть приняты за мѣрило точное и неизмѣнное. Усилія открыть подобный типъ останутся всегда тщетны и, безъ преувеличенія, можно уподобить эту проблему политической экономіи квадратурѣ круга, отъ разрѣшенія которой отказались величайшіе математики.

Но повторимъ здѣсь слова професора *Росси* (*):

(*) *Rossi: Cours d' Economie politique* T. I p. 150.

«умъ человѣческій неохотно покоряется этимъ не-
«возможностямъ. Онъ силится выйти изъ предѣловъ,
«въ которые заключенъ, и эти благородныя усилія
«имѣютъ свою полезную сторону, когда не погло-
«щаютъ вполнѣ умственной мощности, которой
«требуютъ труды полезности менѣе сомнительной.
«Квадратура круга есть задача неразрѣшимая, но
«ежедневно въ практикѣ употребляютъ квадратуру
«круга. Извѣстно, что открыли отношеніе діаметра
«къ окружности и нашли, что приблизительно оно
«есть какъ 1 къ 3⅐ или, еще лучше, какъ 1 къ 3, 141
«. . . . Такъ можно приблизиться къ истинѣ на
«разстояніе почти незамѣтное.» Точнаго измѣренія
цѣнности однимъ общимъ типомъ достигнуть не-
возможно; на дѣлѣ, однако, искусные негоціанты
ежедневно измѣряютъ, и весьма удовлетворитель-
но, относительную цѣнность товаровъ, употребляя
обыкновенное мѣрило монеты.

Можно-ли въ политической экономіи придать это-
му измѣренію ту степень приблизительности, какой
достигли математики въ квадратурѣ круга? почему
не отвѣтить утвердительно? изслѣдованія историче-
скія, археологическія и статистическія, примѣненныя
въ особенности къ произведенію, служащему вездѣ
не только обычнымъ мѣриломъ цѣнности, но также
орудіемъ мѣны, открывъ и объяснивъ колебанія,
которымъ подвергалась и подвергается его цѣн-
ность во времени и въ пространствѣ, должны мно-
го содѣйствовать разрѣшенію этой задачи. Частію
такія изслѣдованія уже сдѣланы, ихъ остается толь-
ко дополнить; но и въ настоящемъ положеніи наш-

ихъ познаній золото и серебро, съ легкими исправленіями, всегда могутъ употребляться какъ удовлетворительное, хотя и приблизительное, мѣрило мѣновой цѣнности.

Впрочемъ, вопросъ о такомъ измѣреніи цѣнности, не есть одинъ изъ основныхъ въ наукѣ, насъ занимающей. Порядокъ образованія цѣнностей, причины ихъ колебаній—вотъ предметы, на которые преимущественно должно обращаться вниманіе экономиста. Ксчастію, углубляясь въ изученіе этихъ вопросовъ, умъ человѣческій логически восходитъ до законовъ естественныхъ, вполнѣ его удовлетворяющихъ, и не теряется въ безполезныхъ усиліяхъ, результатомъ которыхъ можетъ быть одно только удовлетвореніе любопытства, но не польза прямая и существенная.

7. СУЩНОСТЬ БОГАТСТВА; ЕГО СВОЙСТВА.

Составивъ себѣ понятіе о свойствѣ благъ, или полезностей, и о тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ онѣ снискиваютъ цѣнность мѣновую, мы можемъ приступить къ разсмотрѣнію вопроса: *въ чемъ состоитъ богатство?*

Съ выраженіемъ *богатство* въ общежитіи часто совокупляютъ идею довольства, или соразмѣрности между потребностями и средствами къ ихъ удовлетворенію. Часто говорятъ: мы тѣмъ богаче, чѣмъ ближе къ довольству, чѣмъ у насъ менѣе потребностей и чѣмъ болѣе средствъ. Напротивъ тѣмъ бѣднѣе, чѣмъ у насъ болѣе потребностей и чѣмъ менѣе средствъ. Но довольство есть понятіе относительное

и, если принять его за богатство, то справедливо можно сказать, что полудикій Чувашъ, который въ своемъ достаткѣ находитъ довольно средствъ для удовлетворенія своимъ немногимъ потребностямъ, богаче роскошнаго Европейца, который при всѣхъ своихъ сокровищахъ томится отъ нуждъ и желаній.

Еще болѣе: если полагать богатство исключительно въ довольствѣ, въ этой соразмѣрности между потребностями и средствами къ ихъ удовлетворенію, то мы сойдемся въ мысляхъ съ Діогеномъ, и вмѣстѣ съ нимъ скажемъ, что тотъ всѣхъ богаче, кто менѣе всѣхъ имѣетъ нуждъ. Послѣ чего намъ останется только разбить нашъ послѣдній ковшъ, и запереться въ бочку.

Но мы избѣгнемъ столь нелѣпаго результата, съ самого начала постановивъ важное различіе между *довольствомъ* и *богатствомъ*.

Эти два понятія совершенно независимы одно отъ другого: первое выражаетъ внутреннее состояніе нашей души, нашего существа, и можетъ разсматриваться только относительно, предполагая субъектъ, лице. Второе, въ отношеніи къ нашей индивидуальности, выражаетъ внѣшнее положеніе нашего быта, и кромѣ того можетъ само разсматриваться какъ субъектъ, имѣетъ собственное значеніе независимое отъ нашей личности. Мы можемъ ощущать довольство, не имѣя богатства; такъ точно, какъ можемъ имѣть богатство огромное, и не ощущать довольства. Начало довольства заключается въ насъ самихъ, въ нашей личности; его нельзя отъ насъ отдѣлять; его можно уничтожить только, удаливъ отъ

насъ условіе, съ которымъ оно связано. Богатство означаетъ часто предметы независимые отъ нашей личности и только намъ принадлежащіе: мы можемъ ихъ лишиться, обѣднѣть; но если предметы, въ которыхъ заключалось наше богатство, этимъ не уничтожены, оно продолжаетъ быть тѣмъ, чѣмъ было; только отношеніе его къ намъ измѣняется: оно перестаетъ быть нашею собственностію. Короче, довольство выражаетъ одно лишь положеніе; богатство выражаетъ *положеніе* и *предметъ*.

Какъ *положеніе*, богатство есть обладаніе средствами болѣе или менѣе существенными къ удовлетворенію потребностей, сколько настоящихъ, такъ и тѣхъ, которыя могутъ возникнуть. Эти средства заключаются, частію, въ готовыхъ полезностяхъ, въ препятствіяхъ уже одолѣнныхъ, если можно такъ выразиться; частію, въ элементахъ или силахъ, помощію которыхъ могутъ быть созданы новыя полезности или одолѣны другія препятствія. Это обладаніе можетъ быть въ соразмѣрности съ потребностями человѣка, или не соотвѣтствовать имъ, или превышать ихъ; какъ бы то ни было, о степени богатства можно судить толко по важности средствъ всякого рода, имъ представляемыхъ, для пріобрѣтенія полезностей. Доволенъ-ли человѣкъ тѣмъ, что имѣетъ: это другой вопросъ, котораго рѣшеніе касается лишь его самого.

Смотря на богатство съ подобной точки зрѣнія, необходимо должно принять въ расчетъ блага, безмездно предоставляемыя намъ природою, также особенныя преимущества, которыхъ пріобрѣтеніе не

стоило намъ никакихъ усилій, и которыя между тѣмъ оказываютъ намъ важное содѣйствіе. Человѣкъ, не имѣющій ничего другого кромѣ воздуха, которымъ дышетъ, солнца его согрѣвающаго, ключа гдѣ ему никто немѣшаетъ почерпнуть воды, и дикихъ плодовъ, растущихъ въ лѣсу, можетъ еще назвать эти блага своимъ богатствомъ; въ нихъ дѣйствительно онъ находитъ единственныя средства къ своему существованію. Тѣмъ болѣе онъ долженъ разсматривать какъ богатство тѣ силы тѣлесныя и умственныя, которыя позволятъ ему выйти изъ столь жалкаго положенія и обезпечить себѣ нѣкоторое изобиліе. Изъ двухъ жителей различныхъ странъ, не имѣющихъ никакого другого достатка кромѣ того, съ которымъ нашъ прародитель Адамъ былъ изгнанъ изъ рая земного, безъ сомнѣнія тотъ можетъ считать себя богаче, кому достался климатъ здоровѣе, страна плодороднѣе, болѣе крѣпости и силы мускульной, болѣе смышлености. Онъ болѣе имѣетъ средствъ къ одолѣнію препятствій, которыя противятся удовлетворенію его нуждъ.

Богатство каждаго изъ нихъ будетъ постепенно увеличиваться по мѣрѣ того, какъ они станутъ помощію собственной дѣятельности, то прямо, то путемъ размѣна снискивать новыя средства; и отношеніе между ихъ богатствомъ можетъ измѣняться по мѣрѣ пріобрѣтенія этихъ средствъ. Бѣднѣйшій можетъ сдѣлаться богаче, если къ скудости безмездныхъ благъ, ему удѣленныхъ, успѣетъ присоединить болѣе благъ пріобрѣтенныхъ, имѣющихъ цѣнность потребительную или мѣновую.

Если допустить нѣкоторое равенство *въ природномъ богатствѣ*, которымъ пользуются люди данной страны; если предположить, что имъ всѣмъ достались одинакія преимущества природныя, даже одинакія силы и способности (чего на дѣлѣ не видимъ) то мы откроемъ первую, или лучше сказать послѣднюю, степень достатка, для пріобрѣтенія котораго Провидѣніе отстранило всякія препятствія. Эта степень будетъ постоянно возвышаться, по мѣрѣ пріобщенія къ богатству природному богатства пріобрѣтеннаго, и не только разнаго рода полезностей, которыхъ добываніе болѣе или менѣе затруднительно, но также и новыхъ силъ облегчающихъ это добываніе. Однако послѣднія участвуютъ въ умноженіи богатства лишь по мѣрѣ того, какъ примѣняются къ снисканію новыхъ наслажденій и къ наибольшему удаленію лишеній.

Посему-то какъ *предметъ*, какъ цѣль нашей дѣятельности, богатство состоитъ исключительно въ благахъ пріобрѣтенныхъ, въ полезностяхъ, для снисканія которыхъ необходимо должно одолѣть нѣкоторыя препятствія, и потому имѣющихъ цѣнность. Съ точки зрѣнія индивидуальной, мы можемъ включать въ составъ нашего богатства всѣ цѣнности потребительныя; но съ точки зрѣнія общественной къ нему должно относить однѣ цѣнности потребительныя *мѣновыя*.

Какъ совокупность цѣнностей потребительныхъ, пріобрѣтенное богатство каждаго изъ насъ увеличивается механически, подобно минералу, съ каждымъ присоединеніемъ къ нему новыхъ произведе-

ній. Оно увеличивается органически, подобно растенію, съ каждымъ возвышеніемъ мѣновой цѣнности полезностей, въ составъ его входящихъ.

Наше богатство уничтожается по мѣрѣ того, какъ мы издерживаемъ потребленіемъ полезности намъ принадлежащія, или когда предметы, изъ которыхъ оно состоитъ, утрачиваютъ свою мѣновую цѣнность, всю или частію. Мы сохраняемъ богатство бережливостью, когда воздерживаемся отъ потребленія цѣнностей, въ составъ его входящихъ.

Но эти цѣнности всѣ, безъ исключенія, принадлежатъ къ числу предметовъ разрушаемыхъ. Онѣ длятся, однѣ болѣе, другія менѣе: посему, богатство самое значительное рано или поздно должно испариться, изчезнуть, если не будетъ поставлено въ условія воспроизведенія. Оно не можетъ увеличиться, если къ этимъ условіямъ воспроизведенія не будутъ присоединены условія приращенія.

На дѣлѣ мы видимъ, что пріобрѣтенныя богатства истребляются и ежедневно люди, не умѣвшіе ихъ сохранить, изъ нѣдръ изобилія приближаются къ границамъ богатства природнаго, которому въ житейскихъ понятіяхъ соотвѣтствуетъ жалкое положеніе бѣдности и даже нищеты. Подлѣ этихъ примѣровъ, множество другихъ доказываютъ, что въ пріобрѣтенномъ богатствѣ есть силы ему свойственныя, вслѣдствіе которыхъ оно не только сохраняется, но еще приращается, такъ точно, какъ въ насъ самихъ есть другія силы, вызывающія это богатство изъ ничтожества.

Изученіе этихъ силъ, ихъ совокупнаго дѣйствія, вообще законовъ, по которымъ богатство производится, сохраняется и приращается, — законовъ, представляющихъ черты общія всему человѣчеству, измѣняющіяся только по различнымъ природнымъ условіямъ, сопровождающимъ его развитіе, составитъ предметъ первой части нашего изложенія. Что-же касается до богатства природнаго, до благъ, въ различной степени предоставленныхъ людямъ Провидѣніемъ, и на умноженіе которыхъ не можетъ имѣть вліяніе ихъ дѣятельность, то наука наша, не входя въ изслѣдованія ихъ сущности, принимаетъ ихъ только въ разсужденіе и ограничивается указаніемъ условій, посредствомъ которыхъ люди могутъ извлечь изъ нихъ наиболѣе пользы для умноженія своего богатства пріобрѣтеннаго.

8. ПОНЯТІЕ О БОГАТСТВѢ НАРОДНОМЪ.

Отъ человѣка недѣлимаго перейдемъ къ народу, къ обществу: мы возвысимся до идеи богатства народнаго, но сущность его не измѣнится. Въ народѣ, или лучше сказать въ государствѣ, какъ лицѣ нравственномъ, мы открываемъ потребности: однѣ намъ представляются въ видѣ множества отдѣльныхъ атомовъ, живущихъ каждый своею жизнію, которую почерпаютъ въ личномъ интересѣ недѣлимыхъ, — атомовъ однородныхъ, но никогда не сливающихся въ единую массу, и никогда не выходящихъ изъ броженія часто самого безпорядочнаго. Другія являютъ всѣ признаки сродства химическаго; атомы, изъ которыхъ онѣ образуются, хотя и

пріемлютъ начало въ личномъ интересѣ недѣлимыхъ, однако не могутъ существовать отдѣльно и принужденно сливаются въ одно цѣлое, въ одинъ общій интересъ. И такъ, съ одной стороны интересы личные, съ другой интересы общіе, — вотъ побужденія, дѣйствующія въ тѣлѣ политическомъ, которое зовутъ государствомъ.

Для удовлетворенія этимъ потребностямъ, какъ тѣмъ такъ и другимъ, народъ можетъ имѣть болѣе или менѣе богатства природнаго, болѣе или менѣе богатства пріобрѣтеннаго. Отношеніе между двумя этими родами богатствъ бываетъ весьма различно. Окидывая взоромъ шаръ земной, мы видимъ народы, посреди величайшихъ преимуществъ природныхъ погруженные въ бѣдность и лишенія; другіе, не смотря на слабое содѣйствіе внѣшнихъ обстоятельствъ, поражаютъ насъ обогащеніемъ необыкновеннымъ. Это доказываетъ одно лишь то, что богатство природное далеко не соотвѣтствуетъ развитію человѣчества; послѣднее должно обрѣтать пищу въ собственныхъ внутреннихъ элементахъ. Тѣмъ не менѣе, природное преимущество всегда останется преимуществомъ, и будетъ служить народу, то вознагражденіемъ недостатка, то важнымъ пособіемъ для снисканія богатства пріобрѣтеннаго.

Послѣднее, какъ и богатство частное, образуется изъ произведенныхъ полезностей и пріобрѣтенныхъ средствъ къ ихъ добыванію. Въ него входитъ совокупность богатствъ частныхъ: хотя и раздробленная на множество имуществъ отдѣльныхъ, эта часть не теряетъ своего значенія богатства народ-

наго, потому-что соотвѣтствуетъ множеству интересовъ сходныхъ. Другую часть пріобрѣтеннаго богатства народнаго откроемъ въ средствахъ, принадлежащихъ собственно государству, которыми пользуются всѣ члены общества, прямо или косвенно, смотря по свойству ихъ полезности. Первымъ соотвѣтствуютъ интересы личные, вторымъ — интересы общіе.

Такъ точно, какъ богатство частное естъ не что иное какъ сумма полезностей, или одолѣнныхъ препятствій къ благосостоянію, и силъ, для этого одолѣнія служащихъ, богатство народное есть сумма всевозможныхъ полезностей и силъ, которыми совокупность множества людей, или государство, располагаетъ для возможнаго обезпеченія благосостоянія всѣхъ вообще и каждаго въ отдѣльности.

9. РАЗЛИЧІЕ МЕЖДУ БОГАТСТВОМЪ И ЦѢННОСТІЮ.

Изъ предшествующихъ соображеній читатель конечно заключитъ о различіи между понятіемъ о богатствѣ и понятіемъ о цѣнности: но мы не можемъ приступить къ дальнѣйшему изложенію, не согласившись въ отношеніи, между ними существующемъ.

Благо, полезность, богатство суть синонимы. Нѣтъ предмета способнаго къ удовлетворенію какой либо изъ нашихъ потребностей, къ которому нельзя было бы отнести эти выраженія. Моралисты, можетъ быть, упрекнутъ насъ въ томъ, что мы называемъ благомъ предметы, того не заслуживающіе въ смыслѣ нравственномъ: но въ этомъ опредѣленіи мы имѣемъ въ виду однѣ только потребно-

сти, не входя въ разсмотрѣніе ихъ свойствъ. Дальнѣйшія разсужденія достаточно убѣдятъ, въ какой степени благосостояніе народное зависитъ отъ соображенія потребностей съ истинными началами нравственности.

Богатство начинаетъ имѣть *цѣнность,* по мѣрѣ усилій, требуемыхъ съ нашей стороны, для пріобрѣтенія. Еслибъ люди могли дать полное развитіе своимъ потребностямъ и постоянно обрѣтать въ природѣ и въ самихъ себѣ совершенно готовыя полезности, имъ сотвѣтствующія, то они въ высшей степени были бы богаты, но между ними не было бы слѣда цѣнности. Жизнь протекала бы посреди вѣчныхъ наслажденій и удовольствій, которыхъ снисканіе не причиняло бы никакой усталости, не требовало бы никакихъ пожертвованій; на землѣ осуществился бы поэтическій вымыселъ *золотого вѣка;* различіе между бѣдными и богатыми исчезло бы навсегда; понятіе о богатствѣ пріобрѣтенномъ не могло бы составиться.

Подобная участь ожидаетъ въ будущей жизни людей, заслужившихъ здѣсь вѣнецъ праведника: на землѣ-же нигдѣ не было и вѣроятно не будетъ ничего подобнаго. Воля Творца судила человѣку въ *потѣ лица снискивать хлѣбъ насущный* и, кромѣ тѣхъ благъ, которыми Его всевышняя премудрость въ неистощимой щедрости надѣлила міръ и людей, мы принуждены въ собственной дѣятельности снискивать средства къ удовлетворенію нашихъ потребностей, безпрестанно возрастающихъ. Изъ этихъ, снисканныхъ нами средствъ, образуется

богатство пріобрѣтенное, которое посему всегда имѣетъ *цѣнность* и тѣмъ значительнѣе, чѣмъ болѣе съ его пріобрѣтеніемъ сопряжено трудностей.

Мы видѣли (§ 5), что цѣнность бываетъ то прямая или *потребительная,* основанная на полезности, извлекаемой нами непосредственно изъ пріобрѣтеннаго блага; — то *мѣновая,* или основанная на возможности получить въ обмѣнъ за эти блага другія пріобрѣтенныя блага, въ которыхъ мы нуждаемся.

Если разсматривать блага пріобрѣтенныя съ точки зрѣнія прямой потребительности, то какъ не согласиться, что человѣкъ долженъ считать себя тѣмъ счастливѣе, чѣмъ менѣе стоитъ ему усилій ихъ пріобрѣтеніе. Онъ, правда, тѣмъ менѣе ихъ цѣнитъ, но тѣмъ менѣе также напрягаетъ свою дѣятельность, или помощію данной дѣятельности тѣмъ болѣе ихъ снискиваетъ. Въ его достаткѣ менѣе цѣнностей, но болѣе богатства.

Съ точки зрѣнія обмѣна, человѣкъ, напротивъ, естественно желаетъ обладать пріобрѣтеннымъ благомъ, имѣющимъ цѣнность высокую. Чѣмъ выше эта цѣнность, всравненіи съ цѣнностію другихъ пріобрѣтенныхъ благъ, въ которыхъ онъ нуждается, тѣмъ болѣе онъ можетъ на нее пріобрѣсть послѣднихъ. Въ этомъ случаѣ онъ правильно считаетъ себя тѣмъ богаче, чѣмъ значительнѣе мѣновая цѣнность его достатка.

Для всякого человѣка, при водвореніи въ обществѣ обычая мѣны, мѣновая цѣнность пріобрѣтенныхъ полезностей, ему принадлежащихъ, можетъ возвыситься двумя различными путями: 1) она уси-

ливается, если какія-либо обстоятельства, естественныя или искуственныя, умножаютъ препятствія, къ добыванію этихъ полезностей; 2) она усиливается, если оказывается пониженіе въ цѣнности другихъ благъ пріобрѣтенныхъ.

Не трудно усмотрѣть, что если мѣновая цѣнность пріобрѣтенной полезности усиливается вслѣдствіе первой причины, то умножается богатство лица ею владѣющаго, но въ равной степени уменьшается богатство другихъ лицъ, нуждающихся въ этой полезности, которые должны дать за нее болѣе своихъ благъ. Во второмъ случаѣ, его богатство умножается: помощію одинакого количества мѣновой цѣнности онъ можетъ пріобрѣсть болѣе другихъ цѣнностей потребительныхъ; но это обстоятельство, какъ объяснится далѣе, рѣдко бываетъ сопряжено съ уменьшеніемъ богатства другихъ лицъ. Есть конечно исключенія, и мы коснемся каждаго изъ нихъ въ своемъ мѣстѣ, но теперь уже можемъ замѣтить, что эти исключенія не выходятъ изъ предѣловъ частныхъ интересовъ. Второй способъ возрастанія относительной цѣнности пріобрѣтенныхъ богатствъ выгоднѣе для государства. Онъ всегда сопровождается относительнымъ умноженіемъ богатства пріобрѣтеннаго, тогда какъ первый влечетъ за собой его относительное уменьшеніе. Иными словами, для государства всегда выгодно, чтобъ препятствія къ добыванію благъ пріобрѣтаемыхъ безпрестанно уменьшались, чтобъ цѣнность ихъ, вслѣдстіе того, понижалась и чтобъ онѣ приближались къ свойству благъ неограничен-

ныхъ, безмездныхъ; всякій разъ когда дѣятельность народная можетъ достигнуть подобнаго результата, она умножаетъ богатство, наслажденія и благосостояніе лицъ, народъ образующихъ. Напротивъ для государства, въ смыслѣ экономическомъ всегда не выгодно усиленіе препятствій къ добыванію благъ пріобрѣтенныхъ, каковъ бы ни былъ источникъ этихъ препятствій: оно поднимаетъ ихъ цѣнность, дѣлаетъ ихъ менѣе доступными потребленію, а вслѣдствіе того уменьшаетъ богатство, наслажденія и благосостояніе народа.

Посему частный интересъ никогда не находится въ противорѣчіи съ интересомъ общественнымъ, пока разсматривать цѣнность благъ пріобрѣтенныхъ съ точки зрѣнія потребительной. Между ними можетъ быть противорѣчіе, когда эта цѣнность разсматривается съ точки зрѣнія мѣновой. Руководясь соображеніями перваго разряда, люди заботятся о возможномъ умноженіи полезностей съ наименьшими усиліями; увлекаясь соображеніями второго разряда, они болѣе заботятся объ умноженіи цѣнности, нежели полезности и, принимая первую за богатство, тогда какъ она есть одно только выраженіе отношенія между этимъ богатствомъ и нашими потребностями, впадаютъ часто въ заблужденія и сами создаютъ новыя препятствія къ благосостоянію народному.

Отвратить эти противорѣчія между частнымъ и общественнымъ интересами, предохранить народы противъ послѣдствій ихъ собственныхъ заблужденій и, въ особенности, противъ принесенія своего

благосостоянія въ жертву худо-понятымъ выгодамъ, - вотъ цѣль, къ которой стремится наука народнаго хозяйства, но косвенно, не подавая прямыхъ совѣтовъ, а просто излагая естественные законы производства, обращенія и потребленія богатствъ въ обществѣ. Разсуждая о производствѣ (ч. 1.), мы постараемся объяснить какими путями люди наилучше даютъ бытіе разнаго рода полезностямъ;— во второй части нашего изложенія займемся порядкомъ, въ которомъ произведенное богатство обращается и распредѣляется въ обществѣ; въ третьей —разсмотримъ какимъ образомъ это богатство примѣняется людьми къ удовлетворенію ихъ различнымъ потребностямъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О производствѣ и производительныхъ силахъ вообще.

10. Въ чемъ состоитъ производство.

Природа его окружающая и онъ самъ — вотъ источники, изъ которыхъ человѣкъ почерпаетъ полезности или средства къ удовлетворенію своимъ потребностямъ. Мы видѣли, однѣ изъ нихъ достаются ему совершенно готовыми: то суть блага неограниченныя, за которыя онъ можетъ только благодарить Провидѣніе. Элементы другихъ полезностей предсуществуютъ также въ мірѣ, но надлежитъ ихъ открыть, изслѣдовать, приспособить къ потребленію. Для достиженія этого результата, люди принуждены прибѣгать къ тѣмъ силамъ слѣпымъ и разумнымъ, которыми располагаютъ, и, какъ плодъ усилій и пожертвованій съ ихъ стороны, эти полезности превращаются для нихъ въ цѣнности; изъ нихъ образуется богатство пріобрѣтенное. По этому, мы выразимся правильно, когда скажемъ, что придавая полезность предметамъ, до того ея не имѣвшимъ, мы созидаемъ или производимъ богатство.

Въ этомъ производствѣ нѣтъ собственно никакого творенія. Матеріялы или стихіи, изъ которыхъ образуются цѣнности, какъ вещественныя такъ и не-

вещественныя, существуютъ сами собою предварительно. Человѣкъ только преобразуетъ, видоизмѣняетъ; вызываетъ въ вещахъ или въ самомъ себѣ полезныя свойства, которыя превращаютъ эти матеріялы въ цѣнности.

Что дѣлаетъ пахарь, бросающій сѣмя въ землю? пользуясь растительною силою, возбужденною въ зернѣ при надлежащихъ условіяхъ почвы, онъ превращаетъ его въ колосъ, на которомъ рождается пять, десять, или болѣе подобныхъ зеренъ. Сжатыя и промолотыя, эти зерна поступятъ на мельницу, гдѣ превратятся въ муку. Мука перейдетъ въ руки пекаря, который ее замѣситъ, закваситъ и превратитъ въ хлѣбъ. Наконецъ торговецъ возметъ этотъ хлѣбъ и принесетъ его къ намъ. Въ этомъ процесѣ, котораго результатъ есть внесеніе въ общество полезности — хлѣбъ, не видимъ творенія со стороны человѣка. Колосъ возросъ; потому что всѣ его элементы заключались въ зернѣ, воздухѣ и почвѣ, принявшей сѣмя. Мельникъ и пекарь, превративъ плоды колоса, одинъ въ муку, другой въ хлѣбъ, только измѣнили состояніе этихъ плодовъ, помощію другихъ веществъ, также только видоизмѣненныхъ. Торговецъ сдѣлалъ еще менѣе: онъ просто перемѣстилъ, приблизилъ къ намъ хлѣбъ. Что дѣлаетъ содержатель гигіеническаго заведенія? помощію упражненій, лекарствъ, врачеваній всякого роду онъ преобразуетъ силы больныхъ—но элементы этихъ силъ въ нихъ существуютъ. Самый искусный врачъ не создастъ здоровья тамъ, гдѣ элементы къ тому необходимые, уничтожены; такъ точно,

тщетны усилія образовать человѣка пораженнаго идіотизмомъ.

Но мы замѣчаемъ, что съ каждымъ измѣненіемъ въ положеніи элементовъ, которое придаетъ имъ новую полезность, цѣнность ихъ увеличивается. Хлѣбъ имѣетъ болѣе цѣнности нежели мука; мука, нежели зерно. Силы человѣка здороваго цѣнятся болѣе, нежели больнаго; образованнаго, нежели тупоумнаго. Элементы остались одни и тѣже: но свободно-разумная дѣятельность человѣка, приложивъ къ ихъ преобразованію силы, которыми располагаетъ, поставила ихъ въ условія полезности, до того имъ чуждой, отвратила одно за другимъ препятствія, мѣшавшія намъ ихъ употребить. Въ этомъ дѣйствіи заключается собственно производство, и посему-то мы можемъ назвать *произведеніемъ* полезность, которая была его результатомъ и должна имѣть цѣнность.

11. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЯ СИЛЫ.

Вникая въ процесъ производства, мы открываемъ съ одной стороны дѣйствователя свободнаго и разумнаго; съ другой, дѣйствователей слѣпыхъ, повинныхъ. Первый заключается въ самомъ человѣкѣ, въ его способностяхъ познавательныхъ, постигающихъ полезное, изобрѣтающихъ средства къ его осуществленію, и въ его силахъ тѣлесныхъ, исполняющихъ велѣнія разума. Вторые заключаются въ вещахъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ, окружающихъ человѣка, которыя въ своихъ дѣйствіяхъ повинуются законамъ предначертаннымъ свыше, но слѣпо, безотчетно: не уклоняясь отъ

этихъ законовъ, подъ вліяніемъ дѣйствователя разумнаго, онѣ могутъ быть направлены къ опредѣленной цѣли.

Въ дѣйствователѣ свободномъ, мы узнаемъ *трудъ:* въ дѣлѣ производства онъ играетъ роль распорядителя, и есть главный виновникъ того движенія, котораго результатомъ должна быть полезность.

Между слѣпыми дѣйствователями, первое мѣсто принадлежитъ *природѣ.* Она въ высшей степени надѣлена способностью произрожденія, независимою отъ всякого побужденія внѣшняго. Предоставленная исключительно собственнымъ законамъ, она не перестаетъ дѣйствовать и, въ стройности, гармоніи и полнотѣ ея дѣйствій отражается воля всесильная и премудрая. Цѣль этихъ дѣйствій для насъ неисповѣдима: мы видимъ только, что изъ однѣхъ рождаются блага огромныя, содержащія въ себѣ необходимѣйшія условія нашего существованія, щедро разлитыя по всему творенію, и вполнѣ приспособленныя къ нашимъ нуждамъ. Другія даютъ начало полезностямъ также готовымъ, но трудъ долженъ ихъ открыть, приблизить къ людямъ. Наконецъ третьи, не теряя своего свойства производительнаго, могутъ быть направляемы трудомъ человѣческимъ къ извѣстнымъ цѣлямъ, но для этого человѣкъ долженъ прежде постигнуть или угадать законъ природы, на которомъ можетъ основать ея полезную производительность. Подлѣ этихъ дѣйствій природы, прямо полезныхъ, или которыя могутъ обратиться въ полезныя, мы замѣчаемъ дѣйствія другого рода, враждебныя людямъ или, лучше

сказать, вредныя по нашимъ понятіямъ. Ясно, что въ послѣднемъ случаѣ полезность произойдетъ отъ удаленія этихъ силъ, и отъ приведенія природы въ условія производимости намъ благопріятныя.

Слѣпыя силы, въ которыхъ трудъ находитъ сподвижниковъ въ дѣлѣ производства, не всѣ принадлежатъ собственно природѣ, не всѣ представляютъ признаки первобытности; многія, напротивъ, уже получили нѣкоторое преобразованіе, и полезность приданная имъ этимъ преобразованіемъ служитъ къ произведенію новыхъ полезностей. Сила природы произрождаетъ дерево; сила труда превращаетъ его въ орудіе; и въ этомъ орудіи, въ этомъ преобразованномъ кускѣ дерева заключается новое удобство, новая сила, которая принимаетъ въ свою очередь участіе въ производствѣ полезностей. Земледѣлецъ, вспахавъ и удобривъ ниву, зарылъ въ нее сѣмя; сила природы, возбужденная и управляемая трудомъ, произраститъ изъ этого сѣмени коноплю; но тутъ окончится собственно независимая производительность природы. Трудъ превратитъ коноплю въ пеньку, и это превращеніе придастъ произведенію природы новыя свойства, породитъ въ немъ удобства, которыхъ оно не имѣло до того. Эти удобства заключаются въ произведеніяхъ уже готовыхъ, въ орудіи, въ пенькѣ; то суть безъ сомнѣнія силы слѣпыя и непроизводящія сами по себѣ; но трудъ находитъ въ нихъ важную опору, придающую его производительной силѣ огромную значительность; и въ этой опорѣ, столь существенной, заключается собственно производительное свойство

силъ, которымъ въ наукѣ, какъ и въ общежитіи, даютъ названіе *капиталовъ*.

2. производительныя силы дѣйствуютъ совокупно.

Во всякомъ произведеніи, при внимательномъ наблюденіи, мы откроемъ въ большей или меньшей мѣрѣ слѣды совокупнаго участія *силы труда, силы природы и силы капитала*. Можетъ случиться, что вліяніе того или другого дѣйствователя преобладаетъ въ произведеніи; но невозможно указать въ примѣръ произведенія, которое было бы обязано своимъ существованіемъ исключительно какому-либо одному изъ трехъ экономическихъ дѣйствователей.

Проникнутые удивленіемъ къ изобрѣтательности труда, этой разумной силы, которою надѣленъ человѣкъ и которая ставитъ его на высоту недосягаемую для прочихъ тварей одушевленныхъ, мы невольно иногда склоняемся къ мысли, что въ трудѣ заключается единственное начало производства: но это заблужденіе, въ которое впали нѣкоторые писатели, разрушается при самомъ поверхностномъ анализѣ фактовъ. Къ чему послужили бы всѣ наши усилія тѣлесныя и умственныя, еслибъ онѣ обращались къ міру бездѣйственному и упорному, еслибъ повсюду встрѣчали природу мертвую, неблагодарную. Если предположить даже, при подобномъ отсутствіи элементовъ органическихъ, нѣкоторыя средства къ поддержанію жизни, то и тогда родъ человѣческій неминуемо изнемогъ бы подъ бременемъ лишеній, или, погруженный въ безпре-

станную борьбу съ веществомъ неодушевленнымъ, влачилъ бы жалкое и матеріяльное существованіе. Нѣтъ, иныя цѣли руководили Создателемъ. Онъ поставилъ человѣка съ его трудомъ посреди множества другихъ силъ органическихъ, чтобъ эта сила труда встрѣчала менѣе сопротивленія, чтобъ на каждомъ шагу ей представлялись союзники могучіе и готовые. Онъ окружилъ его природою живою и послушною, которая производитъ сама, всегда, неусыпно и ждетъ только направленій отъ труда, чтобъ предоставить ему свою производительность со всѣми ея плодами. И гдѣ, и когда человѣкъ избѣгаетъ благодѣяній природы? Укажите на любое проявленіе его дѣятельности: во всякомъ онъ принужденъ искать ея опоры, ея содѣйствія. Безъ этого содѣйствія не можетъ обойтись никакой промыселъ, никакое искусство, и самыя великія произведенія умственныя, *эти побѣги праха въ небеса*, какъ выразился поэтъ (*), не могли бы осуществиться, еслибъ производительность труда, въ своемъ совокупленіи съ могучею производительностію природы, не обрѣтала обильныхъ средствъ къ обезпечительному удовлетворенію матеріяльнымъ потребностямъ бытія.

Одно ослѣпленіе гордости можетъ внушить людямъ столь превратное мнѣніе о производительности труда. Но и тѣ ошибаются, которые, поражаясь величіемъ природы и множествомъ живыхъ силъ, всюду и всегда въ ней дѣйствующихъ, отвергаютъ всякую производительность со стороны труда, и

(*) *Бенедиктовъ.*

разсматриваютъ природу, какъ единственный источникъ богатства. Безспорно, человѣкъ находитъ въ природѣ множество полезностей совершенно готовыхъ, въ произведеніи которыхъ не принимаетъ никакого, или почти никакого, участія трудъ. Но этихъ готовыхъ благъ, которыя, такъ сказать, сами себя предлагаютъ, недостаточно для удовлетворенія потребностямъ людскимъ, безпрестанно возрастающимъ. Содѣйствіе труда необходимо: безъ его помощи, сколько произведеній природы, заключающихъ въ себѣ полезность готовую, остались бы для насъ навсегда сокрытыми; сколько другихъ не могли бы получить того приспособленія, которое необходимо для удовлетворенія нашимъ нуждамъ; сколько иныхъ еще не произошли бы, еслибъ къ производительности природы, къ этой безотчетной работѣ совершаемой въ силу законовъ, отъ насъ независящихъ, не была приложена разумная сила труда, которая ее направляетъ, то возбуждая или совокупляя силы разсѣянныя, то умѣряя или раздробляя ихъ дѣйствіе.

Изъ этого только совокупнаго взаимно-обратнаго дѣйствія природы и труда, рождается произведеніе, которое въ свою очередь можетъ быть обращено въ производительную силу—*капиталъ*. Весьма важно участіе, принимаемое капиталами въ производствѣ. Они-то вооружаютъ и укрѣпляютъ трудъ въ его союзѣ съ природою, союзѣ часто являющемъ всѣ признаки борьбы; и въ нихъ-то отражается настоящее порабощеніе силъ природныхъ, которыя, такъ сказать, окованныя трудомъ, лишенныя на-

чалъ независимости, часто повинуются человѣку безпрекословно. Но капиталъ, одинъ, самъ по себѣ, не можетъ производить: онъ долженъ, съ одной стороны, опираться на силы природныя, съ другой, быть управляемъ трудомъ.

13. КОГДА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЯ СИЛЫ ИМѢЮТЪ ЦѢННОСТЬ.

Въ производительныхъ силахъ труда, природы и капитала для насъ заключается полезность неоспоримая, поелику изъ нихъ проистекаютъ всѣ прочія полезности. Но, кромѣ того, каждая изъ этихъ силъ можетъ разсматриваться какъ цѣнность, при данныхъ условіяхъ.

Есть силы природы, въ содѣйствіи которыхъ содержится необходимое условіе производства разнаго рода цѣнностей; но эти силы въ равной степени предоставлены всякому; ихъ созданіе не требуетъ никакого усилія со стороны человѣка; онѣ принадлежатъ къ разряду полезностей готовыхъ, неистощимыхъ, и посему не имѣютъ цѣнности. Есть другія силы природныя, также не зависящія отъ труда человѣческаго, но пользованіе ими не предоставлено всѣмъ одинаково: то силы *присвоенныя,* поставленныя въ условія собственности частной или государственной; онѣ могутъ имѣть цѣнность, не только потребительную собственно для того лица, которое обезпечило себѣ это присвоеніе, но также и мѣновую. Не желая, или не въ состояніи будучи самъ примѣнять эти силы къ производству, владѣтель можетъ уступить другому въ обмѣнъ за иныя

цѣнности свое право собственности, или только одно право пользованія на опредѣленный срокъ.

Трудъ тѣсно связанъ съ личностію человѣка; онъ предполагаетъ напряженіе, усталость, которыхъ непріятное ощущеніе могутъ побѣдить только интересъ или опасеніе. Всякій трудится изъ видовъ полезныхъ, и всякій цѣнитъ тѣмъ болѣе свой трудъ, чѣмъ болѣе сопряжено съ нимъ утомленія способностей умственныхъ и тѣлесныхъ, и чѣмъ болѣе онъ доставляетъ полезностей. Но трудъ имѣетъ также цѣнность мѣновую: мы можемъ трудиться для другихъ, уступать имъ производительную силу нашего труда въ обмѣнъ за иныя цѣнности. Тамъ, гдѣ личность одного человѣка можетъ быть превращена въ частную собственность другого, владѣтели невольниковъ не только пользуются ихъ силою труда, но могутъ продавать это пользованіе или же самую силу вмѣстѣ съ личностью невольника.

Какъ произведеніе уже готовое, капиталъ всегда входитъ въ составъ чьей-либо собственности. Это есть сила *присвоенная* въ полномъ значеніи слова, и нельзя предположить иначе ея существованіе. Она имѣетъ цѣнность сама по себѣ; иногда эта цѣнность зависитъ единственно отъ того содѣйствія, которое въ капиталѣ можетъ найти производство; иногда же капиталъ состоитъ изъ цѣнностей, имѣющихъ другую потребительность, имъ свойственную. Во всякомъ случаѣ владѣтель можетъ уступить самый капиталъ въ обмѣнъ за другія цѣнности, или уступить одну только производительную силу капитала.

Всякій разъ когда мы сами примѣняемъ къ производству нашъ трудъ, наши капиталы и природныя силы намъ принадлежащія, мы производимъ прямо, непосредственно. Когда же ссужаемъ этими силами другого производителя, то производимъ, но не прямо, а чрезъ посредство другихъ. Въ послѣднемъ случаѣ, наше *частное* богатство можетъ проистекать для насъ исключительно изъ той силы производительной, которая намъ принадлежитъ, и за ссуду которой мы получаемъ возмездіе. Тѣмъ не менѣе, въ производствѣ цѣнностей, изъ которыхъ образуется возмездіе нами получаемое, или такъ называемый *доходъ*, участвовали всѣ три производительныя силы.

Между нами многіе не прибѣгаютъ къ производительной силѣ своего труда; трудятся единственно для забавы, для удовольствія, не имѣя въ виду созданія цѣнности мѣновой. Для нихъ, богатство исключительно проистекаетъ изъ капиталовъ или земель, имъ принадлежащихъ и примѣняемыхъ къ производству, такъ сказать, оплодотворяемыхъ чужимъ трудомъ. Вотъ работникъ, у котораго нѣтъ ни земель, ни капиталовъ: онъ скажетъ вамъ, что почерпаетъ весь достатокъ свой въ трудѣ. И вы, и онъ, выражаетесь правильно, касательно васъ самихъ. Но разсмотрите внимательно цѣнности, изъ которыхъ образуется достатокъ, и вашъ, и его: вы убѣдитесь что ихъ производство есть результатъ совокупнаго дѣйствія чьего-либо труда, чьего-либо капитала и какой-либо силы природной, общей или присвоенной.

14. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЯ СИЛЫ НЕ ВСЕГДА ПРОИЗВОДЯТЪ.

Впрочемъ производительность не есть необходимое условіе труда, природы и капитала: эти силы могутъ оставаться въ бездѣйствіи. По безпечности, по незнанію или по равнодушію, люди иногда не извлекаютъ изъ нихъ никакой пользы. Мы уже привели въ примѣръ капиталистовъ и землевладѣльцевъ, часто пренебрегающихъ производительными свойствами собственнаго труда. Сколько можно указать капиталовъ, которые дремлютъ въ рукахъ безпечныхъ. Посреди самой плодоносной и роскошной природы, не видимъ-ли жалкихъ племенъ дикарей, умирающихъ съ голоду.

Онѣ могутъ быть примѣнены къ цѣлямъ чисто потребительнымъ, непроизводительно. Уродливая пляска есть родъ труда; она требуетъ часто весьма значительнаго напряженія нашихъ силъ тѣлесныхъ, но изъ этого труда проистекаетъ одно только удовольствіе, онъ ничего не производитъ. Засѣвая землю крапивою или бѣленою, иной чудакъ употребляетъ производительную силу природы на самое безполезное дѣло. Употребляя на удовлетвореніе своихъ потребностей цѣнности, которыя могутъ служить для производства другихъ цѣнностей, мы не только ничего не извлекаемъ изъ нашего капитала, но напротивъ, его уничтожаемъ.

Наконецъ производительныя силы могутъ быть направлены ошибочно, превратно, и примѣненіе ихъ къ дѣлу производства не будетъ имѣть результатомъ полезность: изъ него не родится произведе-

ніе. Такъ, часто страсти, самолюбіе, надежды, а всего чаще невѣжество, завлекаютъ людей въ предпріятія имъ не по силамъ, въ которыхъ они расточаютъ напрасно трудъ, капиталы и природныя силы, въ ихъ распоряженіи состоящіе. Иногда, непредвидимые случаи, несчастія, разстроиваютъ предпріятія людскія, и тамъ, гдѣ надѣялись пожать цѣнности, оказывается одна безполезная растрата производительныхъ силъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ нѣтъ собственно производства, хотя и можетъ быть дѣйствіе производительныхъ силъ; его нѣтъ, потому-что изъ этого дѣйствія не родилось произведеніе, или полезность имѣющая цѣнность.

15. О производительныхъ сословіяхъ въ обществѣ.

Изъ предшествующихъ разсужденій явствуетъ, что существованіе и умноженіе богатства народнаго по необходимости предполагаетъ существованіе въ обществѣ сословія производительнаго, то есть такого, которое примѣняетъ свой трудъ, свои капиталы и природныя силы къ производству всякого рода благъ или полезностей, имѣющихъ цѣнность мѣновую, соотвѣтствующихъ потребностямъ общественнымъ. Нельзя не включить въ это сословіе и тѣхъ лицъ, которыя, не принимая прямого участія въ производствѣ, посвящаютъ ему однако свои капиталы и природныя силы, по законамъ общественнымъ входящія въ составъ ихъ собственности. Подлѣ сословія производительнаго, представляется

почти столь же многочисленное сословіе непроизводительное. Къ нему должно, съ одной стороны, причислить тѣхъ людей, въ которыхъ еще несозрѣла или ужъ утратилась способность къ труду: малолѣтныхъ, старцевъ, слабыхъ женщинъ, изувѣченныхъ; съ другой, тѣхъ, которые коснѣютъ въ бездѣйствіи или проводятъ время въ пустыхъ забавахъ, прячутъ свои капиталы, или растрачиваютъ ихъ изъ однихъ видовъ потребительныхъ, не радѣютъ о производительности природныхъ силъ, исключительно въ ихъ распоряженіи состоящихъ; вовсе не употребляютъ на пользу себѣ или другимъ или, какъ случается нерѣдко, употребляютъ во зло внутреннія блага ими пріобрѣтенныя. Безъ сомнѣнія, человѣка, участвующаго въ производствѣ своимъ капиталомъ или своею землею, но не примѣняющаго своего труда къ производству, можно, съ одной стороны, разсматривать какъ производительнаго, съ другой какъ непроизводительнаго. Но онъ можетъ объяснить и оправдать свое существованіе. Тотъ-же, у кого нѣтъ ни земель, ни капиталовъ, и кто не трудится, тотъ не имѣетъ иного источника къ обогащенію, кромѣ чужого добра. Онъ принужденъ жить помощію ближнихъ, или подаяніемъ благотворительности, или похищеніемъ собственности, ему не принадлежащей. Въ первомъ случаѣ, онъ бремя для общества; во второмъ онъ — зло. Бремя можно облегчить; его должно терпѣть, когда оно неизбѣжно; но зло должно быть отвращено, и общество справедливо вооружается противъ опасныхъ тунеядцевъ.

По странному противорѣчію, къ сословію непроизводительному еще недавно ученые, наиболѣе оказавшіе услугъ наукѣ народнаго хозяйства (*), причисляли званія, необходимѣйшія для общества, доставляющія людямъ тѣ великія полезности, которымъ мы дали названіе благъ внутреннихъ, и которыя можно еще назвать богатствомъ невещественнымъ. «Нѣкоторыя изъ самыхъ важныхъ и са«мыхъ необходимыхъ званій,» говоритъ *А. Смитъ* «(**), «нѣкоторыя изъ самыхъ суетныхъ должны «быть отнесены къ этому разряду (непроизводи«тельному): ученые, юристы, врачи, литераторы «всякого рода, равно какъ и комедіянты, скомороxи, музыканты, оперные пѣвцы, танцоры и т. п. «Трудъ самаго низкаго изъ этихъ званій имѣетъ «свою цѣнность, которая опредѣляется какъ и цѣн«ность всякого другого труда; но благороднѣйшія «и полезнѣйшія не производятъ своимъ трудомъ «ничего такого, на что можно было бы купить или «заказать равное количество труда. Произведеніе «всякого изъ нихъ, какъ то: декламація актера, «рѣчь оратора или звуки музыканта, изчезаетъ въ «то самое время, какъ получаетъ бытіе.»

Это заблужденіе основателя науки политической экономіи и его первыхъ послѣдователей произошло, какъ весьма правильно замѣчаетъ *Дюнойе*, (***) отъ того, что они недостаточно различали трудъ отъ его результатовъ. Во всякомъ званіи, во всякомъ

(*) *А. Смитъ, Сисмонди, Де Траси, Мальтусъ, Милль.*

(**) *A. Smith: Richesses des nations* T. II, p. 414. *ed. Guillaumin.*

(***) *Ch. Dunoyer: De la liberté du travail* T. II, p. 11, *ed. Guillaumin.*

ремеслѣ, трудъ, работа нашихъ мускуловъ, нашихъ силъ, изчезаетъ по мѣрѣ того, какъ осуществляется: онъ изчезаетъ, то оставляя за собой полезность, то не оставляя полезности. Безъ сомнѣнія, нельзя искать произведеній оратора, актера, судьи, врача, учителя, въ самомъ ихъ трудѣ, не впавъ въ ошибку *Ж. Б. Се*, который, говоря о государственной службѣ, замѣчаетъ, что «трудъ этого рода ни«мало не увеличиваетъ капитала народнаго; полез«ность имъ производимая уничтожается по мѣрѣ ея «производства, подобно той, которая бываетъ по«слѣдствіемъ труда медиковъ и другихъ произво«дителей невещественныхъ произведеній». (*) Повторяемъ, не полезность изчезаетъ, а трудъ; полезность-же, если она произведена, остается; она заключается въ томъ внутреннемъ благѣ, которое трудъ успѣлъ произвесть въ людяхъ, на преобразованіе которыхъ былъ направленъ; она заключается въ ихъ сохраненномъ или возстановленномъ здоровьи, въ познаніяхъ ими пріобрѣтенныхъ, въ исправленіи ихъ нравственности. Это—фасонъ, данный способностямъ человѣческимъ, который, по остроумному выраженію *Дюнойе,* остается въ человѣкѣ, такъ точно, «какъ въ глинѣ сохранается форма, данная ей гончаромъ,» тогда какъ трудъ, придавшій ей эту форму, давно уже изчезъ невозвратно.

Единственное различіе между этими двумя родами производства заключается въ томъ, что резуль-

(*) *J. B. Say: Traité d' Economie politique; Cathéchisme d' Economie politique.*

таты одного подлежатъ нашимъ чувствамъ, тогда какъ результаты другого скрываются въ насъ самихъ и постигаются только разумомъ. Мы не видимъ, не слышимъ, не осязаемъ познаній нами пріобрѣтенныхъ; онѣ не то, что напр. золотая или серебряная утварь нами купленная; но тѣмъ не менѣе мы сознаемъ существенность первыхъ; мы ими пользуемся, гордимся, употребляемъ ихъ какъ орудіе нашего обогащенія. При отсутствіи ихъ, мы ощущаемъ недостатокъ, потребность въ ихъ пріобрѣтеніи, и охотно воздаемъ плату за трудъ, который можетъ въ насъ произвести эти блага, такъ точно, какъ платимъ за трудъ, превращающій грубую и жирную шерсть въ мягкое, чистое и шелковистое сукно.

Ежедневно мы обмѣниваемъ цѣнности самыя вещественныя, монету, дорогое содержаніе, подарки, на цѣнности невещественныя, такъ сказать нами самими поглащаемыя, но въ насъ сохраняющіяся. Отецъ жертвуетъ огромными суммами на воспитаніе сына, на развитіе его силъ тѣлесныхъ и душевныхъ; больной платитъ золотомъ врачу, и всякій изъ насъ приноситъ свою лепту врачу другого рода, духовнику изцѣляющему болѣзни души нашей. Неужели кто-либо между нами станетъ утверждать, что эти пожертвованія насъ обѣдняютъ, что отъ этихъ пріобрѣтеній намъ ничего не остается; что эти потребленія, по выраженію *Се* непроизводительны, или, что польза ихъ только минутная и изчезаетъ вмѣстѣ съ трудомъ, ихъ произведшимъ? Нѣтъ, мы слышимъ отвсюду сужденія совершенно

противныя. Наши отцы, наши наставники, наша вѣра, безпрестанно твердили и твердятъ намъ, что блага внутреннія: свѣтлый разумъ, полныя и основательныя познанія, чистые нравы, прочное здоровье, суть блага самыя драгоцѣнныя; наша собственная опытность подтверждаетъ истину этихъ сужденій. Такія блага не только не отличаются скоротечностью, которую такъ неправильно имъ приписывали нѣкоторые экономисты: напротивъ, онѣ менѣе подлежатъ расточенію нежели блага внѣшнія; въ нихъ, безъ сомнѣнія, заключается прочнѣйшая часть нашего богатства пріобрѣтеннаго, та, которая насъ нигдѣ и никогда не покидаетъ, но остается при насъ посреди величайшихъ бѣдствій, и въ которой мы находимъ новыя силы, то для перенесенія этихъ бѣдствій, то для ихъ отвращенія, то для возстановленія нашего богатства вещественнаго, въ случаѣ утраты.

Послѣ этого, ужели мы назовемъ непроизводительнымъ сословіе людей, посвящающихъ свои силы трудовыя и другія средства, которыми располагаютъ, на доставленіе намъ этихъ благъ. Ужели, напротивъ, не признаемъ мы, въ результатахъ его дѣятельности, производства несомнѣнныхъ и великихъ полезностей, по выраженію *Дюнойе*, писателя наилучше разобравшаго этотъ вопросъ,—производства людей здоровыхъ, благомыслящихъ, образованныхъ, добродѣтельныхъ?

Ктому-же, это производство, напрявляемое на самихъ людей, представляетъ многія сходственныя черты съ тѣмъ, которое направляется на вещи. По-

добно послѣднему, оно нуждается въ совокупности всѣхъ трехъ производительныхъ силъ и, не смотря на его результаты, не подлежащіе чувствамъ, невещественные, не можетъ обойтись безъ множества самыхъ вещественныхъ средствъ.

Разсматривая различные виды производства, мы подтвердимъ это сходство доказательствами самыми существенными.

Но прежде мы должны заняться разсмотрѣніемъ каждой изъ трехъ производительныхъ силъ въ особенности, и изслѣдовать условія, наиболѣе благопріятныя развитію и употребленію каждой изъ нихъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О производительной силѣ природы.

16. Она въ неравной степени предоставлена всѣмъ народамъ.

Начнемъ съ силы природы: ея производительное свойство заключается въ болѣе или менѣе существенномъ содѣйствіи труду, и въ ней люди находятъ большую часть первообразныхъ элементовъ богатства.

Вникая въ положеніе различныхъ народовъ, между которыми дѣлится обладаніе земного шара, мы съ перваго взгляда поражаемся неравнымъ распредѣленіемъ естественныхъ благъ. Однимъ достались въ удѣлъ области, поставленныя Провидѣніемъ въ самыя благопріятныя условія производительности, надѣленныя климатомъ благотворнымъ, плодоносною почвою, мѣстоположеніемъ удобнымъ и удивительнымъ разнообразіемъ произведеній естественныхъ. Другіе развились или утвердились въ странахъ, лишенныхъ преимуществъ столь важныхъ; имъ достался климатъ суровый или знойный, почва безплодная; они заброшены на край свѣта, или затерты посреди земель пустынныхъ, обиженныхъ природою, гдѣ видимъ однѣ скудныя и слабыя проявленія жизни органической. Однимъ природа на каждомъ шагу предлагаетъ содѣйствіе могучее и

дѣятельное; другіе должны вызвать это содѣйствіе большими усиліями, и часто природа имъ отказываетъ въ немъ.

Между тѣмъ, какъ ни бѣдна и неблагодарна страна, посреди которой развился народъ, странное чувство привязываетъ его къ отечеству, чувство занимающее средину между нравственнымъ и физическимъ. Съ одной стороны, въ насъ отражается любовь къ пепелищу предковъ, къ колыбели дѣтства, къ мѣсту пребыванія родителей, друзей; съ другой, открываемъ въ себѣ безотчетное, инстинктивное влеченіе къ странѣ, гдѣ мы пріяли жизнь и гдѣ взросли. Извѣстная болѣзнь *наставьгія* или тоска по родинѣ, не имѣетъ другого начала. Изъ всѣхъ существъ органическихъ, человѣкъ, безъ сомнѣнія, наиболѣе способенъ къ перемѣнѣ мѣстопребыванія, къ космополитизму. Онъ можетъ жить и размножаться подъ всякимъ небомъ, на всякой почвѣ. Но это удивительное приспособленіе нашего организма не изъемлетъ его однако отъ вліянія, почти всегда тягостнаго и часто пагубнаго, подобныхъ перемѣщеній. Рожденные посреди данныхъ обстоятельствъ мѣстоположенія и климата, люди не скоро привыкаютъ къ ихъ перемѣнѣ. Подъ благословеннымъ небомъ Италіи, Скандинавецъ не пользуется тѣмъ здоровьемъ, тою бодростью, которыми отличался посреди льдовъ, снѣговъ и скалъ своей отчизны. Долго не удается ему заглушить въ себѣ тоскливыя воспоминанія о явленіяхъ природы, посреди которыхъ онъ возросъ, о сѣверныхъ сіяніяхъ, о бурныхъ волнахъ океана. Не одна потеря

свободы и дурное обхожденіе причиняютъ огромную смертность между Неграми, которыхъ изъ Африки перевозятъ въ Америку: многіе чахнутъ и умираютъ потому только, что удалены отъ мѣста рожденія. Замѣчено что Сибиряки, пріѣзжающіе въ С. Петербургъ долго немогутъ оклиматироватся и часто подвергаются опаснымъ болѣзнямъ. Почти всѣ скучаютъ по родинѣ.

Въ этой привязанности къ мѣсту рожденія, свойственной людямъ, кроется одна изъ причинъ, почему народы не покидаютъ страны, гдѣ въ природѣ трудъ ихъ встрѣчаетъ содѣйствіе слабое, часто недостаточное, гдѣ онъ обреченъ на тяжкую и нерѣдко безплодную борьбу.

Впрочемъ, если отвергнуть даже вліяніе этого чувства смутнаго, полуинстинктивнаго, и которое можетъ быть побѣждено разумомъ и силою воли, то въ обстоятельствахъ, окружающихъ всякій народъ, откроемъ другія, часто неодолимыя препятствія къ его переселенію. Прежде всего народъ долженъ сознавать неудобство своего естественнаго положенія: онъ долженъ быть убѣжденъ въ своемъ безсиліи ихъ отвратить. Затѣмъ, ему надо имѣть средства совершить это переселеніе, средства, предполагающія уже немаловажное развитіе богатства, образованности, или могущества. Наконецъ, онъ долженъ имѣть въ виду область еще незанятую, если не намѣренъ прибѣгнуть къ силѣ оружія, къ завоеваніямъ, къ изгнанію, истребленію или покоренію населенности, его предупредившей, и которая не согласится съ нимъ раздѣлить свою область.

Географія убѣждаетъ насъ, что двѣ трети шара земного еще не населены. Она указываетъ обширныя протяженія земли самой плодоно́сной въ южныхъ частяхъ Африки, въ средней Азіи, въ сѣверной и южной Америкѣ, на материкѣ Новой Голландіи и на островахъ Полинезіи и Австраліи, гдѣ малочисленныя племена дикарей оспориваютъ владычество у хищныхъ звѣрей. Мы не говоримъ о тундрахъ Сибири, о ледовитыхъ скалахъ полярныхъ поясовъ, о палящихъ пескахъ средней Африки и Аравіи, отъ которыхъ бѣжитъ жизнь и куда заносятъ человѣка только одни опасные промыслы и любознаніе. Но пустынныя страны, роскошно надѣленныя природою, такъ сказать призывающія людей, еще не приведены въ условія удобныя для жизни общественной. Человѣчество сильно лишь тамъ, гдѣ оно сближено; гдѣ все благопріятствуетъ его взаимнымъ сношеніямъ; гдѣ многочисленнымъ и разнообразнымъ произведеніямъ соотвѣтствуютъ многочисленныя и разнообразныя потребности. Общественность призываетъ общественность, и люди, повинуясь силѣ обстоятельствъ, тѣснятся одни къ другимъ. Земли необитаемыя напрасно облекаются самыми роскошными и блестящими дарами природными: народы питаютъ невольное отвращеніе къ уединенности этихъ пустынь, и взоры ихъ безпрестанно обращены къ странамъ уже населеннымъ.

Тамъ лучшія мѣста уже заняты. По какому-то инстинкту, или по внушенію разсудка, всѣ первобытныя племена селились въ мѣстахъ, наиболѣе предлагавшихъ содѣйствія труду со стороны при-

роды. Исторія открываетъ колыбели народовъ по берегамъ рѣкъ, въ плодоносныхъ долинахъ, вблизи озеръ или морей, въ оазисахъ. Тамъ населенность развивалась, обогащалась, и туда это развитіе и это обогащеніе привлекали другія племена, не находившія въ ихъ природномъ положеніи столь благопріятныхъ условій для собственнаго развитія. Другой причины нельзя придумать множеству войнъ, обуревавшихъ міръ. Честолюбіе и фанатизмъ принимали, безъ сомнѣнія, большое участіе въ этихъ колебаніяхъ, волновавшихъ народы, но почти всегда они сливались съ интересами экономическими. Много пролито крови человѣческой за вѣру, за суевѣріе, за славу; но еще гораздо болѣе за пріобрѣтеніе владѣній, обѣщавшихъ народамъ важныя и обезпечительныя выгоды природныя. Такъ всѣ главнѣйшія державы европейскія, слѣдуя знаменитой системѣ округленія, успѣли распространить и увеличить свои владѣнія посредствомъ завоеваній, явныхъ или скрытныхъ.

Но сила оружія есть средство жестокое и опасное. Оно недоступно народамъ слабымъ и устрашаетъ даже сильныя государства. По нравственности и по праву, его можно допустить только для собственной защиты; завоеванія-же оправдываются одною необходимостью, или какъ вознагражденіе за понесенный ущербъ вслѣдствіе нападенія. Онѣ должны быть отвергнуты какъ средство насильственное, уничтожающее не только богатство, но и самые источники богатства: трудъ и капиталы; какъ сопряженное съ водвореніемъ между народами

права сильнаго, при которомъ невозможно ни обезпеченіе собственности, ни спокойствіе.

Впрочемъ, успѣхи образованности и народнаго права, хотя и не отвращаютъ совершенно войнъ, за то часто удерживаютъ отъ нарушенія мира. Народы, по крайней мѣрѣ въ кругу европейской образованности, начинаютъ постигать необходимость покоряться судьбѣ, имъ уготованной Провидѣніемъ, и не помышляя о пріобрѣтеніи силою какихъ-либо чужихъ преимуществъ имъ недостающихъ, довольствоваться приложеніемъ своего труда къ извлеченію наиболѣе пользы изъ тѣхъ силъ природныхъ, которыя каждому изъ нихъ безспорно принадлежатъ.

17. ОБЩЕЕ РАЗДѢЛЕНІЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХЪ СИЛЪ ПРИРОДЫ.

Между этими силами не всѣ однако образуютъ особенныя *мѣстныя преимущества*; многія въ равной степени предоставлены всѣмъ народамъ и должны разсматриваться какъ *общія*.

На планетѣ нашей есть точки, гдѣ жизнь органическая замираетъ, и гдѣ нельзя предположить существованіе человѣка. Подъ полюсами, на вершинахъ горъ, посреди песчаныхъ степей, обожженныхъ лучами тропическаго солнца, не живутъ люди. Но, и въ этихъ мѣстахъ, на которыхъ словно лежитъ печать отверженія, мѣстахъ обреченныхъ на вѣчное запустѣніе, еслибъ могъ жить человѣкъ, то встрѣчалъ бы, какъ и вездѣ, содѣйствіе со стороны природы. Повсюду его сопровождаетъ жизнь

органическая, болѣе или менѣе развитая. Повсюду внѣшняя кора земного шара предлагаетъ ему тѣла твердыя; повсюду свойства разширенія и упругости неразлучны съ тѣлами жидкими и газообразными; повсюду разлиты теплородъ, электричество, магнетизмъ. Въ этихъ силахъ, въ атмосферѣ окружающей землю, въ водахъ ее орошающихъ, всякій народъ находитъ могучихъ сподвижниковъ своему труду.

Онъ тѣмъ болѣе извлекаетъ изъ нихъ пользы, чѣмъ полнѣе постигаетъ законы, которымъ онѣ повинуются, чѣмъ лучше умѣетъ ихъ направить къ осуществленію данныхъ результатовъ. Племена, стоящія на низшей ступени общественности, пользуются этими силами безотчетно, не помышляя о той огромной помощи, которой могутъ отъ нихъ требовать. По мѣрѣ успѣховъ образованности, всѣ эти силы природныя, прежде дремавшія или дѣйствовавшія безъ цѣли опредѣленной, безъ пользы для людей, пробуждаются и, приспособленныя, такъ сказать, окованныя трудомъ человѣка, превращаются въ орудія его воли.

Тяготѣніе атмосферы приводитъ въ движеніе пресы, насосы. Разширительная сила паровъ становится могучимъ движителемъ, замѣняющимъ усилія человѣка. Огонь, едва извѣстный дикимъ, преобразуетъ въ горнахъ грубыя руды въ металлы. Вмѣсто жалкихъ челноковъ, упругая сила воздуха надуваетъ цѣлую систему парусовъ и направляетъ по океану огромные корабли, эти пловучія крѣпости или магазины. Она-же приводитъ въ дви-

женіе крылья мельницъ. Вода, безъ пользы падавшая съ высоты скалъ, или струившаяся въ потокахъ, вращаетъ гидравлическія колеса. Сила электричества, только наводившая ужасъ на бѣдныхъ дикарей въ грозахъ и вихряхъ, примѣняется къ разложенію и совокупленію металловъ. Самый свѣтъ, вещество неуловимое, неосязаемое, покоряется человѣку, постигшему его вліяніе, и на металлической доскѣ отражаетъ картины, озаряемыя имъ въ природѣ.

Всѣ эти силы,—и кто можетъ ихъ изчислить?... вездѣ щедро предлагаются природою человѣку, и если одни народы извлекаютъ изъ нихъ болѣе пользы нежели другіе, то причины тому должно отъискивать въ различной степени образованія, въ достаточномъ или недостаточномъ обладаніи средствами, необходимыми для приведенія природныхъ силъ въ условія производительности. Эти средства, какъ мы увидимъ далѣе, заключаются въ капиталахъ. Но капиталы предполагаютъ уже нѣкоторые успѣхи богатства, и посему нельзя не согласиться, что наибольшее извлеченіе пользы изъ общихъ силъ зависитъ само отъ *мѣстныхъ* обстоятельствъ природныхъ, съ которыми тѣсно сопряжено развитіе народнаго богатства и самой образованности.

Мѣстныя обстоятельства, въ ближайшемъ отношеніи ихъ къ народу, могутъ быть подведены подъ четыре общія понятія, четыре категоріи: *мѣстоположенія страны, климата, внутренняго состава грунта* и *произведеній органическихъ*. Каждое изъ

этихъ четырехъ условій имѣетъ важное вліяніе на развитіе богатства народнаго, то какъ содѣйствіе, какъ помощь, то какъ препятствіе къ его успѣхамъ. Предоставляя статистикѣ изученіе ихъ вліяній въ отношеніи къ каждому народу въ отдѣльности, политическая экономія должна разсмотрѣть ихъ стороны общія.

18. мѣстоположеніе страны.

Первое и, безъ сомнѣнія, важнѣйшее условіе съ которымъ связана жизнь народа, заключается въ географическомъ положеніи области имъ занимаемой. Отъ этого положенія зависятъ всѣ прочія преимущества ему предлагаемыя, или въ которыхъ ему отказываетъ природа. Но, кромѣ того, географическое положеніе страны имѣетъ свое собственное вліяніе на успѣхи богатства. Оно, то сближая, то разлучая народы въ пространствѣ, способствуетъ или препятствуетъ ихъ сношеніямъ, позволяетъ или мѣшаетъ имъ взаимно дѣлиться ихъ богатствами, ихъ образованностію. Народъ, удаленный отъ другихъ, уединенный на земномъ шарѣ, принужденъ развиваться изъ собственныхъ элементовъ; онъ не можетъ воспользоваться ни успѣхами, ни ошибками другихъ народовъ; не можетъ извлечь никакой пользы изъ множества вещей, ему принадлежащихъ, не имѣющихъ для него цѣнности потребительной, но въ которыхъ есть цѣнность мѣновая для другихъ народовъ. Такъ, въ древности, не соприкасаясь, развились двѣ образованности со-

вершенно различныя: греческая и индейская, безъ взаимнаго поддержанія, потому только, что ихъ раздѣляло пространство. Быть можетъ, имперія Монтесумы и царство Инковъ не пали бы такъ легко добычею Кортеса и Писарро, еслибъ судьба не отдѣлила ихъ совершенно отъ Европы. Нынѣ Китай, не допуская къ себѣ иностранцевъ, добровольно усиливаетъ невыгоды своего положенія географическаго въ отношеніи къ народамъ европейскимъ.

Окружая и пересѣкая материки морями, природа исправляетъ невыгоды разлученія народовъ въ пространствѣ. Океанъ есть настоящій путь ею уготовленный для соединенія странъ; образованные народы всѣхъ временъ прибѣгали къ мореходству для взаимныхъ сношеній. Нынѣ, въ особенности, благодаря открытію компаса, пароходамъ и другимъ успѣхамъ навигаціи, для европейской образованности почти нѣтъ земли неизвѣстной. Она всюду разноситъ свои зачатки; но удаленность иныхъ народовъ и въ особенности тѣхъ, которые заключены посреди земель, долго еще будетъ служить препятствіемъ къ водворенію между ними ея благодѣяній.

Самое расположеніе береговъ имѣетъ важное вліяніе на успѣхи богатства народовъ. Тамъ, гдѣ море по выраженію поэта (*) *«съ любовію омываетъ материкъ»*, гдѣ оно образуетъ большіе заливы, притекаетъ внутрь земель, сжимаетъ ихъ въ своихъ объятіяхъ, тамъ его благодѣтельное сосѣдство рас-

(*) Лордъ Байронъ.

предѣляется между большимъ числомъ народовъ: взаимныя сношенія, торговля—оживленнѣе; богатство обращается быстрѣе. Вся древняя образованность греческая была сосредоточена по берегамъ Средиземнаго моря; и нынѣ Европа обязана, частію, своимъ превосходствомъ предъ прочими странами свѣта выгодному расположенію моря въ отношеніи къ материку. Безъ глубокихъ заливовъ морей Балтійскаго, Сѣвернаго и Средиземнаго, ни просвѣщеніе, ни богатство не могли бы разлиться по ней такъ повсемѣстно. Средняя часть Азіи осталась, и еще долго останется, малообразованною и бѣдною, не смотря на высокую степень развитія народовъ приморскихъ: Китая, Японіи, а въ древности Индейцевъ и малоазійскихъ Грековъ. Какихъ успѣховъ можно ожидать въ среднихъ частяхъ обширнаго материка африканскаго, со всѣхъ сторонъ закрытаго пустынями и степями.

Для народовъ, удаленныхъ отъ морей, этотъ недостатокъ частію замѣняется судоходными рѣками. Въ послѣднихъ заключаются еще другія, не менѣе важныя полезности. Древніе ихъ боготворили, и нынѣ народы должны воздавать живѣйшую признательность Провидѣнію за всякій ручей, орошающій ихъ землю. Не должно забывать, что рѣки полезны, не только какъ *живые пути* (*), но какъ поители людей и всѣхъ тварей одушевленныхъ, какъ источники плодородія. Что сталось бы съ народомъ, который лишился бы драгоцѣннаго изобилія прѣсной воды. Перенеситесь мысленно въ степь аравійскую,

(*) Паскаль.

гдѣ нѣтъ ни рѣкъ, ни озеръ: тамъ жизнь цѣпенѣетъ посреди мертвенности; растительность изчезаетъ; ключь, изрѣдка открываемый, прячется какъ сокровище; за право имъ пользоваться люди жертвуютъ и золотомъ и алмазами, и часто проливаютъ кровь; тамъ-то всякій познаетъ огромную полезность рѣкъ и ручьевъ. Подобная полезность и въ озерахъ: часто, раздѣляя два народа или двѣ области, онѣ ихъ сближаютъ. Обширныя озера Сѣверо-Американскихъ Штатовъ представляютъ прибрежнымъ жителямъ важныя выгоды, которыхъ лишены штаты, въ центрѣ расположенные.

Часто приморское положеніе даетъ совершенно особенное направленіе промышлености народа. Кто въ промышлености Великобританіи, со всѣхъ сторонъ окруженной моремъ, не откроетъ элемента, единственно зависящаго отъ ея положенія, и котораго нѣтъ и слѣдовъ, напр., въ промышлености Саксоніи. Иногда въ подобномъ положеніи кроется вся тайна богатства и могущества націи. Близости моря обязана была Финикія возможностью развить свое богатство помощію внѣшней и транспортной торговли. Венеція, утвердившись на пренебрегаемыхъ лагунахъ Адріатическаго моря, нашла въ этомъ положеніи средства основать сильное и богатое государство. И Финикіяне, и Венеціяне, можетъ быть, никогда не возвысились бы до степени народа независимаго и самобытнаго, еслибъ имъ достался участокъ, заброшенный посреди материка. Не одна зависть, не одно честолюбіе побуждаютъ народы оспоривать, однимъ у другихъ,

устья судоходныхъ рѣкъ орошающихъ ихъ владѣнія. Тутъ есть интересъ экономическій: рѣка — большая дорога къ океану; уступить ея устье другому народу значитъ отдать ему ключь отъ воротъ этой дороги, поставить себя въ зависимость, которая можетъ, при данныхъ обстоятельствахъ, содѣлаться тяжкою и убыточною. Въ Европѣ иныя слабыя государства владѣютъ устьями большихъ рѣкъ; въ этомъ владѣніи онѣ снискиваютъ политическую важность, которой безъ того не имѣли бы. Голландія, владѣющая устьями Рейна и Мааса, можетъ всегда расчитывать на союзъ съ Пруссіею, Баденомъ, Франціей и Швейцаріей, для внѣшней торговли которыхъ необходимо теченіе этихъ рѣкъ.

На производство имѣетъ также немаловажное вліяніе внѣшній видъ страны. Въ противоположность морямъ, горы служатъ препятствіемъ къ сближенію народовъ, но въ тоже время, онѣ служатъ оплотомъ, прикрывающимъ слабыхъ противъ сильныхъ. Подъ защитою ущелій, кантоны Швейцарскіе сохранили свою независимость посреди переворотовъ, колебавшихъ Европу . . . . Но это преимущество едва-ли вознаграждаетъ невыгоды слишкомъ гористаго положенія: земледѣліе не можетъ тамъ производиться съ успѣхомъ, и большая часть горныхъ населенностей предаются скотоводству. Въ горахъ, сообщенія не такъ удобно устроиваются онѣ сами собою уготовляются въ мѣстахъ ровныхъ. Мѣстности слишкомъ низменныя представляютъ другой родъ неудобства: люди, съ большими усиліями, большою тратою труда и капиталовъ, принуж-

дены укрѣплять болотистую почву, или подобно Голландцамъ, воздвигать огромныя плотины противъ напора волнъ морскихъ, безпрестанно грозящихъ имъ поглощеніемъ.

Такъ всякая мѣстность представляетъ народу, на ней утвердившемуся, болѣе или менѣе удобствъ или неудобствъ, ей свойственныхъ. Дѣло труда человѣческаго воспользоваться однѣми, отвратить или уменьшить другія.

19. КЛИМАТЪ.

Въ числѣ мѣстныхъ обстоятельствъ окружающихъ каждый народъ, мы открываемъ одно, на измѣненіе котораго дѣятельность человѣческая имѣетъ весьма слабое вліяніе: это климатъ. Онъ зависитъ отъ причинъ совершенно намъ чуждыхъ: отъ широты и долготы занимаемыхъ страною; отъ ея гористаго или плоскаго положенія; отъ содержанія между материкомъ и водами, ее образующими; отъ близости или удаленія моря, лѣсовъ, и проч.

Вліяніе климата проявляется частію въ трудовыхъ способностяхъ человѣка, частію въ развитіи его потребностей, частію въ благопріятномъ или неблагопріятномъ отношеніи, въ которомъ онъ находится къ производительнымъ силамъ природы, и въ особенности къ жизни органической.

Замѣчено что климатъ слишкомъ холодный, равно какъ и слишкомъ знойный, неблагопріятны развитію трудовыхъ способностей въ человѣкѣ. Посреди этихъ крайностей человѣкъ является подавленный усталостію или разслабленіемъ. Житель Грен-

ландіи, въ своихъ мускулахъ окованныхъ холодомъ, въ своемъ зрѣніи ослѣпленномъ шестимѣсячнымъ мракомъ, находитъ средства слабыя; его воля поражена онѣмѣніемъ; онъ мало заботится о будущемъ, о лучшемъ; настоящее и необходимое слишкомъ много его занимаютъ. Подъ палящимъ небомъ Антильскихъ острововъ, одинъ бичь смотрителя заставляетъ Негра трудиться десять или двѣнадцать часовъ въ день; этотъ доводъ приводится какъ одинъ изъ сильнѣйшихъ въ защиту рабства. Наиболѣе дѣятельнаго и свѣтлаго примѣненія труда къ производству намъ представляютъ народы, которымъ достался климатъ умѣренный и здоровый.

Въ климатѣ заключается одно изъ важнѣйшихъ преимуществъ Европейцевъ предъ жителями востока. И тамъ, и тутъ, способность къ труду одинакова; но послѣдніе самою природою склоняются къ нѣгѣ и бездѣйствію; чтобъ сравняться въ дѣятельности съ жителями сѣвера, они должны побѣдить это невольное расположеніе, изъ котораго неизъяты и сами Европейцы, когда переселяются въ жаркія страны. Извѣстно, что Англичане, живущіе въ Индіи еще менѣе самихъ туземцевъ могутъ устоять противъ этого разслабленія силъ нравственныхъ и тѣлесныхъ, которыя пробуждаются съ сугубою силою, только подъ вліяніемъ особенныхъ обстоятельствъ.

Смотря по климату, потребности человѣка измѣняются. Въ странѣ теплой довольствуются одеждою и строеніями легкими, пищею умѣренною, которыхъ отнюдь не достаточно для удовлетворенія

тѣмъ же потребностямъ въ странѣ холодной. Всѣ путешественники, посѣщавшіе Египетъ, Остъ-Индію, Аравію, поражаются необыкновенною воздержностью жителей тѣхъ странъ. Эта воздержность, имъ свойственная, еще болѣе располагаетъ ихъ къ лѣни.

Но въ странахъ полуденныхъ, производительность природы вознаграждаетъ слабость труда человѣческаго. Разжигаемая лучами солнца, жизнь органическая дѣйствуетъ тамъ безъ отдыха; она постоянно предлагаетъ дары свои человѣку, довольствуясь съ его стороны самыми ничтожными усиліями. Въ поясѣ умѣренномъ, напротивъ, природа работаетъ скупо; она производитъ, и много, но требуетъ также много труда; въ зимнюю пору ея дѣятельность замираетъ. Тогда какъ люди на югѣ могутъ жить со дня-на-день, сѣверные народы должны заботиться о запасѣ. Ктому-же, замерзаніе рѣкъ и морей лишаетъ ихъ выгодъ судоходства въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году. Такъ болѣе полугода наше отечество принуждено довольствоваться собственными средствами или запасами иностранныхъ продуктовъ, сдѣланными въ теченіи лѣта.

При этихъ преимуществахъ, въ климатахъ жаркихъ населенностямъ угрожаютъ моровыя повѣтрія, эпидеміи, заразительныя болѣзни, менѣе постигающія народы климатовъ умѣренныхъ и холодныхъ. Послѣдніе, прибѣгая къ предосторожностямъ, легче ограждаютъ себя противъ этихъ бичей. Между первыми, заразы рождаются и зрѣ-

ютъ сами собою: чума никогда не перестаетъ свирѣпствовать на берегахъ Нила и въ Сиріи; холера въ Остъ-Индіи; оспа и другія болѣзни постоянно опустошаютъ различныя части Америки и Азіи. Убійственныя лихорадки разрушаютъ здоровье жителей въ Италіи и въ Греціи.

Иногда усилія труда человѣческаго могутъ побѣдить враждебное свойство климата: осушая болота, народы избавляются отъ тлетворныхъ и зловредныхъ испареній; вырубая или выжигая лѣса, тамъ гдѣ ихъ слишкомъ много, они значительно повышаютъ среднюю температуру. По свидѣтельству Тацита, Германія, въ его время покрытая дремучими лѣсами, была страною холодною; нынѣ, при распространіи земледѣлія, она пользуется климатомъ умѣреннымъ. Напротивъ, насажденія лѣсовъ въ странахъ обнаженныхъ предохраняютъ отъ періодическихъ вѣтровъ, отъ засухъ; тамъ они поддерживаютъ благодѣтельное равновѣсіе въ атмосферѣ (*).

20. ВНУТРЕННІЙ СОСТАВЪ ГРУНТА.

Кромѣ расположенія, болѣе или менѣе выгоднаго, кромѣ климата, всякая мѣстность представляется въ условіяхъ благопріятныхъ или неблагопріятныхъ производству богатства, смотря по ея грунту, по свойству его внѣшняго слоя или почвы, по его

(*) О вліяніи лѣсовъ на климатъ, на земледѣліе и на публичную гигіену, можно почерпнуть поучительныя свѣдѣнія въ сочиненіи французскаго инженера *Surrel:* О послѣдствіяхъ обезлѣсенія. См. о томъ статью *Ипполита Дюссара* въ *Journal des économistes* Т. II p. 297 *Paris; chez Guillaumin.*

внутреннему, геологическому составу и по тѣмъ минераламъ, которые сокрыты въ его нѣдрахъ.

Производительность почвы, этой поверхностной оболочки земли, въ которой беретъ начало растительность, и къ которой естественно и прежде всего обращаются всѣ животныя и самъ человѣкъ, много зависитъ отъ атмосфернческаго состоянія и мѣстоположенія страны. Но иногда почва представляетъ свойства, совершенно независимыя отъ этихъ условій мѣстности и климата. Въ поясахъ умѣренныхъ встрѣчаются почвы песчаныя, каменистыя или болотистыя, противныя прозябанію растеній. Упорный трудъ, опираясь на содѣйствіе капиталовъ, одинъ можетъ побѣдить эти враждебныя свойства и возбудить въ нихъ производительность; эти почвы перемежаются съ другими, въ которыхъ оказывается множество оттѣнковъ или степеней плодородія. Однѣ требуютъ болѣе труда для ихъ удобренія; другія, менѣе. Нѣкоторыя не только не нуждаются въ удобреніи, но еще требуютъ умѣренія ихъ производительности. Подобныя почвы суть настоящее *золотое дно* для населенностей, на нихъ живущихъ. Къ этому разряду принадлежитъ черноземъ, широкою полосою простирающійся въ Россіи отъ границъ Галиціи за предѣлы пензенской губерніи. Есть еще почвы совершенно особенныя, исключительно годныя къ нѣкотораго рода произведеніямъ: по берегамъ Каспійскаго моря, солончаковыя степи служатъ отличными пастбищами; иныя мѣстности во Франціи, въ Венгріи и на Рейнѣ производятъ вино превосходнаго

качества, для котораго вовсе не способны другія почвы; жирныя растительныя земли въ окресностяхъ Авиньйона, въ Зеландіи и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи произрождаютъ марену, которую напрасно старались развести на другихъ земляхъ, наилучше удобренныхъ. Народъ, обладающій землями плодородными, или, исключительно предъ прочими, способными къ разнаго рода полезнымъ произведеніямъ, безъ сомнѣнія, всегда найдетъ въ нихъ болѣе содѣйствія своему труду, нежели тотъ, которому досталась въ удѣлъ почва скупая, мало производительная. Но въ плодородіи не заключается единственное условіе производительности земли; для того необходимо еще выгодное расположеніе. Самая плодоносная почва, въ удаленіи отъ потребителей, отнюдь нестоль выгодна какъ самый неблагодарный кусокъ земли, но въ средоточіи населенности. Издержки труда и капиталовъ на приближеніе произведеній первой могутъ многимъ превышать издержки, необходимыя для удобренія послѣдняго и для приведенія его въ условіе производительности.

То-же самое должно замѣтить о полезныхъ минералахъ, сокрытыхъ въ нѣдрахъ земли. Одни изъ нихъ служатъ строительнымъ матеріяломъ и, въ этомъ отношеніи, тѣмъ болѣе приносятъ пользы, чѣмъ удобнѣе ихъ добываніе и доставка. Большею частію значительные города возникаютъ по сосѣдству подобныхъ мѣсторожденій. Изобиліе фонтенеблосскаго песчаника, монмартрскаго гипса, много содѣйствовали разширенію Парижа. Превосходная кирпичная глина въ окрестностяхъ Петербурга и граниты

Финляндіи поддержали основаніе и содѣйствовали утвержденію нашей столицы. Другіе минералы, тѣсно связанные съ производствомъ разнаго рода промысловъ: фарфоровая глина или каолинъ, сѣра, селитра, известь, соль, сѣрнокислый натръ, квасцы должны разсматриваться какъ настоящія богатства, распредѣленныя Провидѣніемъ между различными народами. И сколько есть другихъ, которыми люди еще не умѣли воспользоваться. Ежедневно наука открываетъ новыя полезныя свойства въ этихъ камняхъ, этихъ грязяхъ, которыя въ нашемъ невѣдѣніи мы часто попираемъ съ презрѣніемъ.

Давно-ли народы не подозрѣвали огромнаго сокровища сокрытаго въ остаткахъ допотопной растительности, погребенныхъ въ нѣдрахъ нашего шара, въ каменномъ угольѣ. Нынѣ, кто усомнится въ благодѣтельномъ вліяніи этого минеральнаго топлива на успѣхи богатства народнаго? Ему-то Англія, Бельгія, Франція обязаны большею частію развитія, котораго достигла ихъ промышленость. Что сталось бы съ этою промышленостію, еслибъ природа лишила ее столь существеннаго пособія?

Такъ точно нельзя было бы допустить въ ней значительные успѣхи безъ множества полезныхъ металловъ, которыми природа даритъ людей, когда они умѣютъ понимать и отъискивать ея дары. Добываніе металловъ предполагаетъ болѣе опытности, болѣе познаній со стороны человѣка, нежели добываніе минераловъ. Послѣдніе большею частію предлагаются природою готовые; ихъ не трудно отличить; первые, напротивъ, скрываются въ рудахъ и

прожилкахъ; трудъ долженъ ихъ открыть, отдѣлить отъ породъ съ ними соединенныхъ, освободить отъ постороннихъ тѣлъ, съ которыми они сроднились химически. Для производства этихъ работъ необходимо содѣйствіе капитала; но такова польза иныхъ металловъ, что изъ нея рождается цѣнность, съ лихвою вознаграждающая всѣ эти усилія.

Въ общежитіи различаютъ металлы рѣдкіе или драгоцѣнные, и металлы простые или обыкновенные. Къ первымъ принадлежатъ исключительно понынѣ золото, платина и серебро; по ихъ рѣдкости, по трудности ихъ добыванія съ одной стороны; съ другой, по ихъ красотѣ, по разнымъ полезнымъ качествамъ, въ особенности по ихъ удобству служить орудіемъ мѣны, эти металлы имѣютъ мѣновую цѣнность высокую. Нація, обладающая такими рудниками, можетъ извлекать изъ нихъ подобно Мехикѣ, Бразиліи, Россіи, выгоды тѣмъ значительнѣйшія, чѣмъ удобнѣе они расположены для разработки и для доставки. Но, въ отношеніи пользы и самыхъ выгодъ экономическихъ, нельзя не отдать преимущества металламъ простымъ, мѣди, ртути, свинцу, цинку, олову и въ особенности желѣзу.

Послѣдній металлъ, мало извѣстный древнимъ, нынѣ играетъ самую благодѣтельную роль въ промышлености, которая, можно сказать, нуждается въ немъ, какъ человѣкъ въ хлѣбѣ. Нація, по строгости, могла бы обойтись безъ золота и серебра, но безъ желѣза нельзя допустить даже ея существо-ваніе, при настоящемъ положеніи вещей. Ксча-

стію, природа предлагаетъ его въ изобиліи; оно разсѣяно по всему шару земному и, въ иныхъ случаяхъ, человѣку стóитъ только наклониться, чтобъ его достать въ видѣ руды, болѣе или менѣе богатой. Цѣнность желѣза, въ одной Европѣ добываемаго, въ три съ половиною раза превосходитъ цѣнность всѣхъ прочихъ металловъ тамъ получаемыхъ; и въ полтора раза, если къ послѣдней присовокупить золото и серебро, добываемыя во всемъ свѣтѣ (*).

Приближая или удаляя отъ поверхности земли полезные металлы и минералы, внутренній геологическій составъ грунта, или распорядокъ слоевъ, затрудняетъ, облегчаетъ или вовсе исключаетъ ихъ разработку. Кромѣ того, отъ распорядка слоевъ зависитъ возможность добывать подземныя воды, пробивать ключи, бурить артезіянскіе колодцы, которыхъ польза неоцѣнима въ странахъ, бѣдныхъ водою. Прочность строеній и самая безопасность жителей, частію, зависятъ отъ внутренняго состава грунта. Тамъ, гдѣ преобладаютъ глинистые пласты, тяжелыя зданія осаждаются, и вообще работы производятся съ большимъ трудомъ. Въ горахъ обвалы угрожаютъ опасностью цѣлымъ селеніямъ; вулканическія изверженія распространяютъ опустошенія въ окрестностяхъ, погребаютъ цѣлые города. Еще гибельнѣе послѣдствія землетрясеній, въ нѣсколько секундъ превращающихъ цвѣтущіе города

(*) См. *Dictionnaire d' histoire naturelle*, статью: *Metallurgie; ed. de Paris*. Въ этомъ огромномъ производствѣ желѣза половина принадлежитъ Англіи, одна седьмая часть Франціи, одна тринадцатая Россіи.

въ груды развалинъ. Трудъ человѣческій безсиленъ для отвращенія этихъ неудобствъ, этихъ золъ. Но онъ можетъ предвидѣть ихъ, избѣгать, или ограждаться предосторожностями. Разрушеніе Лиссабона въ 1755 году, Гваделупы въ 1843, и другіе примѣры доказали, что землетрясеніе всего опаснѣе для каменныхъ зданій, подъ обломками которыхъ погибаетъ множество жертвъ. Замѣнивъ эти зданія деревянными строеніями, не столь тяжелыми и болѣе упругими, люди могутъ предохранить себя, частію, противъ бича, котораго не въ силахъ отвратить.

Внутреннему расположенію формацій народы обязаны также минеральными водами, которыхъ цѣлебныя свойства полезны для всего человѣчества и обращаются въ источникъ богатства для націи, которой принадлежатъ.

21. ОРГАНИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Доселѣ, разсматривая участіе, принимаемое въ производствѣ богатства мѣстными природными силами, мы постоянно замѣчали болѣе зависимости со стороны человѣка. Народъ не можетъ измѣнить условій мѣстности, посреди которой утвержденъ силою обстоятельствъ. Его вліяніе на климатъ весьма ограничено; оно ничтожно относительно внутренняго состава грунта; одна почва, и то еще не вездѣ, можетъ быть измѣнена, приспособлена, улучшена трудомъ людей. Народы принуждены покоряться этимъ мѣстнымъ обстоятельствамъ, ограждая себя, по возможности, противъ ихъ вліянія враждебнаго

и стараясь извлечь наиболѣе пользы изъ удобствъ, ими представляемыхъ. Въ жизни органической мы открываемъ силу природы, которой свойства зависятъ, конечно, отъ мѣстоположенія страны, отъ климата и, частію, отъ почвы, но тѣмъ не менѣе въ своемъ развитіи, въ своихъ результатахъ, въ своихъ дѣйствіяхъ, она являетъ наиболѣе покорства труду.

Во всѣхъ странахъ проявленія жизни органической заключаются въ разнаго рода растеніяхъ и животныхъ. Въ иныхъ мѣстахъ, наблюдатель поражается изобиліемъ и роскошью этихъ проявленій; въ другихъ, напротивъ, онѣ рѣдки, и мало разнообразны. Но вездѣ ихъ можно раздѣлить на *полезныя* и *вредныя* и, вездѣ, въ отношеніи къ этимъ существамъ, человѣкъ является настоящимъ царемъ природы.

Онъ не только пользуется тѣми изъ нихъ, которыя природа производитъ сама собою вокругъ него, и которыя достаются ему безъ всякого особеннаго усилія, но овладѣваетъ самъ жизнію органическою, развиваетъ, распространяетъ тѣ изъ ея проявленій, въ которыхъ видитъ для себя пользу; предупреждаетъ, подавляетъ, уничтожаетъ проявленія враждебныя. Такъ пустынные и дремучіе лѣса въ сѣверной Америкѣ, гдѣ человѣкъ безпрестанно принужденъ былъ остерегаться ядовитыхъ травъ, или защищаться противъ гадовъ и дикихъ звѣрей, превратились въ нивы и пажити, гдѣ прозябаютъ полезныя растенія и плодятся ручныя животныя. Въ Европѣ изчезла самая порода множества вредныхъ

травъ и звѣрей; напротивъ того, тамъ успѣли распространить и усовершенствовать до невѣроятія породы полезныя. Еще болѣе: человѣкъ извлекаетъ пользу даже изъ тварей органическихъ, иногда ему вредящихъ: хищные звѣри доставляютъ ему пушные мѣха; разные ядовитые злаки и насѣкомые превращаются въ цѣлебныя снадобья; гусеницы, пожиравшія деревья и травы, примѣнены къ производству шелка.

Въ этомъ усвоеніи органическихъ произведеній народы встрѣчаютъ одинъ непреодолимый предѣлъ: въ климатѣ, и частію въ мѣстности. Иногда, неспорно, умѣніе можетъ побѣдить и эти препятствія. Такъ многія полезныя произведенія Новаго Свѣта, картофель, хлопчатая бумага и другія перенесены въ Старый, который, съ своей стороны, подарилъ Америкѣ породы домашнихъ животныхъ, лошадей, рогатаго скота, овецъ и хлѣбныя растенія. Тутовое дерево и шелковые черви изъ теплыхъ странъ востока перенесены въ Европу, и начинаютъ распространяться даже въ ея сѣверныхъ частяхъ. Альпійская порода коровъ разведена Петромъ Великимъ въокрестностяхъ Холмогоръ подъ 69 С. Ш. Но большая часть растеній и животныхъ исключительно свойственны нѣкоторымъ климатамъ и странамъ, и объ ихъ разведеніи напрасно старались бы народы, поставленные въ условія тому противныя. Въ иныхъ случаяхъ, эти усилія могутъ увѣнчаться нѣкоторымъ успѣхомъ; но результаты подобнаго насилованія природы рѣдко бываютъ вполнѣ удовлетворительны.

Въ царствѣ растительномъ, по изслѣдованіямъ ботаники воздѣлываніе хлѣбныхъ растеній только въ Скандинавіи достигаетъ 70° С. Ш., точки, около которой останавливаются деревья. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ земного шара, это воздѣлываніе принужденно держится по-сю сторону полярнаго круга. Предѣлъ его понижается по мѣрѣ удаленія на востокъ: въ западной Сибири онъ не переходитъ за 60°; въ восточной за 55°; близь Восточнаго берега онъ достигаетъ Камчатки, т. е. 51°. Въ западной части Америки, предѣлъ этого воздѣлыванія достигаетъ 57°, а именно россійскихъ владѣній; въ частяхъ восточныхъ онъ держится около 50° и только изрѣдка возвышается до 52°. Самыя породы хлѣбныхъ растеній перемежаются, смотря по широтѣ. На отдаленномъ сѣверѣ встрѣчаемъ *ячмень* и *овесъ*; ихъ зерна служатъ пропитаніемъ для человѣка въ сѣверной Шотландіи, Норвегіи, Швеціи и въ Сибири. За ними близко слѣдуетъ *рожь:* она господствуетъ въ умѣренно-холодной полосѣ, которую образуютъ южная часть Швеціи и Норвегіи, Данія, прибалтійскія страны, сѣверная Германія, средняя Россія и часть Сибири. Тутъ начинаетъ показываться *пшено;* овесъ уже служитъ только для лошадей, а ячмень для пивоваренъ. Широкая полоса, гдѣ почти исключительно воздѣлывается пшено, обнимаетъ югъ Шотландіи, Англію, среднюю часть Франціи, часть Германіи, Венгрію, юго-Россійскій край, Кавказъ и среднюю Азію. Далѣе на югъ пшено соединяется съ *рисомъ* и *маисомъ:* на пиренейскомъ полуостровѣ, въ южной

Франціи, Италіи, Греціи, Малой-Азіи и Сиріи, въ сѣверной Индіи, Персіи, Аравіи, Египтѣ, Нубіи, Алжирѣ, Марокко и на Канарскихъ островахъ. Рисъ, овесъ и ячмень въ этой полосѣ держатся только на высотахъ. Между тропиками пшено, большею частію, уступаетъ мѣсто маису и рису, и совершенно изчезаетъ около 22° С. Ш. Тутъ являются растенія иного рода: онѣ предлагаютъ человѣку гораздо болѣе питательнаго вещества на данномъ пространствѣ, часто не требуютъ отъ него воздѣлыванія, и балуютъ его невольную лѣнь подъ распаленнымъ небомъ экватора. Таковы *бананы,* достигающіе 34° С. Ш.; *финиковое дерево,* до 37°; *кокосовые орѣхи,* которые прекращаются около 22° на границѣ хлѣбныхъ растеній, и растутъ исключительно по близости моря; и наконецъ *хлѣбное дерево (artocarpus incisa),* предлагающее совершенно готовую пищу населенностямъ, но не растущее далѣе 23° Ш.

Южное полушаріе представляетъ подобную же послѣдовательность: *пшено,* изчезнувъ между тропиками, снова показывается около 23° Ю. Ш., на югѣ Бразиліи, въ Буэносъ-Айресѣ, въ Чили, на мысѣ Доброй Надежды и въ южномъ Ново-Валлисѣ. *Ячмень* и *рисъ* появляются на югѣ Новой Голландіи и въ землѣ Ван-Дименъ. Въ такомъ же порядкѣ природа распредѣляетъ эти растенія въ высоту. Каждое изъ нихъ можетъ воздѣлываться только на возвышенностяхъ, которыхъ температура соотвѣтствуетъ широтѣ ему свойственной. Подъ экваторомъ на Кордильерахъ воздѣлываніе *маиса* господствуетъ отъ 1000 до 2000 метровъ надъ уровнемъ

океана. Между 2000 и 3000, внизу съ успѣхомъ разводится *пшено*, выше *рожь* и *овесъ*, еще выше *ячмень* (*).

Картофель, съ недавняго времени занявшій столь важное мѣсто въ земледѣліи, сопутствуетъ хлѣбнымъ растеніямъ на сѣверѣ; онъ простирается даже за полярный кругъ; его воздѣлываютъ съ успѣхомъ въ Исландіи, и на Кордильерахъ между 3000 и 4000 метровъ надъ уровнемъ океана. Но, приближаясь къ странамъ полуденнымъ, картофель растетъ худо, и наконецъ совсѣмъ изчезаетъ. Тутъ природа замѣняетъ его мучными кореньями: *patatami* начиная съ 42°, *маніоко* съ 30°, *игнамомъ* съ 10° С. и Ю. Ш. *Виноградъ* нигдѣ въ Европѣ не переходитъ за 50°, и большею частію держится между 48° и 27° С. Ш.; доселѣ остались тщетны всѣ усилія развести его въ климатахъ холодныхъ, равно какъ и слишкомъ жаркихъ.

Кромѣ полезныхъ растеній, свойственныхъ климатамъ, есть другія, исключительно принадлежащія какой-либо странѣ. Доселѣ *чай* остается достояніемъ одного Китая (**). *Индиго* нигдѣ не разводится въ Европѣ. Хорошій *крапъ* или *марена* получаются только въ Зеландіи и въ Комтатѣ Авиньйонскомъ. Множество лекарственныхъ травъ и растеній родятся только въ Америкѣ. Это неравное распредѣленіе произведеній растительнаго царства и, въ осо-

(*) Всѣ эти подробности о распредѣленіи хлѣбныхъ и другихъ полезныхъ растеній по климатамъ почерпнуты изъ *Cours de botanique élémentaire par A. de Jussieu, éd. de Paris.*

(**) Хотя, впрочемъ, съ 1833 года, онъ довольно удачно разводится въ Бразиліи въ окрестностяхъ Ріо-Жанейро.

бенности, ихъ качества зависятъ иногда отъ почвы, иногда отъ близости или удаленія моря, отъ количества водъ, отъ мѣстности болѣе или менѣе гористой, болѣе или менѣе возвышенной надъ поверхностію океана. Мы не можемъ входить въ разсмотрѣніе причинъ этого явленія, на которое указываемъ только какъ на фактъ, неподлежащій сомнѣнію.

Въ царствѣ животномъ есть полезныя породы, всюду сопутствующія человѣку, какъ то: лошади, собаки, разныя домашнія птицы, рогатый скотъ. Но эти породы измѣняются, смотря по климатамъ и пищѣ, которую предлагаетъ имъ растительность страны. Есть животныя, которыхъ никакія усилія не могутъ сохранить посреди условій климата и мѣстности имъ несвойственныхъ. Испанская овца *(меринос)*, которой нѣжное и волокнистое руно служитъ отличнымъ матеріяломъ для нашей одежды, разводится съ большимъ трудомъ въ странахъ умѣренно-холодныхъ, и вовсе не можетъ жить на сѣверѣ. Никуда еще человѣкъ не успѣлъ переселить ангорскихъ козъ. Иныя животныя приспособлены природою, съ удивительною заботливостію, къ однѣмъ только странамъ. Лапландцы, Самоѣды, Гренландцы, посреди скудной растительности и суроваго климата, обрѣтаютъ огромную помощь въ стадахъ сѣверныхъ оленей, которые служатъ имъ для перевозки тяжестей, предлагаютъ кожи для одежды и жилища, молоко и мясо для пищи. Тѣ же самые олени хирѣютъ и умираютъ отъ жару даже въ окрестностяхъ Петербурга (*). Такое-же пособіе Кам-

(*) Любопытныя подробности о пользѣ, которую извлекаютъ изъ

чадалы и другія сибирскія племена извлекаютъ изъ особенной породы собакъ, а горные жители Перу, Чили и Бразиліи изъ полезнаго животнаго, извѣстнаго подъ названіемъ ламы. Помощь верблюда не менѣе драгоцѣнна для народовъ обитающихъ въ средней Азіи и сѣверной Африкѣ. Это животное, которое не можетъ жить даже въ умѣренномъ климатѣ Европы, удивительно приспособлено для знойныхъ степей. Оно совершаетъ, не изнемогая отъ усталости, самые продолжительные переходы; снабженное двойнымъ желудкомъ, по нѣскольку дней остается безъ пищи и питья; и въ случаѣ крайности, человѣкъ, предавъ его смерти, еще можетъ спасти себя отъ мученій жажды. Кангуру въ Новой Голландіи, слоны въ Индіи, принадлежатъ къ числу подобныхъ-же, совершенно мѣстныхъ полезныхъ животныхъ.

Эта ограниченность вліянія человѣка на усвоеніе странѣ, ему принадлежащей, разныхъ породъ животныхъ ручныхъ или домашнихъ, еще замѣтнѣе относительно животныхъ дикихъ, не покоряющихся людямъ. Народы, конечно, должны благодарить Провидѣніе, за ихъ освобожденіе отъ разнаго рода вредныхъ животныхъ. Отсутствіе подобныхъ тварей есть важное преимущество природное. Счастливы тѣ страны, которымъ не угрожаютъ опустошительныя тучи саранчи; гдѣ человѣчество не преслѣдуется ядовитыми гадами, змѣями, скорпіонами, таран-

---

сѣверныхъ оленей Самоѣды и другіе жители Бѣломорскаго края, можно прочесть въ статьѣ Г. *Быстрова*: *Мезень въ* 1834 *году*. См. Журналъ Мин. Внутрен. Дѣлъ, Февраль, 1844.

тулами, мустиками; гдѣ въ водахъ и болотахъ не скрываются кровожадные аллигаторы; гдѣ лѣса и поля не служатъ убѣжищемъ хищнымъ звѣрямъ и птицамъ. Большихъ усилій иногда стоитъ народамъ избавиться отъ этихъ безпокойныхъ сожителей, и сколь часто всѣ эти усилія безполезны. Но есть животныя дикія, которыхъ вредъ далеко перевѣшивается пользою, ими приносимою человѣку; изобиліе такихъ животныхъ можетъ разсматриваться какъ благодѣяніе природы; съ нимъ тѣсно связаны удовлетвореніе различнымъ потребностямъ нашимъ и благосостояніе тѣхъ племенъ, которымъ оно досталось въ удѣлъ. Человѣкъ можетъ отвратить это изобиліе, иногда изъ видовъ полезнѣйшихъ, вытѣсняя дикихъ животныхъ успѣхами воздѣлыванія и населенности, иногда же неосторожностью, неумѣреннымъ преслѣдованіемъ. Но рѣдко искуственными средствами удается возстановить это изобиліе, однажды утраченное, или водворить его тамъ, гдѣ прежде его не было, и гдѣ оно не встрѣчаетъ благопріятныхъ условій климата.

Пушные звѣри, доставляющіе лучшіе мѣха, всегда останутся удѣломъ странъ полярныхъ и, частію, умѣренно-холоднаго пояса. По всему вѣроятію, нѣкоторыя породы существовали прежде въ Европѣ, но онѣ изчезли нынѣ, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ распространилось земледѣліе (*). Добываніе гагачь-

(*) «Было время, говоритъ саратовскій агрономъ г. *Леопольдовъ*, когда въ лѣсахъ волжскаго уѣзда водились медвѣди, когда въ лѣсахъ кузнецкаго уѣзда попадались куницы, а въ заволжской сторонѣ попадались кабаны. Съ уменьшеніемъ лѣсовъ и умноженіемъ народонасе-

яго пуха есть промыселъ, почти исключительно предоставленный природою приморскимъ жителямъ Камчатки; такъ точно, какъ островитянамъ Желтаго и Синяго морей предстоитъ немаловажный элементъ богатства въ гнѣздахъ ласточки-саланганы, доставляющихъ изысканное блюдо гастрономамъ китайскимъ. Кошениль, это насѣкомое, дающее отличную пурпуровую краску, находится только въ немногихъ мѣстахъ; рыбы и теплокровныя живущія въ водѣ, также нѣкоторыя молюски, принадлежатъ къ числу полезнѣйшихъ дикихъ животныхъ. Тѣ изъ нихъ, которыя изобилуютъ въ рѣкахъ, озерахъ или моряхъ, исключительно принадлежащихъ какому либо народу, образуютъ важное мѣстное преимущество. Такъ Каспійское море съ рѣками, въ него впадающими, Волгою, Ураломъ и другими, есть неистощимый родникъ рыбы, самаго высокаго достоинства и служитъ основаніемъ одного изъ прибыльнѣйшихъ промысловъ нашего отечества. Рыбныя ловли въ Ламаншскомъ проливѣ, котораго обладаніе дѣлится между Франціею и Англіею, доставляютъ пропитаніе прибрежнымъ жителямъ обѣихъ державъ.

Океанъ, омывающій материкъ нашего шара, въ равной степени принадлежитъ всѣмъ народамъ. Всякій изъ нихъ имѣетъ право преслѣдовать полезныхъ тварей, которыя плодятся въ его волнахъ. И на дѣлѣ мы видимъ, что многіе народы, или лучше сказать всѣ тѣ, которые находятъ въ томъ выгоду,

---

ленія, нынѣ этихъ звѣрей не стало. Водятся только немногіе.» (Жур. Министер. Государ. Имущ., Апрѣль 1844).

принимаютъ участіе въ ловлѣ китовъ, моржей, сельдей, трески, коралловъ. Одно право сильнаго, или притѣсненія могучихъ, иногда удаляли слабыхъ отъ этихъ промысловъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя не открыть нѣкоторыхъ особенныхъ преимуществъ иныхъ народовъ, для этихъ ловлей, въ ихъ положеніи географическомъ, въ ихъ владѣніяхъ, часто весьма удаленныхъ отъ метрополіи, представляющихъ безопасное и вѣрное прибѣжище кораблямъ. Ктому-же сами обитатели океана, въ своихъ странствіяхъ, то приближаясь къ инымъ берегамъ, то отъ нихъ удаляясь на болѣе или менѣе продолжительное время, не въ равной степени предлагаютъ свое полезное пособіе прибрежнымъ народамъ. Англичане, Датчане, Сѣверо-Американцы принуждены вооружать большія суда для преслѣдованія китовъ и кашалотовъ посреди неизмѣримыхъ морей: жители Гренландіи выѣзжаютъ на эту ловлю въ утлыхъ челнокахъ, и благодѣтельный приливъ часто самъ выноситъ на ихъ берега эти огромныя животныя. Сельди въ неизчислимыхъ стадахъ, періодически, по нѣскольку разъ въ годъ, появляются вдоль береговъ Нѣмецкаго моря, и никогда не заходятъ въ Балтійское; Франція, Голландія, Данія и Англія находятъ въ этомъ посѣщеніи сельдей важное пособіе, котораго лишены страны прибалтійскія.

Во всѣхъ этихъ органическихъ произведеніяхъ конечно откроемъ слѣды труда человѣческаго, который то заставляетъ производить природу, то преслѣдуетъ и приспособляетъ ея добровольныя произведенія; мы можемъ даже, безъ большой ошиб-

ки, приписывать эти произведенія собственно намъ, когда не цѣнимъ безмезднаго содѣйствія природы; но при всемъ своемъ покорствѣ въ иныхъ случаяхъ, жизнь органическая не повинуется человѣку безусловно; онъ можетъ требовать отъ нея многаго, но не всего, и по необходимости долженъ довольствоваться тѣми побѣдами, которыя возможны посреди мѣстныхъ условій природы его окружающей, условій отъ воли его независящихъ.

22. ВАЖНОСТЬ ВЛІЯНІЯ МѢСТНЫХЪ ПРИРОДНЫХЪ СИЛЪ НА ПРОИЗВОДСТВО НАРОДНАГО БОГАТСТВА.

И такъ, съ одной стороны сила обстоятельствъ принуждаетъ каждый народъ жить и развиваться въ предѣлахъ данной области; съ другой, каждая область представляется въ различныхъ условіяхъ мѣстоположенія, климата, грунта и произведеній органическихъ, болѣе или менѣе предлагающихъ содѣйствія труду человѣческому въ производствѣ богатства. Изъ соображенія этихъ двухъ фактовъ неоспоримыхъ мы естественно заключаемъ, что богатство народовъ не можетъ развиваться одинаковыми путями.

Основныя начала этого богатства конечно всегда и вездѣ однѣ и тѣже: онѣ заключаются въ производительныхъ силахъ природы, труда и капитала. Но природа, хотя и повинуясь человѣку, имъ руководитъ и, лишая его иныхъ содѣйствій, принуждаетъ пользоваться другими ею предлагаемыми. Такъ при помощи труда и тѣхъ силъ общихъ, въ кото-

рыхъ природа не отказываетъ ни одному изъ народовъ, иные, опираясь исключительно на выгодное мѣстоположеніе приморское, предаются торговлѣ внѣшней, другіе, удаленные отъ удобныхъ средствъ сообщенія, посвящаютъ свои главныя усилія земледѣлію. Тамъ, гдѣ климатъ, или мѣстность, не допускаютъ разнообразія въ произведеніяхъ органическихъ, водворяются мануфактуры и, помощію разнообразныхъ произведеній искуственныхъ, люди стараются вознаградить бѣдность въ произведеніяхъ естественныхъ. Горные промыслы могутъ существовать только тамъ, гдѣ грунтъ предлагаетъ металлы и минералы въ удобныхъ условіяхъ разработки. Иногда одному и тому-же народу въ большей или меньшей мѣрѣ предоставлены судьбою удобства природныя всякого рода: въ производствѣ своего богатства онъ можетъ слѣдовать въ одно время различнымъ путямъ. Иногда, напротивъ, онъ вездѣ встрѣчаетъ со стороны природы, или препятствія, или содѣйствіе слабое, недостаточное: въ подобныхъ условіяхъ нельзя предположить, и на самомъ дѣлѣ не видимъ, успѣховъ богатства. Люди живутъ, но не обогащаются.

Преграда или содѣйствіе—вотъ отношеніе между природою и трудомъ. Есть преграды неодолимыя. Другія могутъ быть отвращены трудомъ: можно помощію искуственныхъ средствъ, каналовъ, путей сообщенія, желѣзныхъ дорогъ, приспособленія рѣкъ къ судоходству, исправить неудобства географическаго положенія, удобрить почву неблагодарную, способствовать уздравленію климата, улуч-

шить, распространить породы полезныхъ растеній и животныхъ. Сколь-же велико преимущество того народа, который встрѣчаетъ содѣйствіе тамъ, гдѣ другой долженъ одолѣть препятствіе. Не пользоваться этимъ содѣйствіемъ, значитъ пренебрегать драгоцѣннѣйшимъ даромъ Провидѣнія; и можно смѣло написать на первомъ мѣстѣ тотъ изъ законовъ экономическихъ, по которому всякій народъ долженъ сообразовать свое производство съ мѣстными обстоятельствами его окружающими, стараясь извлечь наиболѣе выгоды изъ природныхъ преимуществъ, съ ними совокупленныхъ.

Но тутъ, относительно мѣстныхъ природныхъ силъ, повторимъ замѣчаніе, сдѣланное относительно общихъ. Человѣкъ ими пользуется, по мѣрѣ того, какъ степень образованія позволяетъ ему постигать ихъ пользу, а въ развитіи его потребностей заключается къ тому достаточно побужденія. Дикія племена влачатъ бѣдную жизнь въ странахъ, часто надѣленныхъ удивительными преимуществами природными. Въ Азіи, и въ самой Европѣ, есть государства, гдѣ народъ погруженный въ невѣжество, омраченный фанатизмомъ или суевѣріемъ, не умѣетъ воспользоваться самыми драгоцѣнными дарами естественными. Въ другихъ, политическія обстоятельства, внутреннія смуты междоусобія, безначаліе, не позволяютъ народамъ свободно примѣнять трудъ свой къ извлеченію пользы изъ содѣйствія природою имъ предлагаемаго. Иногда, въ самыхъ образованныхъ государствахъ, трудъ народный, отвращается отъ этого примѣненія мѣрами законо-

дательными или административными, для направленія его къ инымъ цѣлямъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, народъ не прибѣгаетъ къ содѣйствію, которое можетъ найти въ природѣ, или потому, что его не сознаетъ, или потому-что не умѣетъ имъ воспользоваться. Но, даже при всѣхъ условіяхъ образованности и свободнаго произвола, есть еще одно условіе, безъ котораго нельзя предположить производительное употребленіе нѣкоторыхъ силъ природныхъ, а именно *условіе присвоенія.*

23. НЕОБХОДИМОСТЬ ПРИСВОЕНІЯ НѢКОТОРЫХЪ МѢСТНЫХЪ ПРИРОДНЫХЪ СИЛЪ.

Какъ въ самой отдаленной древности, такъ и на самыхъ пустынныхъ точкахъ шара земного, вездѣ и всегда, мы видимъ, что люди образуютъ семейства, семейства—народы. И между народами, какъ образованными такъ и самыми варварскими, замѣчаемъ сильно развитое понятіе присвоенія каждому изъ нихъ, исключительно предъ прочими, области имъ занятой. Всякій изъ нихъ разсматриваетъ это обладаніе какъ необходимое условіе своей независимости, и отражаетъ силою покушенія другого народа завладѣть землями, ему принадлежащими. Въ этомъ сопротивленіи, со стороны первыхъ поселенцевъ, заключается одно изъ препятствій къ перемѣнѣ народами мѣстностей невыгодныхъ на другія болѣе удобныя.

Старинная поговорка *nulla terra sine domino* (нѣтъ земли безъ хозяина) подтверждается на дѣлѣ, по

крайней мѣрѣ вездѣ, гдѣ живутъ люди, съ тою только разницею, что сопротивленіе, встрѣчаемое завоевателями, бываетъ слабѣе или сильнѣе. Европейцы, при открытіи Новаго Свѣта, застали всѣ его части во владѣніи туземцевъ; они принуждены были прибѣгать къ силѣ оружія или къ переговорамъ для пріобрѣтенія земель, которыми нынѣ сами владѣютъ. Испанцы, частію истребили или угнали въ мѣста неприступныя, частію покорили прежнихъ владѣльцевъ Мехики, Перу, Чили. Основатели сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ употребили средство миролюбивое: они купили земли у индейскихъ племенъ. Путешественники, проникавшіе въ среднюю Африку, подтверждаютъ, что вся она раздѣлена между дикими и кочующими племенами, безпрестанно враждующими между собою за обоюдныя нарушенія границъ. Еще недавно, въ глазахъ всего образованнаго міра, близь мыса Доброй Надежды варварское племя Бечуановъ истребило нѣсколько колоній голландскихъ Берсовъ, которыя хотѣли утвердиться на его земляхъ. Обширныя равнины средней Азіи, отечества Киргизовъ, Калмыковъ и множества другихъ пастушескихъ народовъ, также раздѣлены между различными ордами, которыя, хотя и живутъ постоянно на одномъ мѣстѣ, но не допускаютъ другихъ ордъ кочевать въ области ими занятой.

Въ кадрахъ этого распредѣленія между различными народами, искони и вездѣ существующаго на земномъ шарѣ, не всегда замѣтны слѣды подраздѣленія областей на участки между лицами или семей-

ствами, образующими народъ. Людямъ естественно разсматривать землю съ ея растительною силою, съ полезными металлами и минералами, въ ея нѣдрахъ сокрытами, съ животными, обитающими на ея поверхности, какъ благо въ равной степени всѣмъ членамъ общества предоставленное, подобно воздуху, или морю, омывающему берега страны, или рѣкамъ, ее пересѣкающимъ. Такъ дѣйствительно разсматриваютъ землю народы дикіе и кочующіе. Они хорошо понимаютъ свое исключительное собирательное владѣніе областію, но между ними, каждый имѣетъ равное право пользоваться произведеніями земли, для удовлетворенія своимъ потребностямъ. Остякъ можетъ на привольѣ гоняться за соболями и куницами по необозримымъ тундрамъ Сибири; въ обширныхъ степяхъ отдѣляющихъ губерніи оренбургскую и симбирскую отъ ханства хивинскаго и Бухаріи, никто не претитъ Киргизу, въ предѣлахъ его орды пасти табуны, гдѣ только растетъ трава, для того удобная. Но ни Остяки, ни Киргизы, не дѣлаютъ никакого усилія для возбужденія или поддержанія полезнаго содѣйствія земли. Оно достается имъ совершенно готовое, такъ точно, какъ содѣйствіе атмосферы, океана. Дикіе звѣри плодятся сами собою; трава въ степи растетъ не требуя воздѣлыванія, ни заботъ. Истощивъ плодородіе одной части своей области, народы охотничьи и пастушескіе переселяются въ другую, гдѣ, какъ и въ первой, берутъ отъ земли лишь то, что она даетъ имъ произвольно.

Въ подобныхъ условіяхъ, производительность зем-

ли весьма ограничена. Въ южной и сѣверной Америкахъ сохранились еще нѣкоторыя племена туземцевъ. Почти вездѣ отбитыя отъ береговъ европейскими поселенцами, онѣ обладаютъ, въ срединѣ обоихъ материковъ, обширными землями, которыхъ пространство полагаютъ не менѣе 6,000,000 квадратныхъ миль (*). Тамъ разсѣяно около 1,300,000 Индейцевъ (1/5 на кв. мил.), живущихъ охотою и разбитыхъ на множество независимыхъ племенъ. И въ какомъ состояніи находятся эти народы?... полунагіе, они блуждаютъ по необозримымъ лѣсамъ, гдѣ скрывается добыча, отъ которой ждутъ поддержанія своего жалкаго существованія, и которую оспориваютъ у нихъ плотоядныя животныя, населяющія тѣ-же лѣса. Жилища у нихъ бѣдны, неудобны и едва прикрываютъ отъ суровости стихій. Потребности ихъ немногочисленны, но и тѣмъ часто они не въ силахъ доставить удовлетвореніе. Дичь, безпрестанно гонимая, переселяется изъ однѣхъ дебрей въ другія, по временамъ изчезаетъ совершенно, а съ нею всякая надежда на счастливую ловитву. Сколь часто антропофагія у этихъ племенъ и у другихъ, неимѣющихъ иного пропитанія кромѣ охоты, бываетъ слѣдствіемъ мученій голода, отчаяннымъ средствомъ или послѣднимъ прибѣжищемъ для сохраненія жизни. Не смотря на повальныя болѣзни, эпидеміи, между ними господствующія; на кровопролитныя и безпощадныя войны, которыя онѣ ведутъ между собою обыкновенно за притязанія на обоюдныя области; на жесто-

(*) *Balbi. Geographie universelle.*

кій обычай дѣтоубійства,—эти жалкія населенности рѣдко пользуются изобиліемъ. Пяти квадратныхъ миль тамъ мало на прокормленіе охотою одного жителя, одного члена семейства.

Болѣе обезпеченія находятъ въ скотоводствѣ народы кочующіе или, правильнѣе сказать, народы-пастыри. Въ этомъ состояніи, пропитаніе людей уже не зависитъ исключительно отъ дарового производства природы. Ихъ трудъ не ограничивается однимъ преслѣдованіемъ дикихъ животныхъ; онъ покоряетъ и превращаетъ въ домашнихъ нѣкоторыя породы, доставляющія человѣку и пищу, и одежду, и самый кровъ. Юрты Киргизовъ и Калмыковъ большею частію сдѣланы изъ воловьихъ и лошадиныхъ кожъ. Между ними часто замѣтны даже слѣды избытка: посреди обширныхъ пастбищъ скотоводство не только приноситъ имъ изобильныя средства къ собственному содержанію, но еще разные предметы, имѣющіе мѣновую цѣнность для сосѣднихъ народовъ образованныхъ, у которыхъ они могутъ пріобрѣтать произведенія иного рода. Такъ, наприм:, Киргизы торгуютъ съ Россіей кожами, рогатымъ скотомъ, лошадьми, шерстью.

Иногда пастушескіе народы достигаютъ большого могущества. Совокупляясь добровольно или насильственно, ихъ орды богатѣютъ мѣною, усиливаются многолюдіемъ. Принужденныя безпрестанно, не только переносить свои стада, свои жилища и сокровища изъ одного края въ другой, но также ограждать свое имущество и предѣлы своихъ обширныхъ областей противъ нападенія другихъ

ордъ, онѣ привыкаютъ къ наѣздничеству, къ удальству. Конь, это благородное животное, мало извѣстное дикимъ племенамъ охотничьимъ, становится спутникомъ Араба или Татарина. Онъ съ молодости пріучается укрощать его пылкость, владѣть оружіемъ. Каждый членъ орды становится воиномъ, и эти полчища не рѣдко служили страшилищемъ и бичемъ для народовъ земледѣльческихъ.

Кочуя большими аулами съ своими безчисленными стадами и табунами, онѣ истощаютъ пастбища. Между тѣмъ населенность ростетъ съ каждымъ годомъ, стада размножаются, а съ ними вмѣстѣ усиливается потребность въ лугахъ. Наступаетъ минута, когда эти орды начинаютъ бросать завистливый взглядъ на обработанныя поля и нивы народовъ земледѣльческихъ. Тогда-то являются между ними честолюбцы, которые воспламеняютъ ихъ фанатизмомъ и устремляютъ на сосѣднія страны. Такъ, кочующія племена Арабовъ, по гласу Магомета, покорили сперва ближайшія государства азіятскія, и успѣли образовать имперію, существовавшую нѣсколько столѣтій. Такъ, вслѣдъ за Ченгисомъ, за Тамерланомъ орды монгольскія бурнымъ потокомъ низвергались на образованныя страны Азіи и Европы, истребляя на пути своемъ города, села, нивы, пажити; превращая достояніе множества народовъ въ одно необозримое пастбище, удобренное кровію жителей и пепломъ городовъ, которое *конь могъ бы проскакать не спотикнувшись*. Тогда-то воздвигались изъ череповъ человѣческихъ ужасные трофеи, которыми гордились

эти бичи Божіи; тогда-то погибли цвѣтущія столицы Хорасана; древняя неприкосновенная образованность ламайская содрогнулась въ Китаѣ; а еще юная европейская едва не изчезла въ самомъ младенчествѣ. Ее спасло наше отечество, Россія, одна, въ теченіи двухъ вѣковъ, державшая на раменахъ своихъ всю тяжесть напора варваровъ и откупившая потоками крови, униженіемъ, бѣдствіями всякого рода, ту горестную участь, которую Провидѣніе, можетъ быть, готовило Европѣ въ грозномъ нашествіи Монголовъ.

Теперь опасность миновалась для Европы: сопротивленіе народовъ земледѣльческихъ народамъ-пастырямъ, промѣнявшимъ свой посохъ на мечь завоевателя, было медленно, но существенно. Эти орды, неотразимыя въ ихъ стремительности, не могли устоять противъ усилій сжатой населенности земледѣльческой; онѣ частію къ ней присоединились; частію удалились. Опустошенныя страны снова покрылись городами; пашни, сады, прикрыли слѣды разрушенія; потоки варваровъ сами собою истощились и вошли въ свои предѣлы. Между тѣмъ образованность европейская возмужала, оградилась войсками, крѣпостями, огнестрѣльнымъ оружіемъ, укрѣпилась союзами, и для нея нестрашны болѣе народы кочующіе.

Дѣйствительно, кочующая населенность поражаетъ иногда своею числительною важностью, когда представляется совокупленною въ аулѣ или ордѣ; въ отношеніи къ пространству, какое необходимо для ея пропитанія, она всегда малочисленна. Ктому-же она много зависитъ отъ состоя-

нія стадъ, изъ которыхъ образуется ея главное богатство. Тамъ, гдѣ растительность и климатъ мало благопріятствуютъ ихъ размноженію; гдѣ кочевья не могутъ удобно мѣняться, номадныя племена обречены на лишенія. Падежъ, истребляющій стада, отражается смертностью въ аулахъ. Но и посреди самыхъ выгодныхъ условій для сохраненія и размноженія стадъ, данная область, хотя и можетъ прокормить гораздо болѣе пастырей, нежели охотниковъ, тѣмъ не менѣе не допускаетъ значительнаго возрастанія числа первыхъ.

Перейдя за крайніе предѣлы продовольствія, кочующая населенность принуждена: или пролиться на чужія области, къ чему встрѣчаетъ нынѣ оплотъ неодолимый; или претерпѣть усиленіе смертности вслѣдствіе лишеній и бѣдствій,—чему видимъ часто примѣры между племенами сибирскими; или наконецъ, для усиленія средствъ къ пропитанію, прибѣгнуть къ искуственному возбужденію производительности земли помощію воздѣлыванія.

Воздѣлываніе предполагаетъ трудъ, котораго награда удалена. Тотъ, кто вспахалъ землю, кто взрылъ ея нетронутую поверхность, кто бросилъ въ нее сѣмена, тотъ воспользуется плодомъ своихъ усилій нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда наступитъ пора жатвы. Земледѣлецъ, проведя весь день въ тяжкихъ трудахъ, не располагаетъ квечеру своею добычею, подобно охотнику. Вслучаѣ какихъ-либо бѣдствій, онъ не можетъ, подобно пастырю, перенестись съ своимъ богатствомъ въ другую страну. Онъ прикованъ къ землѣ имъ воздѣланной; въ нее вложилъ онъ

свой трудъ, свои сбереженія; оставивъ ее, онъ утратитъ плоды своихъ заботъ и стараній, лишится средствъ пропитать себя и свое семейство. Безъ надежды на жатву, онъ не предпринялъ бы труда столь поздне-благодарнаго.

Надежда его можетъ быть обманутою, вслѣдствіе бѣдствій природныхъ; но если къ этой неизбѣжной неувѣренности присоединяется еще сомнительность въ отношеніи къ людямъ; если земледѣлецъ не обезпеченъ законами общества въ томъ, что никто не тронетъ его поля, никто не захватитъ его жатвы; что, въ случаѣ нападенія, его защиту приметъ на себя власть общественная, то нельзя допустить никакого воздѣлыванія. Столь тяжкимъ трудамъ нельзя предаваться посреди безпрестанныхъ тревогъ и борьбы. Тамъ, гдѣ народъ разсматриваетъ свою область какъ достояніе общее всей населенности, можно допустить одни промыслы охотника и пастыря: исключительное присвоеніе земли тому, кто рѣшился посвятить на ея воздѣлываніе свое время, свой трудъ, свои сбереженія, и признаніе его права всѣми другими членами общества, суть необходимыя условія для перехода народа къ состоянію земледѣльческому, или осѣдлому, въ которомъ онъ можетъ извлекать несравненно болѣе пользы изъ производительныхъ силъ почвы и органической жизни, на ней развиваемой.

24. ПРОИСХОЖДЕНІЕ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ.

Такъ естественно водворяется между народами частная поземельная собственность. Она рождает-

ся отъ занятія земель на законныхъ условіяхъ; утверждается воздѣлываніемъ. Впрочемъ, это право не вездѣ представляетъ одинакую степень полноты.

Въ Африкѣ и въ Азіи существуютъ поколѣнія Бедуиновъ или Арабовъ, стоящія на рубежѣ жизни кочевой и осѣдлой, у которыхъ право поземельной собственности продолжается не болѣе срока одной жатвы. Бедуинъ-земледѣлецъ признается исключительнымъ господиномъ участка, имъ занятаго, пока не снялъ жатвы съ поля. Однажды получивъ эту награду за трудъ свой, онъ ужъ не можетъ располагать участкомъ, который становится собственностью колѣна или аула. На слѣдующій годъ распредѣленіе полей зависитъ отъ старшинъ.

Въ другихъ странахъ, власть общественная, въ лицѣ правительства, уступаетъ земли въ собственность лицамъ предпринимающимъ ихъ воздѣлываніе, только на опредѣленное число лѣтъ. По истеченіи этого срока, земли обращаются въ собственность общую или государственную, и могутъ быть уступлены другимъ владѣльцамъ на такихъ-же условіяхъ.

Есть страны, гдѣ поземельная собственность разсматривается какъ право личное, пожизненное; оно прекращается смертію владѣльца, и не можетъ быть передано его потомству. Въ другихъ, право наслѣдства поземельной собственности признается въ одномъ семействѣ владѣтеля: она не можетъ быть передана волею умершаго въ чужой родъ. Самое право наслѣдства родственниковъ являетъ множество оттѣнковъ: иногда оно признается въ пользу одно-

го старшаго въ родѣ, и тогда поземельная собственность образуетъ майоратъ. Иногда изъ этого права изъяты родственники боковые.

Всѣ эти ограниченія частнаго права поземельной собственности служатъ доказательствомъ тому, что народы не вдругъ рѣшаются отказаться отъ общаго и всѣмъ равно доступнаго пользованія землею. Къ полному признанію этого права, ясно выраженному нынѣ въ законодательствахъ народовъ европейской образованности, государства приводятся силою обстоятельствъ, опытностью, успѣхами просвѣщенія. Народы-пастыри, сокрушившіе римскую имперію и на ея развалинахъ основавшіе государства, изъ которыхъ образовались нынѣшнія державы европейскія, разсматривали покоренныя земли съ ихъ жителями, какъ общую собственность завоевательнаго племени, и право раздавать ихъ (или инвеститура) было исключительнымъ достояніемъ вождя или короля, какъ представителя власти общественной. Короли сначала отдавали эти земли, какъ *лены* или *февды*, во временное владѣніе ратникамъ, составлявшимъ ихъ дружины. Затѣмъ, февды сдѣлались пожизненными, и наконецъ превратились въ потомственныя владѣнія. Но до самаго конца XVIII столѣтія, они еще не могли вездѣ приниматься за настоящую поземельную собственность. Владѣтели не могли ни продать, ни заложить земель, изъ которыхъ образовались ихъ февды. До нынѣ еще въ майоратахъ и въ родовомъ правѣ мы видимъ слѣды помѣстнаго права среднихъ вѣковъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, при переходѣ изъ состоянія кочующаго къ осѣдлому, народы сначала общими силами воздѣлывали землю, безъ раздробленія ея на участки и дѣлили между собою произведенія. Такъ поступали большею частію сами Европейцы, при первыхъ переселеніяхъ въ Америку. Но это средство, весьма дѣйствительное для одолѣнія препятствій, встрѣчаемыхъ въ самомъ началѣ воздѣлыванія, не можетъ постоянно примѣняться къ земледѣльческому состоянію. Оно лишаетъ воздѣлываніе земель живительнаго начала личнаго интереса. Человѣкъ, всего лучше, всего охотнѣе трудится для собственныхъ выгодъ: обработывая землю, ему собственно непринадлежащую, онъ не поощряется, къ усиленію ея производительности, надеждою на усиленіе своей доли. Такъ земледѣліе въ республикѣ парагвайской, основанной езуитами на этихъ началахъ общей собственности и общаго раздѣла произведеній, находилось, по свидѣтельству путешественниковъ, въ самомъ жалкомъ положеніи.

Новѣйшіе коммунисты, въ своихъ брошюрахъ, неимѣющихъ, ксчастію, никакого вліянія, твердятъ объ уничтоженіи поземельной собственности. Они требуютъ общаго воздѣлыванія земель и раздѣла произведеній. Послѣдовать ихъ совѣтамъ значило бы вдругъ уменьшить до невѣроятія производительность земель, ввергнуть народы въ бѣдствія голода, и кромѣ того, поселить между ними безначаліе и смуты. Болѣе логики было въ требованіи римскихъ плебеевъ, когда ихъ волновала знаменитая *lex agraria*. Они хотѣли раздѣла покоренныхъ зе-

мель на равные участки между гражданами. На этотъ раздѣлъ, долженствовавшій отнять поземельную собственность у прежнихъ ея владѣльцевъ, не могло согласиться римское правительство, не отступивъ отъ своей благоразумной политики—щадить и не притѣснять побѣжденныхъ.

Предоставляя частному лицу исключительное право владѣнія и пользованія природною силою, заключающеюся въ участкѣ земли, общество конечно даетъ этому лицу важное преимущество предъ другими. Оно нетолько обезпечиваетъ одному, исключительно предъ прочими, содѣйствіе этой силы, но еще даетъ ему возможность иногда пользоваться ея содѣйствіемъ, безъ всякого приложенія труда съ его стороны, позволяя ему уступать это право другому. Но не должно забывать съ одной стороны, что приспособленіе участка къ производительному содѣйствію требуетъ издержки труда и капиталовъ, часто весьма значительной и продолжительной; съ другой, что съ признаніемъ права владѣтеля тѣсно связана выгода всего общества, которое иначе не можетъ обезпечить собственное продовольствіе. Скажемъ еще болѣе: чѣмъ выгоднѣе это признаніе владѣтелю, чѣмъ болѣе извлекаетъ онъ изъ участка, ему обезпеченнаго, избытка произведеній, тѣмъ болѣе пользы и для общества, въ которое вносятся въ большемъ изобиліи предметы первой необходимости. Изъ этого нельзя не заключить, что всякое обстоятельство, охлаждающее интересъ владѣльцевъ къ наилучшему воздѣлыванію ихъ земель, то ограничивая срокъ ихъ владѣнія, то препятствуя имъ

располагать собственностью сообразно съ ихъ видами, то стѣсняя право наслѣдства, то затрудняя переходъ земель изъ однѣхъ рукъ въ другія, —противно улучшенію, удобренію этихъ производительныхъ силъ, противно общему интересу государства и успѣхамъ его богатства.

Есть однако ограниченія, которымъ естественно подлежитъ поземельная собственность даже и тамъ, гдѣ признается законами во всей ея полнотѣ. Вся область, государству принадлежащая, не можетъ быть раздроблена на частныя владѣнія. Нѣкоторыя части ея должны быть въ равной степени предоставлены всѣмъ гражданамъ, таковы: рѣки; моря, омывающія берега; озера, раздѣляющія провинціи. Другія, не принадлежа никому исключительно, образуютъ общинную собственность городовъ, селеній. Къ послѣднимъ должно причислить выгонныя поля, площади, гульбища, кладбища. Пути сообщенія составляютъ важную часть государственной области, которая должна быть доступна для всѣхъ въ равной степени. Конечно, никто не можетъ сѣять и жать на дорогахъ, но всякому дозволено ими пользоваться для перевозки тяжестей, для взаимныхъ сношеній. Благодаря свободнымъ сообщеніямъ, какъ сухопутнымъ такъ и водянымъ, въ странѣ раздробленной на частныя владѣнія, ни одинъ изъ членовъ общества не лишенъ всѣхъ другихъ ея мѣстныхъ преимуществъ.

Право поземельной собственности, хотя и предоставляетъ участокъ земли въ исключительное владѣніе частнаго лица, не допускаетъ однако отчужде-

нія этой собственности въ пользу другого государства. Она всегда должна оставаться неотъемлемою отъ области народной, даже и тогда, когда переходитъ въ руки иностранца, который въ такомъ случаѣ подчиняется законамъ народа, ее занимающаго. Иныя законодательства воспрещаютъ даже иностранцамъ владѣть поземельною собственностью въ государствѣ. Въ отношеніи экономическомъ, это исключеніе не оправдывается никакими особенными выгодами, и можетъ быть отнесено къ числу стѣсненій, неблагопріятныхъ производительности земель.

Исключительное право землевладѣльцевъ признается государствомъ изъ видовъ пользы общей. Всякій разъ, когда польза общая настоятельно требуетъ возвращенія поземельной собственности въ общее владѣніе, частный интересъ владѣльца долженъ уступать: — тотъ-же самый законъ, который укрѣпилъ за нимъ землю, лишаетъ его этой собственности или ея части. На этомъ основаніи, государство беретъ присвоенныя земли подъ каналы, подъ общеполезныя зданія и учрежденія. Оно требуетъ отъ прибрежнаго владѣльца у рѣки, озера или моря довольно мѣста для проложенія бичевниковъ, или для пользованія водою и для рыбныхъ ловлей, равно доступныхъ всѣмъ гражданамъ. Внутри городовъ, оно подчиняетъ особенному порядку строеніе домовъ и содержаніе улицъ. Каждое подобное требованіе со стороны государства естественно сопряжено съ вознагражденіемъ издержекъ, сдѣланныхъ владѣльцемъ на удобреніе или приспособленіе земли, у него отнимаемой.

Еще болѣе: въ силу сдѣлки, иногда безмолвной, иногда-же весьма ясно выражаемой въ законахъ, по которой государство уступаетъ собственность земли для того, чтобъ она употреблена была сколь можно производительнѣе, и слѣдовательно сколь можно выгоднѣе для общества, нельзя не допустить высшаго надзора надъ землевладѣльцами. На этомъ основано право опеки, которой власть общественная подчиняетъ владѣльцевъ, злоупотребляющихъ собственностію, за ними признанною; оставляющихъ въ запустѣніи свои земли; лишающихъ общество ихъ драгоцѣнной производительности. Иныя произведенія земли полезны не только по ихъ внутреннимъ свойствамъ, но также по ихъ вліянію на состояніе атмосферы, напримѣръ: лѣса. Подчиняя особенному порядку ихъ вырубку, ихъ посѣвы, ихъ содержаніе, государство ограничиваетъ частную собственность изъ видовъ общеполезныхъ. Въ видахъ сохраненія породъ дикихъ животныхъ и рыбъ, оно ограничиваетъ право охоты и рыбныхъ ловлей для самихъ владѣльцевъ и въ ихъ собственныхъ помѣстьяхъ.

25. ВЛІЯНІЕ ПРИСВОЕНІЯ НА ПОЛОЖЕНІЕ ПРИРОДНЫХЪ СИЛЪ.

Не одна только поземельная поверхность образуетъ область государственную. Въ составъ послѣдней входятъ также минералы и металлы, сокрытые въ нѣдрахъ земли. Право добывать ихъ и пользоваться ими можетъ быть также общимъ для всѣхъ

гражданъ, или служить предметомъ исключительной собственности. Вездѣ видимъ примѣры и того и другого.

Есть минеральныя разработки, равно доступныя всякому; таковы: каменоломни, песчаныя копи, глинистые пласты и неистощимая соляная руда, которая заключается въ морскомъ растворѣ. Иныя законодательства съ поземельною собственностію совокупляютъ еще собственность ея внутренности. Въ такомъ случаѣ, полезные минералы и металлы становятся исключительнымъ достояніемъ владѣльца. Но чаще государство, уступая право собственности надъ поверхностію земли, удерживаетъ за собою право владѣнія и разработки минераловъ, лежащихъ въ ея нѣдрахъ. Предоставленіе этого права частнымъ лицамъ, даже владѣющимъ поверхностію, составляетъ предметъ особеннаго рода уступки, вѣчной или временной.

Во всякомъ случаѣ, въ общемъ владѣніи могутъ, съ пользою для государства, оставаться однѣ минеральныя разработки, непредставляющія большихъ трудностей, подобныя упомянутымъ выше. Всѣ тѣ, которыя сопряжены съ большими работами, съ значительною тратою капиталовъ и труда, по необходимости должны быть присвоены, на всегда или на срокъ довольно продолжительный, тому или тѣмъ, кто рѣшится приступить къ ихъ устройству. Никто не предприметъ разработки каменноугольной копи, желѣзной, мѣдной, серебряной или всякой другой руды, требующей дорогихъ машинъ, орудій, множества рукъ и животныхъ, не будучи

увѣренъ въ ея обладаніи, достаточномъ для вознагражденія всѣхъ этихъ усилій.

Воды, отъ всѣхъ сторонъ окруженныя частною поземельною собственностью, какъ то: озера, рѣчки, ключи, естественно входятъ въ составъ этой собственности и признаются таковыми во всѣхъ просвѣщенныхъ законодательствахъ.

Наконецъ и самыя силы общія, тѣ, которыя въ равной степени принадлежатъ человѣчеству, могутъ иногда быть предметомъ присвоенія, и это присвоеніе совершенно согласно и съ нравственностію, и съ общею пользою, когда оно краткосрочно и признается единственно для награжденія изобрѣтательности. Такъ, выдавая привилегіи на новыя и полезныя изобрѣтенія, общество отказывается, на опредѣленное время, отъ права пользоваться общею безмездною силою природною, въ особенныхъ условіяхъ ея примѣненія, составляющихъ изобрѣтеніе. Между привилегіей и поземельной собственностью одно различіе: первая не даетъ въ собственность самой силы, но исключительное право ее употреблять *особеннымъ образомъ*,—право, которымъ владѣтель привилегіи можетъ пользоваться самъ, или уступать другому.

Первымъ послѣдствіемъ присвоенія природной силы, самой или особеннаго образа ея употребленія, должно быть усиленіе ея производительности, или содѣйствія, предлагаемаго ею труду. Тамъ, гдѣ нельзя предвидѣть подобное усиленіе, не можетъ быть и повода къ присвоенію. Еслибъ воздѣлываніе не могло нимало усилить производительность зе-

мель, то не было бы никакой побудительной причины къ ихъ раздробленію на участки, такъ точно, какъ нигдѣ не дѣлятъ между частными владѣльцами ни рѣкъ, ни морей. Минералы, лежащіе подъ открытымъ небомъ, какъ иногда песокъ, глина, торфъ, не требуютъ особеннаго приспособленія мѣстности для ихъ добыванія, и могутъ оставаться въ общемъ владѣніи подъ однимъ внѣшнимъ надзоромъ власти. Напротивъ того, нигдѣ не видимъ трудныхъ разработокъ минеральныхъ, неприсвоенныхъ какому-либо одному владѣльцу, или компаніи, или казнѣ. Тѣ-же, которыя не присвоены, никѣмъ не употребляются въ пользу. Законъ, предлагая и обезпечивая привилегію на новыя изобрѣтенія, поощряетъ къ улучшенію средствъ извлекать полезное содѣйствіе изъ общихъ силъ природныхъ.

Усиленіе производительности природныхъ силъ присвоенныхъ вознаграждаетъ за ограниченіе, которому подвергается общество признавая ихъ присвоеніе. Съ самой минуты этого признанія, между силою, дотолѣ общею и безмездною, и тѣми членами общества, которые хотятъ ею воспользоваться, возникаетъ препятствіе — воля владѣльца. Безъ его согласія, его разрѣшенія, нельзя употребить ни эту силу, ни ея содѣйствіе. Извлекая изъ нея пользу личную, болѣе или менѣе значительную, онъ не согласится уступить свое право на всегда или на время, если ему не предложено будетъ достаточнаго возмездія. И если есть лица, желающія занять его мѣсто въ отношеніи къ собственности, или только воспользоваться ея производительностію временно,

то онъ всегда можетъ найти подобное возмездіе, соразмѣрное съ его уступкою.

Такимъ образомъ въ природныхъ силахъ, при особенныхъ обстоятельствахъ общественныхъ, разсмотрѣніемъ которыхъ мы займемся во второй части нашего изложенія, присвоеніе рождаетъ цѣнность, не только потребительную, но также и мѣновую, не только связанную съ самою силою, но также и съ ея пользованьемъ.

Это ясно показываетъ, что поземельная собственность распредѣляется между членами общества не только *первымъ занятіемъ*, какъ то обыкновенно бываетъ при самомъ переходѣ къ состоянію осѣдлому; или *насильственнымъ* присвоеніемъ, какъ тому видимъ множество примѣровъ въ исторіи, но также *мѣною*. Въ странахъ, гдѣ нѣсколько поколѣній смѣнилось со времени водворенья земледѣлія, большая часть помѣстій перешли отъ первоначальныхъ владѣтелей къ новымъ и, за исключеніемъ случаевъ расхищенія и даренія, переходъ совершался мирнымъ путемъ мѣны. Можно смѣло сказать, что земли, принадлежащія нашимъ современникамъ въ государствахъ Европы, большею частію пріобрѣтены трудомъ; и это обстоятельство должно служить поводомъ къ вящшему уваженію правъ поземельной собственности.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О трудѣ.

26. Свойства труда.

Посреди природы болѣе или менѣе благопріятной, человѣкъ вездѣ является надѣленнымъ силами нравственными, умственными и тѣлесными, возвышающими его надъ всѣми другими животными. Онъ одинъ чувствуетъ; судитъ; соображаетъ; избираетъ; предполагаетъ себѣ цѣли; предусматриваетъ послѣдствія, и находитъ въ удивительномъ организмѣ средства, для выраженія и выполненія своихъ мыслей. Онъ одинъ только соединяетъ въ себѣ условія дѣятельности свободно-разумной и отвѣтственной. Когда эта дѣятельность направлена на производство полезности, ей приличествуетъ названіе *труда*.

Неправильно относятъ иногда это выраженіе къ дѣйствіямъ природы, машинъ и неразумныхъ животныхъ: имъ не достаетъ главныхъ отличительныхъ свойствъ труда: то суть однѣ слѣпыя и безотчетныя движенія, въ которыхъ мы открываемъ проявленіе воли высшей, премудрой и всесильной, но не видимъ слѣдовъ сознанія цѣли, ни свободнаго произвола, со стороны самихъ дѣйствователей. Живот-

ное въ его поступкахъ, наиболѣе поражающихъ мѣткостію и правильностію, часто для человѣка недоступными, направляется инстинктомъ, смутнымъ природнымъ влеченіемъ, не сознавая той пользы, или того вреда, которые должны быть послѣдствіемъ его дѣйствій. Его инстинкты не измѣняются и въ случаѣ совершенной перемѣны окружающихъ обстоятельствъ. Такъ, напримѣръ, оно предается ихъ влеченію даже въ неволѣ, когда не имѣется къ тому никакого повода. Человѣкъ, напротивъ, напрягаетъ свои силы, пока надѣется, что это напряженіе, или этотъ трудъ, доставитъ ему тѣ полезности, къ пріобрѣтенію которыхъ онъ стремится.

Способность къ труду развивается въ человѣкѣ не вдругъ, а постепенно. Она ничтожна въ младенцѣ, который не можетъ обойтись безъ попеченій родительскихъ, слаба въ малолѣтномъ, и начинаетъ представлять нѣкоторую степень полноты только при вступленіи въ лѣта возмужалости. Ее усиливаютъ навыкъ, упражненіе и вообще образованіе, какъ умственное такъ и тѣлесное; ее подавляютъ и разрушаютъ болѣзни, излишества, изнуреніе, старость. Важное вліяніе имѣютъ на трудовыя способности полъ, климатъ, порода. Вездѣ женщина получаетъ въ удѣлъ отъ природы менѣе силъ, нежели мущина, и множество работъ доступны только послѣднему. Смотря по климату, силы людей созрѣваютъ скорѣе или медленнѣе; скорѣе также или медленнѣе ослабѣваютъ. Есть породы людей, которыхъ способности, въ особенности умственныя, отличаются слабостью, въ сравненіи съ другими.

Къ этимъ неравенствамъ, родовымъ или генерическимъ, присоединяются еще неравенства случайныя, индивидуальныя: природныя дарованія, или таланты, распредѣляются между людьми съ такимъ-же неравенствомъ, какъ и плодородіе между различными участками земли. Ксчастію, происхожденіе на свѣтъ и существованіе людей, пораженныхъ идіотизмомъ или совершенною неспособностью къ труду, какъ посреди высшихъ такъ и посреди низшихъ породъ, всегда и вездѣ представляется наблюдателю, какъ рѣдкое исключеніе. Устранивъ эти исключенія и неизбѣжныя различія пола и дарованій природныхъ, можно смѣло сказать, что вездѣ человѣкъ, достигнувъ приличной степени возмужалости, снискиваетъ способность къ труду и сохраняетъ ее въ теченіе періода своей жизни болѣе или менѣе продолжительнаго, а иногда и до самой кончины, если ничто не разстроитъ его силъ умственныхъ и тѣлесныхъ.

Въ совокупности недѣлимыхъ обоего пола, соединяющихъ въ себѣ необходимыя условія возраста и бодрости органической, заключается то, что слѣдуетъ назвать *трудовыми силами* націи, или та часть населенности, которая можетъ прямо участвовать въ дѣлѣ производства. Чтобъ составить себѣ ясное понятіе о дѣйствующихъ трудовыхъ силахъ, или о населенности производительной, изъ общаго итога народонаселенія надлежитъ выключить не только дѣтей, старцевъ, больныхъ и разслабленныхъ, но также и всѣ тѣ лица, которыя, по какимъ бы ни было причинамъ, никакого участія не при-

нимаютъ собственно своимъ трудомъ въ производствѣ полезностей.

Напряженіе, какъ умственное такъ и тѣлесное, сопровождается усталостію, чувствомъ тягостнымъ и непріятнымъ, и во всякомъ человѣкѣ нельзя не открыть слѣдовъ природнаго отвращенія отъ труда. Страсть, или особенная склонность къ иному роду занятій, въ нѣкоторыхъ случаяхъ побѣждаетъ это отвращеніе: мы трудимся иногда забавляясь, или трудясь забавляемся. Иногда человѣкъ увлекается внутреннимъ призваніемъ, величіемъ предположенной цѣли, и не замѣчаетъ того утомленія, которому подвергается; но всего чаще, для большинства людей, образующихъ народъ, интересъ или сознаніе личной пользы служитъ главнымъ побужденіемъ къ труду. Мы тѣмъ охотнѣе вступаемъ въ борьбу съ препятствіями, отдѣляющими отъ насъ различныя блага, чѣмъ живѣе сознаемъ ихъ полезность для насъ самихъ или для существъ, которыхъ судьба связана съ нашею.

Сколь ни могуче вліяніе этого чувства на человѣка, чтобъ удачнѣе побѣдить искушенія лѣни онъ долженъ еще вооружиться твердостью воли, рѣшимостію, постоянствомъ и, какъ результатъ нравственнаго владычества надъ упорствомъ животной половины нашего существа, трудъ становится на степень добродѣтели. Все, что охлаждаетъ въ человѣкѣ интересъ, или сознаніе той пользы, которой онъ ждетъ отъ своихъ усилій; все, что обезоруживаетъ его волю, однимъ словомъ все, что ослабляетъ въ немъ нравственныя побужденія и силы—от-

ражается въ ослабленіи его трудовой способности, или, по крайней мѣрѣ, ея производительнаго свойства.

Во всякомъ трудѣ болѣе или менѣе принимаютъ участія какъ душевныя, такъ и тѣлесныя силы человѣка; но могутъ преобладать тѣ или другія. Какъ бы то ни было, между ними существуетъ тѣсная связь: разумъ и тѣло взаимно поддерживаются, и ослабленіе или разстройство одного влечетъ за собой неизбѣжное искаженіе трудовой способности. Какъ тотъ, такъ и другое, нуждается въ отдыхѣ, и можетъ пострадать отъ чрезмѣрнаго напряженія.

Посреди жизни общественной и по водвореніи обычая мѣны, человѣкъ, руководимый личнымъ интересомъ, можетъ не только посвящать свой трудъ добыванію или изготовленію произведеній, не имѣющихъ для него прямой полезности, а одну только цѣнность мѣновую; но также разсматривать какъ послѣднюю свои собственныя силы, и предлагать ихъ въ обмѣнъ другимъ людямъ за цѣнности уже готовыя. Впрочемъ, какимъ бы путемъ трудъ ни примѣнялся къ производству, прямо самимъ трудящимся или чрезъ посредство того, кто его употребляетъ,—онъ производителенъ, въ отношеніи къ богатству народному, лишь по мѣрѣ какъ содѣйствуетъ внесенію въ общество новыхъ произведеній вещественныхъ или невещественныхъ. Трудъ, неимѣющій подобнаго результата, будетъ всегда пустою растратою силъ человѣческихъ, сопряженною съ потерею для кого-либо въ обществѣ, или для самого общества.

27. АНАЛИЗЪ ТРУДА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНАГО.

Производство есть не что иное, какъ перемѣщеніе или преобразованіе элементовъ, въ природѣ существующихъ, придающее имъ полезность, которой до того они не имѣли. По необходимости, оно предполагаетъ движеніе; начало этого движенія заключается съ самомъ человѣкѣ, а силы, разсѣянныя въ природѣ и въ капиталахъ, чтобъ ему содѣйствовать должны получать направленіе отъ труда. Чтобъ сообщить это направленіе, или это движеніе, изъ котораго должно родиться произведенію, прежде всего надлежитъ познать его элементы; затѣмъ, сообразить необходимыя средства и порядокъ ихъ примѣненія къ производству и, наконецъ, осуществить это примѣненіе. *Знаніе, соображеніе и выполненіе*—вотъ три фазиса производительной силы труда; три ступени, которыя дѣятельность человѣка должна пройти, чтобъ достигнуть предположенной цѣли—созданія полезности.

Возмемъ примѣръ самый простой: вотъ корень, дающій извѣстную краску, марена. Это произведеніе доставлено обществу земледѣльцемъ, который сперва изучилъ полезныя свойства марены, благопріятнѣйшія условія почвы и климата для ея произращенія, и порядокъ сохраненія и приспособленія этого корня; потомъ, сообразилъ и приготовилъ средства къ приведенію почвы въ положеніе для того необходимое, и наконецъ приложилъ свои собственныя силы къ посѣву марены, къ хожденію за нею и уборкѣ. Ту-же послѣдовательность замѣчаемъ въ произведеніи невещественномъ, напр. въ обученіи

юноши. Наставникъ, который беретъ на себя это обученіе, долженъ сперва самъ познать науку, имъ преподаваемую; затѣмъ, сообразить удобнѣйшія средства передать это знаніе ученику такъ, чтобъ оно врѣзалось въ его память, имъ усвоилось; саможе преподаваніе изустное, или письменное, есть послѣднее исполнительное дѣйствіе.

Во всякомъ человѣкѣ соединены, въ большей или меньшей мѣрѣ, условія необходимыя для этой троякой дѣятельности. На каждомъ шагу, въ жизни общественной, встрѣчаемъ людей, которые сами наблюдаютъ, сами предпринимаютъ, и сами выполняютъ работы, дающія бытіе произведеніямъ. Множество произведеній, особенно изъ рода благъ внутреннихъ, требуютъ соединенія въ одномъ лицѣ всѣхъ трехъ видовъ труда производительнаго. Ихъ разлученіе вредитъ успѣшности нѣкоторыхъ занятій. Хирургъ, для удовлетворительнаго осуществленія тѣхъ полезностей, которыхъ ждетъ отъ него общество, долженъ по необходимости самъ знать, самъ предпринимать и исполнять свои операціи. Такъ точно и врачъ, и адвокатъ. Литераторъ, артистъ не могутъ обойтись безъ знанія, хотя иногда ихъ трудъ можетъ быть направленъ по волѣ другого предпринимателя. Тамъ, гдѣ поземельная собственность раздроблена на мелкіе участки, и гдѣ господствуетъ садоводство, въ огородникѣ нельзя не открыть весьма ясныхъ слѣдовъ троякаго труда ученаго, соображательнаго и исполнительнаго, или рабочаго.

Но, если тому не противится свойство произве-

денія, троякая дѣятельность труда естественно дробится между дѣйствователями, образующими различные классы трудового сословія.

Одни исключительно предаются наблюденію, изслѣдованію законовъ природы и человѣчества: къ этому сословію принадлежатъ *ученые* и *изобрѣтатели*. Плодомъ труда ихъ есть открытіе истины, часто мало имѣющее прямого отношенія къ самому производству полезности, но тѣмъ не менѣе драгоцѣнное: рано или поздно имъ воспользуются люди; рано или поздно, эта истина, въ началѣ пренебрегаемая и даже отвергаемая, можетъ содѣлаться основаніемъ важнѣйшихъ примѣненій.

Другіе, *предприниматели промышленные*, посвящаютъ свою дѣятельность примѣненію истинъ, открытыхъ первыми, къ образованію предпріятій, имѣющихъ въ виду удовлетвореніе различнымъ потребностямъ общественнымъ. Ихъ трудъ состоитъ собственно въ соображеніи средствъ производства съ потребностями, ему соотвѣтствующими; въ приготовленіи предпріятія и надзорѣ за его ходомъ.

Третьи, наконецъ, предлагаютъ свои силы нравственныя и тѣлесныя для преобразованія въ полезность, подъ руководствомъ вторыхъ, элементовъ, указанныхъ первыми. Они-то образуютъ собственно *исполнительное сословіе трудовое*, недостаточно означаемое въ общежитіи выраженіемъ: *рабочее*.

Сколь ни различны между собою эти три вида труда производительнаго, мы открываемъ однако между ними многія сходныя черты. Въ каждомъ изъ нихъ, болѣе или менѣе участвуютъ наши спо-

собности тѣлесныя, равно какъ и душевныя. Кромѣ того, одного рода дѣятельность не исключаетъ другой: одно и то-же лице можетъ, попеременно, дѣйствовать, то какъ ученый, то какъ предприниматель, то какъ работникъ. Можно указать множество примѣровъ предпринимателей и работниковъ, оказавшихъ важныя услуги наукамъ. Многія изобрѣтенія сдѣланы даже въ низшихъ сословіяхъ. Сколько ученыхъ предаются съ успѣхомъ труду промышленному. Но сколь ни велики выгоды совокупленія въ одномъ и томъ же лицѣ надлежащихъ способностей къ троякому труду, который необходимъ чтобъ дать бытіе произведенію, — единовременность этихъ различныхъ занятій рѣдко можетъ быть соглашена съ ихъ успѣшностію. Тому противится несовершенство нашей природы.

Трудъ исполнительный, безпрестанно прерываемый наблюденіями, дѣйствуетъ медленно и скудно. Большая часть изобрѣтателей изъ рабочаго сословія навлекали на себя упрекъ въ нерадѣніи и даже лѣности. Предприниматель, перемежающій свои промышленныя соображенія съ учеными изслѣдованіями, неизбѣжно впадаетъ въ заблужденія, ошибки, безполезно растрачиваетъ свои средства на опыты. Всего труднѣе согласить заботы предпринимателя и исполнителя съ трудомъ собственно ученымъ, наиболѣе требующимъ полноты нашихъ силъ и нашего времени. Наблюденія, развлекаемыя подобными заботами, не могутъ быть вѣрны и полны. Даже въ тѣхъ занятіяхъ, гдѣ, какъ мы видѣли, нельзя раздѣлить троякую дѣятельность труда, какъ

не замѣтить, что практика, или, собственно примѣненіе знанія къ производству, часто вредитъ успѣхамъ перваго. Чѣмъ болѣе практикуетъ медикъ, тѣмъ у него менѣе досуга слѣдить за началами, на которыхъ зиждется наука и которыми совершенствуется искусство.

Всего чаще въ обществѣ совокупляется трудъ предпринимателя съ трудомъ рабочимъ. Есть ремесла, въ которыхъ даже эти два рода труда никогда не раздѣляются. Но въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что для лицъ, исправляющихъ эти два дѣйствія труда производительнаго, время, потребное для соображенія предпріятія, потеряно для его выполненія.

Если въ отдѣльности разсмотрѣть каждый изъ трехъ родовъ труда, то нельзя не открыть въ нихъ нѣкоторой полноты, свойственной каждому. Каждый предполагаетъ болѣе или менѣе зрѣлости силъ умственныхъ и тѣлесныхъ. Существенность каждого зависитъ отъ крѣпости нравственной; въ каждомъ необходимы рѣшимость, воля, старанія, и ни одинъ, для достиженія результата, къ которому стремится, не можетъ обойтись безъ нѣкоторыхъ соображеній и выполненій собственно ему свойственныхъ. Изъ каждого рождается также полезность полная, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ членамъ общества, къ недѣлимымъ. Одинъ предлагаетъ свои наблюденія, свои указанія; другой свои соображенія, свою опытность; третій свои руки, свои дарованія, свою исполнительность. Общество нуждается въ каждомъ изъ этихъ содѣйствій, и каждое можетъ существо-

вать, и дѣйствительно существуетъ, въ обществѣ, независимо отъ прочихъ.

Только въ отношеніи къ богатству народному, къ совокупности полезностей, которыми нація обязана труду, дѣйствія ученаго, предпринимателя и работника представляются намъ въ тѣсной и глубокой связи. Это корень, стволъ и вѣтви одного дерева. Такъ точно, какъ въ каждомъ плодѣ ботаникъ открываетъ слѣды трехъ главныхъ составныхъ частей растенія, экономистъ во всякомъ произведеніи усматриваетъ слѣды троякой дѣятельности труда. Въ каждомъ изъ нихъ отразились знаніе, соображеніе и выполненіе. Но знаніе можетъ принадлежать одному, соображеніе другому, выполненіе третьему.

Это раздѣленіе производительности труда на троякую дѣятельность не есть какой-либо метафизическій выводъ теоріи: оно объясняется самымъ простымъ внушеніемъ естественной логики, и слѣды его открываются на низшихъ ступеняхъ общественности. Нѣкоторымъ образомъ, они отражаются въ самомъ устройствѣ семьи. Отецъ уже въ лѣтахъ преклонныхъ, не принимающій прямого участія въ работахъ домашнихъ, не походитъ-ли на ученаго, руководящаго только совѣтами и опытностью? хозяйка дома не есть-ли предприниматель, соображающій эти совѣты съ наличными средствами, а взрослые сыновья и дочери не суть-ли исполнители, довершающіе начатое первыми?

28. ВЛІЯНІЕ РАЗДѢЛЕНІЯ ЗАНЯТІЙ НА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА.

Этимъ основнымъ раздѣленіемъ труда не ограничивается его раздробленіе между различными членами общества. Каждая изъ вѣтвей труда производительнаго дробится еще естественно на множество различныхъ занятій.

Силы человѣка ограничены; ихъ дѣйствія подчинены неизбѣжному закону послѣдовательности. Тамъ, гдѣ недостатокъ безопасности во взаимныхъ сношеніяхъ и отсутствіе обычая мѣны принуждаютъ его дѣйствовать отдѣльно отъ своихъ собратій, заботиться одному объ удовлетвореніи всѣмъ своимъ потребностямъ, какъ тому видимъ примѣры между дикими племенами, тамъ трудъ его производитъ мало и неудовлетворительно. Безпрестанно переходя отъ одного занятія къ другому, онъ не можетъ пріобрѣсть ни навыка, ни опытности. Различныя произведенія выходятъ изъ рукъ его, грубо отдѣланныя, неоконченныя, и если замѣтны въ нихъ нѣкоторые слѣды усовершенствованія, то слабые и медленные.

Напротивъ, предаваясь исключительно, или преимущественно, какому-либо одному занятію; посвятивъ ему полноту своихъ силъ, человѣкъ можетъ достигнуть высокой степени совершенства. Его разумъ, его тѣло, повторяя часто однѣ и тѣ-же дѣйствія, упражняясь въ извѣстнаго рода наблюденіяхъ и соображеніяхъ, пріобрѣтаютъ удивительную ловкость и мѣткость. Вниманіе, однажды направленное къ какой-либо одной цѣли, не прерывается без-

престанными переходами къ занятіямъ новымъ. Оно содѣйствуетъ усовершенствованію работъ, изобрѣтенію орудій, машинъ, результатомъ чего выходятъ произведенія, лучше приспособленныя къ употребленію и предлагаемыя въ выгоднѣйшихъ условіяхъ.

И дѣйствительно, самыя простыя наблюденія убѣждаютъ, что улучшеніе производства и его усиленіе вездѣ сопровождаютъ раздѣленіе занятій и съ ними соразмѣряются. Тамъ, гдѣ встрѣчается совокупленіе множества различныхъ промысловъ или искусствъ въ одномъ и томъ-же лицѣ, можно предсказать что, и по качеству и по количеству, произведенія должны уступать подобнымъ-же, но доставляемымъ обществу различными производителями. Часто, однако, подобное совокупленіе превозносятъ какъ великое достоинство. Иногда, безъ сомнѣнія, оно служитъ признакомъ большихъ способностей, свѣтлаго ума, мѣткаго и вѣрнаго взгляда. Но разберите произведенія, и вы откроете, что ихъ разнообразіе вредитъ ихъ качеству, или, что нѣкоторыя отличаются превосходствомъ, котораго не видно въ другихъ.

Вліяніе раздѣленія занятій на усиленіе производительности труда оказывается во всѣхъ его отрасляхъ, какъ въ трудѣ ученомъ, такъ и въ трудѣ соображательномъ и исполнительномъ.

Новѣйшими успѣхами обязаны науки безъ сомнѣнія ихъ раздѣленію между многими учеными. Въ древности, кругъ познаній представлялся въ энциклопедической совокупности. Истинный ученый

принужденъ былъ обнимать всѣ отрасли человѣческаго знанія. Платонъ, Аристотель, Птоломей у Грековъ, Плиній, Сенека у Римлянъ, оставили творенія, въ которыхъ замѣтна вездѣ эта наклонность къ всезнанію. Та-же наклонность господствовала въ средніе вѣка. Ученые какъ будто нехотя довѣрялись одни другимъ, и каждый старался самъ изслѣдовать всѣ предметы, поражавшіе его въ мірѣ. Тщетныя и надменныя усилія! вообще, пока господствовалъ энциклопедизмъ, науки мало успѣвали. Онѣ развились съ быстротою и обширностію необыкновенными, когда въ концѣ XVIII столѣтія, по нѣкоему безмолвному соглашенію, ученые сами стали распредѣлять между собою тяжелое бремя изслѣдованія законовъ, которымъ повинуется міръ. Нынѣ это раздѣленіе простерто до высшей степени; не только каждая наука имѣетъ своихъ исключительныхъ служителей, людей, собственно ей посвятившихъ всѣ свои силы; но каждый изъ нихъ даже избираетъ себѣ отдѣльную часть науки, которой преимущественно предается. Такъ одни занимаются изслѣдованіями химіи минеральной; другіе, химіи органической. Въ физіологіи, одинъ предается анатоміи, другой эмбріологіи. Часто одно и то-же изслѣдованіе бываетъ плодомъ соединенныхъ усилій нѣсколькихъ ученыхъ или изобрѣтателей. У одного родилась мысль; другой развилъ ее наблюденіями; третій подтвердилъ вычисленіями. Извѣстно, что въ астрономіи, въ физикѣ, въ геологіи важнѣйшіе законы открыты при помощи второстепенныхъ наблюдателей. Одинъ

математикъ изобрѣлъ лагорифмы; но всей его жизни было бы недостаточно для ихъ вычисленія, которое сдѣлано другими.

Трудъ ученаго требуетъ особеннаго приспособленія къ предмету, которому онъ посвященъ. Трудъ предпринимателя представляетъ болѣе однообразія, не смотря на различіе цѣлей, имъ себѣ предполагаемыхъ. Во всякого рода промыслахъ, однѣ и тѣ-же качества необходимы для успѣха. Вездѣ отъ предпринимателя требуются опытность, правильныя и скорыя соображенія. Но опытность, эта привычка здраво судить о собственныхъ дѣйствіяхъ и предвидѣть ихъ послѣдствія, не можетъ быть одинакова для промысловъ различныхъ. Человѣкъ, съ успѣхомъ занимавшійся предпріятіями фабричными, или торговыми, часто находится въ затрудненіи при переходѣ къ предпріятіямъ земледѣльческимъ. Банкирскія дѣла, кромѣ знанія, предполагаютъ еще особенную опытность, въ которой менѣе нуждаются промыслы химическіе. Еще чувствительнѣе различіе между опытностію, потребною для промысловъ направленныхъ на преобразованіе вещей, и тою, которая необходима въ искусствахъ, имѣющихъ въ виду развитіе въ людяхъ благъ внутреннихъ. Предприниматель, отлично управлявшій фабрикою, рѣшительно неспособенъ для надзора за учебнымъ заведеніемъ или госпиталемъ. Вездѣ, исключительно занимающійся какою-либо одною вѣтвію промышлености, относительно къ ней имѣетъ важныя преимущества передъ тѣмъ, кто вновь приступаетъ къ этой вѣтви. Но, кромѣ

того, если допустить даже въ человѣкѣ способность одинакую для всякого рода предпріятій, дѣятельность не можетъ въ равной степени разомъ простираться на нѣсколько различныхъ предпріятій. Даже въ одномъ и томъ-же, эта дѣятельность, состоящая преимущественно въ надзорѣ за общимъ ходомъ дѣлъ и въ соображеніяхъ производства, по необходимости должна быть часто раздѣлена и много выигрываетъ отъ подобнаго раздѣленія. Такъ во многихъ значительныхъ предпріятіяхъ одинъ товарищъ беретъ на себя внутренній надзоръ, другой внѣшнія сношенія. Часто одинъ посвящаетъ себя исключительно какой-либо одной части производства; остальныя дѣлятся между прочими.

Всего ощутительнѣе раздѣленіе занятій усиливаетъ производительность труда исполнительнаго. На него-то въ особенности указалъ *Адамъ Смитъ*, бросивъ въ началѣ своего безсмертнаго творенія краснорѣчивое изложеніе его выгодъ, и описавъ фабрикацію булавки, въ которой участвуютъ около двадцати работниковъ. На долю каждого изъ нихъ, при совокупномъ дѣйствіи, приходится не менѣе шести тысячь булавокъ; но еслибъ они всѣ работали отдѣльно, не посвящая своего труда выдѣлкѣ какой-либо одной части, а цѣлой булавки, то каждый изъ нихъ, при величайшей ловкости едва-ли успѣлъ бы изготовить сто булавокъ въ день. Во всякомъ промышленномъ предпріятіи можно открыть подобные-же результаты раздѣленія занятій. Оно вездѣ ускоряетъ работы, благопріятствуетъ совершенству произведеній, значительно увеличиваетъ ихъ число.

Тѣ предпріятія, въ которыхъ какія-либо препятствія не позволяютъ осуществить подобное раздѣленіе по недостатку рукъ или капиталовъ, сравнительно съ первыми употребляютъ гораздо болѣе труда на каждое произведеніе ими доставляемое (*).

29. ЕСТЕСТВЕННЫЕ ПРЕДѢЛЫ РАЗДѢЛЕНІЯ ЗАНЯТІЙ.

Съ нѣкоторой точки зрѣнія, раздѣленіе занятій можно разсматривать какъ обширное товарищество между многочисленными членами общества,—безмолвное соглашеніе, имѣющее въ виду размѣнъ, вслѣдствіе котораго каждый посвящаетъ свои усилія на доставленіе обществу какой-либо, одного рода, полезности. Но, раздробляя такимъ образомъ между собою работы общественныя, приспособляя исключительно свою дѣятельность къ извѣстному труду, люди не могутъ исторгнуться изъ круга ихъ дѣятельности общей. Всѣ они, какого бы рода ни было ихъ ремесло, суть члены общества, и посему граждане; у каждого есть семейныя узы и обязанности; каждый долженъ умѣть жить въ обществѣ, т. е. знать свои права и свои обязанности въ отношеніи къ себѣ подобнымъ; каждый нуждается въ развитіи нравственномъ и умственномъ.

Раздѣленіе занятій, когда сопряжено съ подавленіемъ всѣхъ этихъ проявленій разумной жизни, противно нашей природѣ; его нельзя допустить въ обществѣ, потому что оно уничтожаетъ тѣ нравствен-

(*) См. *примѣчаніе I.*

ныя и разумныя связи, которыми держится общество.

Ктому-же, подобное безусловное раздѣленіе противорѣчитъ цѣли, ему предположенной. Слѣпое выполненіе какой-либо одной работы рѣдко доставляетъ желаемые результаты. Между различными занятіями человѣческими существуетъ связь, соотношеніе, которыми нельзя пренебрегать, исключительно предаваясь тому или другому изъ нихъ. Люди не могутъ, подобно пчеламъ запереться по кельямъ и работать въ уединеніи, нимало не заботясь о томъ, что дѣлаютъ ихъ собратья. Пчелами руководитъ инстинктъ и, благодаря ему, ихъ работы совершаются съ правильностью удивительною: людямъ не данъ подобный инстинктъ и, безъ взаимнаго соглашенія, ихъ работы, при всемъ усердіи, направляются превратно.

Такъ ученый, избравъ себѣ какую-либо одну часть, не можетъ не только въ ней подвизаться, но даже и приступить къ ея изученію, не познакомившись съ другими науками, съ нею смежными. И въ природѣ, и въчеловѣчествѣ, каждое явленіе бываетъ слѣдствіемъ множества причинъ и началомъ множества результатовъ. Между этими причинами, между этими результатами существуютъ союзы, которые не могутъ быть изслѣдованы однимъ и тѣмъ же ученымъ, но однако должны быть извѣстны, болѣе или менѣе, каждому изъ нихъ. Моралистъ, политикъ, экономистъ не могутъ обойтись, не только безъ знанія различныхъ вѣтвей наукъ нравственно-политическихъ, но также безъ нѣкотораго изученія

наукъ физическихъ. И обратно, физикъ, математикъ, химикъ, хотя и направляютъ свои изслѣдованія почти исключительно на вещи, не могутъ однако не посвятить нѣкотораго труда на познаніе законовъ человѣчества. Если энциклопедизмъ служитъ причиною поверхностныхъ и недостаточныхъ изслѣдованій, то нельзя не согласиться, что, простертое до излишества, раздѣленіе ученыхъ занятій влечетъ неминуемо къ глубокимъ заблужденіямъ, къ превратнымъ системамъ.

Важнымъ ошибкамъ подвергается предприниматель, слишкомъ безусловно предавшійся своему промыслу, и не обращающій вниманія на другіе, вокругъ него производимые. Между искусствами и промыслами существуетъ связь столь же тѣсная, какъ и между науками. Далѣе мы увидимъ какъ они взаимно поддерживаются одинъ другимъ, или напротивъ, какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ между ними возникаетъ взаимное противоборство. Глазъ предпринимателя, исключительно наблюдающій за ходомъ работъ въ его мастерской, въ его полѣ, конторѣ, или школѣ, не видитъ множества обстоятельствъ въ мірѣ окружающемъ, изъ которыхъ однѣ могутъ доставить ему важныя выгоды, другія угрожаютъ ему неудачами.

Впрочемъ, на дѣлѣ мы убѣждаемся, что и ученымъ и предпринимателямъ опытностью скоро внушается необходимость, при всемъ исключительномъ направленіи ихъ силъ на какой-либо одинъ родъ занятій, посвящать нѣкоторую часть труда на сохраненіе его въ связи съ занятіями другихъ членовъ

общества, направленными къ инымъ цѣлямъ. Такимъ образомъ они естественно держатся въ полезныхъ границахъ раздѣленія труда.

Не такъ легко удержаться въ этихъ границахъ труду исполнительному. Тогда какъ предприниматель и ученый дѣйствуютъ по собственному произволу и усмотрѣнію, сами отвѣчаютъ за результатъ своихъ дѣйствій,—трудъ исполнительный предоставляетъ себя чужой волѣ, и сбрасываетъ съ себя большую часть отвѣтственности. Первые должны впередъ обдумать свои дѣйствія, предвидѣть ихъ послѣдствія и, по справедливости, могутъ частію приписывать самимъ себѣ успѣхъ или неудачу результатовъ. Исполнитель, или работникъ, отвѣчаетъ только за ближайшій результатъ своего труда: его дѣло—удовлетворительно исполнить урокъ ему заданный; но послѣдствія этого исполненія его не касаются; ихъ долженъ предвидѣть тотъ, кому онъ предоставилъ свой трудъ и кто имъ руководитъ. Въ этихъ условіяхъ, можно опасаться подавленія многосторонней природы человѣка раздѣленіемъ занятій, обрекающимъ его силы на постоянное повтореніе одного и того-же дѣйствія.

Подобный неблагопріятный результатъ зависитъ наиболѣе отъ самого рода труда исполнительнаго. Подъ этимъ словомъ нельзя разумѣть одинъ собственно рабочій трудъ: должно называть исполнительнымъ всякій трудъ урочный, заказной; какъ чисто механическій, такъ и чисто умственный; всякое напряженіе способностей человѣка, представляющее признакъ чужого руководства. Такимъ обра-

зомъ, къ трудовому сословію исполнительному мы причислимъ не только работниковъ фабричныхъ, ремесленныхъ, земледѣльческихъ, домашнихъ; но также и торговыхъ прикащиковъ, уставщиковъ, машинистовъ, мастеровъ, солдатъ, матросовъ, офицеровъ; должностныхъ гражданской и военной службы, не облеченныхъ властію политическою; артистовъ, предоставляющихъ свои таланты въ распоряженіе особенныхъ предпринимателей; учителей въ школахъ, професоровъ, и вообще всѣ званія, въ которыхъ человѣкъ не дѣйствуетъ на свой собственный счетъ, не самъ себѣ предполагаетъ цѣли, къ достиженію которыхъ направляетъ свои усилія. Въ числѣ этихъ разныхъ видовъ труда исполнительнаго, сколь многіе требуютъ обширнѣйшаго развитія нашихъ силъ душевныхъ. Сколько такихъ, которые не только не подавляютъ нашей природы, но, напротивъ, обнимаютъ столь обширный кругъ дѣйствія, что съ ними сопряжена исполнительная отвѣтственность огромная. Часто исполненіе урока предполагаетъ гораздо болѣе познаній, нежели его задача. Не говоря о тѣхъ условіяхъ, которыхъ требуется отъ администратора, отъ полководцевъ, отъ професора, принимающихъ на себя важнѣйшія исполненія, разсмотрите въ промышлености многостороннее свойство занятій, поручаемыхъ торговымъ прикащикамъ, мастерамъ, машинистамъ. Еслибъ эти лица исключительно умѣли ходить по одной тропѣ; еслибъ онѣ знали только свое дѣло, и болѣе ничего, то ихъ нельзя было бы употребить изъ десяти разъ—одинъ. Они не отвѣчаютъ за по-

слѣдствіи порученнаго имъ исполненія, — безспорно; но одно это исполненіе, по сущности своей, требуетъ съ ихъ стороны самой разнообразной дѣятельности.

Спускаясь ниже, встрѣчаемъ работниковъ разного рода. Ихъ обязанности не столько нуждаются въ развитіи душевныхъ способностей; ихъ трудъ также менѣе благопріятствуетъ этому развитію. Но и между ними не всегда можно допустить безусловное порабощеніе силъ одному занятію. Въ ремеслахъ, извѣстно, работникъ къ умѣнію долженъ еще присоединять знаніе матеріяла. Отъ слугъ мы требуемъ особенной ловкости, которая не ограничивается однимъ содержаніемъ въ чистотѣ нашихъ пожитковъ. На фабрикахъ, множество работъ сопряжены съ нѣкоторою смѣтливостію постороннею. Такъ образованіе, необходимое для успѣшнаго производства работъ всякого рода, разнообразя дѣятельность человѣка, исправляетъ неудобства, сопряженныя съ раздѣленіемъ занятій.

Только тѣ изъ нихъ, въ которыхъ предприниматель требуетъ отъ работника одной силы мускульной, работы простыя и всегда одинакія, имѣющія нужду не въ соображеніи, а только въ послушаніи, въ терпѣніи, подобныя тѣмъ, какія видимъ въ фабрикаціи булавокъ, игорныхъ картъ, частію въ прядильняхъ, и разныхъ другихъ мастерствахъ, — унижаютъ природу человѣка и, принуждая къ безпрестанному повторенію простой автоматической игры мускуловъ, препятствуютъ ея дальнѣйшему развитію. Дѣйствительно, къ чему можетъ быть

способенъ человѣкъ, который, съ самой ранней юности, провелъ все время въ разрѣзываніи или заостриваніи проволоки, и отъ котораго никогда не требовали ни малѣйшаго размышленія?

Но тамъ, гдѣ раздѣленіе занятій достигаетъ крайнихъ предѣловъ, за которые не можетъ перейти производительность труда исполнительнаго, трудъ естественно замѣняется машинами, или становится единственно удѣломъ дѣтскаго возраста, еще неспособнаго къ работамъ болѣе сложнымъ, и который, если огражденъ законодательствомъ, или еще лучше нравами, противъ злоупотребленій и развращенія, не можетъ потерпѣть отъ подобнаго упрощенія занятій. Въ образованіи нравственности заключается другое смягченіе вредныхъ послѣдствій крайняго раздѣленія занятій.

30. УПОТРЕБЛЕНІЕ ОРУДІЙ И МАШИНЪ.

Нигдѣ и никогда люди не могли обойтись безъ помощи орудій. Наши органы, наши мускулы въ иныхъ случаяхъ слишкомъ слабы, въ другихъ неспособны, для производства множества необходимѣйшихъ работъ. Подобно животнымъ, мы не соединяемъ въ своемъ тѣлосложеніи всѣхъ условій нашаго существованія, не говоря уже о тѣхъ потребностяхъ высшихъ, которыя свойственны одному человѣку. Недостатокъ этихъ условій человѣкъ замѣняетъ пособіемъ природы неорганической; онъ снискиваетъ это пособіе въ различныхъ свойствахъ тѣлъ, его окружающихъ: въ твердости металловъ, въ ихъ ковкости, въ легкости и прочности дерева, въ прозрачности стекла. Тѣла, преообразованныя

и приспособленныя трудомъ, превращаются въ орудія. Человѣкъ, ими вооруженный, дѣйствуетъ правильнѣе, скорѣе; производитъ болѣе. Есть множество работъ, къ которымъ онъ даже вовсе не способенъ, когда лишенъ орудія, для нихъ необходимаго.

Отъ какихъ тяжкихъ усилій избавляютъ человѣка заступъ, ломъ, топоръ, долото, стругъ. Безъ молота и наковальни, какую пользу могли бы извлечь люди изъ желѣза и мѣди? Отнимите иглу у самой искусной швеи, и что станется съ ея промысломъ? И не только трудъ тѣлесный нуждается въ орудіяхъ: онѣ столь-же необходимы для труда умственнаго. Безъ кисти, живописецъ не изобразитъ своихъ вдохновеній на холстѣ; безъ рѣзца, скульпторъ не высѣчетъ ихъ изъ мрамора; безъ пера, авторъ не передастъ своихъ мыслей современникамъ и потомству. Компасъ, телескопъ, барометры, секстанты, инструменты математическіе и физическіе предлагаютъ существенное содѣйствіе соображеніямъ научнымъ. Нынѣ, какою скудостію поражаютъ насъ наблюденія натуралистовъ, нерасполагавшихъ микроскопомъ.

Всякое изобрѣтеніе новаго орудія, самое улучшеніе орудій, уже существующихъ, есть благодѣяніе для человѣчества. Древніе смотрѣли на многія изъ нихъ какъ на дары боговъ: въ новѣйшія времена, подобныя открытія обезпечиваютъ изобрѣтателямъ справедливое уваженіе современниковъ и славу въ потомствѣ. Но, этимъ примѣненіемъ природы неорганической, къ облегченію своихъ работъ, не

ограничивается изобрѣтательность человѣка. Онъ простеръ свои притязанія гораздо далѣе: изучивъ законы, которымъ повинуются различныя силы природы, противопоставивъ ихъ одну другой въ особенныхъ приборахъ или машинахъ, онъ заставилъ работать за себя эти силы, только направляя и соразмѣряя ихъ дѣйствія, такъ точно, какъ направляетъ дѣйствія тварей одушевленныхъ, ему покорныхъ. Этимъ изобрѣтеніямъ въ особенности благопріятствуетъ раздѣленіе занятій, безпрестанно упрощая работы и превращая ихъ въ однообразныя дѣйствія, не требующія участія разума.

Трудно съ точностію постановить различіе между орудіями и машинами. Оно не заключается въ большей или меньшей сложности тѣхъ или другихъ. Есть орудія весьма сложныя какъ то: сексанты, астролябіи, теодолиты, тогда какъ напротивъ есть машины весьма простыя, какъ-то: рычагъ, блокъ, воротъ. Самое существенное различіе орудій отъ машинъ заключается въ томъ, что полезное дѣйствіе первыхъ зависитъ отъ силы человѣка, къ которой онѣ приложены, тогда какъ въ машинахъ, по волѣ человѣка дѣйствуетъ сила природы. Орудіе, какое бы ни было, только облегчаетъ работу, позволяетъ человѣку употребить менѣе усилія; машина замѣняетъ это усиліе. Помощію бурава работникъ можетъ сверлить дерево и металлъ, но для этого онъ долженъ прибѣгнуть къ усилію значительному; отъ этого усилія его избавляетъ сверлильная машина. При помощи ея, трудъ работника ограничивается наблюденіемъ и приведеніемъ въ дви-

женіе механизма: но и эта послѣдняя работа отстраняется учрежденіемъ механическихъ двигателей, паровыхъ машинъ, гидравлическихъ колесъ, пружинъ, и т. п.

Машины можно раздѣлить на два разряда: на движительныя и на обработывающія. И тѣ и другія, не только сберегаютъ работу человѣка и животныхъ, ему принадлежащихъ, но еще придаютъ ей постоянство, опредѣлительность и неутомимость, которыхъ нельзя ожидать отъ рукъ человѣческихъ, даже вооруженныхъ орудіемъ.

Сберегая трудъ, позволяя усиливать его производительность до того, что одинъ человѣкъ на прядильномъ станкѣ изготовляетъ работу цѣлой сотни прядильщицъ, машины не дѣлаютъ его безполезнымъ, излишнимъ, въ чемъ часто ихъ упрекаютъ и въ книгахъ, и въ общежитіи. Подобно всякому другому орудію, машина сама есть произведеніе труда и прежде всего, изъ количества труда, ею вытѣсняемаго, должно выключить трудъ, употребленный на ея изготовленіе и необходимый на содержаніе ея въ исправности. Если жъ разсмотрѣть свойство работъ, замѣняемыхъ машинами, то нельзя не замѣтить, что большею частію онѣ принадлежатъ къ числу простыхъ, однообразныхъ дѣйствій, которымъ приличествуетъ названіе автоматическихъ, и которыя могутъ быть приняты за послѣднее выраженіе раздѣленія занятій. Еще не открыли машинъ, которыя могли бы замѣнять работу разума; но всѣ болѣе или менѣе стремятся къ ограниченію труда этою работою, облагороживая занятія человѣческія,

и изъ чисто-тѣлесныхъ возвышая ихъ на степень умственныхъ. Нѣкоторыя производства, напр. механическое тканье, по видимому не нуждается въ трудѣ работниковъ; но приготовленіе этого движенія, поражающаго быстротою и правильностію, есть плодъ множества разнообразныхъ работъ: надлежало натянуть основу, размотать утокъ, расположить цилиндры стана, картоны узора, пригнать самый узоръ; въ этой фабрикаціи человѣкъ довѣряетъ неорганической силѣ только тѣ работы, которыя могутъ обойтись безъ участія силы разумной.

Помощію орудій и машинъ трудъ человѣческій не только усиливаетъ свою производительность до результатовъ невѣроятныхъ, но также извлекаетъ болѣе пользы изъ производительности природы. Предоставляя послѣдней самыя тяжкія работы, онъ оставляетъ на свою долю работы высшаго разряда. Нельзя не замѣтить страннаго противорѣчія въ мнѣніяхъ людей, возстающихъ противъ раздѣленія занятій потому, что оно подавляетъ умственныя способности, и въ тоже время не признающихъ необходимости и пользы машинъ, предохраняющихъ человѣка отъ подобнаго подавленія.

31. ТРУДЪ СОВЕРШЕНСТВУЕТСЯ ОБРАЗОВАНІЕМЪ.

Примѣненіе раздѣленія занятій, орудій и машинъ къ усиленію производительности труда, предполагаетъ образованіе или усовершенствованіе способностей человѣка. Это образованіе, какъ внутреннее благо, какъ полезность, въ самихъ людяхъ развиваемая, служитъ само предметомъ множества важнѣй-

шихъ промысловъ. Здѣсь мы хотимъ только указать его вліяніе на производительность труда.

Изъ рукъ природы человѣкъ выходитъ слѣпъ и безсиленъ. Предоставленный самому себѣ, въ совершенномъ одиночествѣ, какъ подтверждается примѣрами, ксчастію весьма рѣдкими, онъ мало возвышается надъ звѣремъ. Только въ жизни общественной его способности развиваются образованіемъ: онъ получаетъ его, то путемъ подражанія и опытности, то путемъ обученія.

Подобно способностямъ человѣка, образованіе его бываетъ двоякое: *нравственное* и *тѣлесное*; первое относится къ душевнымъ, второе къ физическимъ силамъ. И тѣ и другія нуждаются въ развитіи: непросвѣщенный умъ дѣйствуетъ смутно и неполно, такъ точно какъ мускулы, не выправленные упражненіемъ, не пріобрѣтаютъ ни гибкости, ни проворства.

Нѣтъ занятія, нѣтъ ремесла или званія, въ которомъ человѣкъ могъ бы обойтись безъ этого двоякаго образованія; и если обстоятельства препятствуютъ одному изъ нихъ, то жизнь его отличается неполнотою; въ ней преобладаютъ недуги физическіе, ослабленіе тѣла, или еще пагубнѣйшія болѣзни нравственныя: огрубѣніе нравовъ, омраченіе мыслей. Съ недостаткомъ развитія, въ той или другой половинѣ нашего существа, невозможно согласить нѣкотораго совершенства нашей свободно-разумной дѣятельности, а слѣдовательно и труда.

Образованіе допускаетъ множество оттѣнковъ: есть занятія, въ которыхъ человѣкъ преимуществен-

но нуждается въ приспособленіи и развитіи силъ мускульныхъ, въ другихъ напротивъ, для него гораздо важнѣе развитіе силъ душевныхъ. Ремесленникъ, по необходимости, долженъ болѣе предаваться тѣлеснымъ упражненіямъ, тогда какъ артистъ, литераторъ, ученый, могутъ довольствоваться одною умѣренною гимнастикою, и посвящать свои главныя старанія на обогащеніе памяти познаніями, на изощреніе воображенія, чувства (Gemuth), соображательныхъ способностей. Но какъ ни различна дѣятельность, къ которой обстоятельства, воля родителей, или собственный произволъ направляютъ силы гражданъ, въ ней есть черты сходныя, требующія одинакихъ условій развитія, и другія, ей собственно свойственныя. Люди нуждаются, съ одной стороны, въ образованіи общемъ; съ другой, въ образованіи особенномъ или спеціяльномъ. Первое обнимаетъ въ равной степени тѣлесную и духовную половину нашего существа; второе можетъ преимущественно обращаться къ той или другой, избѣгая однако совершеннаго подавленія какой-либо изъ нихъ.

Говоря о трудѣ, не должно никогда забывать, что мы говоримъ о людяхъ, принадлежащихъ жизни общественной. Прежде всего они должны быть приспособлены къ этой жизни: отецъ, который воспитываетъ дѣтей своихъ, имѣя въ виду одно какое нибудь ремесло, готовитъ дурныхъ гражданъ, а чрезъ то самое и весьма неудовлетворительныхъ работниковъ. Исключительно настроивая ихъ способность для какого-либо одного рода работъ, онъ

предаетъ ихъ безъ защиты всѣмъ гибельнымъ послѣдствіямъ внезапной перемѣны въ распорядкѣ занятій, и если у нихъ нѣтъ другихъ средствъ къ существованію, кромѣ собственнаго труда, то подвергаетъ ихъ бѣдствіямъ нищеты. Напротивъ, укрѣпляя въ нихъ здравый смыслъ, зароняя въ ихъ душу убѣжденія вѣры и долга, пріучая свѣтло смотрѣть на вещи и вооружая ихъ познаніями общими, хотя первоначальными, онъ открываетъ имъ пути къ дѣятельности разнообразной и просвѣщенной. Укрѣпивъ, такимъ образомъ, ихъ тѣло и духъ въ лѣта, когда природа человѣческая, еще слабая, можетъ быть заглушена и подавлена внѣшними причинами, онъ можетъ впослѣдствіи, примѣняясь къ ихъ наклонностямъ, ихъ силамъ, смѣло приступить къ образованію особенному или спеціяльному; предоставить послѣднее навыку, какъ то дѣлается обыкновенно въ ремеслахъ, или дальнѣйшему обученію, необходимому на поприщѣ искусствъ и наукъ. Нельзя означить предѣлы, въ которыхъ должно держаться образованіе общее. Они измѣняются нетолько по обычаямъ народа, по степени просвѣщенія, уже въ немъ разлитаго, но также и въ томъ же народѣ, по сословіямъ, по достатку. Люди богатые могутъ дать своимъ дѣтямъ образованіе разнообразное, роскошное, не давъ ему однако направленія спеціяльнаго. Въ бѣднѣйшихъ классахъ народныхъ часто представляется совершенное отсутствіе личныхъ средствъ къ подобному образованію: но онѣ замѣняются обычаями и нравами, частію тѣмъ образованіемъ рели-

гіознымъ и первоначальнымъ, которое заботливыя правительства предлагаютъ безмездно на общій счетъ всего государства. И какъ справедливы въ этомъ случаѣ заботы правительства, какъ много содѣйствуютъ онѣ успѣхамъ богатства, а съ тѣмъ вмѣстѣ и разлитію благосостоянія между членами общества.

Еще недавно, въ самыхъ просвѣщенныхъ государствахъ европейскихъ обрекали дѣтей, съ самой ранней юности, на фабричныя работы. Какъ выше замѣчено, много тому способствовало упрощеніе работъ ихъ раздѣленіемъ. Лишенныя всякого образованія нравственнаго, поставленныя на степень машины или безсловеснаго животнаго, преданныя безъ защиты дурному примѣру развращенныхъ нравовъ, осужденныя на продолжительныя работы однообразныя и простыя, утомлявшія ихъ нѣжные органы безъ всякого упражненія силъ умственныхъ, часто посреди тлетворной атмосферы, дѣти работниковъ погибали не достигнувъ юношескаго возраста, или возрастали, какъ дикіе, чуждыя современной образованности, неспособныя ни къ жизни гражданской, ни къ жизни семейной и, отъ ранняго истощенія мускуловъ, неспособныя къ труду. Такъ невинное и полезное упражненіе дѣтей въ простыхъ занятіяхъ фабричныхъ, вслѣдствіе злоупотребленія, излишества работы и совершеннаго пренебреженія ихъ нравственнымъ и тѣлеснымъ образованіемъ, превратилось въ источникъ зла и неудобствъ для всего общества. Извлеченію наибольшей выгоды изъ несозрѣвшихъ силъ дѣтей

корысть родителей слѣпо приносила въ жертву производительность труда взрослыхъ. Почти вездѣ эти послѣдствія возбудили вниманіе правительствъ, и благоразумные законы стремятся къ отвращенію злоупотребленія и къ обезпеченію дѣтямъ, работающимъ на фабрикахъ, первоначальнаго обученія и отдыха достаточнаго для развитія ихъ тѣлесныхъ силъ.

Все, что сказано выше о раздѣленіи занятій, подтверждаетъ необходимость и пользу образованія спеціяльнаго, которое начинается, нѣкоторымъ образомъ, тамъ, гдѣ оканчивается образованіе общее. Чѣмъ далѣе было простерто послѣднее, тѣмъ выше можетъ быть избираемая спеціяльность. Въ іерархіи учебныхъ заведеній нашего отечества легко усмотримъ различныя степени образованія общаго: оно получается въ приходскихъ школахъ и уѣздныхъ училищахъ, въ гимназіяхъ, въ лицеяхъ и университетахъ. Велико разстояніе, раздѣляющее эти заведенія, какъ по числу такъ и по глубокости преподаваемыхъ предметовъ; между тѣмъ, ни одно изъ нихъ не отличается спеціяльнымъ направленіемъ способностей человѣка къ какой-либо особенной вѣтви труда (*): всѣ только приспособляютъ ихъ къ спеціальности болѣе или менѣе возвышенной. Приходская школа готовитъ людей грамотныхъ способныхъ ко всякому роду ремеслъ; Юноша, получивъ это скромное первоначальное

(*) Факультеты Университетскіе нельзя разсматривать какъ спеціяльныя обученія. Это одно лишь неизбѣжное раздѣленіе преподаванія по сущности, въ полнотѣ своей, слишкомъ обширнаго.

образованіе, можетъ съ успѣхомъ избрать какую либо спеціяльность промышленную. Ему открытъ входъ въ технологическія заведенія, техническія или реальныя школы, въ рисовальные классы, если онъ желаетъ усовершенствоваться путемъ обученія. Гимназическое или второстепенное образованіе разнообразнѣе и обширнѣе: оно соотвѣтствуетъ спеціяльностямъ разряда высшаго: высшимъ заведеніямъ военнымъ, инженернымъ, училищу правовѣденія, академическимъ курсамъ. Наконецъ университеты готовятъ молодыхъ людей къ поприщу государственной службы, на которомъ опытность должна довершить ихъ образованіе и соотвѣтствуютъ еще самой высшей спеціяльности, — поприщу ученаго, професора, которая окончательно пріобрѣтается въ институтахъ педагогическомъ и професорскомъ, и поддерживается и обагощается въ теченіе всей жизни опытностію и наблюденіемъ.

Впрочемъ, не одна только спеціяльность ученаго отличается этимъ постояннымъ усовершенствованіемъ, въ которомъ участвуютъ столько же изученіе, сколько навыкъ и опытность. Оно свойственно спецільяностямъ всякого рода, въ трудѣ наиболѣе умственномъ, какъ и въ наиболѣе тѣлесномъ; и въ немъ-то заключается одна изъ важнѣйшихъ выгодъ раздѣленія занятій. Пословица «вѣкъ живи, вѣкъ учись» не есть пустое изрѣченіе: въ ней выражается истина глубокая, подтверждаемая на каждомъ шагу въ жизни. Опытность развѣ не обогащаетъ насъ безпрестанно новыми убѣжденіями, новыми

познаніями? и развѣ ея послѣднее слово, ея послѣдній урокъ не ждетъ всякого изъ насъ у самой могилы?...

32. НАРОДНАЯ ОБРАЗОВАННОСТЬ РАЗЛИЧНО РАЗВИВАЕТСЯ.

Вліяніе образованія простирается не только на тѣхъ членовъ общества, къ которымъ прямо обращается: путемъ примѣра и подраженія оно дѣйствуетъ и на другихъ, которые поставлены посреди обстоятельствъ, не столь благопріятныхъ и даже противныхъ его пріобрѣтенію. Такъ просвѣщеніе или образованность, зарождаясь въ высшихъ слояхъ общества, разливаетъ лучи свои и до самыхъ низшихъ сословій. Мало по малу народныя понятія исправляются, обычаи облагороживаются, и люди начинаютъ снискивать въ своемъ трудѣ средства, которыхъ прежде не подозрѣвали или не признавали. Невѣжество и варварство ихъ разлучали; каждый трудился единственно для себя; образованность ихъ совокупляетъ, раздѣляетъ между ними занятія, вооружаетъ ихъ орудіями, приспособляетъ ихъ способности къ извѣстному роду труда, указываетъ имъ новыя средства къ извлеченію полезныхъ результатовъ изъ природы и капиталовъ.

Въ то-же время она вызываетъ въ людяхъ потребности новыя; на каждомъ шагу развиваетъ въ нихъ идеи о лучшемъ и, безпрестанно доставляя имъ новыя средства къ пріобрѣтенію новыхъ полезностей, возбуждаетъ въ нихъ интересъ къ ихъ производству. Ея успѣхамъ всюду сопутствуютъ успѣхи бо-

гатства; и благосостояніе вездѣ является какъ послѣдствіе и несомнѣнный признакъ ея распространенія.

Но развитіе образованности народной нельзя допустить безусловно, такъ точно, какъ и образованія индивидуальнаго. Послѣднее зависитъ частію отъ обстоятельствъ внѣшнихъ, отъ достатка лица, отъ сословія или семейства, которому оно принадлежитъ; частію и отъ природныхъ способностей, доставшихся ему въ удѣлъ. Одинъ рождается слабымъ, другой сильнымъ; одного природа въ изобиліи надѣляетъ всякого рода дарованьями, снабжаетъ отличною памятью, воображеніямъ, ловкостью; другой лишенъ этихъ преимуществъ. Талантъ распредѣляется съ неравенствомъ самымъ причудливымъ. Никакія заботы воспитанія не могутъ иногда замѣнить недостатокъ способностей; но и величайшія дарованія часто глохнутъ въ неизвѣстности, по недостатку образованія. Такъ точно и въ народахъ отражается въ большомъ видѣ это неравенство познаній и способностей, которымъ поражаютъ насъ недѣлимыя.

Самыя тщательныя наблюденія антропологіи открываютъ въ человѣчествѣ различныя породы, хотя и сходныя въ чертахъ основныхъ, но не въ равной степени способныя къ развитію умственному, въ которомъ главнѣйше состоитъ образованность. Исторія и статистика подтверждаютъ это мнѣніе доказательствами неоспоримыми. Между тѣмъ, какъ племя кавказское, постоянно, царственно держало надъ міромъ свѣтильникъ образованности, то ру-

кою древнихъ Ассиріянъ и Вавилонянъ; то, позже, изъ Греціи и Рима; въ средніе вѣка, въ лицѣ Аравитянъ и Мавровъ; а нынѣ въ лицѣ Европейцевъ,— племя монгольское прошло столѣтія, породивъ только одну неподвижную, почти инстинктивную образованность китайско-японскую; племена малайское и еѳіопское почти нигдѣ не возвысились на степень народа осѣдлаго, а слабые зачатки образованности американскаго племени, въ Перу и Мехикѣ, погасли и невозратно изчезли, при первомъ ихъ столкновеніи съ живою и могучею образованностію европейскою. Безъ сомнѣнія въ организаціи людей породы кавказской, по выраженію Линнея въ животномъ *homo sapiens europeus,* есть элементы, дающіе ему это превосходство надъ другими племенами, между которыми образованность развивается медленнѣе и одностороннѣе.

Въ этомъ сравнительномъ несовершенствѣ породъ нельзя не видѣть одной изъ важнѣйшихъ причинъ униженія и варварства, въ которыя постоянно погружены дикія племена, владѣющія въ Старомъ и Новомъ свѣтѣ землями, щедро надѣленными природою. И такова сила этого огрубѣнія, что сосѣдство народовъ образованныхъ кавказскаго племени имѣетъ на него лишь слабое вліяніе. У промышленной и предпріимчивой населенности сѣверо-американскихъ Штатовъ Индейцы заимствовали одно оружіе, да крѣпкіе напитки; у голландскихъ Берсовъ, уже нѣсколько столѣтій тому назадъ поселившихся на мысѣ Доброй Надежды, однѣ ближайшія племена Готтентотовъ переняли съ боль-

шимъ трудомъ скотоводство, но ихъ примѣръ нисколько не поколебалъ безумной лютости Кафровъ. Негры, переселяемые въ колоніи европейскія, медленно и слабо пріобщаются къ образованности ихъ окружающей, даже и тогда, когда пользуются свободою.

Неблагопріятное положеніе естественное не столь сильно препятствуетъ успѣхамъ образованности, какъ несовершенство породы. Многіе народы племени кавказскаго умѣли извлечь огромную пользу изъ самыхъ ничтожныхъ удобствъ природы, или побѣдить ея враждебныя свойства. Однако, нельзя не признать нѣкоторой зависимости и самыхъ высшихъ породъ человѣчества отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Образованность различно развивается на югѣ и на сѣверѣ: тамъ, преобладаетъ воображеніе, поэзія; здѣсь—разсудокъ, расчетливость. Недостатокъ сообщеній съ другими народами замедляетъ ея успѣхи. Большею частію трудно указать причины этихъ различій, этихъ неравенствъ, но мы не предпринимаемъ того: мы приводимъ ихъ какъ факты, достаточно подтверждающіе, что люди, вслѣдствіе внѣшнихъ обстоятельствъ, не вездѣ могутъ одинаково преуспѣвать на пути образованности, и по сему не вездѣ также извлекаютъ одинаковую пользу изъ своего труда.

Ктому-же, каждый народъ окруженъ другими народами, съ которыми принужденно находится въ сношеніяхъ, и въ его жизни должны по необходимости отражаться нѣкоторыя послѣдствія этихъ сношеній. Онѣ могутъ то подавлять, то оживлять его

дѣятельность, то просвѣщать его, то напротивъ распространять въ немъ предразсудки, развращеніе. И такова сила примѣра на людей, что, въ этомъ отношеніи, сосѣдство народовъ самыхъ варварскихъ, можетъ имѣть вліяніе на нравы народовъ образованнѣйшихъ. Извѣстно, что Европейцы заимствовали у дикихъ обычай курить и нюхать табакъ. Въ XV и XVI столѣтіяхъ Россія безъ сомнѣнія была образованнѣе Монголовъ, ее притѣснявшихъ; между тѣмъ, сколько обычаевъ этого варварскаго народа проникло въ наши нравы и нашъ образъ жизни.

Такъ въ сношеніяхъ между народами замѣтна на каждомъ шагу взаимность вліянія, и этимъ объясняется однообразіе обычаевъ, не только у племенъ одному и тому же народу принадлежащихъ, но частію и у различныхъ народовъ, въ которыхъ сила обстоятельствъ развиваетъ образованность одинакими путями и, такъ сказать, изъ однихъ и тѣхъ-же элементовъ. Усвоеніе народами этихъ элементовъ совершается не только въ мирное время; ему не препятствуютъ, и даже способствуютъ, войны. Благое Провидѣніе устроило міръ такъ, чтобъ люди были полезны одни другимъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда дышатъ ненавистью другъ противъ друга. Крестовые походы, стóявшіе столько крови, съ одной стороны имѣли несомнѣнное вліяніе на смягченіе суровости нравовъ Саррацинъ; съ другой, доставили Европѣ множество новыхъ промысловъ. Важнѣйшія эры европейской образованности соотвѣтствуютъ кровопролитнѣйшимъ войнамъ.

33. ВЛІЯНІЕ НЕВОЛЬНИЧЕСТВА НА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА.

Исправляя народныя понятія о вещахъ, образованность существенно содѣйствуетъ разширенію круга трудовой дѣятельности людей. По мѣрѣ ея успѣховъ, они болѣе и болѣе одерживаютъ побѣдъ въ борьбѣ съ природою и собственными слабостями. Но этимъ не ограничивается ея вліяніе: оно простирается и на постановленія и обычаи. Внушая людямъ здравыя понятія о порядкѣ и отношеніяхъ общественныхъ, образованность мало по малу расторгаетъ узы, связывающія ихъ дѣятельность, и безъ этого постепеннаго расторженія нельзя предположить полноты ея успѣховъ. Указывая людямъ самыя существенныя средства къ усиленію производительности труда, она должна, въ то-же время, удалять преграды къ употребленію этихъ средствъ.

Въ состояніи дикомъ, въ которомъ пылкое воображеніе нѣкоторыхъ софистовъ находило идеалъ свободы, не видимъ ни образованности, ни свободы; тамъ, человѣкъ не умѣетъ извлекать пользу изъ своего труда; ему чужды мѣна, раздѣленіе занятій; орудія, имъ употребляемыя, грубы и неудовлетворительны. Его имущество, его личность не имѣютъ иного огражденія, кромѣ его собственной силы и самыхъ непрочныхъ обычаевъ, безпрестанно попираемыхъ. Всѣ члены общества, которые неотличаются силою, женщины, дѣти, старцы находятся въ самомъ гнусномъ притѣсненіи. Нищета, голодъ, болѣзни свирѣпствуютъ постоянно между

этими племенами и къ нимъ присоединяются войны, ихъ раздирающія. У нихъ нѣтъ рабства, но потому только, что, не понимая пользы извлекаемой изъ труда плѣнниковъ, смотря на нихъ единственно какъ на враговъ, угрожающихъ вредомъ, онѣ предаютъ ихъ смерти, сопровождаемой обыкновенно самыми жестокими истязаніями и часто пожираютъ эту добычу, посреди отвратительныхъ пиршествъ.

Менѣе варварства, менѣе свирѣпости нравовъ между народами пастушескими. Трудъ ихъ болѣе приспособленъ къ разнаго рода промысламъ; собственность и личность болѣе уважаются; еще право сильнаго продолжаетъ господствовать, и слабые находятся въ притѣсненіи; но есть однако тѣнь порядка общественнаго, благодаря которому богатство можетъ накопляться и сохраняться не только въ однѣхъ рукахъ, но даже и въ одномъ семействѣ. Тутъ-же появляются первые невольники и, должно сказать, рабство въ этомъ состояніи есть успѣхъ образованности: въ немъ выражается нѣкоторое уваженіе къ человѣчеству; военно-плѣнныхъ не истребляютъ какъ зловредныхъ животныхъ; ихъ сохраняютъ (*), кормятъ для отправленія различныхъ работъ. Посреди простоты нравовъ и обычаевъ, ихъ положеніе даже не столь горестно: они не столько невольники, сколько сотрудники госпо-

(*) Самое выраженіе *servi, servati,* означаетъ людей сохраненныхъ, пощаженныхъ. *Servi autem ex eo appellati sunt, quod imperatores captivos vendere ac per hos servare nec occidere solent.* Justiniani Justitiones, *lib. 1. tit. 3. § 3.*

дина, въ которомъ часто находятъ защитника противъ другихъ притѣснителей.

При переходѣ народовъ кочующихъ къ состоянію осѣдлому, трудъ невольниковъ естественно обращается на производство сельскихъ работъ. При воздѣлываніи патріархальномъ, когда самъ господинъ принимаетъ прямое участіе въ работахъ, сопряженномъ съ простотою нравовъ, подобномъ тому, какое существовало у древнихъ Іудеевъ, также въ Италіи и Греціи въ ихъ счастливыя времена, участь невольниковъ продолжаетъ быть сносною и даже счастливою. Они пріобрѣтаются войною или мѣною, и чѣмъ они рѣже, тѣмъ болѣе ихъ берегутъ. Нѣкоторымъ образомъ, они принадлежатъ къ семейству господина, раздѣляютъ его трапезу, его жилище. Недостатокъ интереса въ усиленіи производства, частію, вознаграждается въ этомъ положеніи узами привязанности, благодарности, иногда самой искренней и высокой преданности.

Но невольничество, въ которомъ наблюдатель открываетъ зачатки порядка лучшаго на первыхъ ступеняхъ общественности, по мѣрѣ дальнѣйшихъ успѣховъ образованности утрачиваетъ признаки безвредности и даже пользы, которыми сначала отличалось. То, что въ этомъ постановленіи есть человѣколюбиваго посреди какой-либо полу-варварской орды, изчезаетъ совершенно посреди общества, гдѣ законы обезпечиваютъ личность и собственность всякого, кромѣ невольника. . . . . .

Трудъ невольничій много уступаетъ въ производительности труду свободному. Главнымъ побуж-

деніемъ всякому труду, съ которымъ неизбѣжно сопряжено утомленіе, усталость, служитъ надежда на пріобрѣтеніе какой-либо новой полезности. Мысль объ этой наградѣ облегчаетъ тягость работы, и подстрекаетъ къ ея усиленію и ея улучшенію. Подобный интересъ не оживляетъ, напримѣръ, Негра; онъ напрягаетъ свои силы для цѣлей ему чуждыхъ; и не надѣясь воспользоваться плодами своихъ стараній работаетъ вяло и уныло. . . . .

Невыгодное вліяніе порабощенія труда отражается также въ нравахъ и трудѣ самихъ сословій господствующихъ. Превращая трудъ промышленный въ исключительный удѣлъ людей униженныхъ, лишенныхъ достоинства гражданъ, оно поселяетъ къ нему глубокое отвращеніе въ свободныхъ сословіяхъ; лишаетъ его содѣйствія высшаго образованія, которое сосредоточивается между ними и котораго результаты ограничиваются одними только успѣхами художествъ. По недостатку занятій, богатые впадаютъ въ излишества нѣги, роскоши, сладострастія; бѣднѣйшіе коснѣютъ въ бездѣйствіи, или ищутъ средствъ къ пропитанію въ злоупотребленіяхъ всякого рода. Исторія послѣднихъ временъ Греціи и Рима, гдѣ успѣхи умственнаго и политическаго образованія не могли уничтожить рабство, подтверждаетъ всѣ гибельныя послѣдствія этого обычая. Тамъ трудъ ручной находился въ совершенномъ презрѣніи; народъ дѣлился на двѣ половины: многочисленнѣйшая состояла изъ невольниковъ, - другая же подраздѣлялась еще на бѣдныхъ и богатыхъ; и первые, чуждые всякимъ

промысламъ, безпрестанно враждовали съ послѣдними, которые, съ своей стороны, утопали въ самой безумной и безнравственной пышности. Нигдѣ и никогда жизнь человѣка не цѣнилась менѣе, какъ въ эти времена разврата и насилія: что сказать объ однѣхъ кровавыхъ зрѣлищахъ, въ которыхъ, по свидѣтельству историковъ, цѣлыя сотни рабовъ-гладіаторовъ предавались на съѣденіе лютымъ звѣрямъ, или погибали во взаимной борьбѣ, для удовлетворенія любопытству народному.

Въ новѣйшія времена, образованность европейская запятнала себя водвореніемъ невольничества въ нѣкоторыхъ колоніяхъ. Испанцы, Португальцы и другіе Европейцы, приставшіе къ новооткрытымъ берегамъ Антильскихъ острововъ, Мехики, Перу, Бразиліи, истребили во многихъ мѣстахъ туземную населенность, которой не могли покорить. Нуждаясь въ работникахъ для рудниковъ, для воздѣлыванія полей и, въ особенности, для разведенія разныхъ колоніяльныхъ произведеній, дорогихъ для Европы, завоеватели прибѣгнули къ средству столь же несправедливому, сколь, по здравымъ понятіямъ экономическимъ, и невыгодному: корабли ихъ стали похищать на берегахъ Африки Негровъ, не сдѣлавшихъ имъ никакого зла, и перевозить ихъ въ опустошенныя страны Новаго свѣта, гдѣ этихъ несчастныхъ стали употреблять какъ простыя животныя, понукая бичемъ и палкою на воздѣлываніе сахарнаго тростнику, индиго, кофе и другихъ колоніяльныхъ растеній. Тогда-то возникъ гнусный торгъ людьми, котораго доселѣ еще не могутъ пре-

кратить усилія государствъ, почувствовавшихъ наконецъ всю омерзительность подобнаго забвенія правъ человѣчества. И такъ-то, посреди успѣховъ новѣйшей образованности христіанской, корысть возобновила, и еще въ ужаснѣйшемъ видѣ, самое безчеловѣчное обыкновеніе временъ языческихъ.

Послѣдствія рабства Негровъ, тамъ гдѣ оно водворилось, мало разнятся отъ тѣхъ, какія осуществились въ древности. И на Антильскихъ островахъ, и въ тѣхъ государствахъ Америки, гдѣ оно господствуетъ, видимъ производительность слабую и неудовлетворительную, въ сравненіи съ государствами, отвергнувшими его или прекратившими. Трудъ Негровъ вытѣсняетъ трудъ свободный, который одинъ, будучи подстрекаемъ личнымъ интересомъ, можетъ достигнуть высшей степени производительности. Владѣтельная каста не отличается ни предпріимчивостью, ни дѣятельностію; ея презрѣніе къ человѣчеству выражается не только въ дурномъ обхожденіи съ Неграми, но также во множествѣ безнравственныхъ обычаевъ, между нею укоренившихся . . . . . (*).

Въ рабствѣ-же Негровъ кроется начало пагубной аристократіи *кожи* (или цвѣта), которая наполняетъ внутреннимъ раздоромъ не только государства Америки, сохраняющія невольниковъ, но даже и тѣ, гдѣ этотъ обычай уже прекратился.

Въ извиненіе невольничества, часто приводятъ природное несовершенство Эѳіопскаго племени, къ

(*) См. *Примѣчаніе 2-е.*

которому принадлежатъ Негры (*). Это несомнѣнное обстоятельство конечно много содѣйствуетъ ихъ порабощенію; но не прибѣгая къ доводамъ нравственности противъ жестокаго эгоизма, приносящаго слабость въ жертву силѣ, должно сказать, что заблуждается тотъ, кто въ порабощеніи хочетъ искать средствъ къ усовершенствованію трудовыхъ способностей Негровъ. Множество примѣровъ доказываютъ, что они доступны образованію, и даже самому высшему. Цѣлое независимое государство (республика Гаитская) образовалось изъ тѣхъ самыхъ Негровъ, которыхъ притѣснители ихъ никогда не ставили выше вьючныхъ животныхъ. Гораздо правильнѣе и сообразнѣе съ своими выгодами поступаютъ Европейцы, которые, подобно Англичанамъ, не подавляютъ съ самого начала способностей Негровъ рабствомъ, но предоставляютъ имъ на свободѣ развивать ихъ образованіемъ, и только употребляютъ различныя мѣры къ облегченію этого результата. . . . . .

34. ВЛІЯНІЕ ФЕОДАЛЬНЫХЪ ПОСТАНОВЛЕНІЙ НА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА.

Когда побѣды, измѣнивъ оружію Римлянъ, перестали нагонять на рынки Италіи многочисленныя

(*) Этого оправданія нельзя допустить въ пользу рабства римскаго, тяготѣвшаго надъ народами изъ кавказскаго племени; не смотря на притѣсненіе въ которомъ рабы жили у Римлянъ, многіе изъ нихъ достигали высокого образованія умственнаго. Между ними были поэты, риторы, граматики, даже философы. Эзопъ, Федръ, Эпиктетъ были рабы. Между Неграми нельзя указать примѣра подобнаго торжества породы надъ игомъ невольничества.

стада людей для продажи, число невольниковъ примѣтно уменьшилось. По необходимости стали болѣе заботиться объ ихъ сохраненіи, и эти заботы послужили къ улучшенію ихъ участи, въ особенности же тѣхъ изъ нихъ, которые предназначались къ воздѣлыванію земель. Чтобъ возбудить въ нихъ интересъ къ улучшенію земель, господа стали предоставлять имъ болѣе свободы и даже долю въ произведеніяхъ. Во многихъ случаяхъ, невольникъ пересталъ получать свое продовольствіе отъ господина или смотрителя; ему доставлены были средства добывать его собственнымъ трудомъ изъ земли, уступленной ему въ пользованіе.

Къ этой перемѣнѣ въ участи невольниковъ, которую вызвала необходимость, присоединилось благотворное вліяніе Вѣры Христіанской. Проповѣдуя вездѣ равенство людей передъ Богомъ, ея ученіе не различало ни рабовъ, ни господъ; оно расторгало узы первыхъ, унижало гордость послѣднихъ. Дѣйствуя путемъ убѣжденія, оно побудило множество владѣльцевъ, къ нему обратившихся, дать свободу ихъ невольникамъ или много смягчить ихъ участь.

Въ самихъ законахъ оказывалось постепенное преобразованіе въ пользу невольниковъ. Господинъ лишенъ былъ права жизни и смерти. Запрещены жестокости, притѣсненія, отдача на пытку рабовъ вмѣсто господъ. За убіеніе раба стали наказывать, какъ за преступленіе. Ихъ уже не зовутъ *servi*, а *coloni*, то есть земледѣльцы. При Константинѣ Великомъ изданъ законъ, по коему: «всякій рабъ-зем-«ледѣлецъ (colonus), отъ котораго господинъ тре-

«буетъ повинности, превышающей ея мѣру прежнюю или давно уже назначенную, долженъ обратиться къ первому встрѣтившемуся судьѣ и доказать ему сіе нарушеніе для того, чтобъ убѣжденному въ излишнемъ требованіи господину запрещено было опое продолжать и чтобъ онъ былъ принужденъ къ возвращенію того, что забралъ свыше ему слѣдуемаго (*).» Другимъ закономъ, при Аркадіи и Гоноріи (**), рабамъ дано право искать въ судѣ на господина. Иными постановленіями, частію до Константина Великаго, частію послѣ него, опредѣлено право рабовъ откупаться на волю.

Такъ, мало по малу, уничтоженіе рабства можетъ быть совершилось бы само собою въ римской имперіи, еслибъ не произошелъ переворотъ, сокрушившій всю древнюю образованность, и на ея развалинахъ утвердившій совершенно новый порядокъ, изъ котораго возникли нынѣшнія государства европейскія. Племена, вышедшія изъ Скандинавіи и степей азіятскихъ, и покорившія владѣнія древняго Рима, внесли въ нихъ нравы простые и воинственные; они отвергли римскую роскошь, какъ ослабляющую мужество; но съ тѣмъ вмѣстѣ отвергли и трудъ промышленный, какъ недостойный руки владѣющей мечемъ. Заключившись въ укрѣпленные замки, предаваясь однимъ только воинскимъ упражненіямъ или охотѣ, они предоставили воздѣлываніе полей, изъ которыхъ образовались ихъ феоды, покореннымъ народамъ, требуя отъ нихъ платы повин-

(*) *Codex Justiniani lib.* XI *tit. 49. § 1.*

(**) *Ibidem. I, 11.*

ностей натурою и безотлучнаго, *крѣпкаго* пребыванія на землѣ. Такъ крѣпостное состояніе, едва начинавшееся при Римлянахъ, рѣшительно повсюду водворилось, при ихъ преемникахъ. Крѣпостными же стали не только прежніе рабы, но и прежніе господа, не успѣвшіе спастись бѣгствомъ или пріобщиться къ сословію духовному, единственному, котораго не могли или не смѣли поработить грозные пришельцы.

Глубокое различіе между состояніемъ раба и крѣпостного. Первый разсматривается какъ вещь, какъ въючное животное, господинъ въ правѣ употреблять его по своему произволу, у него нѣтъ семейства, а если и есть, то эти узы зависятъ отъ господина и могутъ быть имъ расторгнуты; ему не позволяется имѣть собственность. Самые кроткіе законы о рабствѣ запрещаютъ господину только убивать невольника, и весьма рѣдки постановленія, не позволяющія разлучать супруговъ отдѣльною продажей. Зависимость крѣпостнаго, напротивъ, не есть собственно личная; она проистекаетъ отъ его прикрѣпленія къ землѣ, къ помѣстью. Господинъ не можетъ его ни купить, ни продать отдѣльно отъ земли, и вслѣдствіе того, онъ не имѣетъ права разлучить жену съ мужемъ, дѣтей съ родителями.

Личность и собственность крѣпостного обезпечены законами. Между тѣмъ, какъ трудъ раба всегда ограничивается одною только простой исполнительностью, крѣпостной возвышается на степень предпринимателя. Сколь ни тѣсна иногда сфера, откры-

тая его свободной дѣятельности, онъ можетъ однако трудиться для себя, для своихъ. Для невольника нѣтъ иного побужденія, кромѣ страха; для крѣпостнаго служатъ побужденіемъ интересы личные, и въ этомъ состояніи, трудъ человѣческій несравненно болѣе содѣйствуетъ производству общественному.

Оно представляетъ также несравненно болѣе обезпеченія государству. Крѣпостные, не образуютъ подобно рабамъ, сословія отверженнаго, противъ котораго общество вооружается строжайшими мѣрами, презрѣніемъ, удаляя ихъ отъ всякого участія въ общей дѣятельности политической. Они платятъ подать, присягаютъ въ вѣрности престолу; призываются подъ знамена отечества. Въ средніе вѣки, когда еще не было постояннаго войска, обязанность вооружаться, по призыву владѣльца, входила въ число повинностей; часто она служила къ возвышенію людей изъ этого сословія. Пути къ чести, славѣ и богатству не были имъ совершенно закрыты.....

Двоякимъ путемъ можетъ владѣтель земли взимать съ крѣпостныхъ повинность, то-есть нѣкоторымъ образомъ, плату за пользованіе его помѣстьемъ: то работою, то натурою или монетою. Въ первомъ случаѣ, крѣпостные находятся на положеніи *барщинномъ;* во второмъ на положеніи *оброчномъ*. Важную разницу представляютъ для государства послѣдствія того и другого образа взиманія крѣпостныхъ повинностей.

Барщина (corvée) есть одинъ изъ древнѣйшихъ

обычаевъ феодализма. Покоривъ своему владычеству земли и жителей, побѣдители Римлянъ естественно стали требовать отъ послѣднихъ за оставленную имъ жизнь и часть земель, болѣе или менѣе труда для воздѣлыванія другой части земель, и на производство разныхъ другихъ работъ для содержанія ихъ властелиновъ. Барщинный трудъ въ первые вѣка феодализма, по всей вѣроятности, замѣнялъ не только всю земледѣльческую, но также и всю мануфактурную промышленость. Благодаря вліянію христіанской религіи, требованія господъ почти всегда были довольно умѣренны; у крѣпостныхъ оставалось довольно времени на производство собственныхъ сельскихъ и другихъ работъ. Къ тому же вездѣ, гдѣ существовало и еще существуетъ крѣпостное право, время, посвящаемое крѣпостными господину, опредѣлялось законами, или по недостатку законовъ, обычаями. Въ Россіи оно не превышаетъ трехъ дней въ недѣлю, не подлежащихъ выбору и разъ на всегда назначенныхъ. . . . . .

Отъ крѣпостныхъ, на подобномъ положеніи состоящихъ помѣстный владѣтель можетъ требовать не только труда земледѣльческаго или промышленнаго, но и разнаго рода личныхъ услугъ. Въ средніе вѣки, помѣстные владѣтели выводили своихъ вассаловъ въ бранное поле, и эта повинность не мало способствовала безпрестаннымъ войнамъ того времени. Впослѣдствіи, по мѣрѣ успѣховъ государственнаго управленія въ западной Европѣ, помѣстные владѣльцы были лишаемы этого права. Люди, отторгнутые отъ земледѣлія, въ воинственныя времена фе-

одализма, составляли дружину владѣтеля; нынѣ у насъ они образуютъ *дворню*. Этотъ особенный видъ барщины, которому потворствуютъ сами крѣпостные, есть самый невыгодный въ политико-экономическомъ смыслѣ. . . . . Обыкновенно подобные слуги отличаются лѣностію, неопрятностію, нерадивостію; болѣе портятъ нежели дѣлаютъ путнаго, и можно смѣло сказать, что три или четыре дѣятельныхъ наемныхъ служителя гораздо удовлетворительнѣе исполнятъ ту работу, которую по тщеславію или предубѣжденію мы поручаемъ сотнѣ дворовыхъ. При этомъ еще должно обратить вниманіе и на то, чего лишаетъ себя помѣщикъ, отрывая отъ земли и другихъ работъ столько рукъ, которыхъ трудъ растрачивается безъ пользы для него и, что не менѣе важно, безъ пользы для государства.

Взиманіе повинности въ видѣ *оброка,* натурою или монетою, съ земли или съ души, представляетъ, во многихъ отношеніяхъ, преимущества предъ барщиннымъ положеніемъ. Оброчный, когда онъ предается землевоздѣлыванію, близокъ въ своемъ положеніи къ состоянію мызника или фермера. Подать (т. е. оброкъ), платимая имъ помѣщику, сходна съ откупомъ: она, по необходимости, соразмѣряется съ плодородіемъ почвы; крестьянинъ можетъ, по своему усмотрѣнію, располагать своимъ временемъ, отлагать или ускорять разныя сельскія работы. Съ нѣкоторой стороны, въ его состояніи болѣе обезпеченія нежели въ состояніи иныхъ свободныхъ землеоткупщиковъ, особенно тамъ, гдѣ господствуетъ подоткупная система, какъ, напр., въ

Ирландіи. Русскій крестьянинъ покрайней мѣрѣ увѣренъ что никто не сгонитъ его съ поля, на которомъ онъ взросъ и гдѣ погребены его предки. Законъ, прикрѣпившій его къ землѣ, въ то-же время обезпечилъ ему это драгоцѣнное достояніе: онъ можетъ смѣло ввѣрять ей свой трудъ, свои сбереженія, улучшать, засаживать (*).

Оброчное положеніе можетъ быть удобно соглашено съ производствомъ мануфактурныхъ промысловъ. Не стѣсняемые въ своей дѣятельности оброчные могутъ предаваться разнымъ ремесламъ и фабрикаціямъ. Такъ, въ Россіи, образовались многочисленные сельскіе мануфактурные округи: въ однихъ развилась, и съ успѣхомъ замѣчательнымъ, ножевная фабрикація, какъ то въ селахъ Павлово и Ворсма; въ другихъ—шелкопряденіе (село Богородское, Вохна); тканье бумажныхъ матерій (въ Ивановѣ). Законы не препятствуютъ также оброчнымъ на нѣкоторыхъ особыхъ условіяхъ, оставлять помѣстья, къ которымъ принадлежатъ, и переселяться на время въ города, для производства тамъ разныхъ ремесленныхъ промысловъ: наши столицы, наши города, большею частію, построены каменщиками и плотниками пущенными на оброкъ; это сословіе доставляетъ также большую часть фабричныхъ работниковъ, ремесленныхъ учениковъ, подмастерій, наемныхъ слугъ. Кромѣ того, оброчные могутъ записываться въ мѣщане и брать свидѣтельства на торговлю, не только разничную, но также

(*) *См. Примѣчаніе 3.*

и оптовую. Есть примѣры многихъ крѣпостныхъ, составившихъ себѣ путемъ торговли, огромныя богатства....

35. ВЛІЯНІЕ МОНОПОЛІЙ И ПРИВИЛЕГІЙ НА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА.

Производительность труда можетъ быть еще стѣсняема разными монополіями и привилегіями. Предоставлять нѣкоторымъ членамъ общества, или сословію, исключительное право примѣнять трудъ, а черезъ него, и другія производительныя силы къ производству извѣстнаго рода полезностей, значитъ удалять отъ этого производства трудъ и способности всѣхъ другихъ членовъ общества. Въ иныхъ случаяхъ, подобныя стѣсненія оправдываются необходимостію; въ иныхъ—пользою общественною; но во множествѣ другихъ, хотя начало ихъ часто бываетъ слѣдствіемъ неизбѣжныхъ обстоятельствъ, монополіи поставляютъ важныя препятствія развитію труда общественнаго.

Подобный порядокъ вещей неблагопріятный производительности труда водворился въ западной Европѣ въ средніе вѣки, и частію, сохранился доселѣ во многихъ государствахъ. Еще при Римлянахъ разнаго рода ремесла производились въ городахъ преимущественно вольноотпущенными, составлявшими общины, или артели. По всему вѣроятію, эти общины сохранились, при переходѣ римскихъ провинцій подъ владычество новыхъ завоевателей. Около XII столѣтія, общины начинаютъ усиливаться; онѣ становятся центромъ свободной и промыш-

ленной населенности; короли, надѣясь найти въ нихъ сильную опору противъ гордыхъ и непокорныхъ вассаловъ, благопріятствуютъ ихъ успѣхамъ; даютъ имъ право вооружаться, имѣть свои знамена; эти ополченія охраняютъ безопасность общинъ отъ притязаній графовъ и бароновъ. Между тѣмъ, права и преимущества общинъ безпрестанно возрастаютъ; подъ кровомъ правъ имъ дарованныхъ развивается ихъ промышленость; вбирая въ себя безпрестанно значительную часть притѣсняемаго сословія крѣпостныхъ, онѣ начинаютъ превращаться въ многолюдные города, и такъ должно объяснить появленіе цвѣтущихъ *вольныхъ* городовъ, сперва въ Италіи, вскорѣ за тѣмъ въ Германіи, Бельгіи, Испаніи, наконецъ во Франціи и Англіи.

Такимъ образомъ, до конца XIV столѣтія учрежденіе общинъ было оборонительное. Въ ихъ нѣдрахъ, промышленный трудъ скрывался отъ притѣсненій и бѣдствій всякого рода, ему угрожавшихъ. По минованіи опасности, сила перешла частію на сторону притѣсняемыхъ, и общины превратились въ наступательныя; каждая въ своей сферѣ, онѣ стали предъявлять и на долгое время стяжали, самыя притѣснительныя привилегіи въ отношеніи къ остальной совокупности гражданъ. Въ началѣ естественно собирались въ одну и туже общину (commune) люди, отправлявшіе одинакое ремесло. Изъ совокупности нѣсколькихъ общинъ образовались города. Въ послѣдствіи, названіе общины замѣнилось названіемъ *корпораціи* или *цеха*. Союзъ между людьми одного и того же званія сохранился;

но цѣль измѣнилась; они отложили въ сторону оружіе, отнынѣ безполезное, но не бросили своего знамени, подъ которымъ стали уже бороться не изъ видовъ безопастности, но изъ видовъ личной корысти. Каждый цехъ сталъ присвоивать себѣ исключительно какое либо ремесло, вооружаться строгими и неумолимыми мѣрами, къ которымъ его допускали статуты утвержденные правительствомъ, противъ всякаго производства ремесла внѣ цеха; а въ тоже время, вступленіе въ самый цехъ сопряжено было съ различными затрудненіями. Всякій, желавшій попасть въ цехъ, долженъ былъ, предварительно, прослужить нѣсколько лѣтъ даромъ у мастера, въ качествѣ ученика; послѣ чего получалъ званіе подмастерья и право требовать платы. Для поступленія въ число мастеровъ надлежало выдержать строгій экзаменъ въ присутствіи синдиковъ и представить образцовое произведеніе. Кромѣ того, требовалось внесеніе болѣе или менѣе значительнаго вклада. Многія общины, для уменьшенія числа мастеровъ, допускали въ цехъ только ихъ сыновей или тѣхъ, за кого выходили за-мужъ ихъ вдовы и дочери.

Странное зрѣлище представляло тогда общество на западѣ, раздробленное на касты, чуждыя и враждебныя одна другой, взаимно другъ друга притѣснявшія. Съ одной стороны дворянство съ его рыцарскими орденами, присвоившее себѣ монополію военной службы и поземельной собственности, оказывающее глубокое презрѣніе къ остальной части общества. Съ другой, среднее сословіе, сосредоточивающее въ себѣ главныя производительныя си-

лы націи: ученость, юриспруденцію и промышленость; но въ каждой изъ нихъ элементы раздора и зависти: ученость разбита на факультеты; судебное сословіе, на парламенты; промышленость, на цехи. Между ними, сословіе духовное, одержимое тѣмъ же духомъ нетерпимости, раздираемое также внутренними несогласіями монашествующихъ орденовъ. Вездѣ постановленія и регламенты, задерживающіе развитіе способностей человѣческихъ; вездѣ степени и формальности, обременяющія оковами трудъ всякого рода.

Посреди подобнаго порядка вещей человѣкъ не могъ свободно избирать поприще, къ которому считалъ себя наиболѣе способнымъ. Однажды покорившись влеченію обстоятельствъ и предавшись тому званію, которое досталось на его долю, онъ не могъ свободно подвигаться впередъ: ему надлежало итти, шагъ за шагомъ, по колеѣ, предначертанной статутомъ или обычаемъ. Дарованіе принуждено было умѣрять свой бѣгъ, и слѣдить за посредственностію, за которою могла влачиться и совершенная неспособность. Въ особенности члены цеховъ ремесленныхъ, чувствуя свою законную силу, обезпеченные противу всякаго соперничества, не помышляли объ улучшеніяхъ. Они даже страшились всякого преимущества слишкомъ рѣзкаго, которое неминуемо навлекало на нихъ ненависть и преслѣдованіе собратій.

Министръ Людовика XIV Кольбертъ, желая содѣйствовать успѣхамъ мануфактуръ безъ исторженія ихъ изъ тѣснаго круга цеховъ, вздумалъ соста-

вить полные и подробные регламенты, въ которыхъ предписывались правила для производства каждого ремесла. Такіе-же регламенты неоднократно издавались въ Англіи и Германіи. Подобныя постановленія не только не могутъ способствовать успѣхамъ искусствъ, но запрещая, подъ строгими наказаніями, отступать отъ правилъ ими предписанныхъ, онѣ, напротивъ, заграждаютъ путь всякому улучшенію, всякому успѣху. Изданныя для облегченія мастерства, онѣ превращаются въ источникъ притѣсненій со стороны мѣстныхъ властей и собратій; разграничивая, оттѣняя различныя мастерства, препятствуютъ ихъ сліянію въ тѣхъ случаяхъ, когда оно можетъ доставить наиболѣе выгодъ: подъ игомъ подобныхъ статутовъ, плотникъ не можетъ пользоваться орудіями столяра; жестянникъ безпрестанно сталкивается съ мѣдникомъ; фабрикантъ набивныхъ матерій, съ ткачемъ матерій травчатыхъ; множество тяжбъ, самыхъ безпокойныхъ, возникаютъ между производителями различныхъ цеховъ.

Всего плачевнѣе участь изобрѣтателей и вообще промысловъ новыхъ, тамъ, гдѣ господствуютъ цехи. Не подходя подъ спеціяльности, постановленіями опредѣленныя, или обнимая многія изъ нихъ въ одномъ нераздѣльномъ производствѣ, они подвергаются гоненіямъ самымъ жестокимъ. Такъ во Франціи, въ Англіи, въ Германіи введеніе новѣйшихъ мануфактуръ встрѣтило сильное сопротивленіе со стороны корпорацій. Это сопротивленіе ксчастію не могло остановить ихъ быстрые успѣхи, благодаря которымъ трудъ народный почти

вездѣ избавился отъ стѣсненія, обрекавшаго его на неподвижную посредственность.

Нынѣ еще существуютъ въ нѣкоторыхъ государствахъ ремесленные цехи; но законы много смягчили ихъ прежнюю строгость. Большая часть преградъ, воздвигаемыхъ ими противъ свободнаго распредѣленія народнаго труда, уничтожены. Сохранены почти единственно только такія мѣры, которыхъ пользы и благодѣтельнаго вліянія нельзя не признать въ этихъ постановленіяхъ. Пагуба цеховъ и корпорацій заключается въ ихъ нетерпимости, въ ихъ монополіи, совокупляющихъ ремесло въ немногихъ рукахъ: уничтожьте монополію, сдѣлайте доступъ въ цехъ свободнымъ, откройте его всякому желающему, и цехъ превращается въ полезный союзъ ремесленниковъ одного рода, оказывающихъ другъ другу взаимную помощь. Въ случаѣ несчастія, членъ цеха, какъ мастеръ, такъ и подмастерье и ученикъ находитъ опору между своими собратіями. Работникъ, поступающій въ цехъ съ юности, какъ ученикъ, находитъ въ немъ узы, почти родственныя и, что весьма важно, — обезпеченіе въ занятіяхъ.

Такъ, постепенно, успѣхи образованности, улучшая людей, отвращаютъ одно за другимъ препятствія къ употребленію ихъ способностей, наиболѣе выгодному и для нихъ и для общества. Безусловныя сужденія о различныхъ постановленіяхъ, которыми стѣсняется трудъ человѣческій, будутъ всегда превратны и сбивчивы. На каждое изъ нихъ должно смотрѣть съ точки зрѣнія обстоятельствъ, его окру-

жающихъ и съ нимъ сопряженныхъ. Возставать противъ рабства у народовъ дикихъ и варварскихъ, значитъ поощрять безчеловѣчное истребленіе плѣнныхъ. Предположите отсутствіе общинъ и цеховъ до конца XVIII столѣтія, и промышленость городская не могла бы развиться въ Европѣ. Многое, что дурно и нестерпимо для одного народа, при данныхъ обстоятельствахъ, превосходно для другого.....

Наука выводитъ тѣ условія, при которыхъ способности человѣка дѣйствуютъ съ наибольшею силою; но она безпрестанно повторяетъ также, что эти условія зависятъ отъ множества обстоятельствъ внѣшнихъ; что ихъ осуществленія нельзя требовать тамъ, гдѣ нѣтъ еще къ тому основанія. Анализируя факты, выводя законы, она ни на минуту не теряетъ изъ виду главнаго закона человѣчества, закона усовершимости, по которому люди должны безпрестанно улучшаться, и потому именно не могутъ никогда достигнуть совершенства. Мы даже не можемъ понять въ чемъ состоитъ это совершенство, и судимъ о немъ только относительно. Порядокъ, нынѣ водворившійся, кажется намъ предпочтительнѣйшимъ тому, который имъ замѣненъ. Но кто знаетъ: можетъ быть, и даже вѣроятно, онъ уступитъ мѣсто другому, въ которомъ дѣятельность людей еще менѣе будетъ встрѣчать препятствій къ развитію.

Какъ бы то ни было, даже тамъ, гдѣ намъ кажется наиболѣе свободы промышлености, мы видимъ множество монополій стѣсняющихъ трудъ человѣческій. Однѣ оправдываются необходимостію; дру-

гія пользою общественною. Многія держатся какъ права, пріобрѣтенныя и освященныя обычаемъ. Сколько между ними такихъ, которыхъ существованія не замѣчаютъ; напротивъ громко вопіютъ противъ другихъ, отнюдь не столь вредныхъ. Всѣ вообще находятъ множество краснорѣчивыхъ защитниковъ. На что-же рѣшиться посреди всѣхъ этихъ противорѣчій? Покориться силѣ обстоятельствъ, которой нельзя одолѣть; оставить безполезныя усилія о преобразованіи человѣка, возможномъ только съ уничтоженіемъ или измѣненіемъ его природы; ограничиться однѣми изслѣдованіями законовъ, которымъ повинуется эта природа, и ждать отъ нея самой благодѣтельныхъ перемѣнъ. Если въ ней кроется начало большей части нашихъ бѣдствій, то въ ней-же благій Творецъ заключилъ истинныя средства къ ихъ уврачеванію; и нѣтъ такого проявленія въ жизни человѣчества, въ которомъ мыслитель не поражался бы этимъ премудрымъ равновѣсіемъ между добромъ и зломъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О капиталѣ.

36. Образованіе капиталовъ.

Совокупнаго дѣйствія природы и труда человѣческаго достаточно чтобъ дать бытіе произведенію. Томимый нуждою, или безсильный противъ позыва къ чувственнымъ наслажденіямъ, человѣкъ иногда поглощаетъ, въ безпорядочномъ потребленіи, эти произведенія, не заботясь о будущемъ. Дикари съ неистовою жадностію пожираютъ въ нѣсколько часовъ добычу, которая могла бы поддерживать ихъ существованіе въ теченіе многихъ дней. Посреди образованныхъ обществъ, неосмотрительные работники растрачиваютъ въ гулянкахъ плоды дневного труда, забывая, что на завтра у нихъ нѣтъ куска хлѣба для прокормленія семейства. Можно-ль удивляться тому, что изъ этихъ людей, одни, по природному варварству,—другіе, по невниманію къ совѣтамъ образованности ихъ окружающей, влачатъ жалкую жизнь посреди нищеты и лишеній, подавляемые вѣчными заботами о необходимомъ, чуждые тихимъ радостямъ обезпеченія.

И что сталось бы со всѣмъ родомъ человѣческимъ, еслибъ подобно этимъ несчастнымъ, онъ

производилъ лишь то, что необходимо для его непосредственнаго потребленія, и немедленно поглощалъ въ немъ всѣ произведенія имъ добываемыя? Обреченный на вѣчную борьбу съ природою, его трудъ никогда не могъ бы возвыситься надъ инстинктомъ другихъ животныхъ; въ его быту не осуществиться бы ни богатству, ни благоденствію. Врожденная предусмотрительность, которой начала замѣтны даже и тамъ, гдѣ наименѣе видно ея слѣдовъ, предохраняетъ людей отъ столь бѣдственнаго положенія. Кромѣ не многихъ исключеній, извиняемыхъ иногда глубокимъ невѣжествомъ или грубостію нравовъ, иногда-же недостаточнымъ призваніемъ и обезпеченіемъ права собственности, во всѣхъ положеніяхъ люди заботятся о нѣкоторомъ обезпеченіи будущаго. Они стараются или умѣрять свое потребленіе, или пріобрѣтать нѣкоторый избытокъ произведеній, который сберегаютъ и обращаютъ въ запасъ.

Благодаря этимъ сбереженіямъ, человѣкъ можетъ искать въ отдыхѣ обновленія своихъ силъ; смѣло выжидаетъ конца ненастья, угрожающаго безплодностью его усиліямъ; улучаетъ себѣ досуги для удовлетворенія другимъ, не столь настоятельнымъ потребностямъ своего бытія; обезпечиваетъ себѣ средства на поддержаніе жизни, къ тому времени когда начнутъ ослабѣвать его силы. Съ состояніемъ охотничьимъ, въ которомъ всего живѣе поражаетъ наблюдателя слабость предусмотрительности, сравните состояніе пастушеское, гдѣ гораздо болѣе развито это нравственное начало. Тамъ уже не преда-

ютъ смерти старыхъ и слабосильныхъ, но находятъ для нихъ въ семействѣ достаточное содержаніе; трудъ не ограничивается однимъ преслѣдованіемъ и убіеніемъ дикихъ животныхъ; онъ направленъ на ихъ сохраненіе и размноженіе. Обезпеченіе, представляемое стадами, уже позволяетъ людямъ заботиться о нуждахъ, не сознаваемыхъ дикими.

Но предусмотрительность человѣческая не ограничивается одними сбереженіями. Ее нельзя уподобить тому инстинкту, который побуждаетъ животныхъ неразумныхъ накоплять иногда значительные запасы. Сберегая произведенія, добытыя трудомъ съ помощію природы, человѣкъ нетолько обезпечиваетъ себѣ существованіе на болѣе или менѣе продолжительное время: но подготовляетъ средства къ усиленію производительности своего труда. Онъ можетъ употребить сбереженныя произведенія на добытіе новыхъ: сохраненныя животныя, обращенныя въ ручное состояніе, распложаются; плоды, удѣленные отъ потребленія, служатъ сѣменами для разведенія другихъ. Или, освобожденный отъ заботъ не терпѣвшихъ отлагательства, онъ можетъ посвятить время и трудъ на добываніе произведеній, которыя должны въ послѣдствіи облегчить, оплодотворить его усилія: на изготовленіе орудій, на изученіе законовъ природы, на собственное образованіе.

Сбереженія, такимъ образомъ распредѣляемыя, нетолько не поглощаются потребленіемъ, но возстановляются, напротивъ, въ новыхъ произведеніяхъ,

сравнительно полезнѣйшихъ. Четверикъ пшеничнаго сѣмени дастъ семь или восемь четвериковъ пшена; орудіе доставляетъ возможность, при помощи одного и того-же труда, произвести болѣе работы; пріобрѣтенныя познанія позволяютъ дать этимъ работамъ правильнѣйшее направленіе, избѣгнуть потери времени въ попыткахъ, въ ошибкахъ. Симъ-то путемъ, предусмотрительность человѣка превращаетъ сбереженіе въ *капиталъ*—третью производительную силу, которой мы уже коснулись слегка, а теперь займемся подробнымъ разсмотрѣніемъ.

Но, хотя капиталъ рождается изъ сбереженій, нельзя однако смѣшивать эти два понятія. Сбереженія, какого бы рода ни были, остаются просто запасомъ и, сколько ни полезны онѣ въ этомъ положеніи, ихъ нельзя разсматривать какъ капиталъ, пока имъ не дано назначенія производительнаго. Сѣмя, зарытое въ яму для сохраненія, ничего не производитъ; оно имѣетъ одну лишь пользу обезпечительную. Брошенное на пашню, оно дѣйствуетъ какъ сила производительная. Тотъ, кто запасается необходимымъ, единственно изъ видовъ личнаго спокойствія, поступаетъ подобно животнымъ, которыя зиму проводятъ въ берлогахъ и живутъ добычею, туда занесенною. Онъ отнюдь не употребляетъ своихъ сбереженій производительно.

Впрочемъ, для избѣжанія противорѣчій между языкомъ науки и языкомъ общежитія, можно сохранить всякого рода сбереженіямъ названіе капитала; но для отличія отъ настоящихъ капиталовъ, *производительныхъ*, мы будемъ называть сбереже-

нія, не примѣненныя къ производству, капиталами *праздными*. Тѣмъ-же, которыя утратили возможность служить для производства — приличествуетъ названіе *мертвыхъ*.

Всѣ эти соображенія достаточно убѣждаютъ, что производительная сила, заключающаяся собственно въ готовыхъ произведеніяхъ, и называемая капиталомъ, дѣйствуетъ какъ таковая, только по мѣрѣ приложенія къ ней силы труда. Въ этомъ состоитъ ея главное различіе отъ производительной силы природы, которая во многихъ случаяхъ дѣйствуетъ совершенно независимо отъ силы труда, лишь издали ее направляющаго. Въ опустошенныхъ странахъ древней Киренаики природа не отказала Вандаламъ въ пастбищахъ и нѣкоторыхъ плодахъ: но капиталы, накопленные тамъ Греками и Римлянами въ видѣ превосходныхъ дорогъ, водопроводовъ и въ множествѣ другихъ общеполезныхъ учрежденій, превратились въ мертвые, утратили всю свою производительность, въ рукахъ варварскаго и свирѣпаго народа, не умѣвшаго ими владѣть.

37. СУЩНОСТЬ КАПИТАЛА; ЕГО РАЗНЫЕ ВИДЫ.

Въ общежитіи часто смѣшиваютъ понятіе о капиталѣ съ понятіемъ о монетѣ, о деньгахъ. Это происходитъ отъ того, что въ видѣ монеты всего удобнѣе осуществляются и сохраняются сбереженія; что монета, какъ мы увидимъ далѣе, есть цѣнность, наиболѣе способная къ обмѣну, мѣновая въ высшемъ значеніи слова; что кромѣ того, монета служитъ мѣриломъ для всѣхъ прочихъ цѣнностей,

которыя обычай выражаетъ въ ея единицахъ. Дѣйствительно, чтобъ составить себѣ, или дать другимъ, ясное понятіе о капиталѣ, которымъ мы располагаемъ, или въ которомъ нуждаемся, всякій изъ насъ принужденъ выражать его цѣнность въ монетѣ. Для всякого изъ насъ также предпочтительнѣе имѣть первоначально капиталъ въ видѣ монеты, которую всего удобнѣе можно промѣнять на иныя произведенія, собственно для производства служащія.

Но, сколь ни полезно посредничество монеты, въ немъ нѣтъ, однако, безусловной необходимости: капиталъ можетъ заключаться во всякого рода другихъ мѣновыхъ цѣнностяхъ. И во многихъ случаяхъ, произведенія, первоначально его образующія, могутъ быть прямо примѣнены къ производству. Ничто не препятствуетъ земледѣльцу, садовнику употребить часть его произведеній какъ сѣмена для произрожденія новыхъ; машинисту, — орудія или машины имъ построенныя, для собственныхъ работъ.

Впрочемъ, эти случаи рѣдки; и большею частію должно различать первоначальный видъ капитала отъ того, въ которомъ онъ примѣняется къ производству. Капиталъ образуется бережливостію, или пріобрѣтается иными путями, въ видѣ какихъ-либо цѣнностей, всего чаще въ видѣ монеты; но онъ остается празднымъ, пока не найдется предприниматель, который дастъ ему назначеніе и превратитъ его въ цѣнности иного рода, собственно содѣйствующія производству, имъ избранному.

Въ обществѣ всегда есть нѣкоторое количество капиталовъ праздныхъ, въ противоположность которымъ можно назвать прочіе помѣщенными. Послѣдніе собственно участвуютъ въ производствѣ; первые же служатъ запасомъ: они пополняютъ неизбѣжныя потери и, въ крайнихъ случаяхъ, поддерживаютъ и разширяютъ производство.

Капиталъ помѣщается различнымъ образомъ въ производствѣ: онъ можетъ быть превращенъ въ произведенія, которыя постоянно служатъ для созданія другихъ, не выходя изъ рукъ производителя, и не измѣняясь въ своемъ видѣ, а только постепенно приходя въ разрушеніе, и въ такомъ случаѣ ему приличествуетъ названіе *капитала постояннаго* (*). Въ этомъ видѣ капиталъ прямо служитъ къ усиленію производительности труда и природы. Часто онъ тѣсно сливается съ ними и превращается, какъ мы увидимъ далѣе, въ *поземельный* или *нравственный*. Машины суть капиталы, всего чаще совокупленные съ даровыми силами природы.

Для производства недостаточно однѣхъ средствъ: ему нужны матеріялы, изъ которыхъ, помощію преобразованія, оно создаетъ цѣнности; ему нуженъ запасъ для содержанія производителей, пока ихъ усилія направлены на какія - либо иныя цѣли. Иные матеріялы и запасы предлагаются природою совершенно готовыми; ихъ пріобрѣтеніе не требуетъ труда. Другіе, напротивъ, и большею частію, суть

(*) Его можно также назвать *вкладочнымъ* или *стоячимъ*.

плоды труда предшествующаго; они имѣютъ уже цѣнность, и въ нихъ-то заключается капиталъ *круговой* или *оборотный*. Онъ отличается отъ капитала *постояннаго* тѣмъ, что цѣнности, изъ которыхъ состоитъ, совершенно преобразуются, частію уничтожаются производствомъ, и возстановляются въ цѣнности добываемыхъ произведеній. Это есть настоящее обращеніе, подобное химическому процесу, образующему новые продукты изъ элементовъ самыхъ разнородныхъ.

Сколь ни различно участвуютъ въ производствѣ богатства эти виды капиталовъ, между ними нетрудно открыть одну общую черту. Какъ тѣ, такъ и другіе суть плодъ труда, сохраненный сбереженіемъ; какъ тѣ, такъ и другіе предполагаютъ волю, давшую имъ назначеніе производительное. Чтобъ устроить машину, удобрить землю, приспособить рѣку къ судоходству, воспитать сына (капиталы постоянные); чтобъ пріобрѣсть матеріялъ, топливо, заготовить содержаніе для работниковъ (капиталы оборотные)—необходимо имѣть на то средства, а эти средства заключаются въ цѣнностяхъ, которымъ нѣтъ иного источника, кромѣ нашихъ или чужихъ сбереженій.

38. О КАПИТАЛѢ ПОСТОЯННОМЪ:

а) *самобытномъ*.

Капиталъ снискиваетъ постоянную производительность не иначе, какъ въ совокупленіи, то съ безмездною силою природы, то съ присвоенною, то съ трудовыми способностями человѣка. Въ пер-

вомъ случаѣ онъ примѣняется къ производству чрезъ приспособленіе различныхъ силъ и тѣлъ, представляющихъ къ тому надлежащія свойства, и можетъ разсматриваться какъ *самобытный;* во второмъ, ему прилично названіе *поземельнаго;* въ третьемъ, онъ пріемлетъ качество капитала *нравственнаго.*

Необходимость и польза постояннаго капитала самобытнаго наименѣе нуждаются въ объясненіи. Говоря о трудѣ, мы уже коснулись важнаго участія, принимаемаго въ производствѣ богатства орудіями и машинами. Изъ нихъ образуется главная часть вкладочнаго капитала, къ которому должно также причислить: строенія; животныхъ, употребляемыхъ въ работу; невольниковъ, тамъ-гдѣ господствуетъ рабство; самую землю, на которой располагается промышленное заведеніе; тѣ приспособленія, въ которыхъ она нуждается, каковы: дороги, насыпи, колодцы, каналы, водоскаты и т. п.; вообще всѣ произведенія, которыя предлагаютъ болѣе или менѣе существеннаго пособія труду въ дѣлѣ производства, не подвергаясь сами преобразованію.

Родъ и важность, по цѣнности, стоячаго капитала зависятъ отъ рода производства, къ какому онъ предназначается, отъ степени его развитія, отъ пріемовъ, которымъ оно слѣдуетъ. Иныя производства требуютъ огромныхъ машинъ, обширныхъ построекъ; другія нуждаются только въ небольшихъ орудіяхъ и самомъ умѣренномъ помѣщеніи. Нѣкоторыя могутъ даже обойтись безъ крова, и совершаются подъ открытымъ небомъ. Иногда

стоячій капиталъ бываетъ такъ ничтоженъ, что его цѣнность не замѣчается и почти не принимается въ разсужденіе. Кто обращаетъ вниманіе на иголку швеи, на крюкъ носильщика? между-тѣмъ, въ этихъ орудіяхъ заключается почти весь стоячій капиталъ этихъ скромныхъ промысловъ и, по сущности, онѣ играютъ въ производствѣ одинакую роль съ пароходами, кораблями и машинами, поражающими насъ своими размѣрами.

Часто одно и то-же произведеніе можетъ, въ одно и то же время, служить для потребленія производительнаго, играть роль капитала, и удовлетворять потребленію непроизводительному. Такъ многія ремесла производятся въ самомъ жилищѣ производителей; домашнія животныя служатъ попеременно, то для работъ производительныхъ, то для потребностей житейскихъ. И тѣ и другія могутъ быть причислены къ стоячему капиталу, лишь по мѣрѣ-какъ содѣйствуютъ производству. Полицейская мѣра, которая изгнала бы ткацкіе станки, или какія-либо другія орудія, изъ жилыхъ домовъ и заставила имѣть для нихъ особыя постройки, послужила бы препятствіемъ къ употребленію этихъ домовъ въ видѣ стоячаго капитала. Земледѣлецъ, который беретъ лошадей съ пашни подъ свои экипажи, не можетъ уже разсматривать ихъ какъ капиталъ: онъ употребляетъ ихъ непроизводительно.

Главное отличіе капитала стоячаго отъ оборотнаго, какъ мы замѣтили, въ томъ, что первый, участвуя въ производствѣ, не преобразуется и постоянно остается въ рукахъ производителя. Но это

не предохраняетъ его отъ постепеннаго разрушенія, которое иногда можно замедлить поддержками, но нельзя вполнѣ отвратить. Изъ этого не слѣдуетъ однако, что стоячій капиталъ, по мѣрѣ его разрушенія, утрачивается для производителя. Напротивъ, его цѣнность съ избыткомъ возстановляется мало по малу въ произведеніяхъ, при его помощи получаемыхъ.

На языкѣ комерческомъ это постепенное возстановленіе цѣнности стоячаго капитала можно выразить словомъ *погашеніе*. Само собою разумѣется, что конечное погашеніе, т. е. вознагражденіе издержекъ стоячаго капитала, зависитъ отъ множества обстоятельствъ. Оно предполагаетъ удачное и благоразумно веденное производство; болѣе или менѣе продолжительный срокъ его дѣйствія; благопріятное отношеніе между его цѣнностію и капиталомъ оборотнымъ. Несчастія, непредвидимые случаи, неумѣнье могутъ истребить стоячій капиталъ или значительно повредить его, прежде нежели онъ успѣетъ окупиться. И на оборотъ, онъ можетъ, при особенномъ искусствѣ со стороны производителя и при счастливыхъ обстоятельствахъ, нетолько быстро окупиться, но даже доставить результаты, по цѣнности вдвое, и болѣе, его превышающіе.

Есть капиталы постоянные, которымъ дано исключительное назначеніе: они годны собственно для опредѣленнаго рода, и даже для особеннаго образа, производства. Если возникнутъ какія-либо препятствія къ продолженію этого производства,

или образъ производства, для котораго приспособленъ капиталъ,—обыкновенно машина, орудіе или постройка,—перестанетъ соединятьусловія употребительности, то капиталъ неизбѣжно теряетъ важнѣйшую часть своей цѣнности; онъ уже не можетъ служить дѣйствователемъ въ производствѣ. Такъ ежедневно въ глазахъ нашихъ продаютъ въ ломъ еще не старыя машины, аппараты, орудія опереженые другими въ выгодахъ производства. Такъ еще недавно во Франціи, когда правительство угрожало запрещеніемъ свеклосахарной фабрикаціи, многіе заводы были закрыты и всѣ ихъ аппараты проданы на вѣсъ матеріяловъ. Дѣйствительно, эти снаряды, исключительно приспособленные къ приготовленію свекловичнаго сахара, долженствовали утратить всю свою пользу, и превратиться въ мертвый капиталъ, еслибъ воспослѣдовалъ законъ, запрещающій это производство.

Есть другого рода стоячіе капиталы, которые, по самому ихъ свойству, избѣгаютъ подобнаго исключительнаго назначенія. Отвращенные какимилибо обстоятельствами отъ производства, которому предварительно были посвящены, они могутъ служить для иного употребленія; зданіе, занятое какою-либо фабрикою, можетъ служить для помѣщенія другой, или просто обращено быть въ жилище. Еще удобнѣе можно всегда найти употребленіе рабочимъ животнымъ.

Такъ, приступая къ предпріятію, и еще прежде нежели дать капиталу назначеніе совершенно исключительное, изъ котораго онъ не можетъ

быть изъятъ не утративъ большинства своей цѣнности, необходимо сообразить обстоятельства, посреди которыхъ оно должно производиться.

39. О КАПИТАЛѢ ПОСТОЯННОМЪ:

b) *поземельномъ.*

Всего болѣе нуждается въ подобномъ предварительномъ соображеніи обращеніе капиталовъ въ поземельные, при чемъ они совершенно теряютъ свою самобытность: разъ помѣстивъ ихъ такимъ образомъ, владѣтель не можетъ болѣе употреблять ихъ отдѣльно отъ земли, съ которою они слились.

Самое простое наблюденіе легко объяснитъ какимъ образомъ капиталъ сливается съ землею. Воздѣлыватель покупаетъ, или нанимаетъ, или просто занимаетъ землю, дикую или запущенную. Для ея обработки онъ не можетъ обойтись безъ разнаго рода средствъ. Онъ долженъ употребить работниковъ, животныхъ, разныя орудія, для распашки; туки, для удобренія; прорыть канавы, для стока водъ; провести трубы, для орошенія. Всѣ эти работы, однажды произведенныя, остаются въ землѣ; цѣнность ими созданная—искуственное плодородіе почвы, или приспособленіе горной разработки—не переносится; она прикована къ грунту, въ которомъ однако дѣйствуетъ какъ капиталъ, способствуя труду извлекать болѣе пользы изъ производительности природы. Но въ этомъ содѣйствіи нельзя съ точностью опредѣлить долю, которая принадлежитъ собственно капиталу и ту, ко-

торая принадлежитъ природной силѣ земли, обыкновенно, присвоенной.

Еслибъ земля, подобно другимъ природнымъ силамъ: воздуху, водѣ, электричеству, свѣту и т. п., была благомъ неограниченнымъ, то не было бы никакой необходимости дѣлать это различіе. Ея участіе въ производительности капиталовъ, къ ней примѣняемыхъ, не разсматривалось бы какъ цѣнность, такъ точно, какъ не цѣнятъ силы упругости паровъ, которою приводятся въ движеніе паровыя машины; вѣтра, надувающаго крылья мельницы или паруса корабля; давленія атмосферы, дѣйствующаго на поршень пневматическихъ насосовъ; химическихъ лучей свѣта, утверждающихъ изображенія на доскѣ дагеротипа. Эти природныя силы равно доступны всѣмъ; никто еще не могъ назвать ихъ своими, и всякій, располагающій достаточнымъ капиталомъ, можетъ пользоваться ихъ драгоцѣннымъ содѣйствіемъ, нимало не препятствуя другимъ къ нему прибѣгать.

Земля-же, напротивъ, когда люди начинаютъ посвящать ея воздѣлыванію свой трудъ и свои капиталы, по необходимости дробится на участки. Присвоеніе придаетъ ей собственную цѣнность, независимую отъ капиталовъ, на нее употребляемыхъ; и когда владѣлецъ уступаетъ пользованіе ею другому, то можетъ требовать возмездія, нетолько за производительную силу капиталовъ, съ нею совокупленныхъ, но и за собственно производительную силу земли. Въ этихъ случаяхъ, капиталъ такъ тѣсно сливается съ участкомъ земли, что часто ихъ вовсе

не различаютъ и это совокупленіе разсматривается какъ преимущество, свойственное участку, какъ одно изъ удобствъ, имъ представляемыхъ.

Гораздо важнѣе это различіе между поземельнымъ капиталомъ и землею для временного владѣтеля, напр. откупщика или арендатора. Онъ знаетъ впередъ, что, по окончаніи откупа, лишится употребленнаго имъ на удобреніе земли капитала, который неразлученъ съ поземельною собственностью и вмѣстѣ съ нею перейдетъ къ ея владѣтелю. Для избѣжанія убытка, онъ принужденъ, соображаясь со срокомъ откупа, включать погашеніе капитала въ цѣнность произведеній, такъ точно, какъ бы дѣло шло о машинѣ или постройкѣ, которая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ должна притти въ ветхость и разрушиться.

Кромѣ собственно капитала поземельнаго, въ земледѣльческихъ промыслахъ участвуютъ капиталы постоянные самобытные, которые ничѣмъ не отличаются отъ описанныхъ выше. Къ нимъ принадлежатъ орудія, машины, нѣкоторыя постройки, рабочій скотъ и т. п.

40. О КАПИТАЛѢ ПОСТОЯННОМЪ:

с) *нравственномъ.*

Нельзя не открыть сходства между капиталомъ поземельнымъ и капиталомъ нравственнымъ. Подобно первому, послѣдній утрачиваетъ свою самобытность, однажды будучи обращенъ на приспособленіе, такъ сказать, на удобреніе труда. Его производительность и его сущность совершенно сливаются съ

личностью человѣка. Всякій одаренъ способностями душевными и тѣлесными, но эти способности требуютъ развитія, образованія. Въ предъидущей главѣ мы показали различныя степени образованія. Какъ самое простое ремесленное, такъ и самое сложное, ученое—всякое требуетъ средствъ. За него должно воздавать учащему, или по крайней мѣрѣ посвящать на него время, которое можетъ быть обращено на другія занятія. Пока мы учимся, пока изощряемъ наши способности умственныя, пока упражняемся въ искусствахъ, трудъ нашъ не приноситъ намъ полезности непосредственной; напротивъ, наши родители, или мы сами, должны платить за обученіе. Это время могло быть употреблено иначе, на производство какихъ-либо простыхъ работъ, непосредственно полезныхъ. Отецъ, посылающій малолѣтнаго сына на фабрику или къ стаду, не сберегаетъ въ немъ никакихъ полезностей, производимыхъ его трудомъ. Онъ не обогащаетъ его познаніями, не накопляетъ въ немъ нравственнаго капитала; но поступаетъ съ его способностями подобно тому, какъ кочевая орда, съ землей, ею занятой, — довольствуется лишь тѣмъ, что онѣ могутъ ему доставить готоваго, не заботясь объ ихъ развитіи.

Но цѣнности, употребляемыя на образованіе, не потеряны. Въ обмѣнъ за нихъ, мы снискиваемъ другія цѣнности, состоящія въ благахъ внутреннихъ, увеличивающихъ производительность труда, съ которымъ совокупляются, въ видѣ капитала нравственнаго. Приходитъ пора, когда мы извле-

каемъ пользу самую существенную изъ учености, искусства, навыка, пріобрѣтенныхъ въ молодости и сохраненныхъ воспитаніемъ. Тогда-то мало помалу возстановляется сторицею капиталъ, принесенный въ жертву нашими родителями, или нами самими, для нашего образованія, такъ сказать въ насъ вложенный.

Участіе, принимаемое капиталомъ нравственнымъ въ производствѣ совершенно сходно съ тѣмъ, которому предназначены капиталы постоянные, самобытные. Подобно орудіямъ, образованіе служитъ намъ, нимало не измѣняясь; оно въ насъ остается и даже имѣетъ то преимущество предъ другими капиталами постоянными, что, по мѣрѣ примѣненія къ производству, безпрестанно обогащается новою опытностью. Тогда-какъ, помѣрѣ ихъ употребленія, машины ветшаютъ и теряютъ полезность, познанія и опытность созрѣваютъ и пополняются. Первыя могутъ быть истреблены огнемъ, войною; послѣднія, какъ уже замѣчено выше, не подвержены подобному истребленію и сохраняются нами до самой могилы.

Впрочемъ—и въ этомъ заключается еще сходственная черта капитала нравственнаго съ другими—цѣнности (или запасъ), издерживаемыя на образованіе, не всегда превращаются въ капиталъ, не всегда употребляются производительно. Ихъ производительность много зависитъ отъ личности человѣка, въ котораго онѣ влагаются. Никакой пользы не извлечетъ изъ нихъ лѣнивецъ, безпорядочный, тупоумный, неловкій отъ природы. Онѣ болѣе бу-

дутъ приносить пользы въ человѣкѣ трудолюбивомъ, живомъ, нежели въ другомъ, не столь проворномъ, не столь прилежномъ. Ктому-же, можно имѣть въ виду одно лишь образованіе пріятное, украшающее жизнь, но не представляющее средствъ къ умноженію богатства. Мать, издерживающая много на обученіе дочери танцамъ, музыкѣ, деклама-ціи, доставляетъ ей средства блистать въ свѣтѣ; но эти таланты не могутъ разсматриваться какъ нравственный капиталъ, по крайней мѣрѣ пока дочь будетъ прибѣгать къ нимъ единственно для своего удовольствія. Она можетъ однако, въ случаѣ крайности, употребить ихъ производительно, какъ промыселъ, какъ средство пропитанія. Во время французской революціи, не одинъ эмигрантъ принужденъ былъ, въизгнаніи, давать подобное назначеніе талантамъ и искусствамъ, которыя пріобрѣлъ единственно изъ видовъ свѣтскихъ удовольствій.

Такъ точно огромныя цѣнности могутъ быть непроизводительно издержаны на поземельную собственность. Есть почвы неблагодарныя, упорно противныя всякого рода удобреніямъ; есть горныя належанія, недоступныя никакому приспособленію; настойчивость человѣка часто безъ пользы приноситъ въ жертву на ихъ удобреніе, ихъ приспособленіе капиталы, безвозвратно погибающіе. Иногда заблужденія, страсть къ системамъ, къ изобрѣтеніямъ, ввергаютъ въ самыя безплодныя и разорительныя сельскія работы. Кромѣ того, земли, съ большими издержками удобренныя, могутъ быть обращены въ парки, сады, единственно для роско-

ши и удовольствія, а чрезъ это нетолько не служатъ производительно, но еще требуютъ немаловажныхъ расходовъ на ихъ содержаніе.

Подобно постояннымъ капиталамъ самобытнымъ, капиталы нравственные часто имѣютъ назначеніе спеціяльное: они превращаютъ трудъ человѣка въ особенно и даже исключительно способный къ какому-либо одному производству. Упадокъ этого производства, прекращеніе или охлажденіе общественной потребности въ немъ предстоящей, неизбѣжно уменьшаютъ потребительность капитала нравственнаго, къ нему приспособленнаго. Подобно устарѣлой машинѣ, онъ вдругъ становится безполезнымъ. По сему-то всякій, посвящая свои усилія и свои сбереженія на пріобрѣтеніе подобнаго капитала, долженъ руководиться осторожностью и сколь можно лучше соображать свою спеціяльность съ потребностями общественными.

41. О КАПИТАЛѢ ОБОРОТНОМЪ.

Если содѣйствіе капиталовъ постоянныхъ, всякого рода орудій, машинъ, рабочихъ животныхъ, образованія, землеудобреній заключается въ облегченіи труда, въ доставленіи ему болѣе пособія со стороны природы, то не менѣе важное вліяніе на усиленіе производительности труда имѣетъ капиталъ оборотный, доставляя ему матеріялы и запасы, безъ которыхъ не можетъ обойтись производство, и которыхъ не предлагаетъ ему природа совершенно готовыми.

Важнѣйшая часть оборотнаго капитала заключается въ первоначальномъ веществѣ или первообразномъ матеріялѣ. Онъ можетъ, конечно, и на дѣлѣ тому видимъ множество примѣровъ, принадлежать къ числу благъ безмездныхъ, каковы воздухъ, вода, свѣтъ, добываніе которыхъ не требуетъ никакого усилія; но еще чаще надлежитъ его открыть, извлечь, доставить изъ мѣста болѣе или менѣе удаленнаго, сообщить ему нѣкоторыя приспособленія, безъ которыхъ иное производство не можетъ еще разсматривать его, какъ первоначальное вещество. Каждое изъ подобныхъ приспособленій требуетъ одолѣнія болѣе или менѣе существенныхъ препятствій къ дальнѣйшему преобразованію матеріяла, и капиталъ, въ немъ заключающійся, тѣмъ значительнѣйшую имѣетъ цѣнность, чѣмъ болѣе представляетъ подобныхъ приспособленій, чѣмъ болѣе содержитъ въ себѣ труда готоваго, и чѣмъ болѣе способствуетъ къ облегченію послѣдующаго.

На берегахъ Огіо американскій плантаторъ бросилъ въ землю сѣмена хлопчатника; эти сѣмена, туки, и тѣ элементы, которые безмездно ему представляются атмосферою—вотъ его первообразный матеріялъ; приходитъ пора жатвы, онъ собираетъ хлопку—вотъ его произведеніе. Является шкиперъ, пріобрѣтаетъ куплею или размѣномъ хлопку плантатора, вознаграждая его усилія; грузитъ ее на корабль и везетъ въ Манчестеръ: первообразный матеріялъ шкипера заключается въ этой хлопкѣ; его произведеніе — въ той новой полезности, которую онъ придастъ ей, доставивъ изъ отдаленной страны

туда, гдѣ въ ней нуждаются. Въ Манчестерѣ прядильщикъ превратитъ хлопку въ новое произведеніе—пряжу. Пряжа, въ свою очередь, служитъ первообразнымъ матеріяломъ для ткача. Гладкая ткань—для бѣлильщика или для фабриканта набивныхъ ситцевъ. Готовый ситецъ, или каленкоръ, пріобрѣтается купцомъ, который еще употребляетъ его какъ первообразный матеріялъ, и производитъ въ немъ новую полезность, приближая его къ потребителямъ. Изъ лавки купца ткань переходитъ въ руки швеи или портного, и еще разъ служитъ первообразнымъ матеріяломъ. Наконецъ, превращенная въ одежду, уже поступившую въ потребленіе, эта ткань продолжаетъ служить первообразнымъ матеріяломъ для нашей прачки.

Такъ безпрестанно, въ обществѣ, произведенія однихъ употребляются другими какъ первообразный матеріялъ. Разорвать эту цѣпь въ какомъ-либо мѣстѣ, лишить какое-либо производство первообразнаго матеріяла — значитъ замедлить конечное производство полезности. Ткачь, по недостатку пряжи, принужденъ остановить свои станки и посвятить на ея изготовленіе то время и тѣ средства, которыя предназначены на фабрикацію тканей. По недостатку готовыхъ матерій, купецъ закрываетъ свою лавку; потребитель не знаетъ куда обратиться для пріобрѣтенія размѣномъ ткани, въ которой нуждается.

Столь-же необходимо въ производствѣ участіе припасовъ, разныхъ веществъ, служащихъ собственно для поддержанія производительной силы

капиталовъ постоянныхъ. Они отличаются отъ первообразныхъ матеріяловъ только тѣмъ, что въ составъ произведенія не входитъ отъ нихъ ни малѣйшей частицы. Топливо, жирныя вещества для смазки машинъ, орудій, матеріялъ для ихъ поддержанія, кормъ животныхъ, освѣщеніе принадлежатъ къ этой части оборотнаго капитала. Въ производствѣ онѣ совершенно преобразуются, уничтожаются, но уничтожаясь даютъ бытіе другимъ произведеніямъ, въ которыхъ возстановляется ихъ цѣнность.

Сюда-же должно отнести продовольствіе, заготовляемое для содержанія производителей, безъ котораго ихъ дѣятельность принужденно была бы занята его добываніемъ. Въ какомъ бы видѣ ни выдавалось, въ монетѣ или натурою, оно составляетъ часть оборотнаго капитала и должно возстановиться въ цѣнности новыхъ произведеній.

Издержки управленія, надзора за ходомъ предпріятія, счетоводства, требуютъ также нѣкоторой части оборотнаго капитала. Содержаніе людей, посвящающихъ время на исполненіе этой обязанности, по необходимости должно быть обезпечено.

Всякое производство нуждается какъ въ постоянномъ, такъ и въ оборотномъ капиталѣ; но отношеніе между этими двумя капиталами измѣняется нетолько по свойству промысла, но еще и по его обширности. При оборотномъ капиталѣ, даже огромномъ, купецъ можетъ иногда довольствоваться небольшимъ капиталомъ постояннымъ: для него до-

вольно одной конторы и нѣсколькихъ магазиновъ или анбаровъ. Въ промышлености мануфактурной встрѣчаются, напротивъ, постоянные капиталы, поражающіе обширностью, и нѣкоторымъ образомъ, затмѣвающіе собою сложность капиталовъ оборотныхъ, ихъ оживляющихъ. Есть промыслы почти исключительно занимающіе одинъ капиталъ постоянный, и первообразный матеріялъ которыхъ не принадлежитъ самому производителю. Во многихъ мѣстахъ мукомольныя и маслобойныя мельницы обработываютъ единственно муку и масло, приносимыя окрестными жителями. Водоподъемные насосы устроиваемые въ городахъ для снабженія жителей водою, могутъ служить также примѣромъ стоячаго капитала, почти совершенно отлученнаго отъ капитала оборотнаго. Въ этомъ случаѣ, послѣдній состоитъ только въ необходимой поддержкѣ машинъ и зданія, а первообразный матеріялъ—вода не имѣетъ цѣнности, какъ благо, всѣмъ въ равной степени предоставленное. Промыслы, занимающіеся доставленіемъ намъ благъ внутреннихъ, не могутъ также обойтись безъ вещественныхъ капиталовъ, постоянныхъ и оборотныхъ. Первообразный матеріялъ ими преобразуемый, тѣ элементы, изъ которыхъ они производятъ полезность, заключаются въ самомъ человѣкѣ. Мы, такъ сказать, сами отдаемъ себя на фасонъ доктору, наставнику. Для промысла перваго нужны больные; для второго — несвѣдущіе. Но кромѣ первообразнаго матеріяла, котораго по строгости, нельзя въ этомъ случаѣ разсматривать какъ оборотный капиталъ, мы видимъ, что всѣ

эти промыслы нуждаются еще въ орудіяхъ, въ мастерскихъ, въ разнаго рода снадобьяхъ. Для доктора необходимы инструменты, книги, клиники, госпитали, лекарства; для наставника—заведеніе, снабженное всѣмъ необходимымъ, своего рода орудія, запасы.

Оборотъ капитала совершается съ различною скоростью: онъ зависитъ отъ свойствъ произведенія и быстроты его приготовленія, а частію также отъ его сбыта, или отъ его продажи. Тогда-какъ пекарь въ нѣсколько часовъ превращаетъ муку въ хлѣбъ, и почти немедленно, по изготовленіи, находитъ ему сбытъ,—кожевенный заводчикъ принужденъ около 18 мѣсяцевъ держать свои кожи въ дубильныхъ ямахъ, а по ихъ изготовленіи обращаться къ посредничеству оптоваго торговца, не имѣя возможности, подобно пекарю, прямо обратиться къ потребителямъ. Въ иныхъ предпріятіяхъ капиталъ оборачивается по нѣскольку разъ въ годъ и даже въ мѣсяцъ: въ другихъ, напротивъ, онъ остается въ занятьи по нѣскольку лѣтъ. У мелочныхъ торговцевъ каждую недѣлю опоражнивается лавка и проданный товаръ осуществляется въ видѣ монеты; иной негоціянтъ ждетъ два и три года возвращенія своихъ кораблей, чтобъ имѣть возможность извлечь свой оборотный капиталъ, въ видѣ какихъ-либо отдаленныхъ произведеній тропическихъ.

Во всякомъ случаѣ, оборотный капиталъ дѣйствуетъ какъ орудіе производства. Онъ безпрестанно преобразуется; является то въ видѣ монеты, то въ видѣ первообразнаго матеріяла, то въ видѣ то-

вара,—но не смотря на всѣ эти преобразованія, его цѣнность сохраняется; онъ воспроизводится и, по мѣрѣ воспроизведенія, можетъ быть изъятъ изъ производства, обращенъ на какое-либо другое предпріятіе, или снова пущенъ въ оборотъ. Каждое воспроизводство капитала сопровождается нѣкоторымъ приращеніемъ его цѣнности, и это не можетъ быть иначе: производитель, употребляя капиталъ, жертвуетъ произведеніями, его образующими, для полученія другихъ, имѣющихъ болѣе цѣнности. Разность между цѣнностію первыхъ и послѣднихъ составляетъ новое произведеніе, которое конечно нельзя все приписать производительной силѣ капитала; важная часть принадлежитъ труду; но тѣмъ не менѣе трудъ одинъ не могъ бы дать ему бытіе.

Подобныхъ результатовъ нельзя ожидать безусловно отъ употребленія капитала. Подобно орудію, онъ долженъ быть направленъ искусствомъ и умѣньемъ. Неопытность, невѣжество, несчастія могутъ нетолько уничтожить выгоды, ожидаемыя отъ его употребленія; но подвергнуть опасности самый капиталъ, который можетъ быть растраченъ безъ пользы, истребленъ невозвратно.

Въ этомъ отношеніи, оборотный капиталъ представляетъ болѣе опасности, нежели постоянный. Послѣдній можетъ, конечно, быть запущенъ, испорченъ, содержимъ въ неисправности; но онъ не измѣняется безпрестанно въ своемъ видѣ, не осуществляется, періодически, въ монетѣ; и эта принужденная неподвижность предохраняетъ его, по крайней мѣрѣ, отъ расточительности, которая можетъ

легко коснуться оборотныхъ фондовъ. Предприниматель, уклоняясь отъ правилъ благоразумія, можетъ, въ минуту забвенія или страсти, опустошить кассу, наполненную монетою, предназначенною на пріобрѣтеніе первообразнаго матеріяла, припасовъ, на выдачу содержанія работникамъ; онъ не можетъ такъ легко исторгнуть изъ производства машины, орудія, постройки.

Тѣмъ не менѣе непроизводительная растрата оборотнаго капитала должна остановить производство. Такъ точно, какъ тѣло не можетъ жить безъ пищи, капиталъ постоянный не можетъ производить безъ помощи оборотнаго. Лишенный этой помощи, онъ обреченъ на неподвижность, становится *мертвымъ*, и вмѣсто пользы наноситъ убытокъ, праздно занимая мѣсто, въ которомъ могутъ нуждаться капиталы дѣйствующіе.

42. ПРИМѢНЕНІЕ КАПИТАЛОВЪ КЪ ПРОИЗВОДСТВУ.

Предшествующее разсмотрѣніе достаточно убѣждаетъ, что, кромѣ внутренней цѣнности, свойственной тѣмъ произведеніямъ, изъ которыхъ образуется капиталъ, они заимствуютъ еще другую цѣнность изъ того содѣйствія, которое находитъ въ нихъ производство. Капиталъ можетъ быть нетолько употребленъ для производства самимъ владѣльцемъ, но, подобно присвоенной природной силѣ, или подобно труду, онъ можетъ быть уступленъ на время другому производителю, въ немъ нуждающемуся. Для послѣдняго, въ этомъ правѣ пользоваться чужимъ капиталомъ, заключается важное пре-

имущество, за которое онъ соглашается обезпечить возмездіе капиталисту.

Это возмездіе, какъ теперь уже можно замѣтить, состоитъ въ долѣ произведеній, при помощи капитала полученныхъ, или которыя могутъ быть получены, и соразмѣряется съ тою производительностію, которая, въ результатѣ совокупнаго дѣйствія всѣхъ производительныхъ силъ, т. е. въ произведеніи, должна быть приписана пособію капитала. Далѣе мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, что и другія причины имѣютъ вліяніе на мѣру этого возмездія.

Здѣсь только подтверждается, что капиталъ, подобно другимъ присвоеннымъ производительнымъ силамъ, труду и землѣ, можетъ быть примѣняемъ къ производству то непосредственно самимъ владѣльцемъ, то путемъ ссуды переходить въ чужое распоряженіе, не утрачивая однако своей производительности для настоящаго владѣльца.

Впрочемъ, не всѣ капиталы равно способны къ подобному отчужденію. Нѣкоторые, изъ числа *помѣщенныхъ*, вовсе тому противятся по самой ихъ сущности. Таковы капиталы нравственные и поземельные. Первые не могутъ быть отчуждены безъ силы труда, съ которою совокуплены; вторые, безъ земли, въ которую вложены; иначе, капиталъ нравственный никогда не служитъ исключительнымъ источникомъ *дохода* для его владѣльца: въ созданіи этого дохода всегда долженъ участвовать его собственный трудъ. Такъ точно и въ частномъ доходѣ, который приносится капиталомъ поземельнымъ, всегда участвуетъ сила природы. Это однако не

препятствуетъ, какъ объяснится далѣе, принимать въ разсужденіе производительность, собственно симъ капиталамъ принадлежащую, при оцѣнкѣ полезнаго содѣйствія силъ, съ которыми они слиты. Всякій напередъ знаетъ, что трудъ, требовавшій особеннаго образованія, цѣнится тѣмъ выше, чѣмъ труднѣе это образованіе; пользованіе землею,—чѣмъ болѣе сдѣлано въ ней удобреній и улучшеній.

Часто весьма значительный капиталъ совокупляется съ небольшимъ участкомъ земли, то въ видѣ построекъ, то въ видѣ путей сообщенія. Производительность этого капитала далеко превышаетъ и, нѣкоторымъ образомъ, подавляетъ полезное содѣйствіе земли, на которой онъ утвержденъ. Тѣмъ неменѣе, при ссудѣ подобныхъ капиталовъ, иногда не маловажная доля условнаго возмездія, или такъ называемой наемной платы, приписывается землѣ, особенно если она находится въ выгодномъ положеніи. Помѣщеніе есть, безъ сомнѣнія, одно изъ важнѣйшихъ условій множества производствъ, и, изъ числа постоянныхъ капиталовъ, строенія всего чаще примѣняются къ производству путемъ ссуды.

Для отдачи въ *наемъ* другого рода постоянныхъ капиталовъ, машинъ, орудій, экипажей, судовъ, рабочихъ животныхъ, встрѣчается одно только затрудненіе, а именно въ пріисканіи людей, желающихъ ею воспользоваться. Какъ уже замѣчено, условія производства могутъ измѣниться, и полезнѣйшія машины сдѣлаться вовсе неудобными. Въ такомъ случаѣ безъ сомнѣнія трудно съ выгодою ссудить ихъ другому.

Вообще, при ссудѣ капитала постояннаго, занимающій обращаетъ вниманіе на его состояніе, на степень прочности и употребительности, которымъ онъ отличается. Когда дѣло идетъ о ссудѣ капитала оборотнаго, принимается въ разсужденіе его цѣнность. И это вполнѣ объясняется различіемъ свойствъ между капиталомъ постояннымъ, который не измѣняется въ своемъ видѣ производствомъ, и капиталомъ оборотнымъ, который совершенно преобразуется. Первый можетъ быть возвращенъ ссудившему въ его первоначальномъ видѣ; второй, по необходимости, долженъ быть возвращенъ въ какихъ, либо другихъ цѣнностяхъ, обыкновенно въ монетѣ. Въ семъ-же видѣ выдается владѣльцу самое возмездіе за пользованіе какъ тѣмъ, такъ и другимъ: какъ плата за наемъ, такъ и проценты.

Наиболѣе удобствъ къ отчужденію путемъ ссуды представляютъ капиталы еще праздные, сбереженія осуществленныя въ монетѣ, но еще не помѣщенныя въ производство. Человѣкъ, успѣвшій накопить капиталъ, или пріобрѣтшій его какими либо другими путями,—наслѣдствомъ, даровою записью,—но не имѣющій охоты, времени, или умѣнія, самъ примѣнить его къ производству, можетъ всегда найти предпринимателя, который согласится извлекать пользу изъ этого капитала и удѣлять изъ него долю владѣльцу.

Иногда къ тому представляется затрудненіе въ ограниченности капитала, не позволяющей основать на немъ прибыльное предпріятіе. Но это затрудненіе частію отвращается совокупленіемъ нѣкотора-

го числа малыхъ капиталовъ. Такъ ежедневно образуются товарищества, компаніи на акціяхъ; правительства предлагаютъ гражданамъ помѣщеніе самыхъ умѣренныхъ капиталовъ въ государственныхъ фондахъ, иногда посвящаемыхъ на общеполезныя работы. Изобрѣтеніе сберегательныхъ кассъ не имѣетъ иного основанія: оно не только содѣйствуетъ образованію капиталовъ, предлагая вѣрное средство къ сохраненію сбереженій бѣднѣйшихъ гражданъ, но еще, обращая ихъ на производительное употребленіе и обезпечивая плату процентовъ, позволяетъ извлекать пользу изъ самыхъ незначительныхъ капиталовъ.

43. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПРЕПЯТСТВУЮЩІЯ ОБРАЗОВАНІЮ, УПОТРЕБЛЕНІЮ И СОХРАНЕНІЮ КАПИТАЛОВЪ.

Важное участіе, принимаемое капиталами въ производствѣ, заставляетъ насъ обратить вниманіе на тѣ обстоятельства, которыя всего болѣе могутъ препятствовать развитію этой производительной силы. Мы видѣли, что она беретъ начало въ совокупномъ производствѣ труда и природы, и ея производительность всегда и вездѣ находится въ тѣсной зависимости отъ первой изъ этихъ двухъ силъ. Это естественно ведетъ къ заключенію, что всякое стѣсненіе труда вредитъ употребленію капиталовъ. Невольничество, обращая въ простое орудіе многочисленныя толпы людей, заграждаетъ имъ путь къ накопленію капиталовъ. Монополіи, затрудняя свободный выборъ занятій, ограничивая число производи-

телей, неизбѣжно должны парализировать употребленіе капиталовъ. Всего болѣе стѣсненіе труда противится образованію капиталовъ нравственныхъ. Оно охлаждаетъ, въ родителяхъ, интересъ къ посвященію особенныхъ издержекъ на воспитаніе дѣтей; оно убиваетъ, въ юношахъ и людяхъ взрослыхъ, всякую охоту пріобрѣтать познанія, исскуства, которыми не могутъ воспользоваться.

Отсутствіе права поземельной собственности имѣетъ совершенно такое-же вліяніе на образованіе капиталовъ поземельныхъ. Никто не рѣшится посвятить свои сбереженія на удобреніе земли тамъ, гдѣ ничто не обезпечиваетъ постояннаго пользованія не только этою землею, но даже и ближайшими плодами труда и капитала, обращенныхъ на ея воздѣлываніе. Ни у охотничьихъ, ни у кочующихъ народовъ не видно слѣдовъ поземельныхъ капиталовъ. Обширное скотоводство послѣднихъ поддерживается единственно трудомъ и даровыми силами природы.

Недостатокъ обезпеченія собственности всегда служитъ препятствіемъ къ употребленію капиталовъ. Тамъ, гдѣ онъ господствуетъ, всякій страшится отчуждить свое имущество или вдать его въ какое-либо предпріятіе; но предпочитаетъ хранить избытокъ подъ спудомъ. Въ средніе вѣки, когда войны и междоусобія не умолкали, когда вездѣ господствовало право сильнаго, распространилось обыкновеніе зарывать въ землю сокровища, то въ видѣ монеты, то въ видѣ золотой или серебряной утвари и другихъ драгоцѣнностей. Клады въ то вре-

мя были весьма многочисленны, и правительства взимали съ каждой находки немаловажный доходъ въ видѣ пошлины. Иногда робость принуждаетъ къ излишнему потребленію. Опасаясь обратить на производительное назначеніе избытокъ своего достатка, его обращаютъ въ потребительные запасы или растрачиваютъ въ удовольствіяхъ.

Даже посреди мира и тишины, законодательство пристрастное, неопредѣлительное, недовольно обезпечивающее права каждого, вредитъ употребленію капиталовъ, уничтожая или ослабляя довѣріе. Тамъ, гдѣ ощущается недостатокъ нравственнаго элемента, извѣстнаго подъ названіемъ кредита, въ обществѣ всегда есть значительное количество капиталовъ праздныхъ, которыхъ сами владѣтели не могутъ употребить производительно и не рѣшаются довѣрить другимъ предпринимателямъ. Духъ товарищества, совокупляющій и, такъ сказать, оживляющій небольшіе капиталы, есть одинъ видъ этого довѣрія: его нельзя искать тамъ, гдѣ постановленія государственныя противятся его водворенію.

Невѣжество, суевѣріе, огрубѣлость или развращеніе нравовъ, подавляя трудовыя способности человѣка, по необходимости препятствуютъ ему извлекать всю возможную пользу изъ содѣйствія капиталовъ. Въ этомъ фактѣ нельзя не открыть важной зависимости производительности послѣднихъ отъ образованія, этого нравственнаго капитала, о которомъ уже неоднократно упоминалось. Къ числу нравственныхъ причинъ, не благопріятныхъ образованію капиталовъ, должно еще причислить расто-

чительность, проникающую въ народные обычаи, не только препятствующую сбереженіямъ, но еще посягающую на самые капиталы.

Въ расточительности заключается, безъ сомнѣнія, одна изъ самыхъ дѣйствительныхъ причинъ уничтоженія капиталовъ. Но эта причина, ксчастію, рѣдко имѣетъ важное вліяніе на общую совокупность капиталовъ многочисленнаго народа. По утѣшительному замѣчанію *Адама Смита*, неумѣренность потребленія однихъ, всегда уравновѣшивается воздержностью другихъ. Одинъ примѣръ правительства, или особенныя обстоятельства, подобныя тѣмъ, которыя осуществились въ Испаніи, вслѣдъ за открытіемъ Америки, могутъ придать расточительности силу, неминуемо причиняющую оскудѣніе капиталовъ. На положеніе капиталовъ гораздо опаснѣе вліяніе причинъ, препятствующихъ производительному ихъ употребленію, которыхъ мы коснулись выше. Тамъ, гдѣ водворяются эти причины, неподвижность овладѣваетъ капиталами существующими, накопленіе новыхъ прекращается; по недостатку поддержки, капиталъ постоянный приходитъ мало по малу въ ветхость и разрушеніе; земли впадаютъ въ запущеніе; жители утрачиваютъ и средства и охоту къ дальнѣйшему образованію. Эти результаты оказываются иногда съ неимовѣрною быстротою, такъ точно, какъ и результаты противные осуществляются, едва лишь устранены препятствія. Однако наблюдатель съ горестію замѣчаетъ, что гораздо легче разрушить, истребить капиталы, нежели вновь ихъ образовать.

Одного года войны и междоусобій достаточно, чтобъ опустошить страну и нанести ея капиталамъ глубокія язвы, которыхъ не залечитъ самый продолжительный миръ.

И сколь часто, посреди бурныхъ переворотовъ политическихъ, погибаютъ невозвратно плоды вѣковыхъ трудовъ. Что сталось съ капиталами, которыми нѣкогда гордились и блистали Карѳагенъ, Грецiя, Римъ? полчища непріятельскія попрали ихъ нивы; ихъ образованность погасла въ потокахъ крови; однѣ развалины свидѣтельствуютъ о прошедшемъ величіи. Мудрые уроки исторіи! когда подѣйствуете вы на людей? когда перестанемъ мы сами разрушать элементы нашего счастія и гордиться собственными горестями?..

44. ПОНЯТІЕ О КАПИТАЛѢ НАРОДНОМЪ И КАПИТАЛАХЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ.

Изъ совокупности частныхъ капиталовъ образуется капиталъ народный, постоянная и дѣйствующая часть богатства общественнаго. Съ нею-то по необходимости соразмѣряется народное производство: безъ помощи капиталовъ, самый упорный трудъ, самая роскошная природа едва могутъ доставить скудное пропитаніе человѣку. Разница между понятіемъ о капиталѣ народномъ и капиталѣ частномъ заключается въ томъ только, что первый никогда, или почти никогда, не можетъ служить для общества, какъ лица нравственнаго, исключительнымъ источникомъ дохода: онъ доставляетъ обществу новыя блага лишь по мѣрѣ-какъ одушевляет-

ся трудомъ и опирается на силы природныя. Той части капитала народнаго, которая соотвѣтствуетъ нравственному капиталу недѣлимаго, и состоитъ изъ способностей, познаній и опытности гражданъ, нельзя дать иного названія кромѣ *народной образованности*: этотъ предметъ уже разсмотрѣнъ въ предшествующей главѣ. Народные капиталы, слитые съ землею, по необходимости входятъ въ составъ поземельной собственности: ихъ нѣтъ и не можетъ быть тамъ, гдѣ это право не признается, или, лучше сказать, гдѣ народъ еще не возвысился образованностію до его признанія. И такъ, собственно народный вещественный капиталъ состоитъ изъ произведеній, въ видѣ капиталовъ самобытныхъ, постоянныхъ и оборотныхъ, примѣняемыхъ къ производству. Къ нему можно причислить также капиталы праздные, но единственно какъ силы способныя къ производству, какъ запасныя средства.

Отношеніе между капиталами *дѣйствующими* и капиталами *праздными* безпрестанно измѣняется въ обществѣ: на него имѣетъ вліяніе каждая изъ вышеприведенныхъ причинъ, болѣе или менѣе стѣсняя производительность капиталовъ и, въ особенности, труда. Личный интересъ, надежда улучшить свое положеніе, побуждаютъ всякого примѣнять свои сбереженія, прямо своимъ трудомъ, или посредствомъ чужого труда. Все, что охлаждаетъ этотъ интересъ, что подавляетъ его страхомъ опасности, по необходимости, клонится къ уменьшенію дѣйствующей части народнаго капитала.

Но въ государствѣ нельзя предположить исключительное существованіе интересовъ личныхъ: въ немъ есть также интересы общіе. Всякое производство нуждается въ капиталѣ, ему свойственномъ: но всѣ производства нуждаются въ содѣйствіи нѣкоторыхъ капиталовъ: для всѣхъ равно необходимы средства къ огражденію внѣшней и внутренней безопасности; къ сохраненію общественнаго порядка; удобные пути сообщенія; разныя другія общеполезныя учрежденія. Всякій членъ общества находитъ личную выгоду, весьма существенную, въ собственномъ образованіи; но и все общество заинтересовано въ томъ, чтобъ обращеніе капиталовъ на столь важный предметъ, каково образованіе, не зависѣло исключительно отъ личнаго интереса. Такимъ образомъ, во всякомъ благоустроенномъ обществѣ, въ составъ народнаго капитала, вмѣстѣ съ частными, входитъ нѣкоторое количество капиталовъ государственныхъ, производительностію которыхъ пользуются всѣ члены общества, но которыми располагаетъ одна верховная власть, какъ представительница интересовъ общественныхъ.

Впрочемъ, эта часть народнаго капитала, которую должно называть капиталомъ государственнымъ, для отличія отъ частныхъ, образуется точно такъ, какъ и послѣдніе. На его составленіе граждане, въ видѣ повинностей или налоговъ, удѣляютъ часть своего труда, или своего имущества: разница только въ томъ, что единственно личныя предусмотрительность и благоразуміе побуждаютъ ихъ

обращать свои сбереженія въ частные капиталы, тогда-какъ, по недостатку этихъ побужденій или въ случаѣ сопротивленія, законъ силою принуждаетъ ихъ на пожертвованія, необходимыя для капиталовъ государственныхъ. Государство, какъ нравственное лице, имѣетъ и другіе источники для образованія капиталовъ; оно можетъ владѣть движимыми и недвижимыми имуществами, различнымъ путемъ ему доставшимися, и наконецъ въ крайнихъ случаяхъ, занимать капиталы какъ у своихъ гражданъ, такъ и въ иностранныхъ державахъ.

Подобно частнымъ капиталамъ, государственные дѣлятся на постоянные и оборотные. Обращаемые на учрежденіе дорогъ, каналовъ, на улучшеніе рѣчного судоходства, на устроеніе портовъ, маяковъ, на сооруженіе флотовъ, крѣпостей, составленіе ученыхъ и учебныхъ собраній, музеевъ и тому подобныхъ общеполезныхъ учрежденій, принадлежатъ къ разряду первыхъ. Они постоянно оказываютъ содѣйствіе всему труду народному, и каждый гражданинъ, платежемъ подати участвовавшій въ ихъ образованіи, пользуется ихъ производительностію. На этомъ основаніи, справедливо подвергаются налогамъ иностранцы, посѣщающіе страну. Иначе они пользовались бы, безъ всякого возмездія, чужими капиталами.

Цѣнности, употребляемыя на поддержаніе общеполезныхъ учрежденій; на содержаніе лицъ государственной службы: солдатъ, матросовъ, должностныхъ всякого рода; на судебные и полицейскіе расходы; на военныя потребности; вообще всѣ тѣ,

которыя совершенно преобразуются, должны разсматриваться какъ оборотные капиталы. Они отличаются отъ оборотныхъ капиталовъ частныхъ предпринимателей тѣмъ, что ихъ цѣнность невозстановляется непосредственно для правительства, ихъ употребившаго, но, по мѣрѣ ихъ употребленія, распредѣляется между всѣми членами общества, доставляя каждому изъ нихъ, въ его кругу, болѣе или менѣе существеннаго содѣйствія. Каждый изъ насъ участвуетъ въ платежѣ налоговъ, но за то и пользуется тою безопасностію, тѣмъ спокойствіемъ, тою исправностію общеполезныхъ учрежденій, которыя правительство обезпечиваетъ намъ помощію этихъ налоговъ, и безъ которыхъ наше производство не могло бы итти успѣшно. Такимъ образомъ этотъ капиталъ, по видимому совершенно уничтожаемый, поелику по окончаніи года, изъ него не остается ни одной копѣйки въ рукахъ казны, возрождается безпрестанно во множествѣ цѣнностей, которыхъ производство безъ него было бы невозможно.

Чтобъ убѣдиться въ томъ, стоитъ только предположить на минуту отсутствіе всѣхъ этихъ обезпеченій: страну лишенную защиты противъ внѣшнихъ непріятелей; внутренній порядокъ, предоставленный на волю страстей народныхъ; дороги, общественныя зданія, безъ поддержки, безъ надзора: что́ сталось бы съ производствомъ тамъ, гдѣ злой геній вдругъ лишилъ бы націю благотворнаго содѣйствія капитала, ежегодно, или лучше сказать, ежечасно употребляемаго правительствомъ на от-

вращеніе столь горестныхъ бѣдствій. Пробѣгите страницы, на которыхъ исторія описываетъ анархію, по временамъ обуревавшую народы, и тамъ найдете отвѣтъ на этотъ вопросъ, если не довѣряете внушенію собственнаго здраваго смысла.

Капиталъ, употребляемый правительствомъ на просвѣщеніе народное, подобно другимъ, по видимому, изчезаетъ совершенно. Найдутся даже люди столь близорукіе, опрометчивые, что дерзнутъ назвать эту издержку безполезною. Мы понимаемъ теперь, что эта издержка не пропадаетъ; что, развивая способности множества членовъ общества, обогащая ихъ познаніями, она увеличиваетъ нравственный капиталъ каждого изъ нихъ въ отдѣльности, и содѣйствуетъ успѣхамъ образованности народной вообще.

Но, скажутъ иные, за что намъ платить налоги для образованія нѣкоторыхъ? Глубокое заблужденіе! странная и непонятная зависть!... Цѣль государственныхъ учебныхъ заведеній не есть образованіе нѣкоторыхъ, но всѣхъ желающихъ; и если правительство, иногда, стѣсняется ограниченностію средствъ, ему предоставляемыхъ, то можно-ль его винить? Пусть даже благодѣянія образованія непосредственно распредѣляются между ограниченнымъ числомъ гражданъ, неужели въ этомъ распредѣленіи мы не откроемъ ничего выше личнаго интереса образуемыхъ? неужели вся нація не заинтересована въ умноженіи числа образованныхъ гражданъ? неужели образованный человѣкъ полезенъ только самому себѣ? нѣтъ, мы уже

замѣтили выше, гдѣ бы ни зародилось просвѣщеніе, лучи его разливаются далеко; каждая издержка на его зарожденіе полезна не только тому, для кого сдѣлана, но и всѣмъ соприкосновеннымъ съ нимъ лицамъ, потому-что всѣ могутъ пользоваться его примѣромъ, его совѣтами. Можно смѣло сказать, что, образуя одного человѣка, правительство способствуетъ образованію ста, и болѣе.

Всякая цѣнность, правительствомъ употребляемая, всякая издержка государственная, по строгости, можетъ разсматриваться какъ государственный капиталъ; всякая изъ нихъ должна оправдываться необходимостью; всякой должна соотвѣтствовать гдѣ-либо, какая-либо полезность, по крайней мѣрѣ равноцѣнная. Частный человѣкъ не можетъ всегда правильно судить о подобныхъ мѣрахъ: безпрестанно тревожимый интересами личными, погруженный въ заботы о ихъ охраненіи, онъ можетъ считать многое излишнимъ, потеряннымъ, потому только, что не видитъ результатовъ. Тамъ же, гдѣ есть необходимость въ государственной издержкѣ, съ нею неразлучна производительность: она всегда заключается въ удаленіи какого-либо препятствія, или въ доставленіи какого-либо содѣйствія свободной дѣятельности общества къ извлеченію наиболѣе выгодъ изъ производительныхъ силъ, предоставленныхъ ему Провидѣніемъ, или добытыхъ собственнымъ трудомъ.

Частное лице можетъ иногда считать непроизводительными издержки, употребляемыя имъ на собственное содержаніе: все то, что поглощается

содержаніемъ государства; что служитъ для сохраненія здоровья и силы въ политическомъ тѣлѣ, возстановляется въ тѣхъ благахъ, которыя сопряжены съ этимъ здоровьемъ, съ этою силою. Угрожаетъ-ли государству внѣшнее нападеніе; принуждено-ли оно силою оружія поддержать свои интересы, свою честь, этотъ отблескъ независимости,—издержанное на то употреблено производительно, такъ точно, какъ и все, что посвящается на сохраненіе внутренняго порядка и на общеполезныя учрежденія.

Но государство, въ лицѣ правительства, — иногда же страстями народными, къ которымъ принужденно, и часто безотчетно, пріобщаются мѣстныя власти,—можетъ быть завлечено въ издержки, не оправдываемыя необходимостью, ни даже пользою. Подобныя издержки теряютъ производительное свойство. Предаваясь имъ, государство поступаетъ подобно частному лицу, одержимому духомъ расточительности, и растрачиваетъ не производительно цѣнности, получаемыя съ подданныхъ путемъ налога или займа. И налогъ въ этомъ отношеніи не столь пагубенъ какъ заемъ: первый, какъ объяснится далѣе, образуется изъ части доходовъ, и при излишнемъ усиленіи обрекаетъ только податныхъ на нѣкоторыя лишенія, которымъ безъ того они бы не подверглись. Заемъ-же посягаетъ на капиталы народные, усиливая въ то-же время налогъ необходимостью платить проценты. Такъ многія государства европейскія, изъ видовъ честолюбія, или по взаимной ненависти, растратили огромные ка-

питалы на кровопролитныя и опустошительныя войны, — капиталы, большею частію исторгнутые изъ производства народнаго, нынѣ образующіе неоплатные долги государственные, и обременяющіе народъ тяжкою платою процентовъ, которые остались свидѣтельствомъ ихъ неблагоразумія и спасительнымъ урокомъ, — по крайней мѣрѣ того должно желать,—для послѣдующихъ поколѣній.

Ксчастію, въ народахъ есть нравственные элементы, поддерживающіе ихъ жизнь посреди величайшихъ бѣдствій. Пока эти элементы существуютъ, общество находитъ въ нихъ сильный перевѣсъ противъ самой неосмотрительной расточительности правительства. Несмотря на неумолимое упорство, съ которымъ министерство торіевъ, цѣною крови и богатства народнаго, въ теченіи пятнадцати лѣтъ волновало весь міръ и преслѣдовало другого могучаго и ненасытнаго честолюбца, предпріимчивость Англичанъ, ихъ патріотизмъ, ихъ образованность, тѣ нравственные капиталы, которыми заранѣе запаслась эта нація, и которые возрастаютъ въ ней съ каждымъ поколѣніемъ, помогли ей вынести столь тяжкое бремя и—что́ еще удивительнѣе—усилить до невѣроятія народные капиталы во всѣхъ отрасляхъ производства. Совершенно противный результатъ представляетъ Испанія, гдѣ съ давнихъ временъ суевѣріе и фанатизмъ мало по малу подавили животворные нравственные элементы народной дѣятельности. Истребленіе капиталовъ войною, расточительностію, злоупотребленіями всякого рода, не нашло тамъ перевѣса въ народныхъ качествахъ,

и посреди самой роскошной природы, въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ мѣстоположенія, эта благородная нація, одинъ изъ совершеннѣйшихъ типовъ человѣчества, утратила большую часть своего богатства и своего достоинства политическаго.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О промышлености вообще.

45. Понятіе о промышлености; различные виды промысловъ.

Ознакомясь съ свойствами производительныхъ силъ и благопріятнѣйшими условіями развитія каждой изъ нихъ, мы можемъ приступить къ разсмотрѣнію ихъ совокупного дѣйствія.

Не впадая въ преувеличенный метафоризмъ, можно представить себѣ общество, въ предѣлахъ области ему принадлежащей, какъ обширную мастерскую: въ ней множество недѣлимыхъ, соединенныхъ нѣкоторыми интересами общими и подстрекаемыхъ интересами личными, стремятся къ умноженію благъ внѣшнихъ и внутреннихъ; изъ этихъ благъ образуется богатство народное, въ которомъ каждый почерпаетъ свою долю благосостоянія и довольства. Посреди такого движенія, являющаго наружные признаки броженія самого причудливаго и безпорядочнаго, какъ не открыть нѣкоторой гармоніи?... оно дробится на множество занятій самыхъ разнообразныхъ; но совокупность этихъ занятій соотвѣтствуетъ совокупности потребностей, обществомъ ощущаемыхъ, которыя болѣе или менѣе проя-

вляются въ каждомъ изъ его членовъ. Одни участвуютъ въ немъ трудомъ, другіе капиталами, третьи приносятъ въ эту работу одно содѣйствіе природныхъ силъ, имъ присвоенныхъ: но, хотя движимыя интересами столь различными, всѣ эти силы направляются къ одному и тому-же результату. Одни посвящаютъ всѣ свои способности и средства наблюденію истинъ; другіе соображаютъ и примѣняютъ открытія первыхъ, предоставляя третьимъ выполненіе и осуществленіе своихъ соображеній: но всѣ зависятъ одни отъ другихъ, и во всякомъ произведеніи отражаются слѣды каждого.

Въ этой дѣятельности, направляемой на производство полезнаго, главная роль принадлежитъ труду. Въ немъ заключается животворное начало, оплодотворяющее слѣпыя силы, разсѣянныя въ природѣ и въ произведеніяхъ уже готовыхъ, или въ капиталахъ. Безъ помощи этихъ силъ, человѣкъ слабъ и немощенъ; онъ изнемогаетъ въ борьбѣ съ природою непроизводительною; истощается въ безплодныхъ или мало благодарныхъ усиліяхъ, когда лишенъ опоры капиталовъ; но сила труда одна только можетъ приспособить къ производству природу и капиталы. Эти силы дѣйствуютъ и преклоняются на доставленіе человѣку полезныхъ результатовъ, если онъ умѣетъ заставить ихъ дѣйствовать, оживляетъ ихъ своею *мыслію*.

Здравый смыслъ народовъ славянскихъ краснорѣчиво выразилъ этотъ процесъ свободно-разумной дѣятельности, преклоняющій слѣпыя силы при-

роды и вещества на осуществленіе полезныхъ результатовъ, словомъ *промыселъ*, отъ котораго производятъ *промышленость*.

Въ поэзіи, это слово употребляется на русскомъ языкѣ въ самомъ высокомъ значеніи: мы не унизимъ его въ наукѣ экономической. Мы назовемъ *промысломъ*—всякое примѣненіе, помощію труда, производительныхъ силъ природы и капитала къ доставленію людямъ какой-либо полезности, вещественной или невещественной; принадлежащей къ разряду благъ внѣшнихъ, или внутреннихъ; осязаемой, соединенной съ вещію, или неосязаемой, соединенной съ самимъ человѣкомъ. Мы назовемъ *промышленостію* народною совокупность всѣхъ этихъ промысловъ,—и такимъ образомъ естественно откроемъ въ ней два большіе отдѣла: съ одной стороны *промыслы*, стремящіеся къ полезному преобразованію *вещей;* съ другой, *промыслы*, направляемые на полезное преобразованіе *людей*. Первые окружаютъ насъ всякого рода полезностями вещественными; вторые обогащаютъ благами внутренними. И тѣ и другіе, имѣютъ въ виду удовлетвореніе нашимъ потребностямъ; но ближайшимъ предметомъ для первыхъ служатъ вещи, ими преобразуемыя; для вторыхъ-же мы сами, или, лучше сказать, тѣ элементы нравственно-физическіе, изъ которыхъ состоитъ наша сущность, къ преобразованію, къ улучшенію которыхъ должно стремиться.

46. Необходимость соотношенія всякого промысла съ потребностью общественною; сбыты.

Всякій промыселъ предполагаетъ усилія, пожертвованія. Достаточное побужденіе къ этимъ усиліямъ, къ этимъ пожертвованіямъ должно заключаться въ полезности, ожидаемой отъ промысла. Въ одиночествѣ, человѣкъ трудится, истощаетъ свои средства вещественныя, пока ощущаетъ потребность; едва она утолена, едва затихло это жало, онъ предается спокойствію, или направляетъ свои силы къ удовлетворенію другимъ потребностямъ. Его дѣятельность дробится естественно на множество промысловъ, болѣе или менѣе продолжительныхъ: онъ самъ ихъ распредѣляетъ, самъ судитъ о ихъ настоятельности. Въ обществѣ, по мѣрѣ признанія и обезпеченія права собственности, водворяется порядокъ иной.

Тамъ, люди естественно раздѣляютъ между собою промыслы. Одни предаются производству полезностей одного рода, другіе — иного; впослѣдствіи, плоды усилій каждого въ отдѣльности распредѣляются мѣною между всѣми, въ соразмѣрности съ этими усиліями.

Подобный порядокъ, какъ мы видѣли, много способствуетъ производительности труда; въ немъ заключается одна изъ главныхъ выгодъ общественности, тайна могущества человѣка на землѣ. Но это распредѣленіе промысловъ не есть, и не можетъ быть, слѣдствіемъ соглашенія. Нигдѣ и никогда люди, образующіе общества, не собирались и не разсуждали о подобномъ раздѣленіи. Оно вездѣ со-

вершалось само собою, то по внушенію личнаго интереса; то подъ вліяніемъ различныхъ склонностей и способностей; то подъ игомъ внѣшнихъ обстоятельствъ природныхъ и общественныхъ; вообще, вслѣдствіе причинъ очевидныхъ, несомнѣнныхъ, но неуловимыхъ, дѣйствующихъ причудливо, безъ системы. Тамъ, гдѣ это распредѣленіе водворилось, всякій сознаетъ и понимаетъ его выгоды, всякій говоритъ о нихъ, но нигдѣ нѣтъ слѣда условій предварительныхъ.

Иногда законодательства предпринимали подчинить распредѣленіе промысловъ правиламъ положительнымъ. Подобныя попытки, явно стѣсняющія право собственности, вездѣ имѣли самое неблагопріятное вліяніе на промышленость и на успѣхи богатства народнаго. Въ Индіи и въ Египтѣ онѣ послужили началомъ кастъ; въ Европѣ среднихъ вѣковъ и до XIX столѣтія, замедляли развитіе промышлености и водворили ненасытный духъ привилегій, отъ котораго доселѣ еще не могутъ освободиться ея населенности.

Въ соображательной способности человѣка, подстрекаемой сознаніемъ личной выгоды, заключается самое существенное начало этого распредѣленія. Конечно, есть промыслы предполагающіе нѣкоторыя особенныя, часто высокія, побужденія въ лицахъ имъ предающихся, но и они не изъяты тѣхъ законовъ соображенія, которымъ подлежатъ промыслы наиболѣе основанные на личномъ интересѣ; и эти-то законы мы постараемся здѣсь изложить.

Предпринимая производство какихъ-либо полез-

ностей, человѣкъ, въ обществѣ какъ и въ одиночествѣ, подстрекается личнымъ интересомъ: онъ ищетъ въ нихъ средствъ къ обезпеченію себѣ наибольшей степени благосостоянія по своему образу мыслей. Но онъ обрѣтаетъ желаемыя средства лишь въ томъ случаѣ, когда изъ его промысла рождается полезность соотвѣтствующая потребности общественной, имѣющая цѣнность мѣновую. Эти средства осуществляются только по-мѣрѣ *сбыта* его произведеній, по-мѣрѣ того какъ, путемъ обмѣна, онъ превращаетъ ихъ въ тѣ различныя полезности, въ которыхъ самъ нуждается. Чѣмъ живѣе, чѣмъ обширнѣе, чѣмъ чаще повторяется потребность общественная, соотвѣтствующая промыслу, тѣмъ вѣрнѣе и скорѣе предстоитъ ему сбытъ; тѣмъ болѣе обезпеченъ производитель въ томъ, что, трудясь для другихъ, онъ трудится для самого себя, и въ этомъ случаѣ его личный интересъ совершенно согласенъ съ интересомъ общественнымъ. Чѣмъ болѣе онъ производитъ, чѣмъ болѣе вноситъ полезностей въ общество, тѣмъ болѣе умножаетъ богатство народное, созидая свое собственное.

И такъ, первая забота всякого предпринимателя должна быть обращена на усмотрѣніе, на изученіе потребности общественной, которой онъ берется удовлетворять. Этому усмотрѣнію много помогаетъ простое теченіе дѣлъ, особенно тамъ, гдѣ общественныя сношенія еще не отличаются многосложностью и запутанностью.

Одного удостовѣренія въ существованіи потребности общественной не достаточно: надлежитъ еще

развѣдать въ какой степени эта потребность нуждается въ удовлетвореніи; настоитъ-ли необходимость въ присоединеніи новаго предпріятія къ тѣмъ, которыя уже направлены на ея покрытіе; и если эта необходимость существуетъ, то будетъ-ли она продолжительна, и заслуживаетъ-ли тѣхъ усилій и тѣхъ пожертвованій, которыя повлечетъ за собою производство.

Это объясняетъ какимъ образомъ рядомъ съ промыслами, имѣющими въ виду потребности обширныя, могутъ иногда съ большою выгодою, производиться промыслы, которымъ соотвѣтствуютъ потребности болѣе ограниченныя.

47. НЕОБХОДИМОСТЬ СООБРАЖЕНІЯ ИЗДЕРЖЕКЪ ПРОИЗВОДСТВА.

Но этого мало. Должно сообразить усилія и пожертвованія, сопряженныя съ промысломъ, и ту полезность, которой онъ дастъ бытіе; иначе: должно сравнить *стоимость* произведенія съ его мѣновою цѣнностію.

Послѣдняя, мы видѣли, находится въ прямомъ отношеніи къ запросу и въ обратномъ къ предложенію. Само-же предложеніе зависитъ, съ одной стороны, отъ естественной рѣдкости произведеній; съ другой, отъ издержекъ добыванія или производства. Всякая перемѣна въ этихъ условіяхъ цѣнности должна имѣть важное вліяніе на результаты промысла.

Если запросъ усиливается тогда-какъ трата производительныхъ силъ или издержки производства

не измѣняются, то цѣнность произведенія увеличивается, безъ всякого увеличенія его стоимости, и промыселъ доставляетъ болѣе выгодъ. Въ обмѣнъ за одно и то-же количество его произведеній можно получить болѣе другихъ цѣнностей.

То-же самое происходитъ, когда уменьшаются издержки производства, безъ всякой перемѣны въ положеніи запроса; только, въ этомъ послѣднемъ случаѣ стоимость произведенія уменьшается, тогда-какъ цѣнность его остается въ прежнемъ положеніи.

Противное также случается. Можетъ оказаться ослабленіе запроса при одинакихъ издержкахъ производства, или умноженіе издержекъ производства, при одинакой потребности. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, цѣнность произведенія перестаетъ соотвѣтствовать его стоимости, и производитель не находитъ въ сбытѣ достаточного вознагражденія за издержки производства, или, говоря простымъ языкомъ, его продукты не окупаются.

Потребность общественная, въ нормальномъ положеніи, всегда находится въ обратномъ содержаніи съ количествомъ произведеній, служащихъ для ея удовлетворенія. Въ отношеніи къ данному роду полезностей, она выражается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе находится ихъ въ наличности; тѣмъ слабѣе, чѣмъ ихъ болѣе. Вслѣдствіе этого закона, тамъ-гдѣ ничто не стѣсняетъ свободы промышленности и мѣновыхъ сдѣлокъ, естественно устанавливается равновѣсіе между стоимостію и цѣнностію произведеній.

Выборъ промысловъ руководится положеніемъ потребности общественной, которая проявляется въ *запросѣ* на произведеніе, удовлетворяющее этой потребности. Чѣмъ выше оцѣнка, тѣмъ выгоднѣе промыселъ; но чѣмъ болѣе представляетъ онъ выгодъ, тѣмъ болѣе также онъ привлекаетъ производителей. Съ одной стороны, умноженіе числа предлагаемыхъ произведеній клонится къ уменьшенію ихъ цѣнности; съ другой, между самими производителями возникаетъ соперничество: всякій, желая ускорить или обезпечить сбытъ своего произведенія, довольствуется, для привлеченія пріобрѣтателей, возмездіемъ, наиболѣе приближающимся къ стоимости произведенія. Послѣдняя становится предѣломъ, къ которому безпрестанно направляется относительная цѣнность, или цѣна, произведеній, и если только, въ своемъ пониженіи, она перейдетъ за этотъ предѣлъ, то нѣкоторые производители должны удалиться изъ промысла, или всѣ вообще умѣрить производство, чтобъ уменьшить *предложеніе* и возстановить равновѣсіе между стоимостію и цѣною. Соперничество между производителями имѣетъ еще другія послѣдствія.

При ничтожномъ, или весьма слабомъ, вліяніи на положеніе потребности общественной, зависящей отъ причинъ, которыхъ мы коснемся далѣе въ своемъ мѣстѣ, производитель направляетъ всѣ свои усилія на уменьшеніе издержекъ производства: эти усилія могутъ увѣнчаться успѣхомъ.

Издержки производства можно разсматривать какъ сумму усилій и пожертвованій, помощію кото-

рыхъ промышленость должна побѣдить препятствія, ей предстоящія для созданія полезности. По выраженію *Се*, это мѣна между человѣкомъ и силою обстоятельствъ: первый приноситъ свой трудъ и содѣйствіе средствъ, которыми располагаетъ; въ обмѣнъ за нихъ получаетъ полезность. Но, изученіе свойства производительныхъ силъ удостовѣряетъ насъ, что могущество каждой изъ нихъ много зависитъ отъ образа ея употребленія, въ особенности отъ развитія главной распорядительной силы труда. Мы видѣли сколь много облегчается и ускоряется производство раздѣленіемъ занятій въ одномъ и томъ-же промыслѣ; какую помощь трудъ извлекаетъ изъ собственнаго образованія, или, того накопленія внутреннихъ благъ, которое мы назвали капиталомъ нравственнымъ; мы изслѣдовали, какое содѣйствіе снискиваетъ трудъ въ силахъ природы и въ орудіяхъ: при достаточномъ образованіи, человѣкъ можетъ, до невѣроятія, усилить эти пособія; изученіе законовъ природы, изобрѣтеніе машинъ предлагаютъ ему средства самыя существенныя. Всякое подобное усиленіе производительности труда, природы или капитала клонится къ уменьшенію или ослабленію препятствій, съ которыми долженъ бороться промыселъ; и если производитель успѣетъ осуществить подобный результатъ, то ясно, что онъ нарушитъ, въ свою пользу, равновѣсіе между стоимостію и цѣнностію произведенія: съ меньшими издержками производства, онъ будетъ получать ту-же самую цѣнность.

Но долго-ли производитель будетъ пользоваться

этимъ преимуществомъ?—оно зависитъ отъ рода его произведенія, съ одной стороны; отъ положенія потребности общественной, съ другой. Соперничество, неусыпно слѣдящее за состояніемъ запроса, не дремлетъ также надъ издержками производства. Самыя простыя внушенія здраваго смысла убѣждаютъ каждого производителя въ тѣхъ выгодахъ, которыя можетъ ему доставить уменьшеніе издержекъ, и всякій старается усвоить себѣ улучшенные способы. Чѣмъ долѣе изобрѣтателю удается хранить въ тайнѣ его способы, тѣмъ долѣе онъ пользуется исключительно ихъ преимуществами. Но едва пріобрѣтутъ они извѣстность, едва станутъ доступны всякому, соперничество между производителями неминуемо возстановитъ разновѣсіе между стоимостію и цѣнностію произведеній, понизивъ послѣднюю.

Подобное пониженіе цѣнности, вслѣдствіе уменьшенія издержекъ производства, можетъ, при распространеніи улучшенныхъ способовъ, обратиться въ ущербъ частному производителю, утрачивающему исключительность преимущества, съ этими способами сопряженнаго; но оно отмѣнно выгодно для общества. Въ соразмѣрности съ таковымъ пониженіемъ, увеличивается богатство каждого члена общества; каждый, при помощи однѣхъ и тѣхъ же средствъ, можетъ пріобрѣсть мѣною болѣе полезностей; и тѣмъ чувствительнѣе оказывается это послѣдствіе, чѣмъ живѣе потребность въ произведеніи, котораго цѣнность понизилась.

Въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій, великія

открытія произвели совершенный переворотъ въ промыслахъ, занимающихся приготовленіемъ хлопчатобумажныхъ тканей. Изобрѣтенія волочильныхъ кардъ, мюль-женни (mule-jenny), механическаго станка и паровыхъ машинъ, при улучшенныхъ методахъ раздѣленія занятій, позволили уменьшить вдесятеро, и болѣе, издержки этого производства. Относительная цѣнность понизилась въ соразмѣрности, и ткани, дотолѣ бывшія почти исключительнымъ достояніемъ богатыхъ, сдѣлались доступны самымъ умѣреннымъ достаткамъ. Отецъ семейства, располагавшій доходомъ, примѣрно въ 500 рублей, принужденъ былъ прежде употреблять до 200 р., чтобъ одѣть прилично самого себя, свою жену и дѣтей. Благодаря пониженію цѣнности, ему достаточно 150 р. на удовлетвореніе этой потребности. Ясно, что онъ сдѣлался богаче: это удешевленіе доставило ему 50 рублей, которые онъ можетъ посвятить на удовлетвореніе другимъ потребностямъ, на образованіе дѣтей, на украшеніе жилища, на улучшеніе пищи, однимъ словомъ, на доставленіе себѣ и своимъ, болѣе благосостоянія.

Какъ? скажутъ иные: выше замѣчено было, что пріобрѣтаемое богатство состоитъ въ цѣнностяхъ, и умножается, по-мѣрѣ ихъ умноженія или повышенія. Здѣсь же приводятъ примѣры увеличенія богатствъ, вслѣдствіе пониженія цѣнности! Самое простое разсужденіе, я полагаю, объяснитъ это мнимое противорѣчіе. Мы сказали, и повторяемъ, что богатство всякого члена общества состоитъ, частію, изъ природныхъ благъ, доставшихся ему въ удѣлъ,

частію изъ благъ пріобрѣтенныхъ; но послѣднія могутъ разсматриваться какъ богатство, если только имѣютъ цѣнность мѣновую; и тѣмъ болѣе владѣтель можетъ найти въ нихъ условій благосостоянія, чѣмъ значительнѣе эта цѣнность, то-есть, чѣмъ болѣе она можетъ доставить ему другихъ полезностей путемъ обмѣна. Подобное-же, относительное повышеніе мѣновыхъ цѣнностей, образующихъ богатство каждого изъ насъ, бываетъ необходимымъ послѣдствіемъ удешевленія тѣхъ другихъ цѣнностей, въ которыхъ мы нуждаемся. И посему, правильно утверждать, что богатство каждого изъ насъ увеличивается по-мѣрѣ пониженія цѣнности предметовъ, въ которыхъ мы нуждаемся, и что напротивъ оно уменьшается по-мѣрѣ ея повышенія (§ 9.). Еслибъ вдругъ производство хлопчатобумажныхъ тканей лишилось тѣхъ средствъ, которыми вооружилъ его изобрѣтательный геній *Гаргрева, Аркрейта, Ватта* и *Робертса,* то стоимость ихъ неизбѣжно повысилась бы, а съ нею вмѣстѣ ихъ относительная цѣнность. Отецъ семейства опять принужденъ былъ бы посвящать 200 рублей вмѣсто 150 на одежду и, безъ всякой перемѣны въ сущности своего достатка, сдѣлался бы бѣднѣе. Такъ ежедневно мы слышимъ жалобы на вздорожаніе припасовъ, хлѣба, помѣщенія, и развѣ всякій изъ насъ не хвалится и не ощущаетъ особеннаго удовольствія, когда успѣваетъ съ меньшими издержками пріобрѣсть однѣ и тѣ-же наслажденія?

Но еслибъ въ равной соразмѣрности уменьшились издержки пропзводства всѣхъ возможныхъ про-

мысловъ, и еслибъ, во всѣхъ произведеніяхъ, оказался равный упадокъ относительной цѣнности, то неужели никакой перемѣны не произошло бы въ отношеніи богатствъ однихъ къ богатству другихъ? Безспорно; и этотъ результатъ, котораго нельзя допустить во всей полнотѣ, осуществился однако въ отношеніи ко многимъ промысламъ. Успѣхи наукъ, машинъ, путей сообщенія, освобожденіе промысловъ отъ множества различныхъ стѣсненій, въ послѣднее время значительно уменьшили издержки производства почти въ одно и то-же время въ различныхъ отрасляхъ мануфактуръ. Вслѣдствіе того, понизилась цѣнность бумажныхъ тканей, издѣлій вязальныхъ, стальныхъ и т. п. Конечно, ножевный фабрикантъ не сдѣлался богаче фабриканта ситцевъ, если произведенія того и другого въ одинаковой соразмѣрности понизились въ цѣнности. Но какъ тотъ, такъ и другой, сдѣлались богаче въ отношеніи къ другимъ полезностямъ, одинъ благодаря дешевизнѣ ситцевъ, другой благодаря дешевизнѣ ножевныхъ издѣлій. И еслибъ подобное пониженіе оказалось въ равной степени во всѣхъ возможныхъ промыслахъ, то отношеніе между богатствами частными не измѣнилось бы, но онѣ увеличились бы всѣ въ одно время. Всѣ стали бы обрѣтать въ своемъ достаткѣ, большомъ или маломъ, болѣе средствъ къ обезпеченію своего благосостоянія. Для всѣхъ жизнь сдѣлалась бы счастливѣе и покойнѣе.

Богатство народное, сказали мы, есть сумма всевозможныхъ средствъ, помощію которыхъ народъ обезпечиваетъ себѣ соразмѣрную степень благосо-

стоянія. Все, что увеличиваетъ производительныя силы, безъ сомнѣнія увеличиваетъ богатство народное. Но оно увеличивается также, когда помощію однѣхъ и тѣхъ же производительныхъ силъ, при лучшемъ ихъ распредѣленіи, снискивается болѣе полезности; и сей-то результатъ получается при каждомъ уменьшеніи издержекъ производства. Этого довольно для оправданія соперничества, побуждающаго производителей изъискивать всѣ возможныя средства къ достиженію подобнаго результата. Изъ уменьшенія стоимости произведенія одними, для другихъ иногда проистекаетъ ущербъ, то отъ лишенія сбыта, то отъ необходимости измѣнить матеріяльные способы производства. Но это частное зло, которое, впрочемъ, надо умѣть предвидѣть и всегда ожидать, далеко перевѣшивается тѣмъ добромъ, которое уменьшеніемъ издержекъ производства доставляется всему обществу.

Далѣе, при разсужденіи о законахъ, по которымъ производятся размѣны, мы возвратимся еще къ вопросу о сбытахъ и соперничествѣ. Теперь мы хотѣли только объяснить необходимость соображать, до приступленія къ какому-либо предпріятію, издержки производства, или стоимость произведенія съ его относительною цѣнностію. Если послѣдняя почти сравнялась съ первою; если въ потребности, ей соотвѣтствующей, не оказывается никакого усиленія, то изъ этого можно впередъ заключить, что въ промыслѣ нѣтъ мѣста для новаго производителя, что общество не нуждается въ его усиліяхъ. Но если потребность общественная еще не пополнена,

если она выражается въ значительной разности между стоимостію и относительною цѣнностію произведенія; или, съ другой стороны, если предприниматель обладаетъ какими-либо способами, собственно ему извѣстными, помощію которыхъ можетъ сократить издержки производства и съ меньшими усиліями, меньшими пожертвованіями доставить обществу полезность, въ которой оно нуждается, то онъ поступитъ согласно и съ собственнымъ и съ общественнымъ интересомъ, примѣнивъ къ дѣлу эти способы, присоединивъ новое предпріятіе къ дѣйствующимъ уже въ промыслѣ.

48. ПОРЯДОКЪ ОБРАЗОВАНІЯ ПРЕДПРІЯТІЙ.

Средства, необходимыя для осуществленія предпріятія могутъ быть соединены въ лицѣ самого предпринимателя,—что́ много упрощаетъ его дѣло. Если онъ имѣетъ достаточно знанія; не нуждается въ помощи чужого труда исполнительнаго; можетъ довольствоваться вещественными средствами, собственно ему принадлежащими, и не принужденъ прибѣгать къ содѣйствію природной силы присвоенной, то, присоединивъ къ этимъ средствамъ ту особенную промышленную способность, ту расчетливость, которая необходима для мѣткаго и вѣрнаго соображенія потребности общественной съ издержками производства, онъ заключаетъ въ самомъ себѣ, и въ своемъ достаткѣ всѣ необходимыя условія предпріятія. Много тому способствуетъ, какъ увидимъ далѣе, свойство нѣкоторыхъ промысловъ, на прим: врача, хирурга, адвоката и т. п.

Множество другихъ не допускаютъ подобнаго сосредоточенія въ одномъ человѣкѣ всѣхъ условій ихъ производства. Въ такомъ случаѣ обязанности предпринимателя многосложнѣе и разнообразнѣе; съ ними неразлучна и бо́льшая отвѣтственность. Обладая въ высшей степени расчетливостью, онъ часто не имѣетъ достаточно знанія, и нуждается въ указаніяхъ, или постоянномъ пособіи ученыхъ. Имѣя въ виду производство обширное, онъ не можетъ обойтись безъ содѣйствія многочисленныхъ исполнителей, и чужихъ капиталовъ. Рѣдко удается ему также избѣгнуть употребленія природныхъ силъ присвоенныхъ, разумѣется тамъ, гдѣ подобное присвоеніе существуетъ; и напротивъ еще, часто въ содѣйствіи этихъ-то силъ и заключается главное условіе его промысла, какъ напр: въ земледѣліи, въ горныхъ промыслахъ, и т. п.

Соединеніе всѣхъ этихъ средствъ, удачное ихъ направленіе къ одной общей цѣли предполагаютъ заботы, искусство, рѣшимость. Заимствуя чужіе капиталы, чужую собственность, предприниматель беретъ на себя отвѣтственность въ ихъ сохранности; болѣе другого, онъ долженъ неусыпно наблюдать за правильнымъ ихъ примѣненіемъ къ производству. Слѣдуя чужимъ указаніямъ, употребляя чужія силы, онъ находится въ тѣсной зависимости отъ нихъ, и долженъ умѣть обезпечить себѣ содѣйствіе полное и существенное. Не пренебрегая законами теоретическими, онъ обязанъ обращать главное вниманіе на ихъ сторону прикладную; соображеніе издержекъ должно всегда предшествовать ихъ

примѣненію. Довѣряя свои интересы, или лучше сказать интересы предпріятія, чужой дѣятельности, онъ принужденъ съ одной стороны руководиться осторожностью въ выборѣ; съ другой, стараться возбудить въ исполнителяхъ, имъ употребляемыхъ, нравственное участіе въ успѣхѣ и процвѣтаніи предпріятія; связать ихъ интересы съ этимъ успѣхомъ.....

Предпріятіе, въ которомъ участвуютъ производительныя силы, принадлежащія различнымъ лицамъ, должны доставлять возмездіе каждому изъ нихъ. Его полезные результаты принадлежатъ не одному предпринимателю, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній можетъ довольствоваться собственными средствами; изъ нихъ ждутъ себѣ доли: капиталистъ, ссудившій предпріятію свои сбереженія; владѣлецъ присвоенной природной силы, предоставившій ему пользованіе этою силою; ученый, руководившій его своими указаніями; наконецъ, тѣ исполнители, которые посвятили предпріятію свои силы тѣлесныя и душевныя. Между этими дѣйствователями и предпринимателемъ существуетъ товарищество, иногда явное и ясно опредѣленное, иногда безмолвное, подразумѣваемое. Въ первомъ случаѣ, каждый впередъ знаетъ долю, которую получитъ изъ произведенія; она выражается условно или безусловно, въ изустномъ или письменномъ договорѣ товарищества. Во второмъ случаѣ нѣтъ договора; но тѣмъ не менѣе, назначеніе доли каждому не зависитъ вполнѣ отъ главнаго распорядителя или предпринимателя. Она опредѣляется обстоятель-

ствами, которыя мы разсмотримъ впослѣдствіи, и опредѣляется такимъ образомъ, что безъ всякой положительной сдѣлки, съ одной стороны, предприниматель можетъ судить о томъ, чего будетъ ему стóять содѣйствіе различныхъ производительныхъ силъ, въ которыхъ онъ нуждается; съ другой, владѣтели этихъ силъ могутъ сами приблизительно знать впередъ какое возмездіе получатъ за ихъ ссуду отъ предпринимателя.

49. ОБЩІЯ СТОРОНЫ СРЕДСТВЪ, РАЗЛИЧНЫМИ ПРОМЫСЛАМИ УПОТРЕБЛЯЕМЫХЪ.

Средства, необходимыя для производства всякого рода промысловъ, почерпаются всѣ въ производительныхъ силахъ принадлежащихъ обществу: въ силахъ природныхъ, которыми оно располагаетъ; въ капиталахъ, имъ произведенныхъ и накопленныхъ; въ трудовыхъ способностяхъ и въ образованности его членовъ. Эти средства, хотя происходящія изъ однихъ и тѣхъ-же источниковъ, представляютъ величайшее разнообразіе, смотря по роду промысла, къ которому примѣняются. Каждый изъ нихъ нуждается въ особеннаго рода природныхъ силахъ, въ особеннаго рода капиталахъ, въ особеннаго рода трудѣ. Ближайшее наблюденіе позволитъ намъ однако открыть нѣкоторыя черты общія, посреди этой разнородности.

Отстранивъ на минуту основное раздѣленіе производительныхъ силъ, мы откроемъ въ средствахъ, которыми располагаетъ промышленость народная, съ одной стороны, *матеріяльныя*, съ другой *нрав-*

ственныя. Первыя заключаются въ вещахъ (природѣ и капиталахъ); вторыя, въ самомъ человѣкѣ (трудѣ и образованности); какъ вътѣхъ, такъ и въ другихъ, болѣе или менѣе нуждаются всѣ промыслы, какъ имѣющіе цѣлію доставленіе обществу полезностей вещественныхъ или благъ внѣшнихъ, такъ и тѣ, которые стремятся доставить намъ полезности невещественныя, блага внутреннія. Начнемъ наше разсмотрѣніе со средствъ матеріяльныхъ.

Нельзя допустить никакого промысла, безъ мѣста приспособленнаго для его производства, безъ *мастерской* въ обширномъ значеніи слова; ни мастерской, безъ *орудій* и разныхъ *припасовъ;* ни орудій и припасовъ, безъ *матеріяла*, на преобразованіе котораго они должны быть направлены.

Сколь ни различно должны быть устроены мастерскія для каждого промысла, для всѣхъ равно важенъ выборъ мѣста и образъ устройства. И тотъ и другой должны клониться къ доставленію промыслу, которому предназначается мастерская, наиболѣе природныхъ преимуществъ, наиболѣе удобствъ для достиженія предположенной цѣли. Для промысла, употребляющаго преимущественно орудія и машины, мастерская должна быть приспособлена къ ихъ выгоднѣйшему расположенію. Если-же промыселъ требуетъ болѣе средствъ нравственныхъ, въ ней должны быть соединены всѣ условія благопріятствующія ихъ дѣйствію. Въ обоихъ случаяхъ, мастерскую должно располагать по близости къ первообразному матеріялу, и приспособлять къ его принятію и храненію. Равномѣр-

но, при выборѣ мѣста для мастерской, должно принимать въ разсужденіе близость или удаленность сбыта; удобства или препятствія къ сближенію производимыхъ полезностей съ потребностію, которая имъ соотвѣтствуетъ. Не станемъ изчислять здѣсь тѣ природныя обстоятельства: климата, почвы и т. п., которыя всѣ должны быть приняты въ соображеніе при устроеніи мастерской для какого бы то ни было промысла.

Мы уже коснулись, выше, разнообразія, которымъ отличаются орудія, употребляемыя въ промыслахъ всякого рода, то поражающія многочисленностію, сложностью, огромностью, каковы машины; то удивляющія простотою и незначительностію. Въ нѣкоторыхъ, какъ напр., въ промыслахъ, занимающихся нравственнымъ образованіемъ человѣка, ихъ употребленіе почти незамѣтно. Но едва-ли есть промыселъ, который могъ бы совершенно обойтись безъ орудій; и во всякомъ надлежитъ обращать самое тщательное вниманіе на выборъ ихъ и доброту. Производительною силою природы человѣкъ пользуется въ особенности помощію орудій, и во всякомъ промыслѣ заслуживаютъ предпочтенія такія изъ нихъ, которыя наиболѣе доставляютъ этого пособія. То-же самое должно замѣтить о различныхъ припасахъ, болѣе или менѣе нужныхъ для всевозможныхъ промысловъ.

Что-же касается до первообразнаго матеріяла, на который направляется промыселъ, то онъ бываетъ: или совершенно грубъ и сыръ безъ всякой отдѣлки, или уже частію приспособленъ, обрабо-

танъ. Мы видѣли, что одно и то-же произведеніе переходитъ цѣлый рядъ производствъ, служитъ матеріяломъ для многихъ различныхъ промысловъ, пока въ немъ совокупится полная полезность. Вовсякомъ промыслѣ надлежитъ строго придерживаться первообразнаго вещества представляющаго свойственную ему степень обработанности. Тамъ, гдѣ встрѣчаются затрудненія къ постоянному снисканію подобнаго по необходимости должно принимать въ разсужденіе пріуготовительную обработку. Въ нѣкоторыхъ промыслахъ, преимущественно въ приготовленіи вещественныхъ полезностей, соблюденіе этого важнаго правила внушается самимъ стеченіемъ обстоятельствъ. Въ другихъ оно не такъ легко, и требуетъ большой осторожности и внимательности, особенно-же въ тѣхъ, которыхъ первообразный матеріялъ находится въ самомъ человѣкѣ. Нетрудно отличить грубый и нечесаный ленъ отъ чесанаго, годнаго для пряденія; не такъ легко удостовѣриться, что способности ребенка уже довольно развиты, и что онъ готовъ для полученія образованія умственнаго; что здоровье больного окрѣпло, и что для него годно пользованіе гигіеническое.

Тѣ нравственныя средства, которыя для успѣшнаго производства всякого промысла требуются отъ людей, въ немъ участвующихъ, проявляются въ трудѣ. Но трудъ производительный состоитъ изъ трехъ дѣйствій: *соображенія*, *знанія* и *выполненія*. Первому соотвѣтствуетъ способность, которую мы назвали *расчетливостью;* второму *ученость*, познанія теоретическія; третьему *искусство*.

Мы уже довольно распространялись о *расчетливости*. Никакой промыселъ, какъ самый возвышенный, по нашимъ понятіямъ, такъ и самый скромный, не можетъ обойтись безъ этой способности, которая преимущественно должна быть развита въ предпринимателяхъ. Всякое предпріятіе, повторяемъ, къ какому бы промыслу ни принадлежало, должно имѣть въ виду потребность общественную, явную, настоятельную; сбыты, болѣе или менѣе обезпеченные; во всякомъ необходимо должны быть соображены издержки производства; всякое нуждается въ правильномъ счетоводствѣ, безъ котораго трудно, и почти невозможно, ясно судить о результатахъ предпріятія.

Каковъ бы ни былъ предметъ его дѣйствій,—люди-ли, вещи-ли, производство всякого промысла нуждается въ учености или въ познаніяхъ теоретическихъ. Часто содѣйстіе этихъ познаній пріобрѣтается пріобщеніемъ ученыхъ къ непосредственному участію въ производствѣ; но еще чаще разными другими путями косвенными, чтеніемъ книгъ, отборомъ мнѣній, подражаніемъ, примѣромъ. Иногда познанія пріобрѣтены самимъ предпринимателемъ, и имъ самимъ примѣняются къ дѣлу; иногда приносятся исполнителями, какъ тому видимъ примѣры въ заведеніяхъ, употребляющихъ механиковъ, химиковъ, инженеровъ, преподавателей, медиковъ, хирурговъ. Во всякомъ случаѣ, гдѣ бы ни зародились эти познанія, какимъ бы путемъ ни пріобрѣтались, въ какомъ бы лицѣ ни осуществлялись, ихъ участіе необходимо для успѣшнаго производства

промысла, и отсутствіе ихъ равно ощутительно въ ходѣ самыхъ простыхъ предпріятій, какъ и самыхъ сложныхъ и многотрудныхъ.

Успѣшное производство промысловъ еще болѣе зависитъ отъ искусства, отъ умѣнья практическаго или исполнительнаго, въ которомъ важную роль играютъ дарованія, силы всякого рода, полученныя человѣкомъ отъ природы и развитыя образованіемъ или навыкомъ. Безъ сомнѣнія, всѣ лица участвующія въ промыслѣ, болѣе или менѣе нуждаются въ искусствѣ; оно требуется отъ предпринимателей; требуется отъ ученыхъ; но всего важнѣе, всего необходимѣе въ исполнителяхъ. Предпріятія наилучше обдуманныя, наилучше соглашенныя съ совѣтами науки, наилучше снабженныя средствами матеріяльными, могутъ быть разстроены, уничтожены, когда предаются въ руки неопытныхъ или нерадивыхъ исполнителей. И это замѣчаніе равно справедливо, какъ относительно самыхъ простыхъ работниковъ, которыхъ исполнительный трудъ требуетъ наименѣе условій образованія, такъ и тѣхъ, отъ которыхъ иные промыслы ожидаютъ исполненія самого высшаго, предполагающаго великій талантъ, обширныя познанія. Какъ на низшей, такъ и на самыхъ превыспреннихъ ступеняхъ промышлености, необходимы опытность и соединеніе тѣхъ условій, которыя придаютъ исполнительному труду мѣткость, правильность, такъ сказать творчество, которое вѣнчаетъ производство, довершаетъ начатую полезность. Даже тамъ, гдѣ сила человѣка, нѣкоторымъ образомъ,

заслоняется и затмѣвается мощными движителями; гдѣ можно отчасти сравнить его дѣйствія съ дѣйствіемъ машины, промышленость не можетъ обойтись безъ нѣкотораго искусства, нѣкотораго навыка. Малѣйшая ошибка, малѣйшее невниманіе развѣ не повлечетъ за собой и тамъ разорительныхъ и часто самыхъ горестныхъ послѣдствій.

50. ВЛІЯНІЕ НРАВОВЪ НА ПРОМЫШЛЕНОСТЬ.

Средствъ, нами изчисленныхъ, еще недостаточно для успѣшнаго хода промысловъ. Одно изъ необходимѣйшихъ условій этого успѣха заключается въ соглашеніи съ промышленостію нравственныхъ началъ. Упустивъ прямо упомянуть объ этомъ условіи, основатели науки экономической *Ад. Смитъ*, *Се, Рикардо, Мак-Куллохъ*, и другіе, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, много содѣйствовали къ навлеченію на нее столь несправедливаго упрека въ забвеніи началъ нравоученія. Поспѣшимъ замѣтить, что ни одна изъ истинъ предусмотрѣнныхъ, и столь ясно доказанныхъ этими писателями, не противорѣчитъ симъ началамъ. Тѣмъ-неменѣе новѣйшіе экономисты, и между ними въ особенности *Дюнойе* (*Dunoyer*), справедливо почувствовали необходимость обратить прямо вниманіе современниковъ на тѣсную связь между началами нравоученія и началами экономическими.

Нравственность всякого человѣка можетъ разсматриваться съ двухъ сторонъ: въ отношеніи къ нему самому, и къ другимъ людямъ. Всевозможные про-

мыслы нуждаются какъ въ той, такъ и въ другой. Во всѣхъ, люди извлекаютъ тѣмъ болѣе пользы изъ своихъ производительныхъ средствъ, чѣмъ тверже придерживаются правилъ нравоученія, какъ въ отношеніи собственной личности такъ и личности себѣ подобныхъ.

Человѣкъ порочный, не имѣющій личной нравственности, столь же неспособенъ успѣшно содѣйствовать какому-либо промыслу, какъ и невѣжда. Къ чему годенъ лѣнивецъ, не имѣющій довольно твердости духа, чтобъ побѣдить естественное отвращеніе къ труду? гдѣ съ пользою употребить человѣка невоздержнаго, преданнаго пьянству, распутнаго? какое довѣріе можно оказать игроку? эти пороки не рѣдко съ горестью встрѣчаемъ въ предпринимателяхъ и въ исполнителяхъ; но за-то и производство у нихъ неудовлетворительно, безпорядочно, разорительно. Въ какія ошибки и въ какія непріятности ввергаютъ предпринимателя опрометчивость, разсѣянность, неумѣніе владѣть собою! сколько вреда наносятъ развитію промышлености суетное тщеславіе, страсть блистать наружными качествами, которыхъ часто не имѣется ; расточительность, истребляющая капиталы въ пустыхъ наслажденіяхъ! Въ порокѣ противуположномъ, въ скупости, укрывающей капиталы, какъ не открыть другого препятствія къ успѣшному производству? боясь рѣшиться на издержку необходимую, какъ часто скупой подвергается тѣмъ же разорительнымъ послѣдствіямъ какъ и расточитель. Опрятность есть также добродѣтель, которою нельзя пренебрегать въ промы-

шленности; она сохраняетъ наше здоровье, вещи намъ служащія; пріучаетъ насъ къ потребностямъ приличнымъ, облагороженнымъ. Во множествѣ промысловъ безъ соблюденія опрятности невозможно достигнуть желаемыхъ результатовъ.

Успѣхи личной нравственности въ недѣлимыхъ много содѣйствуютъ водворенію нравственности общественной. Тотъ, кто умѣетъ воздержаться отъ поступковъ собственно ему вредныхъ, естественно склоненъ къ уваженію чужой личности и чужой собственности. Ни въ какомъ случаѣ, по-крайней мѣрѣ, онъ не вредитъ обществу опаснымъ примѣромъ. Но этого недостаточно для успѣшнаго производства промышленности: всякое предпріятіе, видѣли мы, есть товарищество между нѣкоторыми членами общества, а совокупность всѣхъ промысловъ есть товарищество, въ которомъ участвуютъ всѣ члены общества. Этотъ безмолвный союзъ, эти узы могутъ быть крѣпки и тѣсны, лишь по-мѣрѣ того уваженія, которое обезпечено нравами, а по недостатку ихъ, законами, личнымъ правамъ каждого. Никто не можетъ спокойно и успѣшно прилагать свои средства къ производству промысла, тамъ гдѣ насилія и притѣсненія безпрестанно угрожаютъ его личности и его собственности; гдѣ онъ не только не увѣренъ что воспользуется плодами своего промысла, но даже и въ томъ, что сохранитъ средства, для сего необходимыя. Промышленныя сношенія, съ одной стороны между предпринимателями и исполнителями; съ другой, между производителями и потребителяти, много терпятъ отъ недо-

статка добросовѣтности, отъ склонности къ обманамъ, отъ жадности къ незаконнымъ барышамъ. Обращеніе капиталовъ затрудняется и становится невозможнымъ тамъ, гдѣ духъ предпріимчивости зараженъ шарлатанствомъ; гдѣ общество содержитъ въ своихъ нѣдрахъ людей неблагонамѣренныхъ, расчитывающихъ на довѣрчивость простяковъ и часто завлекающихъ въ ихъ сѣти и самыхъ разсудительныхъ. Страсть къ привилегіямъ, къ разнымъ преимуществамъ—которыя не рѣдко исторгаются подъ мнимымъ предлогомъ пользы государственной — овладѣвающая промышленными сословіями, вредитъ успѣхамъ искусствъ, удаляя отъ нихъ благодѣтельное вліяніе соперничества, пріучая предпринимателей расчитывать на пособія постороннія, и не довѣрять тѣмъ средствамъ, которыя принадлежатъ имъ наравнѣ со всѣми.

Ясно, что промышленость народная столько же заинтересована въ развитіи нравственныхъ началъ между производителями, какъ и въ надѣленіи ихъ тѣми другими качествами, которыя ближе ея касаются, какъ и въ пріобрѣтеніи отличнѣйшихъ средствъ матеріяльныхъ.

51. Относительная важность промысловъ; злоупотребленія производительныхъ силъ.

Разсмотрѣніе различныхъ средствъ матеріяльныхъ и нравственныхъ, въ которыхъ нуждается промышленость, убѣждаетъ, что почти каждое изъ нихъ есть плодъ какого-либо другого промысла. Да-

же самыя силы природныя, въ равной степени доступныя всѣмъ членамъ общества, по необходимости содѣйствуютъ пропзводству, лишь соразмѣрно предварительному ихъ приспособленію къ тому промышленостію. Изъ этого мы заключаемъ, что между различными промыслами существуетъ тѣсная связь: они нуждаются одни въ другихъ; направленные на вещи, не могутъ обойтись безъ содѣйствія тѣхъ, которые направлены на человѣка, и обратно, потому-что, какъ тѣ, такъ и другіе требуютъ соединенія средствъ матеріяльныхъ и нравственныхъ.

Обозрѣвая мысленно эту совокупность промысловъ, можно открыть, что нѣкоторые изъ нихъ сложнѣе, другіе проще; одни требуютъ соединенія множества условій, одолѣнія множества трудностей; другіе довольствуются средствами скромными. Тутъ достаточно силъ женщины; тамъ необходимы мускулы дюжіе. Въ иныхъ довольно образованія самого элементарнаго; въ иныхъ, напротивъ, предполагается высшее, по современнымъ понятіямъ, развитіе душевныхъ способностей человѣка. Въ этой обширной мастерской народной промышлености есть мѣсто для всякого: каждый членъ общества, не отступая однако отъ условій расчетливости, о которыхъ упомянуто выше, можетъ принимать участіе въ этой разумной дѣятельности, стремящейся къ доставленію богатства обществу; каждый можетъ пріобщать къ ней свои силы, какъ самыя слабыя такъ и самыя огромныя; въ ней найдетъ дѣло и самое простое орудіе, и могучая машина; въ ней

помѣстится и скромное сбереженіе работника, и наслѣдіе богача; въ ней представятся занятія и ребенку, едва еще созрѣвшему, и слабой женщинѣ, и малообразованному простолюдину, и геніяльнымъ способностямъ баловня природы и фортуны.

Можно-ль сказать, что одни изъ этихъ промысловъ важнѣе, необходимѣе другихъ? нѣтъ, они всѣ важны, всѣ необходимы: изъ каждого проистекаетъ полезность, въ которой нуждается общество; въ каждомъ, производители обрѣтаютъ средства къ обезпеченію собственнаго благосостоянія, содѣйствуя въ то-же время благосостоянію всѣхъ другихъ.

Изъ этого круга должно исключить только тѣ дѣйствія человѣческія и тѣ употребленія производительныхъ силъ, которыя, или не вносятъ новой полезности въ общество, или даютъ бытіе съ одной стороны выгодѣ частной, съ другой, вреду частному или общественному; ни тѣмъ, ни другимъ нельзя дать названіе промышленности.

Никакого промысла не заключается въ распоряженіи своею собственностію, въ мѣнѣ, въ кредитѣ и въ образованіи товариществъ. Въ дѣйствіяхъ этихъ, безъ сомнѣнія, нѣтъ ничего предосудительнаго; напротивъ онѣ необходимы для развитія, и, какъ объяснится далѣе, все что ихъ затрудняетъ, все что стѣсняетъ ихъ свободу, болѣе или менѣе вредитъ успѣшному ходу промышленности; но сами по себѣ эти дѣйствія ничего не производятъ, не вносятъ новой полезности въ общество. Тѣмъ менѣе приличествуетъ названіе промысла дѣйствіямъ дру-

гого рода, вовсе постороннимъ промышленности, какъ-то: отдыху, увеселеніямъ разнаго рода, семейнымъ, гражданскимъ и общественнымъ сношеніямъ. Что́ есть похожаго на промыселъ въ различныхъ сдѣлкахъ, договорахъ, въ собраніяхъ, бесѣдахъ, балахъ? Изъ этого не слѣдуетъ, что міръ долженъ воздерживаться отъ этихъ дѣйствій: въ нихъ состоитъ наша жизнь; въ нѣкоторыхъ открываемъ конечную цѣль нашихъ усилій, нашей промышленности. Для послѣдней необходимо только, чтобъ изъ этихъ дѣйствій, по сущности своей совершенно невинныхъ, не проистекало ничего опаснаго для личности и для собственности гражданъ.

Есть однако нѣкоторыя дѣйствія предосудительныя, вредныя, въ которыхъ принимаютъ явное участіе силы производительныя: сіи-то дѣйствія весьма превратно зовутъ промыслами, унижая высокое значеніе этого слова. Чтобъ убѣдиться въ томъ, что въ нихъ нѣтъ ничего общаго съ промышленостію, надлежитъ разобрать ихъ послѣдствія. Тогда какъ изъ всякого промысла рождается полезность обоюдная для производителя и для общества, или пожалуй для потребителя, изъ этихъ дѣйствій проистекаетъ выгода для одного, зло—для другого, и не выходитъ отнюдь никакой полезности. Воровство, разбойничество предполагаютъ болѣе или менѣе искусства, гнуснаго навыка, орудій, часто весьма значительныхъ средствъ: но, предаваясь этимъ противузаконнымъ предпріятіямъ, человѣкъ только похищаетъ чужія произведенія, плоды усилій и средства другихъ людей; для него, въ этомъ

похищеніи заключается выгода, безъ сомнѣнія; но тутъ нѣтъ производства, а слѣдовательно нѣтъ и промысла. Такъ точно игрокъ употребляетъ значительныя суммы, трудится, но ничего не производитъ, когда обогащается игрою, даже безъ мошенничества: это просто переводъ жребіемъ изъ однѣхъ рукъ въ другія готовыхъ произведеній. Сюда же должно отнести всѣхъ паразитовъ, живущихъ на счетъ производительности общества, сосущихъ такъ сказать его кровь то путемъ обмана, то путемъ нищенства, униженія, лести и потворства страстямъ. Всѣ эти тунеядцы употребляютъ болѣе или менѣе искусства, даже нѣкоторыя средства, но развѣ они промышляютъ? гдѣ полезности проистекающія изъ ихъ жалкаго труда? напротивъ, этимъ безнравственнымъ дѣйствіямъ всегда, гдѣ-либо въ обществѣ, соотвѣтствуетъ зло болѣе или менѣе чувствительное.

Тамъ, оплакиваютъ достояніе, быть можетъ плодъ потоваго труда, похищенное искуснымъ Картушемъ. Тамъ, слезы ближнихъ, родныхъ, друзей сливаются съ кровію, пролитою разбойникомъ. Здѣсь, цѣлое семейство ввергнуто въ бездну отчаянія счастливымъ игрокомъ. Сколь часто въ этихъ позлащенныхъ вертепахъ жребія, внутри раздавались магическіе звуки золота и клики радости, а у порога гремѣлъ выстрѣлъ самоубійцы. А вотъ жертвы завлеченныя въ соблазнительныя сѣти разврата, въ такомъ изобиліи раскинутыя по самымъ блестящимъ улицамъ нашихъ столицъ: тамъ, въ этихъ домахъ, кнесчастію, но по необходимости, терпимыхъ

властію общественною погибло ихъ здоровье тѣлесное, помертвѣли ихъ силы душевныя, испарилось ихъ состояніе. Нищій живетъ *своимъ промысломъ*, но его униженіе поселяетъ въ обществѣ безнравственное презрѣніе къ человѣчеству; его примѣръ, его успѣхъ поощряютъ другихъ къ бродяжничеству. Обманщикъ пользуется плодомъ своихъ незаконныхъ барышей: но онъ распространяетъ недовѣріе, бросаетъ незаслуженную тѣнь на людей честныхъ, которые терпятъ отъ его безсовѣстности, не говоря о досадѣ, объ ущербѣ, которые причиняетъ онъ своимъ жертвамъ.

Для подобныхъ злоупотребленій производительныхъ силъ не должно быть мѣста въ промышлености народной. Въ нихъ не только не видимъ слѣда производительности, но съ ними сопряжены бѣдствія, объ отвращеніи которыхъ сама промышленость должна дѣятельно заботиться.

Общественное мнѣніе, впрочемъ, вездѣ возстаетъ противъ подобныхъ дѣйствій; оно клеймитъ ихъ печатью презрѣнія; преслѣдуетъ своимъ негодованіемъ, кнесчастію не всегда довольно существеннымъ. Многимъ, законы государственные угрожаютъ казнями неумолимыми и самими строгими воздаяніями. Если не всѣ люди воздерживаются отъ подобныхъ дѣйствій, то по-крайней мѣрѣ, никто ими не хвалится, кромѣ закоренѣлыхъ развратниковъ.

Но есть дѣйствія, въ которыхъ мы не видимъ ничего безнравственнаго; которыми часто хвалимся; изъ которыхъ, подлинно, проистекаютъ для насъ

выгоды самыя существенныя, но выгоды, которыхъ нельзя приписать промыслу, производству. Сюда отнесемъ монополіи, пріобрѣтаемыя разными происками или силою. Мы уже имѣли случаи упоминать о вліяніи монополій и привилегій на производительность труда; мы замѣтили тогда же, что нѣкоторыя оправдываются необходимостію. Впослѣдствіи, въ своемъ мѣстѣ, возвратимся еще къ этому вопросу. Здѣсь желательно только обратить вниманіе на послѣствія монополій въ отношеніи къ промышлености.

Цѣль всякой монополіи, всякой привилегіи есть стѣсненіе общаго права производить какой-либо промыселъ, обращаемое въ пользу одного или нѣкоторыхъ членовъ общества, или въ пользу самого общества въ лицѣ правительства. Послѣдствія всякой монополіи заключаются въ нарушеніи равновѣсія между стоимостію и цѣнностію произведенія, и въ значительномъ повышеніи послѣдней всравненіи съ первою. Монополистъ, присвоившій себѣ исключительное право доставлять какую-либо полезность необходимую для общества, можетъ, по произволу, требовать за эту полезность возмездія, въ которое, кромѣ издержекъ производства, будутъ входить значительные барыши. Сіи-то барыши, хотя и служатъ для обогащенія монополиста, не суть однако произведеніе новое. Это одна премія, платимая потребителями въ пользу монополиста; простой переводъ готовыхъ произведеній изъ владѣнія первыхъ во владѣніе послѣдняго. Если отъ нихъ богатѣетъ лице привилегированное, то напротивъ бѣднѣютъ всѣ,

кому нужно употреблять его произведенія. Такъ точно какъ и въ злоупотребленіяхъ производительныхъ силъ, тутъ съ одной стороны выгода частная, съ другой—зло общественное, потому-что изъ потребителей образуется все общество.

Кто не сознается въ томъ, что невозможно согласить успѣхи богатства народнаго и благосостоянія въ обществѣ, съ существованіемъ монополій, слишкомъ многочисленныхъ, не оправдываемыхъ какими-либо особенными выгодами. Размноженіе привилегій, какъ мы ужъ объяснили выше (*), было однимъ изъ важнѣйшихъ препятствій въ Европѣ къ успѣхамъ промышлености до XIX столѣтія.

Остается еще упомянуть о предпріятіяхъ, худо обдуманныхъ, неудовлетворительно осуществленныхъ; не соединяющихъ въ себѣ всѣхъ необходимыхъ условій успѣха; направляемыхъ на удовлетвореніе потребности общественной, не существующей, или мало развитой, не соотвѣтствующей обширности производства, или уже удовлетворенной, покрытой. Во всѣхъ этихъ предпріятіяхъ, хотя онѣ представляются въ видѣ настоящихъ промысловъ, съ ними сливаются, не отличаются отъ нихъ наружными признаками, не замѣчаемъ однако производства. Это безполезная или излишняя растрата производительныхъ силъ. Конечно изъ нихъ можетъ произойти полезность для нѣкоторыхъ участниковъ, для употребляемыхъ работниковъ, иногда для

(*) См. выше статью 35.

капиталиста, но онѣ оканчиваются разоренiемъ предпринимателя. Полезности, выданныя отъ него работникамъ, капиталисту, уплаченныя за наемъ земли, дома и т. п., не произведены имъ вновь: онѣ уже были готовы; изъ нихъ состоялъ его достатокъ, который погибаетъ невозвратно. Иногда подобные результаты бываютъ слѣдствiемъ несчастiй, бѣдствiй непредвидимыхъ. Но часто ихъ причинъ должно искать въ нашей собственной неопытности. Какъ бы то ни было, всякая безполезная растрата производительныхъ силъ есть потеря для производителя, потеря для общества.

52. Отношенiе между властiю общественною и промышленостiю.

Въ этомъ согласiи частныхъ интересовъ предпринимателя съ интересомъ общественнымъ заключается законъ, котораго болѣе или менѣе естественно придерживается власть общественная въ ея отношенiяхъ съ промышленостiю. Личный интересъ побуждаетъ каждого производителя искать наивыгоднѣйшаго употребленiя его производительнымъ средствамъ; чѣмъ лучше достигаетъ онъ этой цѣли, чѣмъ болѣе производитъ для самого себя, тѣмъ болѣе доставляетъ полезностей обществу, тѣмъ болѣе содѣйствуетъ увеличенiю его богатства. Предоставленiе и обезпеченiе полной свободы и спокойствiя промысламъ всего лучше дастъ осуществиться, во всей ихъ полнотѣ, этимъ результатамъ обоюдо-выгоднымъ.

Но эта свобода не можетъ быть безусловною. Самая полнота ея предполагаетъ нѣкоторыя ограниченія. Первою заботою власти общественной должно быть удаленіе дѣйствій предосудительныхъ, угрожающихъ личности и собственности гражданъ; тѣхъ злоупотребленій производительныхъ силъ, о которыхъ мы упомянули выше. Но кромѣ того, промыслы самые позволительные, самые полезные могутъ быть сопряжены съ разными неудобствами, вредомъ, или опасностью для населенностей, посреди которыхъ производятся, или для собственности жителей, или для другихъ сосѣднихъ промысловъ. Власть общественная должна заботиться объ отвращеніи такихъ случаевъ, которые могутъ быть слѣдствіемъ безусловной свободы промышленности; она, по необходимости, клонится къ опредѣленію этой свободы. Ей, и ей одной только принадлежитъ великій промыселъ, доставляющій и обезпечивающій безопасность общественную, и къ сему-то дѣлу должно отнести мѣры, ограничивающія свободу частной промышленности, безъ посягательства на ея самобытность.

Два пути представляются для достиженія столь важнаго результата: одинъ состоитъ въ употребленіи средствъ *предупреждающихъ*; другой, средствъ *обуздывающихъ* или *карающихъ*. Первыя стремятся къ предотвращенію вреднаго дѣйствія и, вслѣдствіе того подчиняютъ промышленость множеству формальностей, стѣсняющихъ ея свободу. Вторыя отнюдь не стѣсняютъ этой свободы, но угрожаютъ

строгими наказаніями за каждое дѣйствіе, отъ котораго можетъ произойти ущербъ для общества или для другого лица; всѣ подобныя дѣйствія, въ такомъ случаѣ, ясно опредѣляются законами.

Употребленіе того или другого средства отнюдь не зависитъ вполнѣ отъ законодателя: оно бываетъ слѣдствіемъ степени образованія націи, ея обычаевъ, развитія въ ея нѣдрахъ нравственныхъ началъ.

Безъ сомнѣнія тамъ болѣе свободы, гдѣ всякій можетъ, по своему произволу, не прибѣгая къ посредству административной опеки, избирать и исправлять промыселъ, имѣя только въ виду законъ, положительно указывающій тѣ дѣйствія, отъ которыхъ надлежитъ воздерживаться, и гдѣ законъ этотъ примѣняется строго, неумолимо, гдѣ заслуженная кара немедленно постигаетъ проступокъ. Эту систему во всѣхъ государствахъ Европы успѣли согласить съ законами уголовными. Но нигдѣ мы не видимъ прямыхъ мѣръ, принимаемыхъ для предупрежденія произвольныхъ предосудительныхъ дѣйствій; и какъ могли бы существенно быть приняты подобныя мѣры? Начало этихъ дѣйствій кроется въ нашихъ страстяхъ, которыя воспламеняются столь неожиданно, столь причудливо. Одинъ мечь закона, всегда готовый, всегда угрожающій, можетъ отвратить ихъ частое повтореніе, и обуздать злодѣевъ. И въ этомъ случаѣ, самое существенное содѣйствіе оказываютъ закону омерзеніе и негодованіе общественныя, которыя навлекаетъ на себя преступникъ — содѣйствіе, безъ котораго едва ли могло бы обойтись правосудіе.

Подобнаго содѣйствія не всегда довольно встрѣчаетъ законъ, направленный на обузданіе злоупотребленія промысловъ, тамъ-гдѣ общественное мнѣніе еще не постигло необходимости этого обузданія; гдѣ не видятъ ничего безнравственнаго въ подобныхъ нарушеніяхъ правъ личности и собственности; гдѣ самыя ихъ жертвы не предусматриваютъ или не признаютъ ихъ важности; гдѣ нарушители встрѣчаютъ всюду потворство и покровительство, укрывающія ихъ отъ кары законовъ; гдѣ сами исполнители законовъ раздѣляютъ всеобщую терпимость, и не рѣшаются примѣнять ихъ со всею надлежащею строгостью. Прислушайтесь къ мнѣніямъ толпы, которыя часто раздѣляются людьми образованными. Одни видятъ притѣсненіе въ запрещеніи располагать красильни и другія подобныя заведенія по верховьямъ рѣкъ, какъ будто порча воды, употребляемой населенностію городскою, не есть дѣло предосудительное и вредное. Другіе возстаютъ противъ формальности, которой подчинено употребленіе паровыхъ машинъ и котловъ. Иные не признаютъ необходимости удаленія отъ насажденій, и даже отъ жилищъ, химическихъ заводовъ, заражающихъ атмосферу зловредными испареніями. Котельникъ жалуется на запрещеніе ему расположить заведеніе подлѣ госпиталя; и ему соболѣзнуютъ. Невѣжественные отцы семействъ не понимаютъ причины, побуждающей правительство требовать употребленія учителей и гувернеровъ съ дипломомъ; по ихъ мнѣнію, всякій французъ годится въ учители, будь онъ просто парикмахеръ или скороходъ. Въ селеніяхъ,

знахари, колдуны ропщутъ на преслѣдованія мѣстной власти, требующей законнаго свидѣтельства отъ коноваловъ, врачей, и, что всего плачевнѣе, эти опасные эмпиристы находятъ покровителей не только между поселянами, но и между самыми лицами, облеченными властію.

Тамъ, гдѣ общество еще такъ мало приготовлено для свободы промысловъ, гдѣ эта свобода можетъ превратиться въ его рукахъ въ опасное орудіе, тамъ по необходимости власть общественная, въ лицѣ правительства, должна принимать мѣры предупредительныя, и, вопреки самому обществу, предохранять его отъ множества золъ. Это ея долгъ самый священный, и, можно прибавить, самый трудный: подчиняя строгой опекѣ промыслы всякого рода, должно дѣйствовать осторожно, умѣренно, держаться въ предѣлахъ необходимаго, чтобъ не повредить ихъ развитію и, заботясь объ удаленіи злоупотребленій, не воспрепятствовать успѣхамъ богатства и разлитію благосостоянія въ народѣ.

Этимъ соглашеніемъ безопасности личной и общественной съ производствомъ множества различныхъ промысловъ, нельзя ограничить, какъ думали многіе экономисты, отношеніе между властію общественною и промышленостію народною. Мы видѣли въ какой степени послѣдняя нуждается въ умственномъ и нравственномъ развитіи производителей принимающихъ, въ ней участіе. Не стѣсняя промысловъ, занимающихся доставленіемъ обществу этихъ благъ внутреннихъ, правительство можетъ

и должно много содѣйствовать ихъ распространенію: мы уже коснулись всей пользы подобнаго распространенія, говоря о нравственныхъ капиталахъ. Самыя мѣры карательныя и предупредительныя, имъ употребляемыя, могутъ косвенно клониться къ этой высокой цѣли. Кромѣ того, промышленость часто ожидаетъ отъ власти общественной многихъ средствъ матеріяльныхъ, въ которыхъ наиболѣе нуждается, какъ то: путей сообщенія, разныхъ общеполезныхъ заведеній. Приготовленіе этихъ средствъ, безъ сомнѣнія, можетъ быть предоставлено частнымъ промысламъ; во многихъ случаяхъ даже къ тому представляется наиболѣе удобства, но весьма часто, особенно тамъ, гдѣ образованность и богатство народныя еще мало развиты, ихъ учрежденіе можетъ быть успѣшно предпринято и осуществлено однимъ правительствомъ.

Есть еще промыслы, совершенно матеріяльные, которые нельзя, безъ важныхъ неудобствъ, предоставить частной промышлености, таковы: монетное дѣло, фабрикація пороха, повѣрка мѣръ и вѣсовъ и т. п. Польза государственная требуетъ соединенія ихъ въ рукахъ власти.

Наконецъ правительство, какъ представитель общественныхъ интересовъ, по недостатку средствъ собственно ему предоставленныхъ, образующихъ государственную собственность, по необходимости должно почерпать средства, — въ которыхъ нуждается для производства полезностей, ожидаемыхъ отъ него обществомъ, — въ достаткѣ и въ дѣятельности гражданъ. Опираясь на интересъ об-

щій, оно можетъ, въ нѣкорыхъ крайнихъ случаяхъ, ставить его выше интересовъ частныхъ лицъ, и принужденно соглашать съ нимъ употребленіе ихъ собственности и труда. Далѣе мы займемся разсмотрѣніемъ правилъ, которыми, въ подобныхъ крайностяхъ, руководится власть общественная.

За исключеніемъ всѣхъ этихъ случаевъ, оставляющихъ столь широкую долю власти общественной, не видимъ другихъ точекъ соприкосновенія между нею и промыслами частными. Въ условіяхъ законности, властію общественною установленныхъ, эти промыслы должны, кажется, пользоваться полною свободою, какъ одинъ къ другому, такъ и ко всему обществу. Они должныбыть исключительно предоставлены личному интересу производителя, который всегда, безъ всякихъ постороннихъ указаній, различитъ, гдѣ ему выгоднѣе употребить свои капиталы, свои земли, свою дѣятельность.

Въ сущности мы видимъ однако, что правительства европейскія заботятся о направленіи самого личнаго интереса. Онѣ оказываютъ предпочтеніе инымъ промысламъ, и стараются водворить ихъ въ государствѣ, прибѣгая къ мѣрамъ искуственнымъ. Этотъ фактъ, столь противный выводамъ научнымъ, не можетъ однако быть безусловно порицаемъ; его начала скрываются въ исторіи народовъ европейскихъ; не причуды людей, не духъ гипотезъ, водворили т. н. охранительную систему въ Европѣ; она возникла, она держится еще, вслѣдствіе неодолимой силы вещей.

Но займемся теперь краткимъ разсмотрѣніемъ различнаго рода промысловъ: постараемся ближе открыть въ нихъ тѣ общія стороны, которыхъ мы здѣсь коснулись, и обратимъ въ то-же время вниманіе на различія, между ними существующія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О промыслахъ, производящихъ вещественныя блага.

53. Различные виды промысловъ, производящихъ блага вещественныя.

Вещи служатъ предметомъ промысловъ, принадлежащихъ къ отдѣлу, разсмотрѣніемъ котораго мы займемся въ этой главѣ; но цѣль ихъ, какъ всѣхъ вообще промысловъ, заключается въ самомъ человѣкѣ, въ доставленіи ему наибольшей степени благосостоянія. Главное отличіе ихъ отъ промысловъ, доставляющихъ блага внутреннія, мы открыли въ томъ, что послѣдніе примѣняются не къ веществу, а къ самому человѣку; но между ними, какъ все убѣждаетъ насъ, существуютъ тѣсная связь и черты общія, не смотря на величайшее разнообразіе въ употребляемыхъ средствахъ.

Прежде всего постановимъ подраздѣленія, которыя облегчатъ изученіе. По строгости, эти подраздѣленія болѣе или менѣе произвольны; онѣ основаны на различіи средствъ, употребляемыхъ каждымъ родомъ промысловъ, или на различіи отношенія этихъ промысловъ съ бытомъ населенностей имъ

предающихся; въ нихъ, какъ и въ подраздѣленіяхъ, къ которымъ прибѣгаютъ другія науки, естественная исторія въ особенности, весьма трудно съ точностію опредѣлить границы, отдѣляющія одинъ родъ отъ другого. Но тѣмъ не-менѣе эти подраздѣленія полезны, и даже необходимы: безъ нихъ трудно обнять соображеніемъ столь разнородныя явленія промышленности; еще труднѣе постигнуть примѣненіе законовъ экономическихъ; не возможно дать себѣ отчетъ въ причинахъ разнообразія.

Подраздѣленія, нами принятыя, основаны на логическомъ порядкѣ, которому естественно слѣдуетъ свободно-разумная дѣятельность человѣка въ промышленности.

Людямъ естественно прежде всего обращаться къ благамъ готовымъ, предлагаемымъ имъ природою. Въ плодахъ и въ животныхъ, живущихъ на свободѣ, они ищутъ себѣ пищи. Древесная кора, листья, кожа звѣрей, перья птицъ служатъ имъ первою одеждою; камни, древесные сучья, рыбьи кости—первыми орудіями. Охота, рыбная ловля, собираніе минераловъ, плодовъ—вотъ промыслы, которые встрѣчаемъ на низшихъ ступеняхъ образованности. Впослѣдствіи, по-мѣрѣ ея успѣховъ, эти промыслы слабѣютъ, уступаютъ мѣсто другимъ, или разширяются и пріобрѣтаютъ великую важность, въ особенности добываніе минераловъ. Изъ совокупности этихъ промысловъ образуется особенный отдѣлъ промышленности, вѣтвь отличная отъ прочихъ, отдѣлъ *промысловъ извлекающихъ*.

Предметы, безполезные въ одномъ мѣстѣ, могутъ

быть полезны въ другомъ. Перемѣщеніе предполагаетъ усилія, которыя отражаются въ цѣнности перемѣщенной полезности. Въ этомъ случаѣ также промыселъ человѣка обращается на блага уже готовыя: его производство состоитъ только въ приближеніи полезности къ мѣсту потребленія, въ ея перевозкѣ, доставкѣ. Въ началѣ общественной жизни это дѣйствіе совершается просто, безъ большаго усилія ума, часто сливается съ другого рода промыслами. Мало по малу оно снискиваетъ самобытность, становится весьма важнымъ, и превращается въ одинъ изъ самыхъ могучихъ рычаговъ промышлености народной. Промыслы, занимающіеся доставкою, перевозкою полезностей изъ одного мѣста въ другое, отличаются отъ промысловъ *извлекающихъ* порядкомъ примѣненія производительныхъ силъ и образуютъ особенный отдѣлъ промысловъ *перемѣщающихъ*, или, какъ ихъ означаютъ обыкновенно, *торговыхъ*.

Сколь ни щедра природа въ иныхъ случаяхъ, однако большая часть готовыхъ благъ, предлагаемыхъ ею человѣку, нуждается въ нѣкоторомъ приспособленіи. Мы видѣли средства, помощію которыхъ трудъ человѣческій преобразуетъ различные элементы почерпаемые въ природѣ, придавая имъ полезность новую: искусства занимающіяся этимъ преобразованіемъ, составляютъ отдѣлъ *промысловъ обработывающихъ* или *мануфактуръ*. Слѣды ихъ замѣтны въ самомъ младенчествѣ обществъ. Дикари уже производятъ нѣкоторыя работы мануфактурныя; они довольно искусно строятъ свои ладьи

или байдарки, сушатъ и скорнячатъ кожи, приготовляютъ грубыя украшенія изъ перьевъ, костей и камней. Въ образованныхъ обществахъ мануфактурныя искусства, обнимая въ своихъ преобразованіяхъ произведенія всѣхъ другихъ промысловъ, наиболѣе поражаютъ развитіемъ промышленной способности въ людяхъ, огромностію и разнообразіемъ средствъ ими употребляемыхъ.

Зачатки *земледѣльческихъ промысловъ*, образующихъ четвертый отдѣлъ промышленности, показываются только при нѣкоторыхъ успѣхахъ общественности и образованія. Сначала они ограничиваются скотоводствомъ, въ которомъ человѣкъ уже стоитъ гораздо выше дикаря, но становятся несравненно разнообразнѣе при переходѣ народовъ изъ кочующаго состоянія въ осѣдлое. Не по этому только земледѣліе должно явиться послѣднимъ въ порядкѣ развитія промысловъ: кромѣ необходимости нѣкоторой степени образованія, промыслы земледѣльческіе представляютъ трудности имъ свойственныя, хотя многіе не сознаютъ или не замѣчаютъ этой особенности. Между-тѣмъ, какъ промыслы *извлекающіе* и *торговые* направлены на произведенія, частію готовыя; а промыслы *мануфактурные* занимаются преобразованіемъ вещества мертваго или неодушевленнаго, промыслы *земледѣльческіе* имѣютъ дѣло, то съ органическими веществами изъ царства растительнаго, то съ одушевленными изъ царства животнаго. Тогда-какъ, во всѣхъ другихъ промыслахъ, трудъ человѣческій опирается на силы, большею частію матеріяльныя, слѣдующія въ ихъ

проявленіяхъ законамъ всегда одинакимъ, опредѣленнымъ,—въ промыслахъ земледѣльческихъ главная опора труду заключается въ силѣ самой причудливой и непостоянной, которой законы гораздо труднѣе уловить, и которой начало навсегда сокрыто отъ знанія людей,—съ силою *жизненною*. И подлинно, въ этихъ промыслахъ люди, какъ мы увидимъ далѣе, сдѣлали наименѣе успѣховъ, хотя при помощи таинственной силы природы, для нихъ непостижимой, снискиваютъ въ нихъ наиболѣе полезностей самыхъ необходимыхъ.

Всего позже человѣкъ начинаетъ заботиться о собственномъ образованіи гигіеническомъ, эстетическомъ, умственномъ и нравственномъ; и посему-то мы займемся этими искусствами, которымъ посвятимъ особенную главу, лишь пройдя рядъ промысловъ направленныхъ на обезпеченіе народамъ благъ вещественныхъ.

54. О ПРОМЫСЛАХЪ ИЗВЛЕКАЮЩИХЪ.

Промыслы, въ которыхъ человѣкъ примѣняетъ производительныя силы къ добыванію готовыхъ полезностей, въ природѣ существующихъ, можно еще раздѣлить на три большіе разряда: на промыслы *охотничьи, рыболовные* и *горные*. Они сходствуютъ тѣмъ, что каждый стремится къ удаленію болѣе или менѣе препятствій, отдѣляющихъ отъ потребленія человѣка готовыя произведенія природныя. Они разнятся мѣстомъ и образомъ ихъ производства.

Охота, по строгости, не состоитъ только въ пре-

слѣдованіи дикихъ птицъ и звѣрей; къ ней должно причислить собираніе дикихъ плодовъ, полезныхъ насѣкомыхъ, разныхъ остатковъ растительныхъ и животныхъ. Она есть главный промыселъ народовъ дикихъ, заимствующихъ отъ нея свое названіе; доставляетъ имъ пропитаніе, одежду, матеріялы для жилищъ, для орудій и, путемъ мѣны, тѣ немногія произведенія промышлености народовъ образованныхъ, въ которыхъ они нуждаются. Тѣмъ не менѣе, она представляетъ важность, и даже значительную, для просвѣщенныхъ націй, хотя онѣ и не ждутъ отъ нея исключительно средствъ къ обезпеченію своего благосостоянія.

Охотничьи промыслы снабжаютъ насъ мѣхами. Ловля пушныхъ звѣрей есть главная вѣтвь промышлености сибирской; на ней основана обширная торговля внутренняя и внѣшняя. Ежегодно значительное количество мѣховъ доставляется на нижегородскую ярманку, откуда расходится по всей Россіи, а частію и по всей Европѣ. Мѣха служатъ одною изъ главныхъ статей нашей мѣновой торговли съ Китаемъ, съ Бухаріей, Хивою и вообще съ востокомъ. Добываніе мѣховъ занимаетъ капиталы россійско-американской компаніи, ежегодно снаряжающей для этого промысла нѣсколько кораблей (*). Подобныя же компаніи образовались въ Англіи и въ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ-Штатахъ (**).

(*) См. *Примѣчаніе* 4-е.

(*) Въ послѣднемъ государствѣ компанія, занимающаяся ловлею пушныхъ звѣрей на западъ отъ Мисиссипи, за большими озерами, употребляетъ капиталъ въ *милльонъ доллеровъ*. (*Revue Britannique 3-e serie. t.IX p. 125.*)

Земли, извѣстныя подъ названіемъ Орегона, которыя нынѣ (1844) грозятъ превратиться въ яблоко раздора между Англіею и сѣверо-американскими Соединенными Штатами, заимствуютъ величайшую важность отъ охотничьихъ промысловъ, въ нихъ производимыхъ.

Охота доставляетъ народамъ образованнымъ пищу, отнюдь не заслуживающую пренебреженія. Ежегодно Петербургъ употребляетъ огромное количество дичи, стрѣлянье которой занимаетъ нашихъ крестьянъ въ досужное время, и не мало содѣйствуетъ улучшенію ихъ быта. Французскій экономистъ *Дюпойе* замѣчаетъ (*), что городъ Парижъ одинъ ежегодно употребляетъ на 2,400,000 франковъ дичи и что потребленіе всего королевства французскаго простирается цѣною до 40 мильйоновъ франковъ. Замѣчено, что въ дичинные годы, мясо и домашняя живность дешевѣютъ; противное оказывается при недостаткѣ дичи.

Подобнымъ же промысламъ Европейцы обязаны кошенилью, слоновою костью, гагачьимъ пухомъ; Китайцы—гнѣздами ласточки-салганы. Собираніе дикихъ плодовъ заслуживаетъ также нѣкотораго вниманія. Извѣстно что камедь, которую сенегальскіе Мавры находятъ въ своихъ лѣсахъ, сдѣлалась необходимымъ припасомъ въ разныхъ мануфактурныхъ промыслахъ и послужила началомъ европейскихъ факторій на западномъ берегу Африки. Упомянемъ еще о дикихъ грибахъ, играющихъ столь важную роль въ домашнемъ хозяйствѣ русскихъ крестьянъ:

(*) *De la liberté du travail. T. 2. ed. Guillaumin; Paris, 1845.*

сушеные, они сохраняются на зиму, и доставляютъ здоровое и питательное кушанье.

Промыселъ охотника не имѣетъ мастерской, въ тѣсномъ значеніи слова. Его поприще дебри и лѣса. Тѣмъ не менѣе, въ выборѣ мѣста его производства заключается одно изъ условій успѣха; умѣнье охотника переноситься именно туда, гдѣ болѣе можно найти добычи, гдѣ удобнѣе ее преслѣдовать и схватить, доставляетъ ему большія преимущества. Орудія его не многочисленны, но тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ болѣе усовершенствованы. Лукъ и стрѣлы дикаря далеко уступаютъ ударному ружью Европейца. Хорошая собака оказываетъ самую существенную услугу стрѣлку. Почти вовсе не допускающій раздѣленія занятій, этотъ промыселъ (само собою разумѣется, когда не предаются охотѣ изъ одного удовольствія) не можетъ обойтись безъ нѣкоторой расчетливости, особенно въ большихъ предпріятіяхъ, которымъ мы привели нѣсколько примѣровъ; безъ нѣкоторыхъ знаній, и всего болѣе безъ искусства, безъ ловкости, хладнокровія, неустрашимости, которыя пріобрѣтаются только навыкомъ.

Какъ и во всѣхъ другихъ промыслахъ, успѣшное производство охоты предполагаетъ правила нравственности въ промышленикахъ. Посреди пустынь, въ удаленіи отъ надзора власти, ловецъ еще болѣе долженъ остерегаться неукротимости страстей. Бѣдствія дикарей, кровь проливаемая ими безъ пользы — вотъ послѣдствія отсутствія этихъ правилъ. По-мѣрѣ водворенія поземельной собственности, эта

потребность въ нравственномъ образованіи охотниковъ становится ощутительнѣе. Въ своихъ странствіяхъ они безпрестанно могутъ нарушать чужія права, вредить чужой собственности. Сопротивленіе, буйство въ этихъ случаяхъ, браконьерство не могутъ быть терпимы. Ничѣмъ не стѣсняемая въ дикомъ состояніи, свобода этого промысла подвергается ограниченіямъ неизбѣжнымъ въ состояніи осѣдломъ. Впрочемъ, и наше собственное отечество служитъ тому примѣромъ, со всѣми надлежащими ограниченіями можно сохранить его независимость. Ничто не оправдываетъ жестокихъ наказаній, унизительныхъ исключеній, которыми еще недавно въ западной Европѣ, аристократическія сословія хотѣли присвоить себѣ право охоты, превратившейся для нихъ въ страстное удовольствіе, и лишить этого права сословія, которыя могли бы искать въ охотничьемъ промыслѣ средствъ къ улучшенію своей участи.

Ловля звѣрей служитъ главнымъ источникомъ пропитанія для дикихъ племенъ, которыхъ области отвсюду окружены землями; рыболовство есть главный промыселъ тѣхъ изъ нихъ, которыя живутъ на островахъ или по прибережьямъ морей и рѣкъ. Изъ этого промысла, доставляющаго столь жалкое и скудное существованіе дикарямъ, народы образованные извлекаютъ пользу огромную. Тогда-какъ, по-мѣрѣ успѣховъ земледѣлія, промыслы охотничьи, встрѣчая всюду преграду въ поземельной собственности, изчезаютъ или слабѣютъ, промыселъ рыболова отнюдь не утрачиваетъ своей важности. Его

поприще—моря, озера, рѣки—всегда остается свободнымъ. Его произведенія не только не вытѣсняются земледѣльческими, но запросъ на нихъ усиливается по мѣрѣ того, какъ возрастаютъ и сближаются населенности.

Болѣе трети года вся Россія питается рыбою, которую доставляютъ ей ловли, производимыя въ рѣкахъ Волгѣ, Уралѣ, Днѣпрѣ и въ морѣ Каспійскомъ (*). Эти ловли занимаютъ тамъ большіе капиталы, и множество рукъ; не одинъ изъ нашихъ купцовъ-мильйонеровъ началъ съ закола или бредня. Въ одномъ Петербургѣ считается множество рыбныхъ садковъ и тоней. Но сколь ни важны наши отечественные рыболовные промыслы, они не могутъ сравниться съ великими выгодами, которыя успѣли извлечь Голландцы изъ ловли сельдей. Извѣстно, что благодаря этой ловлѣ, Голландія утвердила свою независимость, снискала могущество политическое и въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій удивляла Европу своимъ богатсвомъ. Впослѣдствіи подобныя же выгоды стали извлекать изъ этихъ промысловъ Англичане, Датчане, Шведы. Ловля трески, китовъ, коралловъ занимаетъ цѣлые флоты, большею частію принадлежащіе Англіи и сѣверо-американскимъ Штатамъ. Государства европейскія столь поражены были великими выгодами рыболовныхъ промысловъ, что въ XVII и XVIII столѣтіяхъ кровопро-

(*) Весьма удовлетворительное и полное описаніе рыбныхъ ловлей россійской имперіи можно прочесть въ январской и февральской книжкахъ *Журн. Минист. Внутрен. Дѣлъ* за 1838 г., статья 8. *Заблоцкаго.*

литныя и продожительныя войны возгарались то за право производить ловлю въ нѣкоторыхъ, особенно удобныхъ, мѣстностяхъ, то за владѣніе безплодными островками, каковы острова Микелонъ и СвятогоПетра принадлежащіе нынѣ Франціи, которые могутъ служить пристанищемъ для судовъ.

Природа сама приготовила и устроила тѣ обители, гдѣ производятся рыбныя ловли; она прорѣзала и углубила ложе рѣкъ, наполнила водою озера, раскинула необозримыя равнины океана. Но эти рѣки, эти озера, этотъ океанъ, для успѣшнаго и удобнаго производства ловлей нуждаются въ нѣкоторомъ приспособленіи. Тамъ, нужно устроить заколы, укрѣпить берега; тамъ, расположить пристани, обозначить отмели, подводныя скалы; учредить гавани, притины, станціи. Для промысловъ охотничьихъ довольно немногихъ орудій и припасовъ; для промысловъ рыболовныхъ, особенно морскихъ, необходимы орудія многосложныя, припасы разнообразные. Мы упомянули о корабляхъ и судахъ всякого рода. Эти суда должны быть вооружены; снаряжены; снабжены съѣстными припасами на долговременныя странствія, многочисленными рыболовными орудіями: сѣтями, канатами, неводами, острогами. На тѣхъ, которыя предназначаются для ловли китовъ, трески, сельдей, должны быть аппараты для варки жиру, для соленія и храненія добычи.

Отъ раздѣленія занятій, котораго нѣтъ въ охотѣ, начинаетъ здѣсь усиливаться производительность.

На китоловномъ суднѣ одни управляютъ парусами; другіе ходомъ корабля; третьи исключительно заняты ловлею, и между ними одинъ только и дѣлаетъ, что бросаетъ острогу; другіе только гребутъ; третій травитъ веревку укрѣпленную за древко остроги, вонзенной въ тѣло кита; наконецъ, есть еще особенные работники для варки, для укупорки жиру, для приготовленія усовъ. Все это довольно доказываетъ, что въ рыбныхъ ловляхъ нельзя обойтись безъ расчетливости. Нельзя впередъ предвидѣть обиліе ловли; но должно по крайней мѣрѣ соображать приблизительно, избѣгать излишнихъ издержекъ, уменьшать по возможности долю непредвидимыхъ случаевъ. Необходимость теоретическихъ знаній здѣсь не бросается въ глаза, но она настоитъ несомнѣнно: какъ безъ ихъ помощи вести корабль по необозримому океану; знать о существованіи отдаленныхъ морей и земель; о свойствахъ и привычкахъ преслѣдуемой добычи? конечно, многія изъ этихъ знаній пріобрѣтаются навыкомъ, опытностью вмѣстѣ съ искусствомъ, которое занимаетъ въ этихъ промыслахъ первое мѣсто.

Жизнь, проводимая на морѣ, посреди опасностей, подъ игомъ дисциплины, но чуждая всякихъ иныхъ принужденій, извиняетъ частію нравы грубые; но съ этою грубостью, если можно ее допустить въ морскихъ рыболовахъ, должны соглашены быть начала нравственности. Безъ нихъ нѣтъ безопасности на моряхъ. Безпрестанное соперничество возбуждаетъ зависть между ловцами; служитъ поводомъ къ спорамъ, къ опаснымъ стычкамъ. Подобныя несо-

гласія препятствуютъ свободному производству промысла, и безъ того уже сопряженному со множествомъ бѣдъ.

Эта свобода стѣсняется еще морскими разбоями, войною, корсарами; въ мирное время ей угрожаютъ притѣсненія сильныхъ, исключительныя права, которыя присвоиваютъ себѣ иныя державы. Успѣхи народнаго права много содѣйствовали удаленію этихъ неудобствъ и водворенію свободы на моряхъ. Вооруженный неутралитетъ провозглашенный Императрицею Екатериною II, и трактаты, заключенные въ послѣднія времена, между различными державами для прекращенія торга Неграми, не мало тому способствовали. Но, кнесчастію, эти начала еще не вездѣ признаются, и есть моря, гдѣ не могутъ мирно производиться рыбныя ловли.

Важнѣйшіе изъ промысловъ *извлекающихъ* принадлежатъ къ тѣмъ, которые занимаются добываніемъ полезныхъ металловъ и минераловъ. Ничтожные въ состояніи дикомъ и кочующемъ, они превращаются въ одно изъ необходимѣйшихъ условій успѣховъ богатства у народовъ образованныхъ. Имъ эти народы обязаны прочнѣйшими строительными матеріялами, множествомъ веществъ, безъ которыхъ не могли бы производиться ихъ промыслы мануфактурные; металлами для машинъ, орудій, для украшеній, для монеты. Невозможно изчислить тѣ многочисленныя и разнообразныя произведенія, какія вносятся этими промыслами въ народное потребленіе. Еще труднѣе опредѣлить даже приблизительно несмѣтные капиталы и коли-

чество рукъ, ими занимаемые. Немногихъ отдѣльныхъ примѣровъ довольно, чтобъ дать почувствовать ихъ важность, и въ нашемъ отечествѣ мы видимъ одинъ изъ самыхъ поучительныхъ.

Изъ имѣющихся у насъ свѣдѣній за 1835 годъ, десять лѣтъ тому назадъ, видно, что Россія добыла въ этомъ году какъ въ частныхъ, такъ и казенныхъ разработкахъ золота около 393 пудъ, серебра болѣе 1,212 пудъ, платины болѣе 105 пудъ, свинцу 42,000 пудъ, мѣди 227,084 пуда, желѣза 10,501,146 пудъ. Однѣ казенныя разработки и центральное управленіе занимали 1,239 офицеровъ и должностныхъ разныхъ чиновъ. Совокупность рабочей населенности, какъ частной такъ и казенной, простиралась до 880,000. Кромѣ того, въ томъ же году добыто 22,500,000 пудъ соли; въ южныхъ частяхъ имперіи около 300,000 пудъ нефти; извлечены значительныя количества гранита, глины для кирпича и гончарныхъ издѣлій, квасцовъ, и небольшое количество каменнаго уголья. Съ тѣхъ поръ всѣ эти добыванія много усилились. Въ особенности умножилось добываніе золота на Алтаѣ по Енисею и рѣкамъ въ него впадающимъ. Въ 1835 тамъ извлечено было неболѣе 48 пудъ золота: въ 1842 количество добытаго золота, какъ частныхъ такъ и казенныхъ пріисковъ, простиралось уже до 940 пудовъ, а въ 1843 до 1,400 пудъ.

Несмотря на великое развитіе отечественныхъ горныхъ промысловъ, нельзя не сознаться, что оно еще далеко не достигло предѣловъ потребности народной. Мы производимъ еще слишкомъ мало желѣза.

Нельзя не пожалѣть также о слабомъ добываніи каменнаго уголья, котораго даже не успѣли еще развѣдать хорошо залежанія, и которое доставило бы драгоцѣнное топливо нашимъ безлѣснымъ губерніямъ.

Изъ всѣхъ народовъ, Англичане наиболѣе умѣютъ извлекать пользы изъ минеральныхъ богатствъ, которыми столь щедро природа надѣлила ихъ области. Лишенные драгоцѣнныхъ металловъ, они занимаютъ однако первое мѣсто между всѣми другими народами, по части горныхъ промысловъ, и ежегодно добываютъ одного каменнаго уголья на сумму гораздо значительнѣйшую цѣнности совокупнаго производства всѣхъ драгоцѣнныхъ рудниковъ, въ ихъ лучшіе годы. «Послѣднее говоритъ «англійскій писатель, никогда не превышало 292 «мильйоновъ франковъ (*); въ 1840 году англійскія «каменноугольныя копи доставили 360 мильйоновъ «метрическихъ кинталовъ, цѣною на мѣстѣ въ 360 «мильйоновъ франковъ (**). Въ томъ-же году англій-«скіе желѣзные рудники доставили 14 мильйоновъ «метрическихъ кинталовъ чугуна, по 8 фр. кинталъ, «на 112 мильйоновъ франковъ; мѣдные—243 тысячи «кинталовъ мѣди, по 242 фр. метрическій кин-«талъ на 59 мильйоновъ франковъ. Болѣе 200 ты-«сячь человѣкъ живутъ въ Англіи разработкою «каменнаго уголья. Эти разработки занимаютъ въ «котловинахъ дургамской и нортумберлендской

(*) Revue Britanique prem. serie T. XXX, p. 13 et 14.

(**) Фактъ этотъ и послѣдующіе о желѣзѣ и мѣди приводятся г. Дюнойе См. De la liberté du travail t. 2 p. 125.

«732 квадр. мили, которыхъ вмѣстимость вычисле-«на въ 10 мильярдовъ тоннъ, и достаточна для «снабженія топливомъ всѣхъ заводовъ англійскихъ «въ теченіе трехъ тысячъ лѣтъ (*).»

Минеральное производство Франціи оцѣниваютъ въ 214,382,000 фр. (**). Однихъ каменоломней тамъ считается 1,500; въ 1840 году онѣ занимали болѣе 75,000 работниковъ, и цѣнность матеріяловъ, ими извлеченныхъ, по весьма умѣренному опредѣленію, превышала 40,000,000 фр.

Ежедневныя наблюденія убѣждаютъ въ существенности вліянія горныхъ промысловъ на развитіе другихъ вѣтвей промышлености, и въ особенности мануфактуръ. Геологическая карта Англіи, указывающая мѣсторожденія и разработки каменнаго уголья, желѣза, мѣди, можетъ быть принята за самое лучшее основаніе карты мануфактурной промышлености этого королевства. Тамъ большая часть фабрикъ и заводовъ учреждаются по близости копей. То-же самое видимъ въ Бельгіи. Во Франціи, въ Германіи вездѣ по близости большихъ горныхъ разработокъ, въ особенности каменноугольныхъ и желѣзныхъ, населенность стѣсняется, возникаютъ промышленные города. Со времени размноженія этихъ предпріятій вокругъ Сент-Этьенна, его населенность утроилась: въ немъ считалось, лѣтъ пятнадцать тому-назадъ, не болѣе 20,000 жителей; нынѣ считается болѣе 60,000. Баронъ *Гум-*

(*) Revue Britannique 3-e serie T. XVII p. 7 et suivantes.

(**) Compte rendu des travaux des injenieurs des mines, en 1840 p. 175.

больдтъ замѣчаетъ, что козы паслись надъ оврагомъ Св. Ксаверія (San Xavier) когда приступлено было къ разработкѣ знаменитой серебряной жилы Гуанохуато, извѣстной также подъ названіемъ *Valenciana* (*): десять лѣтъ спустя, на этомъ мѣстѣ стоялъ уже городъ въ 8000 жителей. Такъ и на Уралѣ, и на Алтаѣ, города и многолюдныя селенія возникаютъ по близости горныхъ разработокъ.

Изъ всѣхъ промысловъ, горные наиболѣе зависятъ отъ природныхъ условій страны. По необходимости, они могутъ производиться лишь тамъ, гдѣ внутренній составъ грунта содержитъ полезные минералы въ условіяхъ, допускающихъ разработку. И какое разнообразіе въ этихъ условіяхъ! Иногда полезный минералъ лежитъ на самой поверхности: извлеченіе его производится подъ открытымъ небомъ. Иногда, напротивъ, онъ скрывается въ нѣдрахъ земли; для достиженія его должно пробивать толстые пласты; прорывать шахты, колодцы, проводить галлереи; и тамъ, въ этихъ подземныхъ лабиринтахъ, при тускломъ свѣтѣ лампадъ, преслѣдовать его извилистыя залеганія. Множество опасностей угрожаютъ людямъ въ этихъ работахъ: они могутъ быть задавлены обвалами сводовъ; засыпаны обломками; затоплены подземными ключами, которые неожиданно пробиваются въ рудникахъ; задушены

(*) *Humboldt: Essai sur la Nouvelle Espagne* t. III, l. IV, ch. II. По среднему изчисленію одна жила Гуанохуато съ 1810 года доставляла ежегодно отъ 5 до 600,000 марокъ серебра, и отъ 15 до 1,600 марокъ золота. Въ иные годы чистая прибыль владѣльцевъ возвышалась до 6 милльйоновъ франковъ.

тлетворными испареніями; сожжены внезапными воспламененіями горючихъ газовъ или другихъ веществъ. Ежедневно газеты извѣщаютъ о подобныхъ приключеніяхъ, часто истребляющихъ цѣлыя сотни людей, и эти примѣры доказываютъ всю необходимость сколь можно прочнаго устройства мрачныхъ мастерскихъ, въ которыхъ занимаются горными промыслами.

Россія можетъ благодарить Провидѣніе за удобство рудъ, доставшихся ей въ удѣлъ. Большая часть изъ нихъ способны къ разработкѣ подъ открытымъ небомъ; богатые золотоносные пески не подвергаютъ никакой опасности жизни работниковъ; цѣлыя горы отличной желѣзной руды, такъ сказать, ждутъ только заступа и повозки, для доставленія ихъ на заводъ. Замѣтимъ однако, что у насъ еще мало открыто и мало разработывается каменноугольныхъ копей, и что, по всему вѣроятію, когда сильно окажется потребность въ этомъ минеральномъ топливѣ, наши рудокопы принуждены будутъ углубляться далеко въ нѣдра земли, гдѣ встрѣтятъ всѣ тѣ опасности, съ которыми борются Англичане въ ихъ нортумберлендскихъ копяхъ, уже проникнувшихъ подъ самое дно океана.

Отвращенію этихъ опасностей и ускоренію работъ много содѣйствуетъ употребленіе машинъ. Надлежитъ замѣтить однако, что сильныя механическія средства не примѣняются собственно къ извлеченію минераловъ, которое вездѣ совершается помощію ручныхъ орудій; но онѣ оказываютъ величайшія услуги другимъ частямъ горнаго дѣла,

откачиванію воды, переноскѣ рудъ внутри галлерей и на поверхность. Баронъ *Гумбольдтъ*, во время своего путешествія въ Мехику, засталъ тамъ самое плачевное отсутствіе всякихъ механическихъ средствъ. Сравнивая ихъ съ тѣмъ, что видѣлъ въ рудникахъ фрейбергскихъ, въ Гарцѣ и Схемницѣ, онъ справедливо называетъ варварскими старые мехиканскіе способы, сопряженные съ большою растратою первообразнаго матеріяла, труда и времени. Какая разница съ огромнымъ примѣненіемъ машинъ, которымъ поражаются путешественники, приближаясь къ мѣстамъ значительныхъ горныхъ разработокъ въ Европѣ. Окрестности Сент-Этьена, Анзена во Франціи, Литтиха въ Бельгіи, усѣяны дымящимися трубами паровыхъ машинъ, которыхъ стоны и свистъ глухо раздаются въ землѣ. Вездѣ пылаютъ доменныя печи, и въ вечернюю пору страна озаряется, подобно волкану, краснымъ заревомъ сожигаемаго кокса. На каждомъ шагу встрѣчаются небольшія желѣзныя дороги, то примыкающія къ рѣкѣ или каналу, то однѣ къ другимъ; подобныя же дороги устроены внутри разработокъ, откуда безпрестанно выносятся вагоны, нагруженные рудою или каменнымъ угольемъ. Но ничто не можетъ сравниться съ могуществомъ механическихъ средствъ въ Англіи, и особенно въ Ньюкестлѣ. Тамъ исполинскія работы совершаются словно нѣкіимъ волшебствомъ, почти безъ участія силъ человѣческихъ. Короба, нагруженные каменнымъ угольемъ, вырываются изъ нѣдръ земли сами собою, повинуясь механизму не-

постижимому для зрителя, сваливаютъ свое бремя въ вагоны, и снова скрываются въ безднѣ, съ правильностію и быстротою разительными. Вагоны-же, будто только того ожидавшіе, едва успѣютъ нагрузиться, какъ устремляются съ неимовѣрною быстротою по желѣзному пути, который простирается на столбахъ до половины рѣки. Они летятъ, ежеминутно грозя паденіемъ; еще одинъ мигъ, и эта масса должна поглотиться въ волнахъ; но тутъ именно замедляется ея бѣгъ; вагоны раздѣляются; одинъ за однимъ, они приближаются къ оконечности рейльсовъ; и вдругъ двѣ исполинскія лапы выдымаются, схватываютъ вагонъ, возвышаютъ и держатъ его надъ водою, и потомъ тихо опускаютъ на баркасъ, его ожидающій. Едва онъ поравняется съ поверхностью баркаса, работникъ отворяетъ защелку, дно вагона открывается, и уголье низвергается во внутренность судна. Лапы, опустившія вагонъ, снова его подымаютъ, ставятъ на рейльсы, и немедленно онъ самъ собою присоединяется къ другимъ уже опорожненнымъ. Такъ точно разгружаются остальные, и потомъ, соединясь вмѣстѣ, всѣ разомъ уносятся въ отдаленную пропасть, изъ которой вышли. Одного неподвижнаго локомотива и весьма простой машины, извѣстной подъ названіемъ *drop*, движимой отвѣсами, достаточно для этихъ механическихъ операцій, повидимому столь трудныхъ (*).

(*) *William Hovitt: Visit to remarquable places.* Изъ Revue britannique T. VIII. p. 8 5-e série.

Хотя не въ такой степени какъ мануфактурные, горные промыслы допускаютъ однако раздѣленіе занятій, много усиливающее въ нихъ производительность труда. Оно необходимо при употребленіи механическихъ средствъ. Въ этомъ отношеніи, большая каменно-угольная копь представляетъ порядокъ удивительный. Подобно муравьямъ, люди роются, бѣгаютъ въ извилистыхъ подземельяхъ; но въ ихъ движеніи есть система, порядокъ. Одни откалываютъ уголье отъ стѣнъ; другіе разбиваютъ большіе обломки; третьи складываютъ разбитое уголье на телѣжки; четвертые впрягаются въ эти телѣжки и везутъ ихъ на сборныя мѣста, гдѣ безпрестанно опускаются порожніе и подымаются нагруженные короба. На пути они встрѣчаютъ калитки, обыкновенно закрытыя для предупрежденія сквознаго вѣтра: отпираніе и запираніе этихъ дверецъ поручено особымъ работникамъ. Подобное же раздѣленіе на поверхности. У всякого свое дѣло, своя работа. Есть также два рода надзирателей: одни для работъ подземныхъ, другіе для работъ на поверхности.

Пріисканіе и выборъ руды, соединеніе и примѣненіе капиталовъ необходимыхъ для ея разработки, распредѣленіе работъ, надзоръ за ихъ производствомъ, обезпеченіе сбытовъ требуютъ, въ управленіи подобными предпріятіями, высшей степени расчетливости, счетоводства самого правильнаго. Искуснѣйшій предприниматель не можетъ предвидѣть съ точностью ни степени богатства руды, ни трудностей, которыя могутъ представить-

ся; при соображеніи издержекъ производства, онъ, по необходимости, долженъ руководиться смѣтами приблизительными, принимать въ расчетъ случаи непредвидимые; остерегаться блестящихъ и преувеличенныхъ надеждъ; не увлекаться удачами другихъ. Онъ долженъ итти медленно, такъ сказать ощупью; приступать къ работамъ только при полной увѣренности въ ихъ пользѣ и, разъ приступивъ къ нимъ, не пренебрегать ни малѣйшимъ условіемъ ихъ совершенства. Въ этой осторожности, въ этомъ благоразуміи, по видимому, заключается великая трудность, и въ горныхъ промыслахъ всего чаще поражаютъ наблюдателя неудачныя попытки, невыгодныя предпріятія. Сколь часто счастливый примѣръ однихъ вовлекаетъ другихъ въ разореніе. Неистовое рвеніе, съ которымъ Испанцы искали золота и серебра въ Мехикѣ и Перу, поглотило многія самыя блестящія состоянія. Во Франціи, огромные барыши компаніи анзенской и ушійской (d' Ouchi) (*) служили, и еще служатъ, самой гибельной приманкою для новыхъ предпріятій, которою неоднократно пользовались ловкіе спекуляторы. У насъ самихъ, открытіе золотоносныхъ песковъ на Алтаѣ и обогащеніе нѣкоторыхъ счастливыми пріисками возбуждаютъ безпрестанно охоту принять участіе въ этой лотереѣ; мы слышали, что не одинъ фабрикантъ, продавъ свое мануфактурное заведеніе, пустился искать золота, въ надеждѣ на барыши баснословные; хотя и съ горестью,

(*) Имъ принадлежатъ богатыя каменно-угольныя копи въ Сѣверномъ Департаментѣ близъ Валансьена.

нельзя не предсказать плачевнаго разочарованія многимъ искателямъ.

Наука предлагаетъ существенное содѣйствіе предпринимателямъ горныхъ промысловъ, какъ для образованія, такъ и для осуществленія предпріятій. Минералогія, опредѣляющая качество и составъ руды; геологія, указывающая ея мѣстонахожденіе въ порядкѣ належаній, оказываютъ этимъ промысламъ величайшія услуги. «Геологія,» замѣчаетъ *Элиде Бомонъ,* «есть единственная наука, которая доста«вляетъ намъ свѣдѣнія о хранилищахъ, или такъ на«зываемыхъ рудныхъ мѣсторожденіяхъ. Она-то ру«ководитъ изъисканіями горныхъ промышлениковъ. «Кнесчастію, прибавляетъ онъ, до сихъ поръ она «преподаетъ однѣ только правила отрицательныя, «ограничивающія особенными формаціями надежду «на пріисканіе нѣкоторыхъ рудъ, никогда не обез«печивая положительно, что такая или другая руда «находится въ опредѣленномъ пространствѣ такой «или другой формаціи. — Однако, еще замѣчаетъ «онъ, есть примѣты болѣе или менѣе вѣроятно до«казывающія сосѣдство иныхъ мѣсторожденій (*).» Извѣстно, что появленіе нѣкоторыхъ палеонтологическихъ остатковъ, раковинъ, растеній, служитъ несомнѣннымъ признакомъ, по которому геологи могутъ судить о формаціи и о горныхъ породахъ, входящихъ въ ея составъ. Подобныя же ученыя наблюденія позволяютъ судить о толщинѣ пластовъ, о порядкѣ належаній и доставляютъ драгоцѣнныя указанія для производства работъ и для избѣжанія

(*) *Elie de Baumont: Coup d'oeil sur les mines p. 8 et 140.*

опасныхъ и неблагодарныхъ предпріятій. *Гумбольдтъ* расказываетъ, что въ 1781 году въ серебряной рудокопнѣ Гуанахуато въ Мехикѣ 250 работниковъ, погибли по недостатку плановъ. «Воды, «говоритъ онъ, наполнившія рудникъ Санто-Хри«сто, вслѣдствіе неосторожнаго веденія разработ«ки, прорвались въ новооткрытую галлерею Сан-Ра«монъ и множество работниковъ погибло отъ вне«запнаго сдавленія воздуха, который, ища выхода «разбросалъ на большія разстоянія обломки скалъ «и деревянное скрѣпленіе шахтъ (*).» По замѣчанію *Элли де Бомонъ*, дурное направленіе работъ едва позволяетъ въ Крезо изъ огромнаго и сплошнаго пласта извлекать одну пятую часть каменнаго уголья, и безпрестанно причиняетъ опасныя приключенія (**).

Нуждаясь въ познаніяхъ теоретическихъ, горные промыслы еще менѣе могутъ обойтись безъ искусства практическаго, пріобрѣтаемаго навыкомъ, мѣстными наблюденіями. Обыкновенно инженеры, отъ которыхъ предприниматели ждутъ руководства научнаго, должны присоединять къ нему эту опытность; въ противномъ случаѣ ихъ указанія могутъ вовлечь въ самыя гибельныя ошибки. Это объясняетъ почему вездѣ, и въ Англіи, и во Франціи, и въ Германіи, и у насъ въ Россіи, предприниматели горныхъ промысловъ не легко довѣряютъ молодымъ инженерамъ, едва вышедшимъ

(*) *Essai politique sur la Nouvelle Espagne t. IV l. IV. Ch. II. p. 42.*

(**) *Coup d' oeil sur les mines p. 33.*

изъ спеціяльныхъ заведеній, несмотря на ихъ блестящія познанія. Они прибѣгаютъ преимущественно къ тѣмъ, которые уже пріобрѣли опытность, такъ сказать, наглядную практику, подъ руководствомъ старѣйшихъ. Часто въ этомъ отношеніи простой шихтмейстеръ можетъ быть полезнѣе самого ученаго геолога или горнаго механика. Искусство необходимо также и въ простыхъ горныхъ работникахъ. Это подтвердитъ всякій горный промышленикъ. Въ Англіи, правда, для нѣкоторыхъ простыхъ работъ употребляютъ дѣтей; но ими руководятъ родители, и сіи-то дѣти, впослѣдствіи, становятся искусными и опытными работниками. Многіе, единственно благодаря этому практическому изученію горнаго дѣла, достигаютъ степени инженеровъ; нѣкоторые изъ нихъ оказали немаловажныя услуги самой теоріи.

Къ искусству, познаніямъ, расчетливости, въ горныхъ промыслахъ, для успѣшнаго хода предпріятія, должны присоединяться начала нравственныя. Безъ нихъ, на каждомъ шагу препятствія, споры, несогласія между предпринимателями; недовѣрчивость между участвующими въ одномъ и томъ-же предпріятіи; невоздержность между работниками; надзоръ нерадивый, часто пристрастный. Безъ нихъ, притѣсненія слабыхъ сильными; подавленіе женщинъ и, въ особенности, дѣтей трудомъ превыше ихъ силъ. Безъ нихъ, покражи, утайки, ложныя указанія, обманы всякого рода. Всякому уклоненію отъ правильной нравственности соотвѣтствуетъ какая-либо потеря, какое-либо неудобство; и чѣмъ болѣе

этихъ уклоненій, тѣмъ хуже идетъ предпріятіе, тѣмъ менѣе удовлетворительныхъ результатовъ.

Свободное производство горныхъ промысловъ по необходимости подчиняется, или, по крайней мѣрѣ, не должно противорѣчить праву поземельной собственности. Даже тамъ, гдѣ, какъ во Франціи, законодательство не признаетъ собственностію владѣльца земли ея внутренности, нельзя безъ явнаго нарушенія правъ собственности допустить учрежденіе горныхъ разработокъ въ его помѣстьяхъ безъ его предварительнаго согласія. Россійскіе законы быть-можетъ лучше всѣхъ другихъ успѣли согласить свободу горныхъ промысловъ съ необходимыми изъятіями. У насъ владѣлецъ земли можетъ производить горныя разработки въ своихъ помѣстьяхъ. Въ земляхъ казенныхъ дозволяется всякому искать руду и, съ соблюденіемъ опредѣленныхъ правилъ и формъ, заниматься ея добываніемъ. Главное ограниченіе свободы этихъ промысловъ въ Россіи сопряжено со взиманіемъ податей, и въ особенности съ попечительнымъ надзоромъ мѣстныхъ властей надъ отношеніями между горными заводчиками и людьми, употребляемыми ими въ работы.

56. О ПРОМЫСЛАХЪ ПЕРЕМѢЩАЮЩИХЪ ИЛИ ТОРГОВЫХЪ.

Потребность въ перемѣщеніи матеріяловъ и произведеній оказывается, едва начинаютъ водворяться

между людьми нѣкоторые промыслы. Она усиливается по-мѣрѣ развитія промышлености и образованности народной; и ея удовлетвореніе становится однимъ изъ необходимѣйшихъ условій процвѣтанія всѣхъ другихъ вѣтвей промышлености; имъ занимаются особенные промыслы, которые слѣдовало бы называть перемѣщающими, но которымъ мы сохранимъ также названіе *торговыхъ,* присвоенное имъ въ общежитіи.

Иногда торговлю смѣшиваютъ съ мѣною и упускаютъ изъ виду сущность этой вѣтви промышленности, не признавая ея производительной стороны. Безъ сомнѣнія въ мѣнѣ, какъ мы уже замѣтили, нѣтъ производства: это просто дѣйствіе, которое переводитъ двѣ цѣнности, два готовыя произведенія изъ однѣхъ рукъ въ другія. Но торговля не есть мѣна. Она состоитъ въ примѣненіи производительныхъ силъ къ перемѣщенію полезностей изъ одного мѣста въ другое; она беретъ ихъ тамъ, гдѣ въ нихъ не нуждаются и перевозитъ ихъ туда, гдѣ въ нихъ настоитъ потребность. Этимъ перемѣщеніемъ, которое требуетъ средствъ, и часто весьма значительныхъ, торговля придаетъ произведенію новую полезность, которой оно прежде не имѣло. Въ этомъ собственно заключается ея производство.

Оно проявляется во множествѣ разнообразныхъ промысловъ. Одни занимаются перевозкою товаровъ или произведеній въ большомъ количествѣ изъ одного мѣста въ другое—торговля *оптовая.* Другіе довершаютъ начатое первыми, приближая эти товары къ потребителямъ, предлагая ихъ по час-

тямъ—торговля *разничная*. Одни исключительно посвящаются доставленію произведеній иностранныхъ — торговля *внѣшняя;* другіе ограничиваются перемѣщеніемъ отечественныхъ продуктовъ — торговля *внутренняя*. Иные сосредоточиваютъ полезности, ими перемѣщенныя, въ особенной мѣстности, по близости потребителей — торговля *магазинная, лавочная*. Иные, напротивъ, не ждутъ посѣщенія потребителей, и сами къ нимъ переносятъ полезности—торговля *разносная*. Еще можно раздѣлить промыслы перемѣщающіе, по мѣсту ихъ производства, на торговлю *морскую, береговую, сухопутную, караванную* (*). Каждый изъ этихъ промысловъ дробится еще на многіе другіе; но всѣ они производятъ лишь по мѣрѣ какъ содѣйствуютъ перемѣщенію полезностей, увеличивающему ихъ цѣнность. «Въ своихъ движеніяхъ самыхъ ограничен«ныхъ, какъ и въ самыхъ отдаленныхъ экспеди«ціяхъ, торговля единственно перемѣщаетъ; начи«ная съ мелочного торговца, который только сни«маетъ съ полки товары и показываетъ ихъ поку«пателямъ, до арматора, вывезшаго ихъ изъ Аме«рики, Индіи, Китая, мы видимъ однѣ только «перемѣщенія (**).»

Нужно ли распространяться о необходимости таковыхъ перемѣщеній и о важности промысловъ ими занимающихся? Очевидность этого поражаетъ на каждомъ шагу въ промышлености и въ потребле-

---

(*) См. *Примѣчаніе 5-е.*

(**) *Ch: Dunoyer. De la liberté du travail.* II. p. 193.

ніи. Безъ нихъ, первая не могла бы производиться: съ одной стороны она лишилась бы множества матеріяловъ, орудій, припасовъ, съ другой—сбытовъ. Безъ нихъ, мы принуждены были бы терпѣть множество лишеній, отказаться отъ множества невинныхъ и полезныхъ потребленій. Безъ нихъ, мѣна превратилась бы въ одно изъ самыхъ тяжкихъ и обременительныхъ дѣйствій человѣческихъ. Но, если недостаточно этихъ аксіомъ, то можно указать въ исторіи на богатство и могущество политическое, которыя многіе народы снискали, почти исключительно занимаясь торговлею, единственно перемѣщая полезности изъ одной страны въ другую. Въ древности Финикіяне, малоазійскіе Греки, Карѳагенъ; въ средніе вѣка италіянскія республики, ганзеатическіе города; въ новѣйшія, Венеція, Генуа, Голландія не имѣли другой промышлености. Нынѣ всѣ народы образованные болѣе или менѣе заботятся о развитіи у себя этихъ важныхъ промысловъ, которые, сами не преобразуя вещей, удвоиваютъ, удесятеряютъ, усотиваютъ цѣнность произведеній, распредѣляя ихъ сообразно общественнымъ потребностямъ.

Торговля не только примѣняется къ произведеніямъ вещественнымъ; она сильно содѣйствуетъ распространенію самихъ благъ внутреннихъ, то доставляя средства къ ихъ развитію, то перемѣщая ихъ вмѣстѣ съ людьми, въ которыхъ онѣ развиты, изъ мѣста, гдѣ въ нихъ менѣе нуждаются, туда-гдѣ настоитъ въ нихъ болѣе потребности. Путемъ торговли, новыя книги, новые инструменты, а по

недостатку этихъ пособій, во всякомъ случаѣ, новыя мысли разносятся по всему свѣту. Вліяніе торговыхъ сношеній вездѣ оказывается въ обмѣнѣ обычаевъ, почти всегда обоюдно-выгодномъ. Этимъ сношеніямъ, безъ сомнѣнія, образованность европейская обязана своею прочностію, своею однородностію. Кому изъ художниковъ, инженеровъ, ученыхъ не случалось испытать на самомъ себѣ выгоды перемѣщенія. Познанія, талантъ, могутъ быть затеряны въ многолюдной столицѣ, подавлены чрезмѣрнымъ соперничествомъ. Перенесенные въ мѣстность, гдѣ нѣтъ въ нихъ такого изобилія, гдѣ напротивъ въ нихъ нуждаются, они обращаются въ источникъ самыхъ значительныхъ и самыхъ заслуженныхъ выгодъ.

Краткій очеркъ производительныхъ средствъ, употребляемыхъ торговыми промыслами, еще болѣе докажетъ ихъ важность. Начнемъ съ мастерскихъ, гдѣ они производятся.

Ближайшія къ намъ, тѣ, въ которыхъ предъ нашими глазами довершается или начинается это производство, заключаются въ лавкахъ, магазинахъ, конторахъ. Они должны быть приспособлены къ этому назначенію, свѣтло и помѣстительно устроены, удобно поставлены, опрятно содержимы. Чѣмъ болѣе соединяютъ они этихъ преимуществъ, тѣмъ удовлетворительнѣе сближаютъ произведенія съ потребителями. Но мы открываемъ несравненно важнѣйшія мастерскія торговыхъ промысловъ въ разнаго рода путяхъ сообщенія. Отъ обширности послѣднихъ, отъ ихъ свойства, ихъ расположенія,

ихъ совершенства, наиболѣе зависятъ удобство, быстрота и дешевизна перемѣщенія.

Всякій народъ тѣмъ удобнѣе и успѣшнѣе можетъ производить торговые промыслы, чѣмъ болѣе имѣетъ путей сообщенія. Ихъ размноженію часто благопріятствуетъ мѣстоположеніе страны, то окруженной морями, то пересѣкаемой судоходными рѣками. Соединенію этихъ преимуществъ природныхъ съ неимовѣрнымъ размноженіемъ искуственныхъ путей сообщенія, дорогъ, каналовъ, желѣзныхъ путей, обязаны Англичане своимъ первенствомъ между торговыми народами. Въ Россіи климатъ, частію, вознаграждаетъ недостатокъ искуственныхъ путей сообщенія: снѣгъ и морозъ устроиваютъ для нашего извоза самый удобный санный путь не только на мѣстѣ ухабистыхъ лѣтнихъ дорогъ, но и въ мѣстахъ совершенно непроходимыхъ. Это природный мостъ, который зима въ теченіи пяти мѣсяцевъ перекладываетъ черезъ наши рѣки, озера, болота, тундры, пашни и пустопорожнія земли,—мостъ, безъ котораго наша торговля гораздо болѣе терпѣла бы отъ недостатка дорогъ.

Не всѣ пути сообщенія одинаково благопріятны производству торговыхъ промысловъ. Отъ свойства ихъ много зависитъ быстрота, дешевизна перемѣщенія, возможность примѣнять къ нимъ движителей и машины, болѣе или менѣе могучія. Тогдакакъ по дурной тропѣ, полузаросшей травою, человѣкъ едва можетъ переносить товаръ на плечахъ или вьюкомъ,—на дорогѣ разчищеной, хотя и немощеной, онъ уже можетъ употреблять повозку, и

его лошадь везетъ до тридцати пудъ. На дорогѣ, хорошо вымощенной, та-же лошадь свезетъ вдвое болѣе. Ея силы достаточно будетъ для перевозки 120 пудъ по желѣзному рейльсу, и 2,400 пудъ по бичевому каналу. Большія выгоды представляетъ рѣчное плаваніе; но еще болѣе удобствъ сопряжено съ каналами, по которымъ во всякое время и по всѣмъ направленіямъ можно провозить значительныя тяжести, не подвергаясь замедленіямъ, неизбѣжнымъ въ рѣчномъ судоходствѣ. Опасности, угрожающія перевозкѣ моремъ, хотя и велики, но перевѣшиваются выгодами транспортовъ, по даровому пути и при помощи дарового движителя, вѣтра. Перевозка того-же самого товара обойдется за каждыя четыре версты съ берковца: по обыкновенной дорогѣ въ 4, 6 или 15 копѣекъ серебромъ, смотря по экипажу; по желѣзной дорогѣ въ 2½, рѣкою въ 1¼, а моремъ едва въ ⅛ копѣйки серебромъ.

Удобство перемѣщеній много зависитъ также отъ прочности и образа устройства путей сообщенія, отъ исправности ихъ содержанія. Самой простой дороги, но хорошо мощеной и порядочно содержимой, нельзя не предпочесть желѣзному пути, дурно устроенному, безпрестанно угрожающему остановками, опасностями. Дороги слишкомъ узкія неудобны для сообщенія; слишкомъ широкія занимаютъ безъ пользы большую поверхность и, въ соразмѣрности, содержаніе ихъ дороже и затруднительнѣе. Во Франціи, средняя ширина большихъ дорогъ, такъ называемыхъ королевскихъ въ 65 франц. футовъ; одна середина, и то неболѣе 10 футовъ вы-

мощена крупнымъ песчаникомъ; по обѣимъ сторонамъ мостовой, едва достаточной для разъѣзда двухъ экипажей, оставленъ обнаженный грунтъ, большею частію глинистый; въ сухую погоду онъ покрытъ ѣдкою пылью, а при дождѣ превращается въ густую грязь, гдѣ вязнутъ колеса и лошади. Видъ дороги угрюмый и непріятный. Лѣтомъ нѣтъ ни тѣни, ни пріюта отъ зноя. Весною, осенью и зимою пѣшеходъ долженъ спасаться отъ грязи посрединѣ дороги на мостовой, откуда его безпрестанно сгоняютъ проѣзжіе. Въ Англіи, напротивъ, дороги вполовину не такъ широки, но на всемъ протяженіи чисты и плотны. На нихъ свободно могутъ разъѣхаться четыре большихъ экипажа. По сторонамъ проложены аллеи для пѣшеходовъ, отѣняемыя деревьями; мѣстами устроены скамьи для отдыха.

Недостатокъ хорошаго и удобнаго устройства путей сообщенія всего чувствительнѣе въ городахъ, гдѣ населенность тѣснится на маломъ пространствѣ, и гдѣ наиболѣе настоитъ надобности въ частыхъ перемѣщеніяхъ. Въ улицахъ узкихъ, грязныхъ, темныхъ, худо мощеныхъ, эти перемѣщенія встрѣчаютъ на каждомъ шагу препятствія, сопряжены съ потерею времени, съ приключеніями. Недостатокъ мостовъ затрудняетъ сообщенія между кварталами, раздѣленными рѣкою. Построеніемъ постояннаго моста чрезъ Неву, правительство оказываетъ важную услугу Петербургу, гдѣ по нѣскольку разъ въ году, при появленіи льдинъ изъ Ладожскаго озе-

ра, прерываются сообщенія между многолюдными частями города.

На рѣкахъ судоходство затрудняется порогами, мелководіемъ, отмелями, подводными камнями. Чтобъ воспользоваться этими природными путями, необходимо должно заботиться объ отвращеніи неудобствъ, съ ними сопряженныхъ. Какую пользу, на пр., принесло бы нашей внутренней торговлѣ уничтоженіе днѣпровскихъ пороговъ! Каналы всегда обходятся дорого, но, приступивъ къ ихъ учрежденію, должно обращать всевозможное вниманіе на облегченіе плаванія, на выборъ системы шлюзовъ, на ширину канала, его глубину, и въ особенности на содержаніе его въ исправности. Самый океанъ, какъ мы уже замѣтили говоря о рыбныхъ ловляхъ, требуетъ нѣкотораго приспособленія. Надлежитъ измѣнить видъ береговъ, устроить при нихъ гавани, рейды; освѣтить ихъ маяками.

Расположеніе путей сообщенія имѣетъ вліяніе на перемѣщающіе промыслы столь же существенное, какъ и обширность ихъ, свойство, видъ, содержаніе. Они должны устроиваться тамъ, гдѣ въ нихъ предстоитъ надобность; гдѣ того требуютъ населенность, водвореніе разныхъ другихъ промысловъ, сношеній. Всякій инженеръ подтвердитъ сколь много зависитъ польза приносимая каналомъ, мостомъ, отъ мѣста его устроенія. Самая лучшая дорога мало доставляетъ выгодъ, когда проведена въ удаленіи отъ средоточія населенностей, и не примыкаетъ къ нимъ хорошими проселка-

ми. Цѣль всякого пути состоитъ въ облегченіи сношеній между производителями, въ открытіи сбыта однимъ, въ доставленіи продуктовъ другимъ; чѣмъ болѣе въ своемъ протяженіи касается онъ городовъ, селеній, тѣмъ лучше соотвѣтствуетъ своему назначенію. У Англичанъ и Нѣмцевъ дороги извиваются легко и красиво подобно аллеямъ парка, огибая селенія, деревушки, не минуя, по возможности, ни одного города. Этимъ продленъ нѣсколько путь проѣзжаго, но его утѣшаютъ живописныя картины, пріятныя группы домовъ и деревьевъ, украшающія дорогу по обѣимъ сторонамъ, и на каждомъ шагу предлагающія ему убѣжище, кровъ, или средства производить его промыселъ. Въ послѣднее время распространеніе желѣзныхъ дорогъ всего болѣе доказало необходимость самой тщательной обдуманости при ихъ начертаніи. Въ этой важной операціи, началѣ и основаніи всякого предпріятія желѣзной дороги, сливаются три интереса: интересъ населенностей, посреди которыхъ должна быть проведена дорога; интересъ предпринимателей, желающихъ естественно извлечь изъ нея наиболѣе выгодъ; и наконецъ, если можно такъ выразиться, интересъ самого построенія дороги, котораго издержки увеличиваются или уменьшаются, смотря по принятому направленію. Весьма трудно согласить эти три интереса, или, покрайней мѣрѣ, удержать ихъ въ равновѣсіи такъ, чтобъ одному не были принесены въ жертву другіе; тѣмъ не менѣе, успѣхъ много зависитъ отъ этого соглашенія, и на дѣлѣ мы видимъ, что тѣ желѣзныя дороги наилуч-

ше удаются, которыхъ начертаніе наиболѣе удовлетворяетъ этому условію.

Вообще, изъ всѣхъ путей сообщенія, устройство желѣзныхъ дорогъ требуетъ наиболѣе издержекъ. Тогда-какъ верста широкой хорошо мощеной дороги или шоссе, по среднему вычисленію, со включеніемъ мостовъ, стоитъ 42,000 фр., верста канала довольно широкаго, 80,000 фр.,—самыя дешевыя желѣзныя дороги въ Европѣ (бельгійскія) обошлись въ 120,000 фр. за версту. На эти издержки важное вліяніе имѣетъ мѣстность: въ соединенныхъ сѣверо-американскихъ Штатахъ, желѣзныя дороги проведены большею частію по мѣстамъ ровнымъ, вдоль рѣкъ, долинъ; верста обошлась тамъ не болѣе 60,000 франковъ. Въ Англіи желѣзныя дороги пересѣкаютъ горы, пологости; на каждомъ шагу должно устроивать тоннели, мосты; верста обходится тамъ среднимъ количествомъ въ 500,000 фр. Эту разность должно приписать, частію, сравнительно высокой цѣнѣ поземельной собственности въ Англіи, тогда-какъ въ Америкѣ желѣзныя дороги большею частію проведены черезъ мѣста пустынныя и невоздѣланныя (*).

Этихъ краткихъ соображеній, которыхъ подробное разсмотрѣніе заняло бы мѣсто слишкомъ обширное въ нашемъ изложеніи, довольно, чтобъ дать замѣтить въ какой степени отъ устройства и приспособленія путей сообщенія зависитъ успѣшное и свободное производство торговыхъ промысловъ. Ему не мало также содѣйствуетъ примѣненіе улуч-

(*) Michel Chevalier. Cours d' Economie politique t. 1. p. 293.

шенныхъ движителей и машинъ къ переноскѣ тяжестей, какъ на сушѣ, такъ и на водѣ.

Вездѣ значительная часть товаровъ перевозится помощію лошадей и другихъ вьючныхъ животныхъ. Улучшеніе ихъ породы должно содѣйствовать облегченію и удешевленію перевозки. Къ этому результату еще болѣе клонится усовершенствованіе экипажей. Они должны быть приспособлены къ ихъ назначенію. Служащіе для перевозки путешественниковъ, должны быть покойны, удобны (*): почтовые брики и кареты, учрежденные нашимъ почтовымъ вѣдомствомъ, подали въ этомъ отношеніи полезный и самый удовлетворительный примѣръ частнымъ компаніямъ дилижансовъ и транспортовъ. Повозки, телѣги, служащія для перевозки тяжестей, должны соединять въ своемъ устройствѣ условія прочности, относительной легкости и возможной безвредности для дороги. Извѣстно, что разноколейныя телѣги много портятъ шоссейныя дороги; также гдѣ нѣтъ шоссе, онѣ превращаютъ дорогу въ самую безпорядочную цѣпь ухабовъ и глыбъ. Сани — экипажъ въ особенности свойственный Россіи: большая часть товаровъ внутри нашего отечества перевозятся зимою на саняхъ; но, несмотря на то, мы не видимъ въ этомъ народномъ экипажѣ нима-

(*) Замѣтимъ мимоходомъ объ удивленіи иностранцевъ, въѣзжающихъ въ Россію на перекладныхъ, когда имъ приходится садиться въ наши телѣжки безъ рессоръ, послѣ покойныхъ почтовыхъ колясокъ. Что̀ можетъ быть неудобнѣе нашихъ дрожекъ, не прикрывающихъ сѣдока ни отъ пыли, ни отъ грязи, ни отъ зноя, ни отъ дождя, и жестоко утомляющихъ его члены.

лѣйшаго улучшенія: это все тѣ-же тяжелыя и малопомѣстительныя салазки, въ которыхъ ѣздили наши предки Славяне.

Улучшенію экипажей, упряжи, лошадей, безъ сомнѣнія мы обязаны тѣмъ, что теперь у насъ путешествуютъ скорѣе, нежели лѣтъ тридцать тому, назадъ, когда поѣздка изъ Петербурга въ Москву бывала многотруднѣе и продолжительнѣе, нежели нынѣ въ Одессу или Екатеринбургъ. Но сколько еще остается намъ сдѣлать, чтобъ сравниться съ иностранцами. Ни въ Англіи, ни въ Германіи, ни во Франціи не встрѣтите ни веревокъ, которыми привязываютъ лошадей къ вагѣ, ни деревянныхъ подпорокъ подъ рессорами, обременяющихъ экипажъ. Нигдѣ не предпочитаютъ безпокойнаго возка, извѣстнаго подъ названіемъ *тарантаса*, висячему экипажу потому только, что первый легче починивать. Путешественники, насъ посѣщающіе, удивляются количеству лошадей, необходимому для перевозки самыхъ легкихъ экипажей по нашимъ дорогамъ. И кто въ томъ виноватъ? мы сами, не радѣя объ улучшеніяхъ; наше равнодушіе, коснѣющее въ отсталыхъ привычкахъ.

Благодаря улучшеннымъ экипажамъ и лошадямъ, можно сократить на-треть, на-половину, и даже болѣе, время необходимое для перевозки тяжестей или путешественниковъ изъ одного мѣста въ другое. При помощи паровозовъ, быстрота сообщенія усиливается въ огромной прогресіи. Предоставляемъ поэтамъ изобразить все, что есть волшебнаго въ ря-

дахъ вагоновъ, наполненныхъ путешественниками, товарами, увлекаемыхъ силою паровъ съ среднею быстротою 40 верстъ, и въ крайнихъ случаяхъ 48, 60, 80 и даже болѣе 100 въ часъ. Извѣстно, что механикъ *Брюнель,* строитель тоннеля подъ Темзою, совершилъ 48 фр. льé въ 90 минутъ, по желѣзной дорогѣ изъ Лондона въ Бристоль въ августѣ мѣсяцѣ 1841 года.

Въ торговыхъ промыслахъ, производимыхъ на морѣ, насъ поражаетъ подобное же вліяніе улучшенія движителей. Какое разстояніе между гребными галерами древнихъ Финикіянъ и Римлянъ, и современными судами. Въ первыхъ, мореходецъ не употреблялъ иного движителя, кромѣ собственной силы и, частію, теченія воды; въ послѣднихъ, онъ пользуется огромною, безмездною силою вѣтра. Но едва-ли не разительнѣе еще преимущество пароходовъ предъ парусными судами. Ничто не останавливаетъ транспортовъ, когда они опираются на силу паровъ при достаточномъ запасѣ топлива, ни противные вѣтры, ни штили, ни теченія. Нынѣ, особенно, примѣненіе паровыхъ машинъ къ мореходству обѣщаетъ неизчислимые результаты. Оно не страшится самыхъ отдаленныхъ странствій, самыхъ невѣроятныхъ размѣровъ и силъ. Ежемѣсячно сотни пароходовъ оставляютъ берега Англіи, Франціи, Голландіи. Двухъ сутокъ довольно для переѣзда изъ Гавра или Портсмута въ Гамбургъ, восми для переѣзда въ Петербургъ, двѣнадцати для достиженія Нью-Іорка или Бостона. Другіе пароходы устремляются изъ Англіи въ странствія во-

кругъ свѣта, огибаютъ мысъ Доброй Надежды, и достигаютъ Калькутты, Мадраса, совершая въ теченіе нѣсколькихъ недѣль переѣздъ, на который прежде мало было нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Улучшенія движительнаго механизма пароходовъ; замѣна боковыхъ колесъ спиралью, занимающей менѣе мѣста и удобнѣе помѣщаемой въ кормовой или носовой части корабля; употребленіе листового желѣза вмѣсто дерева, для самого корпуса, безъ сомнѣнія придадутъ новую силу паровому мореплаванію. Уже Англичане построили нѣсколько желѣзныхъ пароходовъ съ винтомъ, и между прочимъ огромнѣйшій пароходъ *Great Britannia* въ 1000 силъ, привлекающій любопытныхъ въ лондонскихъ докахъ (*).

Упомянемъ еще о машинахъ и орудіяхъ, употребляемыхъ для нагрузки и выгрузки судовъ, вагоновъ, возовъ, дилижансовъ; о множествѣ различныхъ аппаратовъ, входящихъ въ составъ паруснаго или парового корабля; о необходимыхъ для содержанія желѣзныхъ дорогъ; о неподвижныхъ паровыхъ машинахъ, наклонныхъ плоскостяхъ и т. п. Это исчисленіе, при всей его неполнотѣ, удостовѣряетъ въ той великой помощи, которую производство торговыхъ промысловъ обрѣтаетъ въ употребленіи механическихъ средствъ.

Оно не менѣе заимствуетъ силы и правильности

(*) Късчастію этотъ опытъ не увѣнчался успѣхомъ: огромность парохода *Great Britannia* обратилась въ препятствіе къ его удачному управленію: онъ сталъ на мель при берегахъ Ирландіи, и, по новѣйшимъ извѣстіямъ (Ноября 1846), едва-ли успѣютъ его спасти.

отъ раздѣленія занятій, которое впрочемъ не примѣняется къ нему въ такой степени, какъ къ промысламъ мануфактурнымъ. Тогда-какъ въ послѣднихъ дробится преимущественно трудъ исполнительный въ одномъ и томъ-же предпріятіи, въ торговлѣ производство одной и той-же полезности занимаетъ множество различныхъ предпріятій, частію независимыхъ одно отъ другихъ. Негоціантъ посвящаетъ свой трудъ, свои капиталы на снабженіе страны продуктомъ, въ которомъ она нуждается; онъ можетъ употребить свои собственныя средства, своихъ собственныхъ исполнителей для пріобрѣтенія этого продукта въ мѣстѣ, болѣе или менѣе удаленномъ, для доставленія его моремъ или сухимъ путемъ, для храненія его въ магазинахъ, для приближенія къ потребителямъ по малымъ частямъ. Но ему выгоднѣе и удобнѣе обратиться, для исполненія большей части этихъ операцій, къ другимъ предпринимателямъ. Другой негоціантъ - комисіонеръ возмется пріобрѣсть по его заказу товаръ. Арматоръ приметъ на себя доставку его моремъ въ назначенный портъ. Тамъ найдутся ломовые извощики, которые перевезутъ товаръ и сдадутъ его на желѣзную дорогу, или каналъ. По доставкѣ на мѣсто, храненіе его беретъ на себя опять иной предприниматель. Наконецъ, являются разничные и мелочные торговцы, которые окончательно приближаютъ товаръ къ потребителямъ, разносятъ или распродаютъ его по-частямъ. Между этими различными предпринимателями дѣйствуютъ еще многіе другіе, которые не такъ замѣтно, но тѣмъ не ме-

нѣе весьма существенно, способствуютъ производству. Между ними различаемъ маклеровъ, мѣнялъ, банкировъ; артельщиковъ, лоцмановъ; содержателей буксирныхъ судовъ; почты; телеграфы. Это настоящія связи, совокупляющія многоразличныя предпріятія, которыя всѣ, каждое своимъ путемъ, стремятся къ полезному перемѣщенію произведеній; и чѣмъ болѣе этихъ связей, чѣмъ болѣе полезныхъ участниковъ въ торговомъ дѣлѣ, тѣмъ скорѣе оно идетъ, тѣмъ менѣе растраты производительныхъ силъ для совершенія транспортовъ, въ которыхъ нуждается общество. Самое устроеніе и содержаніе въ исправности всякого рода путей сообщенія вездѣ служитъ предметомъ промысловъ, большею частію отличаемыхъ отъ собственно торговыхъ, но которые однако должны быть включены въ этотъ отдѣлъ промышленности.

Такое раздробленіе предпріятій не препятствуетъ къ каждому изъ нихъ примѣнять начало раздѣленія занятій исполнительныхъ. Отъ подобнаго раздѣленія много усиливается производительность труда и въ конторахъ негоціантовъ, банкировъ, маклеровъ, и на судахъ арматоровъ, и въ управленіи извозомъ, дорогами, и въ лавкѣ или магазинѣ разничнаго торговца, и въ работахъ для построенія и содержанія въ исправности путей сообщенія.

Никакія предпріятія не нуждаются болѣе торговыхъ въ расчетливости—этой способности соображать и предвидѣть результаты. Она равно необходима, какъ для собственно торговыхъ операцій, такъ и для учрежденія путей сообщенія, или ма-

стерскихъ, въ которыхъ совершается важнѣйшая часть торговаго производства.

Торговый предприниматель имѣетъ въ виду или удовлетворить какой-либо потребности даннаго мѣста, или открыть сбытъ произведеніямъ, не находящимъ помѣщенія въ его потребленіи. И въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ долженъ наблюдать за положеніемъ запроса, а это наблюденіе, какъ объяснится далѣе, отнюдь не такъ легко. Оно предполагаетъ большую смѣтливость, особенное знаніе людей и вещей. Запросъ измѣняется вслѣдствіе причинъ самыхъ неуловимыхъ, по видимому совершенно постороннихъ предпріятію. Его ослабляютъ или усиливаютъ то перемѣна моды, то политическія обстоятельства, то колебаніе въ самой промышлености, то измѣненія въ таможенныхъ тарифахъ, то въ путяхъ сообщенія. Онъ зависитъ отъ множества мѣстныхъ причинъ, которыя должно знать, сообразить, предвидѣть. Всякое перемѣщеніе товара, въ излишнемъ количествѣ, уменьшаетъ его цѣнность; въ количествѣ недостаточномъ, лишаетъ выгодъ несомнѣнныхъ. Поперемѣнно торговый предприниматель долженъ то умѣрять, то усиливать свои транспорты. И ему не только нужно слѣдить за положеніемъ запроса; но нельзя безнаказанно отступать отъ самого постояннаго наблюденія за состояніемъ предложенія. Запросъ самый обширный можетъ быть уже покрытъ, удовлетворенъ, и новое предложеніе оказаться излишнимъ. Составивъ себѣ правильное понятіе о положеніи запроса и предложенія, предприниматель торговый долженъ обратить

все свое вниманіе на издержки доставки, и тутъ ему предстоятъ трудности совершенно особеннаго рода. Онъ долженъ сообразить путь, который изберетъ; время, потребное для перевозки товара на мѣсто назначенія; то время, которое пройдетъ со дня его прибытія и по день сбыта; множество мелкихъ издержекъ, комисіи, пошлины, порчу или ущербъ, которому подверженъ товаръ. Онъ долженъ собрать достаточныя средства, для покрытія всѣхъ этихъ расходовъ; найти вѣрныхъ сотрудниковъ, для исполненія порученій. Счетоводство, необходимое во всякой промышлености, требуетъ въ торговлѣ строжайшей опредѣлительности. Малѣйшее упущеніе или безпорядокъ въ книгахъ вовлекаетъ въ самыя гибельныя заблужденія. По нимъ во всякую минуту предприниматель долженъ быть въ состояніи составить себѣ ясное понятіе о томъ, сколько ему стоитъ, и сколько приноситъ каждая операція.

Другого рода расчетливость въ высшей степени необходима въ предпріятіяхъ, имѣющихъ въ виду устроеніе и содержаніе дороги, канала, моста, рѣчного судоходства. Чѣмъ значительнѣе капиталы, которыхъ требуетъ учрежденіе путей сообщенія, тѣмъ болѣе надлежитъ принимать въ разсужденіе настоятельность въ нихъ потребности общественной. Господствующее мнѣніе, будто въ открытіи всякого новаго пути сообщенія заключается польза государственная, столь же превратно, какъ то, которое одобряло бы всякое размноженіе построекъ. Безъ сомнѣнія, пути сообщенія содѣйствуютъ вод-

воренію между жителями сношеній, прежде не существовавшихъ; порождаютъ, такъ сказать, новые промыслы торговые; но эти послѣдствія, по необходимости, должны быть соображены съ издержками, которыхъ стоитъ устроеніе и содержаніе пути. Государство, въ лицѣ правительства, можетъ иногда отступать отъ этого правила, и съ большими издержками устроивать пути сообщенія изъ видовъ будущихъ благъ. Частной промышлености не дано безнаказанно упускать изъ виду эти соображенія. Скоро убытки, недочеты доказали бы сдѣланную ошибку. Торопливость въ размноженіи путей сообщенія столь-же пагубна, какъ въ размноженіи всякого рода другихъ полезностей. Они должны, нѣкоторымъ образомъ, быть вызываемы силою обстоятельствъ; скорѣе возникать вслѣдствіе потребности, нежели въ надеждѣ ее возбудить.

Указываютъ на огромное количество путей сообщенія въ Англіи, какъ на одну изъ главныхъ причинъ процвѣтанія ея промышлености. Безспорно; но эти два факта осуществились тамъ единовременно, и послѣдній скорѣе предшествовалъ, нежели сопутствовалъ первому. Открытіе *Мак-Адама* и учрежденіе простыхъ шоссе совершились прежде размноженія каналовъ. Что-же касается до желѣзныхъ дорогъ, то это удивительное изобрѣтеніе, которому не видимъ подобнаго въ лѣтописяхъ міра, явилось посреди обстоятельствъ его призывавшихъ. Оно явилось, когда кредитъ уже окрылилъ движеніе капиталовъ въ Европѣ; когда паденіе старинныхъ стѣснительныхъ постановленій вездѣ

возвратило свободу труду, и одушевило торговлю; когда успѣхи раздѣленія занятій, паровые движители, машины всякого рода удесятерили производительность; когда журнализмъ осуществилъ на дѣлѣ басню крылатой молвы, мгновенно разносящей всюду извѣстія о всякомъ изобрѣтеніи, о всякомъ успѣхѣ въ наукахъ, о всякой перемѣнѣ въ промышлености, — и явилось въ странѣ, гдѣ торговыя сношенія представляли наиболѣе оживленности, гдѣ превосходная система дорогъ, каналовъ, берегового и рѣчного плаванія едва удовлетворяла потребности общественной въ быстрыхъ и удобныхъ путяхъ сообщенія,—явилось, словно для того, чтобъ придать новую силу огромному движенію промышленному, овладѣвшему этою страною: простыя дороги, рѣки, каналы, самые пароходы казались слишкомъ медленными для кипящей дѣятельности Англичанъ: желѣзныя дороги, нѣкоторымъ образомъ, послужили ей удовлетвореніемъ, поставивъ пути сообщенія на одну степень съ прочими движителями.

Въ другихъ государствахъ, тамъ, гдѣ желѣзныя дороги встрѣтили подобную же дѣятельность, ихъ предпріятія увѣнчались успѣхомъ. Онѣ удались въ Бельгіи, нѣкоторыя линіи удались въ Пруссіи, въ Австріи. Но можно-ли вездѣ ожидать подобнаго успѣха? Тамъ, гдѣ едва держится плохая компанія дилижансовъ, гдѣ ломовой извозъ часто лишенъ работы, можно-ли надѣяться на покрытіе издержекъ строенія и содержанія желѣзной дороги? Какъ не упрекнуть въ недостаткѣ расчетливости французской

палаты депутатовъ, вдругъ предпринявшей устроеніе желѣзныхъ дорогъ по всѣмъ направленіямъ королевства, опредѣлившей болѣе мильярда франковъ на эти работы, уже начатыя во многихъ мѣстахъ, не убѣдившись предварительно въ готовности, къ сего рода путямъ сообщенія, тѣхъ населенностей, посреди которыхъ они будутъ устроены, и когда напротивъ все доказываетъ, что эти пути, во многихъ мѣстахъ покрайней-мѣрѣ, явно излишни; этого мало,—когда та-же палата, съ одной стороны стараясь оживить торговые промыслы, съ другой безпрестанно ихъ стѣсняетъ,—то, воздвигая на каждомъ шагу рогатки и заставы для внутреннихъ городскихъ и деревенскихъ сборовъ, то отталкивая своими таможенными постановленіями не только привозъ иностранныхъ произведеній, но даже сырыхъ матеріяловъ, въ которыхъ наиболѣе нуждаются ея собственныя мануфактуры. Въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что отсутствіе этихъ городскихъ сборовъ и въ особенности таможенный союзъ (Zoll-verein) много содѣйствовали успѣху желѣзныхъ дорогъ въ Германіи (*).

Есть однако страны, гдѣ человѣчество тѣснится въ немногихъ средоточіяхъ, разсѣянныхъ по огромному пространству. Тамъ желѣзныя дороги сближаютъ населенности, разлученныя пространствомъ, быстрѣе и дешевле всякого другого пути сообщенія: въ подобныхъ условіяхъ, ихъ устроеніе тѣмъ болѣе приноситъ пользы, чѣмъ менѣе существуетъ

(*) Кнесчастію и тамъ начинаютъ также вводить этотъ неудобный и разорительный налогъ.

другихъ путей сообщенія уже готовыхъ. Соединенные сѣверо-американскіе Штаты и наше отечество находятся въ подобномъ положеніи. Желѣзная дорога, которая поставитъ Петербургъ двумя днями ближе къ Москвѣ, удовлетворитъ самой настоятельной потребности въ сношеніяхъ, существующихъ между центромъ и сѣверомъ Великороссіи, между главнымъ средоточіемъ народнаго производства, и важнѣйшими сбытами иностранными.

Что-же касается до содержанія дорогъ, улицъ и всякого рода путей сообщенія, то здравая расчетливость требуетъ самого внимательнаго и немедленнаго исправленія малѣйшихъ поврежденій. Подобный порядокъ заведенъ, и строго соблюдается, въ Англіи и въ Пруссіи, гдѣ дороги и лучше и дешевле содержатся, чѣмъ гдѣ-либо. Кому неизвѣстно, что впадина въ шоссе, сначала почти не замѣтная, мало по малу превращается въ огромный ухабъ; что каналъ тѣмъ болѣе засоряется, чѣмъ болѣе отлагаютъ его чистку; что пренебреженіе самой легкой починки ускоряетъ обветшаніе моста, желѣзныхъ рейльсовъ, и т. п. Скупясь на издержки надзора и содержанія, предприниматели путей сообщенія неминуемо впадаютъ въ расходы непредвидимые, несравненно значительнѣйшіе, и подвергаются неудачамъ равно гибельнымъ и для нихъ и для общества.

Участіе труда ученаго въ торговой промышленности открывается въ образованіи предпринимателей и агентовъ всякого рода. Расчетливость первыхъ, искусство вторыхъ по необходимости должны опи-

раться на познанія, болѣе или менѣе обширныя. Кромѣ того, наукамъ торговые промыслы обязаны открытіемъ новыхъ земель, новыхъ произведеній и еще болѣе улучшенными способами перевозки. Мы уже упомянули о примѣненіи вѣтра, паровъ къ судоходству, о желѣзныхъ дорогахъ, о шлюзахъ на каналахъ, вообще о гидравлическихъ работахъ. Успѣхи механики наиболѣе содѣйствовали доставленію перемѣщающимъ промысламъ лучшихъ движителей; успѣхи астрономіи и географіи — разширенію ихъ поприща. Въ этихъ промыслахъ косвенно ощущается также благодѣтельное вліяніе преуспѣянія всѣхъ другихъ наукъ: естественная исторія указываетъ-ли народамъ новыя полезныя произведенія, отъ нихъ удаленныя; химія, медицина открываютъ-ли полезныя свойства какихъ-либо чужеземныхъ произведеній: — немедленно народы обращаются къ торговлѣ для доставленія тѣхъ и другихъ.

Мы не станемъ распространяться объ искусствѣ, необходимомъ для производства торговыхъ промысловъ во всѣхъ разрядахъ труда исполнительнаго. Знаніе дѣла равно требуется отъ инженеровъ, прикащиковъ, кассировъ, комисіонеровъ, бухгалтеровъ, какъ и отъ ломовыхъ извощиковъ, машинистовъ, кантониров, барочниковъ, носильщиковъ, матросовъ. Каждый изъ нихъ тѣмъ лучше содѣйствуетъ успѣшному производству торговли, чѣмъ болѣе имѣетъ навыка, ловкости, чѣмъ болѣе пріобрѣлъ искусства и практики. Здѣсь, какъ и вездѣ, на всѣхъ точкахъ производства, наиболѣе цѣнится трудъ мѣткій, скорый, удовлетворительный.

Не менѣе важно въ промыслахъ торговыхъ соблюденіе началъ нравственныхъ, какъ въ личномъ поведеніи каждого, такъ и во взаимныхъ сношеніяхъ. Нигдѣ, быть-можетъ, забвеніе этихъ началъ не угрожаетъ столь явными и чувствительными потерями. Послѣдствія расточительности, невоздержности, нерадѣнія, неопрятности, въ торговлѣ могутъ быть опредѣлены цифрами съ точностью математическою. Къ концу года или мѣсяца, пробѣгая свои счеты, торговецъ откроетъ въ нихъ неминуемо плачевные слѣды уклоненія отъ правильнаго образа жизни; эти уклоненія отразятся въ ослабленіи его кредита, въ принужденномъ стѣсненіи его операцій и уменьшеніи барышей. Въ мѣстахъ, гдѣ наиболѣе развита торговля, одно появленіе негоціанта въ игорномъ домѣ, или въ непристойномъ видѣ, можетъ лишить его совершенно довѣрія. Но лучшимъ доказательствомъ важности хорошаго поведенія въ торговлѣ служитъ та строгость, съ которою торговые предприниматели, даже наиболѣе снисходительные къ самимъ себѣ, вооружаются противъ исполнителей, ими употребляемыхъ. И можетъ-ли быть иначе, когда на каждомъ шагу они принуждены довѣрять имъ свои интересы самые драгоцѣнные?

Тамъ, гдѣ нѣтъ добросовѣстности, искренности въ сношеніяхъ; гдѣ торговля безпрестанно опирается на уловки, на хитрости, на обманы, тамъ нельзя ожидать ея успѣшнаго развитія. Оно парализировано всеобщимъ опасеніемъ. Негоціанты смотрятъ другъ на друга, какъ на тайныхъ враговъ; ок-

ружаютъ каждую сдѣлку множествомъ предосторожностей, замедляющихъ ходъ дѣла; тамъ безпрестанныя колебанія, сомнѣнія; тяжбы и споры возникаютъ на каждомъ шагу. Дѣйствительно, мы видимъ, что вездѣ торговые промыслы тѣмъ оживленнѣе и обширнѣе, чѣмъ глубже участвующіе въ нихъ проникнуты необходимостію честнаго и самого исправнаго исполненія принимаемыхъ обязательствъ. Малѣйшее уклоненіе отъ нихъ сопряжено съ потерею или неудобствомъ, болѣе или менѣе чувствительнымъ: личная выгода скоро въ томъ убѣждаетъ торговыхъ промышлениковъ. Каждый изъ нихъ слишкомъ живо испытываетъ на самомъ себѣ послѣдствія чужой неисправности, и этого довольно, чтобъ побудить всѣхъ къ строгому соблюденію взаимныхъ обязательствъ. Ктому-же, обманъ рѣдко удается два раза сряду въ торговлѣ. Промышленикъ, разъ на него рѣшившійся, самъ себя лишаетъ возможности продолжать успѣшно свой промыселъ, даже и тогда, когда его обманъ не можетъ быть наказанъ законами общественными.

Остается еще упомянуть о вліяніи послѣднихъ. Отъ нихъ торговые промыслы ждутъ обезпеченія правъ всѣхъ и каждого, по недостатку внушеній нравственности. Чѣмъ проще, чѣмъ яснѣе и опредѣлительнѣе эти законы, тѣмъ существеннѣе власть общественная достигаетъ предположенной цѣли. Судопроизводство, отягченное формами, сопряженное съ проволочками, не можетъ быть согласно съ успѣшнымъ ходомъ торговли: почти во

всѣхъ законодательствахъ европейскихъ учреждены особенные уставы торговые, для скорѣйшаго рѣшенія возникающихъ недоумѣній и несогласій. Благодаря подобному уставу, дѣла, которыя у насъ производились бы очень долго обыкновеннымъ гражданскимъ порядкомъ, рѣшаются довольно скоро комерческимъ судомъ.

Опредѣленіемъ праваго и неправаго и тѣхъ пеней и наказаній, которыми власть общественная угрожаетъ нарушителямъ, могутъ ограничиться законы въ такихъ государствахъ, гдѣ успѣхи образованности сравняли политическія права различныхъ сословій. Этого недостаточно тамъ-гдѣ, какъ у насъ, народъ еще раздѣленъ на состоянія, пользующіяся различными правами; гдѣ низшія сословія далеко опережены образованностію высшихъ, и принужденно находятся въ нѣкоторой зависимости. Посреди подобнаго порядка вещей, законы, подчиняя торговые промыслы ближайшей опекѣ, не только ихъ не стѣсняютъ, но напротивъ служатъ имъ обезпеченіемъ и поощреніемъ.

Раздѣляя торговое сословіе на гильдіи; вмѣняя въ обязанность торгующимъ имѣть законныя свидѣтельства; учреждая надъ ними надзоръ думъ, ратушей, магистратовъ, они предоставляютъ этимъ промысламъ опору противъ злоупотребленій, имъ угрожающихъ . . . . . Въ этихъ постановленіяхъ, Англичанинъ можетъ видѣть излишнія ограниченія: мы Русскіе, знакомые съ нашимъ бытомъ, видимъ въ нихъ мѣры полезныя, приготовляющія наше отечество къ порядку лучшему. Законы на-

родные не могутъ разсматриваться отвлеченно: въ нихъ отражается не одна воля законодателя, но сила обстоятельствъ, степень образованности народа; они улучшаются лишь по-мѣрѣ того, какъ удобряется, если можно такъ выразиться, та нравственная почва, въ которую должны углубляться ихъ корни. Всякая перемѣна, которая не можетъ найти пищу въ этой почвѣ, безполезна или вредна. Въ развитіи человѣчества, какъ и въ природѣ, нѣтъ и не можетъ быть скачковъ.

Нѣкоторыя законодательства въ Европѣ хотя и успѣли провозгласить полную свободу торговыхъ промысловъ, въ отношеніи къ личности производителей, еще стѣсняютъ однако эту свободу въ отношеніи къ вещамъ, то запрещая или затрудняя ввозъ или вывозъ разныхъ произведеній изъ одной страны, часто изъ одной области, въ другую, то предоставляя нѣкоторымъ лицамъ, или сословіямъ, или правительству исключительное право торговать извѣстными произведеніями, то не допуская или затрудняя учрежденіе путей сообщенія частною промышленостію.

Въ таможенныхъ постановленіяхъ, запрещающихъ привозъ нѣкоторыхъ иностранныхъ произведеній или вывозъ туземныхъ, или, облагающихъ тотъ и другой обременительными пошлинами, свобода торговли всего чаще приносится въ жертву выгодамъ сословій, занимающихся мануфактурными и земледѣльческими промыслами.

Иногда однако эти стѣсненія находятъ опору въ личной корысти торгующаго сословія. Во всякомъ

случаѣ, ближайшимъ результатомъ этихъ постановленій бываетъ повышеніе цѣнности нѣкоторыхъ произведеній внутри государства, то позволяющее производителямъ осуществить на нихъ особенные барыши, то предлагающее средства покрыть издержки производства, къ которому безъ того не приступили бы. Мы уже видѣли, что подобному повышенію цѣнности произведеній соотвѣтствуетъ равномѣрное обѣднѣніе націи, т: е: потребителей, хотя изъ него и можетъ произойти обогащеніе нѣкоторыхъ производителей. Таможенныя пошлины могутъ также разсматриваться какъ налогъ: мы увидимъ, впослѣдствіи, что въ этомъ отношеніи, онѣ ни чѣмъ не хуже всякого другаго косвеннаго налога; но, въ такомъслучаѣ, при ихъ постановленіи надлежитъ руководиться совершенно иными правилами. Замѣтимъ еще, что внутренніе таможенные сборы, извѣстные иногда подъ названіемъ городскихъ (octroi), всего труднѣе согласить съ свободнымъ и успѣшнымъ ходомъ внутренней торговли. Въ Англіи, гдѣ она представляетъ наиболѣе развитія, правительство давно уже перестало прибѣгать къ этимъ сборамъ, причиняющимъ болѣе потери націи, нежели дающимъ доходовъ казнѣ.

Торговыя монополіи клонятся къ тѣмъ же результатамъ, какъ и запретительныя мѣры: онѣ обезпечиваютъ нѣкоторымъ лицамъ барыши и выгоды, основанныя на ущербѣ другихъ. Одна изъ причинъ невыгоднаго положенія внѣшней торговли одного государства, въ отношеніи къ другимъ націямъ, ча-

сто заключается въ монополіяхъ, которыя на каждомъ шагу затрудняютъ сдѣлки. Купецъ привозитъ товаръ въ торговый городъ: являются покупатели; кажется дѣло кончено и сбытъ открытъ. Ничего не бывало: прежде-нежели этотъ товаръ перейдетъ изъ рукъ продавца въ руки покупателя, онъ долженъ насытить множество вампировъ. Съ него возмутъ премію: биржевой маклеръ,—даже и тогда, кокда купецъ самъ пріискалъ покупателя; браковщикъ; дрягиль, который одинъ только имѣетъ право взвѣшивать и укладывать товары; артельщикъ, который проведетъ его просто глазами до порта; тамъ съ него сниметъ поживу корабельный маклеръ, о существованіи котораго купецъ только тогда лишь узнаетъ; и такимъ образомъ товаръ вырывается изъ порта, обремененный множествомъ издержекъ, которымъ менѣе подвергаются торговцы другого государства.

Иныя торговыя монополіи оправдываются необходимостью; другія—безвредностью. Къ числу первыхъ принадлежатъ монополіи государственныя, какъ источники доходовъ казенныхъ, когда отличаются умѣренностію. Къ числу послѣднихъ можно отнести монополіи, предоставляемыя нѣкоторымъ компаніямъ для открытія торговыхъ промысловъ въ мѣстахъ удаленныхъ, куда еще не проникла народная промышленость, и гдѣ эта привилегія можетъ послужить къ ея водворенію. Признаніе подобной монополіи доставило Англіи огромныя владѣнія въ Ост-Индіи; Россія обязана-быть можетъ сохраненіемъ своихъ владѣній въ Америкѣ учрежденію россійско-амери-

канской компаніи. Иногда временная монополія можетъ служить самымъ существеннымъ и полезнымъ поощреніемъ къ учрежденію сношеній, которыя не прекращаются и по минованіи срока привилегіи.

Польза путей сообщенія столь очевидна и столь велика, что едва-ли можно указать на какое-либо законодательство, рѣшительно запрещающее частной промышленности устроивать подобные. Напротивъ, большею частію, ихъ поощряютъ: но, поощряя съ одной стороны, иногда стѣсняютъ свободу этихъ предпріятій съ другой, подчиняя ихъ осуществленіе множеству формъ, и, въ особенности, принуждая прибѣгать къ посредству государственныхъ служителей. Эти формы, проволочки и, часто, притѣсненія съ ними сопряженныя; это обязательное употребленіе лицъ привелигированныхъ, часто равняются чистому и безусловному запрещенію. Изъ этого не слѣдуетъ однако, что устроеніе путей сообщенія можетъ быть оставлено безъ надзора со стороны власти общественной: положительныя и ясныя правила должны согласить монополію, неизбѣжно съ ними сопряженную, съ требованіями общаго интереса. Главное затрудненіе заключается въ томъ, чтобъ этимъ надзоромъ и этими ограниченіями не стѣснить успѣшнаго хода подобныхъ предпріятій. Всего лучше успѣли соединить эти условія въ Великобританіи: тамъ большая часть путей сообщенія, каналовъ, желѣзныхъ, даже простыхъ, дорогъ учреждены и содержатся частною промышленостію, и нигдѣ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить неоднократно, эти пути не представляютъ

болѣе удобствъ и совершенства. У насъ въ Россіи проложеніе путей сообщенія, по крайней-мѣрѣ обыкновенныхъ дорогъ, еще не можетъ быть предметомъ частныхъ предпріятій; выгоды, ими представляемыя для частныхъ интересовъ, слишкомъ ограничены, и долго мы еще должны ожидать этихъ полезныхъ и необходимыхъ учрежденій исключительно отъ попеченій правительства.

56. О ПРОМЫСЛАХЪ ПРЕОБРАЗУЮЩИХЪ, ИЛИ МАНУФАКТУРНЫХЪ.

Тогда-какъ промыслы извлекающіе и торговые ограничиваются однимъ перемѣщеніемъ вещей, которое придаетъ имъ новую цѣнность, промыслы мануфактурные производятъ, т: е: увеличиваютъ цѣнность вещей, болѣе или менѣе преобразуя ихъ видъ и самую сущность. Ихъ цѣль—приспособлять къ удовлетворенію потребностямъ человѣка матеріялы, доставляемые природою или другими промыслами. Мы неоднократно уже упоминали о необходимости этого приспособленія; она ощущается людьми на самой низшей ступени общественности, и тѣмъ болѣе усиливается, чѣмъ болѣе размножаются потребности, вызываемыя успѣхами образованія.

Къ этому разряду промысловъ принадлежатъ всѣ неизчислимыя искусства ремесленыя, строительныя, фабричныя, заводскія и даже тѣ домашнія работы, помощію которыхъ люди окончательно приспособляютъ вещи къ своему употребленію. Эта вѣтвь промышлености не можетъ, конечно, обойтись безъ содѣйствія другихъ промысловъ; она тре-

буетъ отъ промысловъ извлекающихъ и земледѣльческихъ бо́льшей части первообразныхъ матерія-ловъ; отъ промысловъ торговыхъ, доставленія этихъ матеріяловъ; отъ промысловъ художественныхъ, учебныхъ и нравоучительныхъ, тѣхъ познаній и качествъ, которыя необходимы для ея успѣшнаго производства; но она можетъ также разсматриваться какъ необходимое условіе существованія и развитія всѣхъ другихъ промысловъ. Ей они обязаны приспособленіемъ или устроеніемъ своихъ мастерскихъ, орудіями, то облегчающими, то усиливающими ихъ производство и, что́ не менѣе важно, сбытами для своихъ произведеній, помѣщеніемъ множества полезностей, которыя, безъ посредничества мануфактурныхъ промысловъ, тщетно занимали бы ихъ усилія, и понапрасну вносились бы въ общественный бытъ.

Трудно, или лучше сказать невозможно, постановить правильныя подраздѣленія въ совокупности мануфактурныхъ промысловъ. Ксчастію, наше изложеніе не нуждается въ подобномъ анализѣ; сколь ни велико разнообразіе искусствъ и ремеслъ, оно открываетъ въ нихъ стороны общія, и на нихъ-то должно обращаться вниманіе экономиста.

Предоставимъ технологамъ раздробленіе мануфактурныхъ искусствъ на *физико-химическія,* измѣняющія совершенно составъ матеріяла, и на *физико-механическія,* измѣняющія только его наружный видъ. Замѣтимъ однако, въ чемъ сознаются и всѣ технологи, что это раздѣленіе, безъ сомнѣнія много облегчающее изученіе, не можетъ быть при-

нято безусловно; оба рода безпрестанно сливаются: почти во всякомъ произведеніи нельзя не открыть слѣдовъ всѣхъ трехъ преобразованій: физическаго, механическаго и химическаго. Раздѣленіе искусствъ по царствамъ природы сопряжено съ подобными же неудобствами. Многія изъ нихъ обнимаютъ произведенія, принадлежащія различнымъ царствамъ природы и сбивчивость неизбѣжна.

Еще менѣе систематическаго порядка въ распредѣленіи искусствъ на роды и виды, по ихъ назначенію: кромѣ чрезмѣрнаго множества подраздѣленій, тутъ предстоятъ на каждомъ шагу исключенія: одно и то-же искусство можетъ имѣть нѣсколько самыхъ различныхъ назначеній. Нѣкоторые статистики прибѣгаютъ къ раздѣленію мануфактурныхъ промысловъ, по мѣсту ихъ производства: на *фабричные* или *заводскіе* и *ремесленые* или *рукодѣльные*. Первые производятся въ особенныхъ зданіяхъ, исключительно для того предназначенныхъ, и преимущественно опираются на содѣйствіе машинъ и аппаратовъ; послѣдніе, въ самыхъ жилищахъ ремесленниковъ, или подъ открытымъ небомъ, и основаны преимущественно на рукодѣліи.

Сколь ни мало-удовлетворительно послѣднее раздѣленіе, оно можетъ быть однако принято скорѣе всѣхъ прочихъ. Дѣйствительно, мѣсто и образъ производства суть важныя черты, отличающія искусства ремесленыя отъ фабричныхъ; но это различіе изчезаетъ при перемѣнѣ обстоятельствъ: всякое ремесло можетъ возвыситься на степень фабричнаго производства, и обратно. Ктому-же, это раздѣле-

ніе, касаясь только нѣкоторыхъ частей мануфактурной промышленности, отнюдь не обнимаетъ вполнѣ ея сущности. Къ какому бы отдѣлу ни принадлежало искусство: ремесленому или фабричному, оно требуетъ соединенія одинакихъ условій, хотя и представляющихъ большое различіе въ подробностяхъ.

Займемся разсмотрѣніемъ этихъ условій, и сперва тѣхъ, которыя заключаются въ средствахъ матеріяльныхъ: мастерскихъ, орудіяхъ и первообразномъ веществѣ.

Сама природа указываетъ, и частію приготовляетъ, мѣсто производства для промысловъ извлекающихъ и земледѣльческихъ: въ нихъ производители разлучены пространствомъ. Въ промыслахъ торговыхъ, они разсѣяны по разного рода путямъ сообщенія и, весьма часто, одно и то-же произведеніе бываетъ плодомъ усилій, которымъ предаются люди на противоположныхъ точкахъ земного шара. Въ промыслахъ мануфактурныхъ, производители принуждены дѣйствовать совокупно на маломъ пространствѣ въ мастерскихъ, нарочно для того устроенныхъ собственными ихъ стараніями. Съ перваго взгляду нельзя не поразиться величайшимъ разнообразіемъ этихъ мастерскихъ.

Обозрѣвая промышленный городъ, наблюдатель на каждомъ шагу встрѣчаетъ мануфактурныя производства. Онъ окруженъ ими со всѣхъ сторонъ. Вездѣ его слухъ поражается ихъ шумомъ. Вездѣ его взорамъ представляются ихъ признаки, то вывѣски, то орудія, то аппараты, то мастера и работ-

ники, носящіе на одеждѣ слѣды своихъ занятій. Мануфактуры гнѣздятся по чердакамъ, прячутся въ погребахъ, раскидываются по всѣмъ этажамъ огромныхъ домовъ; тѣснятся въ проулкахъ, аллеяхъ; укрываются подъ сводами мостовъ, подъ карнизами зданій; жмутся по угламъ улицъ, площадей. Однѣ оспориваютъ у промысловъ торговыхъ лавки, магазины. Другія скрываются въ отдаленныхъ частяхъ жилищъ, или раскидываютъ свои орудія, свои снадобья посреди самого жилья, подлѣ ночлега и очага производителя. А тутъ, въ настоящихъ крѣпостяхъ, вооруженныхъ зубцами, высокими трубами, безпрестанно извергающими густые клубы чернаго дыма, мануфактуры являются во всемъ ихъ могуществѣ: это богатые аристократы посреди толпы скромныхъ простолюдиновъ.

Оставимъ городъ, исторгнемся изъ этой атмосферы, отягченной дымомъ, парами, газами всякого рода, потрясаемой трескомъ машинъ и орудій, кликами и говоромъ трудящихся. Посреди полей, мы встрѣтимъ слѣды той-же промышлености. Мѣстами пейзажъ омрачается угрюмымъ видомъ задымленныхъ фабрикъ, заводовъ; и въ самыхъ жилищахъ поселянъ, подлѣ сохи и плуга, раздаются то стукъ ткацкихъ становъ, то журчаніе самопрялки, то удары молота по наковальнѣ. Чѣмъ далѣе углубляемся въ селенія, тѣмъ дружнѣе сливаются промыслы мануфактурные съ земледѣльческими. Наконецъ, ихъ почти невозможно различить, и никому не покажется страннымъ, когда мы скажемъ, что иному поселянину пашня служитъ въ одно вре-

мя и мѣстомъ производства его промысла земледѣльческаго, и мастерскою для другого промысла мануфактурнаго. По берегамъ Гаронны, во Франціи, пастухи, сидя на своихъ ходуляхъ и смотря за своими стадами, обыкновенно вяжутъ чулки. У насъ въ Россіи, на сѣнокосахъ и жатвахъ часто веретено дѣйствуетъ въ одно время съ косою или серпомъ.

Посреди подобнаго разнообразія въ мануфактурныхъ мастерскихъ, по-видимому столь причудливаго, какія же можно указать правила общія?— Эти правила естественно проистекаютъ изъ силы вещей.

Нельзя не открыть самого тѣснаго соотношенія между обширностію мануфактурнаго предпріятія и мастерскою, въ которой оно производится. Въ промыслахъ торговыхъ, иныя предпріятія могутъ производиться въ самомъ большомъ видѣ, довольствуясь умѣреннымъ помѣщеніемъ, и въ особенности предпріятія негоціантовъ, оптовыхъ торговцевъ, не содержащихъ собственныхъ магазиновъ. Подобнаго удобства не представляютъ промыслы мануфактурные: пока мануфактуристъ принужденъ удѣлять, для помѣщенія своихъ машинъ и своихъ работниковъ, уголъ своего жилища; пока онъ заключенъ въ предѣлахъ лавки, уютнаго чердака или погреба, нельзя требовать отъ него разширенія производства: ему не достанетъ для того главнаго условія — мѣста.

Есть однако промыслы мануфактурные, которые, по самому свойству ихъ, не нуждаются въ обширномъ помѣщеніи: таковы тѣ окончательныя

приготовленія, которыя въ нашихъ кухняхъ сообщаются пищѣ, нами употребляемой; тѣ работы, помощію которыхъ внутри нашихъ покоевъ сохраняется цѣлость и опрятность мебели, одежды, утвари, и другія домашнія производства, хотя впрочемъ ничто не препятствуетъ и этимъ скромнымъ промысламъ превратиться въ предметъ предпріятій самыхъ огромныхъ. Примѣромъ тому служатъ большія рестораціи и прачечные дворы, занимающіе значительные капиталы и обширныя помѣщенія. Нѣкоторые промыслы могутъ производиться въ большомъ видѣ въ мастерскихъ весьма тѣсныхъ всравненіи съ другими, въ особенности тѣ, которые не нуждаются въ машинахъ и направлены на преобразованіе драгоцѣнныхъ матеріяловъ, какъто: промыселъ ювелира, часовыхъ дѣлъ мастера, блондовое и кружевное дѣло. Вообще ремесла, въ которыхъ преобладаетъ рукодѣліе, довольствуются помѣщеніемъ, отнюдь не достаточнымъ для фабричнаго производства съ его движителями и машинами. Промыслы мануфактурные, которымъ предаются поселяне въ досужее время отъ земледѣльческихъ работъ, по необходимости не обширны и могутъ весьма удобно производиться въ самихъ жилищахъ, такъ точно какъ и тѣ, которые совокупляются съ производствомъ разничной торговли въ лавкахъ и магазинахъ.

Какъ самая малая, такъ и самая обширная мастерская, для успѣшнаго производства въ ней мануфактурнаго промысла, должна быть къ тому приспособлена. Тамъ, гдѣ употребляются машины,

необходимо помѣщеніе удобное для ихъ расположенія и дѣйствія, для переноски первообразныхъ матеріяловъ и припасовъ изъ одной части зданія въ другую, безъ прерванія работъ. Производство однѣхъ работъ не должно вредить ходу другихъ: такъ напримѣръ, въ бумагопрядильнѣ, а еще болѣе въ льнопрядильнѣ нельзя трепать хлопку или чесать и мять ленъ въ томъ-же покоѣ, гдѣ дѣйствуютъ карды и волочильные станки. Для ремесленыхъ мастерскихъ нужны свѣтъ и помѣстительность. Жилища, гдѣ производятся нѣкоторые мануфактурные промыслы, должны быть къ тому способны. Въ темной и смрадной избѣ нельзя ткать яркія и дорогія шелковыя матеріи: въ Ліонѣ, гдѣ большая часть тканей, которыми красуется мода, изготовляется въ жилищахъ ткачей, послѣднія отличаются чистотою и опрятностью. Другія ткани требуютъ нѣкоторой сырости: онѣ изготовляются въ погребахъ, или въ зданіяхъ, гдѣ тщательно содержится въ воздухѣ надлежащая степень влажности. Каждый промыселъ требуетъ особенныхъ условій въ устройствѣ мастерской, и при недостаткѣ этихъ условій не можетъ успѣшно производиться.

Отъ устройства мастерскихъ много зависитъ уздоровленіе мануфактурнаго промысла. Погруженные постоянно въ одну и ту-же атмосферу, иногда въ принужденномъ положеніи, безъ достаточнаго упражненія мускуловъ, мануфактурные работники всего болѣе нуждаются въ частомъ возобновленіи воздуха: ктому-же, имъ угрожаютъ самыми опасными отравленіями, то тлетворныя и ядовитыя

испаренія, то металическая пыль, то мелкія волокна, проникающія въ легкія. Посреди машинъ, аппаратовъ, безпрестанно обращаясь съ огнемъ, съ острыми орудіями, съ ѣдкими веществами, они подвергаются ранамъ, ушибамъ, обжогамъ. Однимъ угрожаетъ разрывъ жерновыхъ камней, другимъ взрывъ паровыхъ котловъ. Дурное и непрочное расположеніе лѣсовъ или подмостковъ, этихъ временныхъ мастерскихъ строительнаго промысла, можетъ причинить погибель множества каменьщиковъ, плотниковъ, кровельщиковъ. Всѣ эти вредныя вліянія, всѣ эти опасности надлежитъ принимать въ разсужденіе при устройствѣ мастерскихъ; онѣ должны быть поставлены въ условія, наиболѣе ихъ удаляющія. Но этого мало: иные мануфактурные промыслы грозятъ пагубой сосѣднимъ населенностямъ. Одни наполняютъ атмосферу зловредными газами, истребляющими растительность; другіе портятъ рѣки, ручьи, источники, служащіе для напоенія городовъ и селеній; иные наносятъ ущербъ прочности сосѣднихъ зданій, нарушаютъ спокойствіе жителей шумомъ, страхомъ пожара, гибельныхъ приключеній. Въ устройствѣ мастерскихъ должны по возможности быть отвращены подобныя неудобства.

Располагая предпріятіе вдали отъ средоточія населенности, гдѣ его опасное сосѣдство никому не вредитъ, и гдѣ оно можетъ занять достаточное помѣщеніе для покойнаго и здороваго устройства мастерскихъ, мануфактуристъ удовлетворяетъ вышеприведеннымъ условіямъ. Но выборъ мѣста для

мануфактуры не всегда зависитъ отъ воли предпринимателя: онъ по необходимости сообразуется съ окружающими обстоятельствами болѣе или менѣе благопріятными производству промысла. Въ самой тѣсной зависимости отъ этихъ обстоятельствъ, и, въ особенности, отъ первообразнаго матеріяла и припасовъ и отъ удобства сбыта, находятся ремесла, какъ городскія такъ и сельскія. Первыя, нуждаясь безпрестанно однѣ въ другихъ, при помощи умѣренныхъ капиталовъ, работая на фасонъ, по заказу, по необходимости стараются помѣститься какъ можно ближе къ сбыту и къ тѣмъ орудіямъ, тѣмъ матеріяламъ, безъ которыхъ не могутъ обойтись. Онѣ-то въ средніе вѣка образовали общины, изъ которыхъ возникли почти всѣ города западной Европы. Ими руководили, частію, виды оборонительные, но кромѣ того множество ремеслъ не могутъ производиться вдали отъ потребителей. Промыслы каменьщика, плотника возможны лишь тамъ, гдѣ много построекъ; портные, сапожники должны быть подъ-рукой у потребителя; такъ точно и повара, рестораторы, аптекари. Водвореніе сельскихъ мануфактурныхъ промысловъ почти всегда объясняется или изобиліемъ матеріяловъ, или сосѣдствомъ обширнаго сбыта. У насъ въ Россіи, крестьяне предаются ножевному и слесарному производствамъ по близости желѣзныхъ заводовъ въ Нижегородской губерніи, такъ сказать на перепутьи между Ураломъ и средоточіемъ Россіи; тканье бумажныхъ матерій распространилось въ губерніи Владимірской, благодаря обильному привозу Англійской

бумажной пряжи; подъ Москвою, многія селенія тростятъ шелкъ, ткутъ простые фуляры; по близости лѣсовъ утвердилось въ нашихъ селахъ бочарное искусство; въ губерніяхъ льно—и пенько-производительныхъ, ярославской, псковской, калужской, орловской встрѣчаемъ выдѣлку нитей, канатовъ, полотенъ. Многіе изъ этихъ т. наз. сельско-окружныхъ мануфактурныхъ промысловъ мало по малу образуютъ города; по-мѣрѣ какъ возрастаетъ и богатѣетъ ихъ населенность, они привлекаютъ не только другія ремесла, но и большія фабричныя предпріятія. Такъ во владимірской губерніи возникли многолюдные города Шуя, Вязники; въ вологодской, Устюгъ. Павлово, Иваново принадлежащія графу Шереметеву суть селенія только по имени; въ сущности это настоящіе города (*).

Болѣе свободы въ выборѣ мѣста имѣетъ фабрикантъ, располагающій большимъ капиталомъ, и производящій въ большомъ видѣ: но, какъ и самый скромный ремесленикъ, онъ не можетъ безнаказанно пренебрегать соображеніемъ удобствъ сбыта, матеріяловъ и другихъ обстоятельствъ. *Ж. Б. Се* въ своемъ курсѣ политической экономіи посвящаетъ цѣлую главу разсмотрѣнію этого важнаго вопроса, о которомъ онъ могъ весьма здраво судить, имѣвъ самъ значительныя фабрики, и пострадавъ отъ несоблюденія правилъ, столь остроумно имъ излагаемыхъ. Предпринимая устроить фабрику въ какомъ-

(*) См. *Примѣчаніе 6: о мануфактурахъ въ Россіи.*

либо мѣстѣ, необходимо должно принять въ разсужденіе мѣстныя удобства для учрежденія движителей, для производства различныхъ работъ, окружающія фабрику; пути сообщенія, по которымъ она должна получать припасы и первообразные матеріялы, и высылать собственныя произведенія; отдаленность сбытовъ; степень оживленности торговыхъ сношеній въ окрестности; нравы и образованность населенности, съ которою должно имѣть дѣло; возможность имѣть хорошихъ работниковъ и въ достаточномъ числѣ.

Сколько фабричныхъ заведеній разоряются единственно вслѣдствіе дурного выбора мѣста: мы знаемъ одного почтеннаго помѣщика, по напрасну расточившаго немаловажные капиталы и самыя просвѣщенныя старанія на учрежденіе прядильни въ своихъ помѣстьяхъ, совершенно удаленныхъ отъ сбыта и доставки матеріяловъ. Желаніе имѣть фабрики на своихъ земляхъ вовлекло многихъ другихъ въ подобныя же безполезныя издержки. Напротивъ, сколько можно указать заведеній, дурно содержимыхъ, дурно управляемыхъ, но которыя держатся и даже процвѣтаютъ, благодаря только выгодному расположенію, то близости хорошей воды въ рѣкѣ, то изобилію работниковъ, то дешевизнѣ доставки топлива, сырыхъ матеріяловъ, то, наконецъ, удобству сбыта.

Изъ всѣхъ вѣтвей промышлености, мануфактурная наиболѣе снискиваетъ силы и могущества въ раздѣленіи занятій и употребленіи орудій и машинъ. Подобно торговой, она дробится естествен-

но на множество отраслей, и каждая отрасль допускаетъ болѣе или менѣе подраздѣленій. Но мануфактурные промыслы, несравненно болѣе торговыхъ, способны къ раздѣленію труда исполнительнаго; хотя, впрочемъ, эта способность не во всѣхъ представляетъ одинакую степень. Есть ремесла, въ которыхъ нельзя удобно раздробить работу между нѣсколькими исполнителями: въ другихъ, напротивъ, это раздробленіе простирается до крайнихъ предѣловъ. Оно не только усиливаетъ производительность промысла, но еще много способствуетъ улучшенію орудій, машинъ. «Когда подробность «какой-либо фабрикаціи, говоритъ кембриджскій «професоръ *Беббеджъ*, становится единственнымъ «занятіемъ работника, вниманіе его цѣликомъ об«ращается на одну операцію простую, ограничен«ную; разумъ не развлекается разнообразіемъ за«нятій и ему легче приходитъ въ мысль возможное «улучшеніе формы орудія, образа его употребленія. «Подобное улучшеніе бываетъ первымъ шагомъ «къ изобрѣтенію машины. Возмемъ, для примѣра, «рѣзьбу металла на станкѣ: для чистоты рѣзьбы, «орудіе рѣзецъ, должно составлять особенный «уголъ съ осью станка; мысль утвердить рѣзецъ «въ этомъ направленіи естественно приходитъ въ «голову смѣтливому работнику. Необходимость по«вторять медленно движеніе орудія по одному и «тому же направленію внушила изобрѣтеніе винта, «а вслѣдъ за тѣмъ и подвижную лапу станка (chariot «du tour). Такъ точно мысль вложить въ раму доло«то, чтобъ не забирало дерева слишкомъ глубо-

«ко, послужила къ изобрѣтенію столярнаго струга. «Опытность работника опредѣляетъ силу, съ кото- «рою должно ударять молотомъ; не трудно понять, «что молотъ падая постоянно съ одинаковой высо- «ты, будетъ производить всегда одинаковое дѣйст- «віе, и при помощи нѣкоторой изобрѣтательности, «замѣнитъ ручной молотъ укрѣпленнымъ на круго- «вращательной оси и устройствомъ кулаковъ для «его правильнаго приподниманія.» (*)

Въ древности, въ среднія и новѣйшія времена до половины XVIII столѣтія, въ Европѣ промыслы мануфактурные не выходили изъ тѣсныхъ предѣловъ ремесленаго производства; въ нихъ мало видимъ слѣдовъ примѣненія раздѣленія занятій и механическихъ средствъ, и хотя нѣкоторыя орудія и произведенія того времени отличаются совершенствомъ, вообще производительность мануфактуръ была ограничена. Успѣхи образованности, расторгнувъ узы, связывавшія трудъ народовъ, съ самого начала XVIII столѣтія, стали сильно содѣйствовать распространенію раздѣленія занятій и водворенію фабричнаго производства рядомъ съ ремесленымъ. Уже въ 1776 году, *Адамъ Смитъ* могъ подкрѣпить свои глубокіе выводы множествомъ неоспоримыхъ примѣровъ. Но величайшее усиленіе производительности мануфактурныхъ промысловъ было слѣдствіемъ изобрѣтенія и примѣненія къ нимъ новыхъ механическихъ средствъ.

Одна изъ самыхъ настоятельныхъ потребностей фабричнаго производства, главное условіе употреб-

(*) *Babbage: Traité sur L' Economie des machines.* Paris, 1834, p. 230.

ленія машинъ, заключается въ слѣпыхъ движителяхъ. Въ странахъ гористыхъ къ тому служатъ водопады; въ мѣстахъ ровныхъ, вѣтеръ; но эти движители слишкомъ подчинены мѣстнымъ обстоятельствамъ: потокъ можетъ изсякнуть, совратиться; вѣтеръ дуетъ непостоянно; ктому-же человѣкъ часто лишенъ этихъ природныхъ пособій и принужденъ довольствоваться своими собственными мускулами или весьма ограниченною силою вьючныхъ животныхъ. Паровая машина *Уатта* (я говорю *Уатта*, потому-что до него были одни неудовлетворительные очерки паровыхъ движителей) послужила къ отвращенію недостатка столь существеннаго. Мануфактуры обрѣли движителя могучаго, всегда послушнаго, способнаго къ перемѣщенію на большія разстоянія, удобно располагаемаго во всякого рода мѣстностяхъ.

Никакое изобрѣтеніе въ новѣйшія времена не имѣло послѣдствій столь важныхъ и столь обширныхъ. Оно оживило промыслы торговые, такъ сказать окрилило сношенія между народами, придало огромныя силы горной промышлености. Проникнувъ въ промышленость мануфактурную, оно сообщило ей движеніе необыкновенное, самую широкую независимость. Фабрики, заводы перестали тѣсниться вокругъ горъ и источниковъ, оспаривая одни у другихъ жалкое паденіе ручья; паровые движители, опираясь на успѣхи горной и торговой промышлености, ими же вызванные, стали возникать повсюду и вездѣ приводить въ движеніе машины, безпрестанно изобрѣтаемыя.

Паровая машина словно открыла врата, сквозь которыя механика, прежде не выходившая за предѣлы опытовъ робкихъ и недостаточныхъ, вторглась въ производство фабричное; обладая движителями столь совершенными, столь могучими, умъ человѣческій устремилъ свои усилія на замѣнъ ручныхъ работъ машинами, и чудесные успѣхи увѣнчали эти усилія. Они далеко оставили за собою результаты простого раздѣленія занятій и, опираясь на содѣйствіе силъ природныхъ, до невѣроятія увеличили производительность труда и капиталовъ.

Нынѣ самыя простыя, какъ и самыя сложныя, работы ручныя могутъ совершаться помощію машинъ гораздо скорѣе, правильнѣе, дешевле. Въ машино-строительномъ заведеніи, снабженномъ хорошими орудіями, работы, о которыхъ наши предки не смѣли помыслить, исполняются съ быстротою и легкостію удивительною. Сутокъ и даже менѣе довольно одному или двумъ работникамъ чтобъ, отстругать металическую поверхность въ нѣсколько квадратныхъ аршинъ; просверлить и выровнять цилиндръ, въ пол-аршина діаметромъ; отточить рычагъ паровой машины, нарѣзать зубцы на шестернѣ. Помощію мюль-женни, одинъ работникъ прядетъ разомъ 200 нитей хлопчато-бумажныхъ или шерстяныхъ. Можно поручить женщинѣ или ребенку наблюденіе за ходомъ непрерывнаго прядильнаго станка въ 100 или болѣе нитей льняной или пеньковой пряжи. На суконныхъ фабрикахъ стригальныя и ворсовальныя машины въ нѣсколько минутъ, подъ руководствомъ одного человѣка,

исполняютъ работу, которую прежде нельзя было кончить въ нѣсколько дней. Въ иныхъ заведеніяхъ цѣлыя сотни ткацкихъ становъ дѣйствуютъ, какъ бы волшебствомъ, безъ прямого участія рукъ человѣческихъ. Въ другихъ, машины изготовляютъ всѣ части бочекъ, колесъ, карнизы, мебель, ружейныя ложи.

Употребленію машинъ всякое искусство, болѣе или менѣе, обязано не только распространеніемъ и удешевленіемъ своего производства, но также его усовершенствованіемъ. Издѣлія механическія отличаются правильностію и чистотою отдѣлки, которыхъ не встрѣчаемъ въ издѣліяхъ ручныхъ. Послѣднія сопряжены съ порчею матеріяла, гораздо значительнѣйшею первыхъ; и если есть нѣкоторыя исключенія изъ этого правила; если можно еще указать работы, которыя донынѣ удачно производятся только руками, то при видѣ всего, что́ уже сдѣлано механикою, нельзя сказать что и эти работы со временемъ не будутъ удовлетворительно замѣнены механическими.

Еще одно матеріяльное условіе успѣшнаго производства мануфактурныхъ промысловъ заключается въ обиліи и качествѣ первоначальнаго вещества. Безъ сомнѣнія, этому условію подчинены и всѣ другіе промыслы; безъ него нельзя допустить ни горнаго дѣла, ни торговли; но послѣднія, въ этомъ отношеніи, болѣе или менѣе подчинены обстоятельствамъ, тогда-какъ въ мануфактурахъ выборъ матеріяла и, частію, его приспособленіе зависятъ отъ предпринимателя. Онъ долженъ сообразить коли-

чество матеріяловъ, которое можетъ добыть, съ обширностію своихъ средствъ механическихъ; кромѣ того, принять въ разсужденіе степень чистоты этого матеріяла, тѣ приготовительныя обработки, которымъ его надлежитъ подвергнуть. Кнесчастію, не всѣ мануфактурные предприниматели здраво судятъ объ этомъ предметѣ: многіе посвящаютъ всѣ свои заботы на устроеніе мастерской, на ея снабженіе отличными машинами, не обращая вниманія на первоначальное вещество. Гибельныя послѣдствія влекутъ за собою подобныя упущенія. Вокругъ насъ нѣтъ недостатка въ примѣрахъ. Здѣсь мы укажемъ вамъ на развалины свеклосахарныхъ заводовъ, неосторожно учрежденныхъ въ мѣстностяхъ, вовсе неспособныхъ къ произрожденію свекловицы. Тамъ, лежатъ въ пыли дорогія шерстопрядильныя машины, неосмотрительно заказанныя въ Англіи, по образцу служащихъ для пряденія руна длинношерстныхъ овецъ (*dishley*), которыхъ вовсе не имѣется въ Россіи. Сколько бумагопрядильныхъ фабрикъ рушилось у насъ по недостатку хлопки, которой привозъ затрудненъ шестимѣсячною зимою. Не лучшели былобы употребить эти капиталы на устроеніе льнопрядиленъ которымъ предстоитъ обильный первообразный матеріялъ, въ самомъ отечествѣ производимый.

Отъ пренебреженія приготовительной обработки первообразнаго матеріяла, у насъ, какъ и вездѣ, много терпитъ качество мануфактурныхъ издѣлій. Дурной промывкѣ шерсти должно приписать пятна, оказывающіяся въ нашихъ сукнахъ наилучше спря-

денныхъ, сотканныхъ, сваляныхъ, крашеныхъ и дегатированныхъ. Вслѣдствіе неудовлетворительнаго бученія льна, наши полотна желтѣютъ отъ стирки, или оказываются непрочными. Нечистота грузинскихъ и кавказскихъ шелковъ принуждаетъ нашихъ шелковыхъ фабрикантовъ употреблять италіянскій органсинъ и даже утокъ, которые обходятся имъ вчетверо дороже. Въ нашихъ бойняхъ и салотопняхъ, кожи животныхъ прорѣзываются ножами нерадивыхъ работниковъ (*); при топкѣ сала, никакого старанія не прилагается для его сортированія или, покрайней-мѣрѣ, для отдѣленія мяса и внутренностей. Издѣлія нашихъ писчебумажныхъ фабрикъ много выиграли бы отъ болѣе тщательной обработки тряпья до его превращенія въ тѣсто.

Всѣ эти соображенія доказываютъ сколько требуется опытности, осторожности, благоразумія отъ мануфактурнаго предпринимателя. Но этого не довольно: въ самыхъ скромныхъ ремеслахъ, гдѣ мастеръ самъ частію исполняетъ различныя работы своего предпріятія, онъ необходимо долженъ слѣдить за положеніемъ запроса и предложенія; соображать издержки производства съ стоимостію издѣлій; разсудительно выбирать помѣщеніе, орудія, первообразный матеріялъ; припасы; исполнителей; вести исправно счеты. Въ предпріятіяхъ значительныхъ еще чувствительнѣе необходимость расчетливости. Ремесленикъ большею частію производитъ по заказу; часто обработываетъ чужой матеріялъ; запросъ на его произведенія представляется ясно и

(*) См. *Журналъ Мануфактуръ и Торговли.* Октябрь, 1839 года.

прямо, и нѣкоторымъ образомъ руководитъ имъ. Фабрикантъ не имѣетъ столь положительныхъ данныхъ, чтобъ судить о потребности общественной; между нимъ и потребителемъ почти всегда служитъ посредникомъ торговецъ; притомъ, онъ не можетъ прервать свое производство, остановить свои машины, безъ потерь самыхъ чувствительныхъ. Въ правильномъ обсужденіи предѣловъ производства состоитъ, конечно, одна изъ самыхъ трудныхъ обязанностей фабричнаго предпринимателя и на дѣлѣ мы видимъ, что большая часть неудачь, въ мануфактурахъ, должна быть приписана ошибочному соображенію сбыта.

Расчетливость фабричнаго предпринимателя не можетъ ограничиваться однимъ соображеніемъ сбыта и расходовъ производства: онъ долженъ безпрестанно слѣдить за всѣми подробностями предпріятія, подчинять ихъ неусыпному и разсудительному надзору. Исполнители, имъ употребляемые, не имѣютъ одинакого съ нимъ интереса въ успѣшномъ ходѣ работъ: хозяинъ долженъ заботиться объ ихъ поощреніи, о предупрежденіи убытковъ, которымъ ежеминутно могутъ его подвергнуть ихъ нерадѣніе, ихъ лѣность, или неумѣнье. Онъ долженъ обращать вниманіе на распредѣленіе работъ, на ихъ выполненіе, на часы отдыха, на выборъ матеріяла, на сдачу готовыхъ издѣлій. У насъ часто удивляются тому, что фабрики и заводы лучше удаются купцамъ и мѣщанамъ, нежели дворянамъ. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго: первые посвящаютъ все свое время надзиранію за ходомъ работъ, тогда какъ пос-

лѣдніе, по большой части, довѣряютъ надзоръ управителямъ, мастерамъ, и только изрѣдка посѣщаютъ свои заведенія.

Заботясь о возможномъ уменьшеніи издержекъ производства, фабричный предприниматель поступаетъ нерасчетливо, когда скупится на улучшеніе способовъ и орудій, имъ употребляемыхъ, на поправки, на пріобрѣтеніе искуснѣйшихъ мастеровъ и работниковъ. Превосходство англійскихъ мануфактуръ предъ всѣми другими конечно должно приписать рѣшимости и готовности, съ которыми онѣ наперерывъ стараются усвоить себѣ улучшенные способы, полезныя изобрѣтенія, щедрости, съ какою награждаютъ тамъ умѣнье и познанія. Многія изобрѣтенія, сдѣланныя во Франціи и въ Германіи, тщетно искавшія тамъ примѣненія, обогатили предпріимчивыхъ англійскихъ фабрикантовъ. Россійскіе фабриканты иногда одержимы, въ этомъ отношеніи, робостію, которая противорѣчитъ ихъ обыкновенной расчетливости и предпріимчивости. Многія изобрѣтенія уже давно вошли въ употребленіе въ иностранныхъ земляхъ; на нашихъ фабрикахъ еще не видно ихъ слѣда, или замѣтны только немногія маловажныя попытки.

Изъ наблюденій, сдѣланныхъ по порученію правительства по случаю московской выставки 1843 года, (*) открывается, что изъ фабрикантовъ набив-

(*) См. *Обозрѣніе главныхъ вѣтвей россійской мануфактурной промышленности*, составленное по случаю московской выставки 1843 года; напечатано отдѣльно, и въ *журналѣ мануфактуръ и торговли* за 1844 годъ.

ныхъ матерій, ни одинъ не употреблялъ еще перротины, и только немногіе ввели на своихъ фабрикахъ тиснительные цилиндры. Большая часть суконныхъ фабрикантовъ еще придерживались устарѣлыхъ способовъ ворсованія, стрижки и, въ особенности, валянія помощію пестовъ, замѣненнаго заграницею несравненно удобнѣйшими круговращательными валяльными машинами. На бумагопрядильняхъ дѣйствовали старыя машины: на одной только занимались введеніемъ усовершенствованныхъ кардъ съ цилиндрами, работающими и собирающими, на манеръ шерсточесальныхъ аппаратовъ, также ровенсовыхъ машинъ для второго пряденія (jock frame) и самодѣйствующихъ мюлей (selfacting mules), выдѣлывающихъ пряжи почти въ полтора раза болѣе чѣмъ при обыкновенныхъ мюляхъ. На кожевенныхъ заводахъ замѣчена значительная трата дубильнаго вещества, вслѣдствіе недостатка хорошихъ машинъ для его рѣзки и размельченія. Фарфоровыя издѣлія, при хорошемъ составѣ тѣста, отличались неудовлетворительною лазурью. Несмотря на значительное винокуреніе, мало встрѣчено усовершенствованныхъ безпрерывныхъ аппаратовъ; въ южныхъ губерніяхъ, только у немногихъ свеклосахарныхъ фабрикантовъ оказались аппараты для варки сахарнаго раствора въ пустотѣ (*).

Упоминая объ этихъ недостаткахъ, мы отнюдь

(*) Поспѣшимъ замѣтить что съ 1843 года многое уже успѣло перемѣниться къ лучшему въ нашей мануфактурной промышленности.

не имѣемъ въ виду порицать нашихъ фабрикантовъ; желаемъ только обратить вниманіе на выгоды, которыхъ у насъ, какъ и вездѣ, могутъ ожидать предприниматели отъ введенія улучшенныхъ способовъ. Впрочемъ, заботясь о послѣднемъ, не должно увлекаться излишними надеждами на барыши, не должно впадать въ ошибки противуположныя. Нигдѣ не дѣлается столько изобрѣтеній, столько улучшеній, какъ въ мануфактурахъ. Но не всѣ онѣ могутъ быть примѣнены вездѣ съ одинаковыми выгодами, одинакою пользою. Нѣкоторыя хороши въ теоріи, неудобны въ приложеніи. Другія еще не могутъ соглашены быть съ порядкомъ существующимъ и, вмѣсто уменьшенія издержекъ производства, могутъ ихъ усилить. Иныя годны въ одной мѣстности, не удобны въ другой. Въ Манчестерѣ, Бирмингамѣ, Лидсѣ можно указать на множество самыхъ существенныхъ улучшеній, для принятія которыхъ еще не готовы наши фабрики. Не скачковъ, не разорительныхъ нововведеній должно требовать отъ искусныхъ предпринимателей фабричныхъ и ремесленыхъ, а постепеннаго улучшенія существующаго порядка; нѣкоторой готовности къ принятію того, что освящено опытомъ; нѣкотораго уваженія и вниманія къ совѣтамъ теоріи, наукъ, опытности.

Нынѣ нельзя, безъ явной неблагодарности, отвергать вліяніе наукъ на успѣхи мануфактуръ, нельзя не пользоваться ихъ совѣтами и указаніями, безъ явной неосторожности. Если иногда первая мысль полезныхъ изобрѣтеній зарождается въ мастерскихъ,

нельзя не согласиться однако, что наукамъ обязаны искусства конечнымъ изслѣдованіемъ этихъ открытій, той связи, которая между ними существуетъ, ихъ основаній, причинъ, послѣдствій. Примѣры удачнаго производства нѣкоторыхъ ремеслъ при помощи одного эмпиризма, отнюдь не доказываютъ безполезности знаній теоретическихъ. Напротивъ, нельзя не открыть на каждомъ шагу, подтвержденія необходимости послѣднихъ. Мануфактурный эмпиристъ дѣйствуетъ по наслышкѣ или по привычкѣ: постоянно повторяетъ одни и тѣже пріемы, ни на шагъ не отступаетъ отъ принятой програмы. Но природа, даже и неорганическая, не всегда послушна: могутъ встрѣтиться случаи, которыхъ не въ состояніи объяснить рутина; не зная причины явленій, ею вызываемыхъ, она лишена возможности улучшать свои способы. Эта недостаточность эмпирическихъ свѣденій, впрочемъ, признана всюду, гдѣ мануфактуры достигли нѣкоторой степени развитія. Фабриканты нынѣ ежедневно прибѣгаютъ къ совѣтамъ ученыхъ, то непосредственно, то изучая ихъ сочиненія. Заведенія, нѣсколько обширныя, не могутъ обойтись безъ нѣкоторыхъ исполнителей, обладающихъ надлежащими познаніями. Для управленія машинами, для ихъ строенія, необходимы инженеры; для химическихъ производствъ—мастера, соединяющіе съ знаніемъ дѣла свѣденія теоретическія; для построекъ—архитекторы. Нація, въ которой науки болѣе принимаютъ участія въ мануфактурныхъ промыслахъ, всегда имѣетъ важное преимущество предъ тою, гдѣ

господствуетъ недовѣрчивость къ ихъ совѣтамъ, гдѣ гордое невѣжество фабрикантовъ безусловно возстаетъ противъ всего, чего не понимаетъ (*).

Эту преувеличенную недовѣрчивость къ наукамъ должно приписать, частію, необходимости соединять, въ мануфактурахъ, съ знаніемъ теоретическимъ искусство практическое, пріобрѣтаемое навыкомъ, опытностью. Это искусство играетъ важнѣйшую роль въ трудѣ исполнительномъ и, по справедливости, наиболѣе цѣнится предпринимателями. Но если искусство должно, такъ сказать, оплодотворятъ познанія теоретическія, то что́ значитъ оно безъ познаній? . . . Практикантъ, руководимый эмпиризмомъ, блуждаетъ вѣчно во мракѣ и тратитъ на опыты, на неудачныя усилія драгоцѣнное время и матеріялъ.

Въ послѣднее время многія фабричныя производства замѣнили машинами большую часть труда человѣческаго. Слѣдуетъ ли изъ этого, что работники и другіе исполнители, ими употребляемые, могутъ обойтись безъ особеннаго искусства? — Такъ говорятъ нѣкоторые писатели, но совсѣмъ не такъ судятъ фабриканты. Правда, нѣкоторыя работы въ ихъ заведеніяхъ такъ упрощены, такъ облегчены, что могутъ быть поручаемы дѣтямъ, но за то другія требуютъ несравненно болѣе искусства въ работникѣ или мастерѣ, чѣмъ рукодѣльные способы. Чтобъ управлять разбивальною кардой, трепальною машиной, волочильнымъ или прядильнымъ станкомъ, необходимо имѣть работника или работницу,

(*) См. *Примѣчаніе 7-е.*

опытныхъ, ловкихъ: они мало дѣйствуютъ руками, но много разсудкомъ; — малѣйшее невниманіе можетъ испортить машину, повредить качеству издѣлій. Тамъ же, гдѣ, по видимому, работа вся производится дѣтьми, надзоръ необходимо долженъ быть порученъ человѣку надежному, смѣтливому.

Съ нѣкоторыхъ поръ, вошло въ моду обвинять мануфактурные промыслы въ развращеніи народной нравственности, особенно въ низшихъ сословіяхъ. Они, говорятъ, принуждаютъ населенность тѣсниться на маломъ пространствѣ въ городахъ и въ большихъ заведеніяхъ; это безпрестанное сближеніе возрастовъ и половъ придаетъ пороку заразительность самую гибельную; тому не мало содѣйствуетъ соблазнъ, безпрестанно окружающій фабричныхъ и ремесленыхъ работниковъ, противъ котораго они тѣмъ менѣе могутъ устоять, чѣмъ менѣе получили образованія; селянинъ, прибавляютъ, работаетъ вдали отъ искушеній; мануфактурный работникъ трудится подлѣ тѣхъ самыхъ притиновъ, которые побуждаютъ его къ расточительности, разврату. Семейныя узы, столь уважаемыя въ земледѣльческомъ быту, не признаются или попираются на фабрикахъ. Постоянно окруженный товарищами, завлекаемый въ удовольствія, фабричный работникъ отличается отсутствіемъ всякой предусмотрительности. Онъ предается расточительному щегольству наружному, или, напротивъ, не стыдится самой грязной, отвратительной одежды, проматывая свое достояніе на крѣпкіе напитки. Пьянство, буйство, мятежныя стачки, драки,

преступленія безпрестанно обуреваютъ мануфактурную населенность.

Всѣ эти упреки частію справедливы: ксожалѣнію они подтверждаются фактами несомнѣнными. Но эти факты отнюдь не доказываютъ преимущества, въ этомъ отношеніи, промысловъ земледѣльческихъ; мы увидимъ, въ своемъ мѣстѣ, что населенность, имъ предающаяся, хотя и разсѣяна въ пространствѣ, однако мало отличается чистотою нравовъ. Еще менѣе, основываясь на этихъ фактахъ, можно ставить ихъ въ упрекъ промысламъ мануфактурнымъ. Напротивъ намъ кажется, что эти промыслы, сближая людей, благопріятствуютъ обмѣну мыслей, много способствуютъ успѣхамъ образованности, а вслѣдствіе того, и распространенію началъ нравственныхъ. Они сильно дѣйствуютъ противъ эгоизма,—чувства, которое часто побуждаетъ людей малообразованныхъ на самые предосудительные поступки. На каждомъ шагу убѣждая въ необходимости чужой помощи, они пріучаютъ ко взаимному уваженію. Излишества, порочныя дѣйствія, въ промыслахъ мануфактурныхъ болѣе поражаютъ наблюдателя потому, что сжаты на маломъ пространствѣ. Но самое это обстоятельство, сближая проступокъ съ его гибельными послѣдствіями, должно имѣть полезное вліяніе на людей. Оно внушаетъ имъ необходимость вооружать волю противъ подобныхъ искушеній для избѣжанія подобныхъ же послѣдствій.

Примѣръ и совѣты предпринимателей могутъ имѣть самое благотворное вліяніе на нравы рабо-

чихъ сословій. Въ этомъ отношеніи нельзя не признать полезной стороны старинныхъ цеховыхъ постановленій, уничтоженныхъ большею частію въ Европѣ: онѣ учреждали настоящій нравственный союзъ между работникомъ и мастеромъ, вмѣняя въ обязанность послѣднему блюсти за поведеніемъ перваго. Жаль, что нельзя было согласить эту часть цеховыхъ постановленій съ отмѣненіемъ всего, что было въ нихъ притѣснительнаго для свободы труда. Нынѣ, особенно въ большихъ фабричныхъ заведеніяхъ, высокая стѣна отдѣляетъ предпринимателя отъ работниковъ: между ними нѣтъ ничего общаго, нѣтъ товарищества въ полномъ значеніи слова. Фабрикантъ беретъ у работника его трудъ, работникъ беретъ у фабриканта задѣльную плату и болѣе ничего не можетъ отъ него заимствовать: ни лучшихъ понятій, ни правильнаго образа мыслей, ни примѣровъ чистѣйшей нравственности. Эта взаимная чуждаемость столь же невыгодна для фабриканта, какъ и для работника. Если послѣдній остается при своемъ невѣжествѣ, то первый не обрѣтаетъ въ своихъ работникахъ содѣйствія полнаго, искренняго. Напротивъ, безпрестанно ихъ унижая своею холодностью, онъ поселяетъ въ нихъ зависть, недоброжелательство.

Тѣ изъ нашихъ отечественныхъ фабрикантовъ, большею частію изъ купеческаго сословія, которые, своимъ общественнымъ положеніемъ, также своимъ личнымъ образованіемъ хотя и возвысились надъ рабочимъ сословіемъ, но болѣе съ нимъ сближаются, могутъ похвалиться результатами промышле-

ными, удовлетворительнѣйшими предпріятій дворянскихъ. Во Франціи, въ Англіи, частыя несогласія между предпринимателями и работниками, ихъ безпрестанную вражду, то скрытную, то явную надлежитъ преимущественно приписать недостатку взаимныхъ сношеній, недопускающему полюбовныхъ сдѣлокъ, совѣщаній для предупрежденія раздоровъ.

Какъ и всякіе другіе промыслы, мануфактурные могутъ быть сопряжены со вредомъ общественнымъ или ущербомъ частнымъ. Долгъ нравственности вмѣняетъ предпринимателямъ въ обязанность избѣгать подобныхъ неудобствъ. Они должны заботиться не только объ удаленіи опасностей и вреда, угрожающихъ работникамъ внутри самыхъ заведеній и въ особенности слабѣйшимъ—женщинамъ и дѣтямъ; но также о предохраненіи отъ подобныхъ послѣдствій окрестной населенности и другихъ сосѣднихъ предпріятій. Не довѣряясь вполнѣ, въ этомъ отношеніи, ни внушеніямъ частной нравственности, ни даже образованности производителей, власть общественная обязана принимать мѣры, то предупредительныя, то карательныя, для соглашенія свободы мануфактурныхъ промысловъ съ свободою всѣхъ прочихъ, и съ народною безопасностію и спокойствіемъ. Эти мѣры, однако, должны отличаться осторожностію и умѣренностію, особенно тѣ, которыя дѣйствуютъ предупредительно. Чрезмѣрная строгость, излишнія формальности, проволочки въ разрѣшеніяхъ, вмѣненіе въ обязанность трудныхъ условій—въ высшей степени неблагопріятны развитію и процвѣтанію мануфактуръ.

Постановленія, къ которымъ прибѣгали, и еще прибѣгаютъ нѣкоторыя законодательства для обезпеченія совершенства издѣлій то подчиняя ихъ разсмотрѣнію, то принуждая мануфактуристовъ придерживаться неотступно урочныхъ способовъ, съ одной стороны вредны для успѣховъ мануфактуръ, съ другой безполезны потому, что не могутъ быть соблюдены. Законы общественные должны, безъ сомнѣнія, угрожать наказаніемъ за явный обманъ; они могутъ предписывать различные предохранительные и обезпечительные знаки, какъ то клейма, пробы, и т. п. для издѣлій, въ которыхъ трудно по наружнымъ признакамъ судить о матеріялѣ, о внутренней прочности; но, за исключеніемъ этихъ случаевъ, потребителю одному подобаетъ судить о качествѣ издѣлій, ихъ формѣ, цвѣтѣ, размѣрахъ и, въ особенности, добротѣ. Ктому-же, промышленость мануфактурная совершенствуется безпрестанно; ежедневно успѣхи прикладной механики, химіи, обогащаютъ ее новыми способами; наблюденія за производствомъ въ другихъ земляхъ внушаютъ новыя улучшенія: подчинить мануфактуристовъ употребленію какихъ-либо заданныхъ способовъ, значитъ обречь ихъ на неподвижность. Еслибъ французская промышленость никогда не отступала отъ регламентовъ ей предписанныхъ Колбертомъ, то доселѣ еще стояла бы на одной изъ самыхъ низшихъ степеней въ Европѣ. Ксчастію, надзоръ за соблюденіемъ подобныхъ постановленій рѣшительно не возможенъ: какъ, постоянно и во всякое время, слѣдить за ходомъ

работъ на фабрикѣ, въ мастерской или на дому ремесленика?

Начала этихъ регламентовъ должно искать въ общинныхъ и цеховыхъ постановленіяхъ, о которыхъ мы уже имѣли случай упоминать (§ 35). Возникнувъ посреди междоусобій и притѣсненій среднихъ вѣковъ на западѣ Европы, городскія общины, сначала оборонявшія трудъ ремесленый, мало по малу, по-мѣрѣ водворенія порядка государственнаго, превратились въ привилегіи самыя притѣснительныя, основанныя на присвоеніи немногимъ права производить разные промыслы, придерживаясь правилъ и способовъ однажды постановленныхъ. Долго эти привилегіи служили сильнымъ препятствіемъ къ водворенію фабричной промышлености, которая, по необходимости, не могла подчиняться ихъ тѣснымъ регламентамъ. Въ Англіи, во Франціи фабрики успѣли распространиться только по отмѣненіи цеховыхъ постановленій. У насъ въ Россіи, особеннымъ уставомъ фабричная и заводская промышлености изъяты изъ правилъ, которымъ еще отчасти подчинена ремесленая. Впрочемъ и послѣдняя избавлена отъ мѣръ наиболѣе притѣснительныхъ: сохранены напротивъ тѣ учрежденія, въ которыхъ, какъ мы уже замѣтили, заключается истинно полезная сторона цеховъ, каковы: ремесленая управа, подмастерская управа, ремесленый голова, ремесленые сходы, ремесленая казна, отношенія между мастерами, подмастерьями и учениками. Можно бы желать еще только отмѣненія особенныхъ преимуществъ, предоставленныхъ масте-

рамъ цеховымъ, касательно содержанія подмастерьевъ и учениковъ, и того управнаго свидѣтельства, которое выдается лишь учившимся у цеховаго мастера, и безъ котораго никто не можетъ заниматься никакимъ мастерствомъ. Эти двѣ статьи нашего свода ремесленыхъ постановленій давно уже не примѣняются къ сельской ремесленой промышленности и къ иностраннымъ мастерамъ, переселяющимся въ россійскіе города.

Относительно постановленій о фабричной и заводской промышлености, сохранившихъ у насъ законную силу, замѣтимъ, что всѣ онѣ имѣютъ въ виду или охраненіе общественной безопасности, или опредѣленіе отношеній между работниками и предпринимателями. О необходимости послѣдняго много толкуютъ теперь на западѣ Европы, не зная впрочемъ какъ приступить къ разрѣшенію столь важнаго вопроса. У насъ, потребность въ этомъ опредѣленіи оказалась естественно, вслѣдствіе крѣпостного состоянія большой части рабочаго сословія и принятыя мѣры законодательныя столь же просты, сколь и существенны. Онѣ подчиняютъ извѣстному порядку употребленіе на фабричныя работы крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ помѣстьямъ на различныхъ основаніяхъ; и ограничиваютъ права помѣщиковъ надъ людьми, поступившими съ ихъ дозволенія на фабрики, принадлежащія лицамъ не изъ дворянскаго сословія.

Упомянемъ еще о средствахъ, помощію которыхъ правительства стараются поощрять производство мануфактурныхъ промысловъ. Нѣкоторыя изъ

нихъ какъ то: выставки мануфактурныхъ издѣлій, обнародованіе описаній улучшенныхъ способовъ производства, преміи, награды для поощренія мануфактуристовъ, показавшихъ наиболѣе успѣха, распространеніе между производителями хорошихъ образцовъ, если не всегда достигаютъ предположенной цѣли, то, покрайней-мѣрѣ, не причиняютъ никакого существеннаго вреда. Привилегіи, выдаваемыя на краткое время изобрѣтателямъ новыхъ способовъ, пособія и вспоможенія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ оправдываются тою пользою, которую могутъ принести обществу.

Но самымъ существеннымъ поощреніемъ къ развитію мануфактуръ еще считаются нынѣ мѣры, запрещающія или затрудняющія привозъ иностранныхъ издѣлій въ государство, мѣры, обезпечивающія издѣліямъ туземнымъ монополію отечественнаго рынка. Нѣкоторыя соображенія, по необходимости, должны быть здѣсь представлены, касательно происхожденія, свойства и послѣдствій этихъ мѣръ, образующихъ такъ называемую систему *охранительную* или *запретительную*, нынѣ господствующую въ большей части государствъ европейскаго происхожденія и преимущественно направленную на водвореніе промысловъ мануфактурныхъ.

Многочисленные доводы, приводимые въ защиту или въ оправданіе охранительной системы (*) могутъ

(*) Происхожденіе запретительной или охранительной системы и ея постепенное водвореніе и развитіе въ Европѣ весьма удовлетворительно описаны въ статьяхъ о государственной внѣшней торговлѣ Россіи, помѣщенныхъ *въ Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ за 1844 годъ.*

быть, кажется, выражены въ четырехъ предложеніяхъ: 1) запрещая, или затрудняя, ввозъ въ государство иностранныхъ издѣлій, она даетъ занятіе отечественнымъ производительнымъ силамъ и, въ особенности, *народному труду*; 2) побуждая народъ заниматься промыслами мануфактурными, она содѣйствуетъ его обогащенію и образованію; 3) пріучая націю довольствоваться собственнымъ производствомъ, она избавляетъ ее отъ иностранной зависимости; и наконецъ 4) предохраняетъ туземныя предпріятія отъ гибельныхъ послѣдствій иностраннаго соперничества. Всѣ эти доводы, сколь ни кажутся благовидными, не могутъ устоять противъ простого анализа фактовъ.

Иностранная промышленость, доставляя намъ свои издѣлія мануфактурныя и другія, въ которыхъ мы нуждаемся, отнюдь не уступаетъ ихъ намъ безмездно: она требуетъ въ замѣнъ какихъ-либо изъ нашихъ собственныхъ произведеній, и посему, не только не лишаетъ занятій нашъ трудъ и другія народныя производительныя силы, но предлагаетъ, напротивъ, пищу многимъ отечественнымъ промысламъ, внутренней торговли и тѣмъ промысламъ мануфактурнымъ и земледѣльческимъ, которые занимаются изготовленіемъ отвозныхъ статей. Запрещая, или затрудняя привозъ этихъ издѣлій, напротивъ, система явно стѣсняетъ производство отечественное, лишая его сбытовъ, а иногда, и первообразныхъ матеріяловъ.

Правда, подобныя запрещенія, или затрудненія, клонятся къ водворенію въ государствѣ промыс-

ловъ, какіе безъ того тамъ не утвердились бы. Уменьшая искуственно предложеніе какихъ-либо издѣлій мануфактурныхъ, на которыя существуетъ запросъ въ націи, онѣ увеличиваютъ ихъ цѣнность; позволяютъ образоваться предпріятіямъ для ихъ производства, или обезпечиваютъ подобнымъ предпріятіямъ барыши, которыхъ онѣ не могли бы осуществить, еслибъ не затрудненъ былъ ввозъ такихъ же иностранныхъ издѣлій. Этимъ система, безъ сомнѣнія, сильно содѣйствуетъ обогащенію нѣкоторыхъ производителей, но, какъ мы уже не разъ замѣчали, они обогащаются на счетъ другихъ, на счетъ всей націи, которая бѣднѣетъ въ соразмѣрности съ относительною дороговизною туземныхъ издѣлій. Если за издѣліе, которое, при свободной доставкѣ иностранныхъ продуктовъ, стоило бы потребителю одного рубля, при господствѣ запрещеній онъ принужденъ платить отечественнымъ фабрикантамъ два рубля, то весьма ясно, что въ отношеніи къ этому издѣлію онъ становится вдвое бѣднѣе.

Мысль, что нѣкоторые промыслы, въ особенности мануфактурные, болѣе другихъ благопріятствуютъ успѣхамъ образованности, ни чѣмъ не подтверждается. Всѣ промыслы нуждаются въ образованности, и всѣ, по-мѣрѣ средствъ доставляемыхъ ими производителямъ, способствуютъ къ ея распространенію. Ничто не препятствуетъ народу достигнуть высокой степени просвѣщенія, занимаясь почти исключительно торговыми или земледѣльческими промыслами: съ одной стороны Финикія, Карѳагенъ, Венеція, съ другой Китай служатъ то-

му примѣрами. Напротивъ, какого бы рода ни были тѣ промыслы, которыхъ успѣхи основаны не на свободномъ примѣненіи силъ человѣческихъ, но на запрещеніи, на удаленіи соперничества, они дѣйствуютъ неблагопріятно на образованіе общественное; пріучаютъ производителей расчитывать на пособія искуственныя и, при какомъ-либо случайномъ лишеніи этихъ пособій, обнаруживаютъ всю свою слабость. Запретительныя постановленія можно уподобить костылямъ, которыми вооружаются мануфактурные промыслы въ младенчествѣ, и съ которыми, однажды свыкнувшись, они съ трудомъ разстаются. Внутреннее соперничество рано или поздно можетъ уровнять цѣнность и стоимость ихъ издѣлій на отечественныхъ рынкахъ, но никогда не придастъ имъ довольно силъ, чтобъ выдержать соперничество иностранное, если они возникли и развились единственно благодаря тарифамъ и вопреки мѣстнымъ обстоятельствамъ. Лучшимъ примѣромъ тому служитъ Франція, гдѣ, при господствѣ самой строгой запретительной системы, развились многіе промыслы мануфактурные и достигли крайняго предѣла внутренней дешевизны, вслѣдствіе внутренняго соперничества, но не могутъ нигдѣ на внѣшнихъ рынкахъ состязаться съ подобными же произведеніями другихъ государствъ, въ которыхъ обстоятельства болѣе благопріятствовали успѣхамъ тѣхъ-же самыхъ промысловъ.

Эти невыгоды, говорятъ, вознаграждаются обезпеченіемъ націи независимости отъ иностраннаго производства: благодаря охранительной системѣ,

она можетъ всегда довольствоваться собственными произведеніями. Нельзя принять это возраженіе во всей его полнотѣ, не впавъ въ самое нелѣпое заключеніе. Чтобъ довольствоваться своимъ производствомъ, жители сѣвера должны бы на всегда отказаться отъ произведеній юга, и обратно; каждая нація должна бы развиваться изъ собственныхъ элементовъ, не заимствуя у другихъ ни орудій, ни первообразныхъ матеріяловъ, ни познаній; внѣшняя торговля и всякого рода взаимныя сношенія между народами, должны бы прекратиться; народы, рѣшительно отказаться отъ выгодъ раздѣленія занятій, которыми пользуются въ такой мѣрѣ недѣлимые. Система не простираетъ такъ далеко своихъ притязаній; по странному противорѣчію, приписывая особенную важность внѣшней торговлѣ, противъ которой явно направлена, она разумѣетъ независимость относительно только нѣкоторыхъ издѣлій мануфактурныхъ, и допускаетъ привозъ всѣхъ произведеній иностранныхъ, которыя не могутъ быть соглашены съ отечественнымъ климатомъ. Но, еще разъ повторяемъ, зависимость существуетъ лишь тамъ-гдѣ, съ одной стороны, есть даровая уступка, съ другой, необходимость въ этой уступкѣ. Ничего подобнаго не видимъ въ пріобрѣтеніи мѣною издѣлій иностранныхъ. Если мы нуждаемся въ этихъ издѣліяхъ, то Англичане или Французы намъ ихъ доставляющіе нуждаются въ нашихъ произведеніяхъ. Безъ этого они не рѣшились бы къ намъ везти свои продукты: зависимость, если это можно назвать зависимостью, здѣсь обоюдная.

Пріобрѣтеніе мѣною разныхъ чужеземныхъ продуктовъ часто называютъ данью, платимою иностранцамъ. Что́ есть тутъ похожаго на дань? Развѣ мы платимъ подать купцу, когда покупаемъ товаръ предлагаемый намъ въ его лавкѣ? Уплачивая иностранцу товарами или монетою, развѣ въ замѣнъ не получаемъ съ него издѣлій равноцѣнныхъ?

Но, покупая товары иностранные, государство бѣднѣетъ монетою?—Монета есть такой же товаръ, какъ и всѣ другіе: если у насъ въ немъ избытокъ, и если въ обмѣнъ за него иностранцы намъ предлагаютъ другіе товары, въ которыхъ у насъ недостатокъ, то мѣна для насъ выгодна. Но замѣтимъ еще, что сдѣлки по отвозной торговлѣ рѣдко разрѣшаются вывозомъ монеты: далѣе объяснится что вывозъ монеты, въ большей части случаевъ, отнюдь не столь выгоденъ, какъ другихъ произведеній, и всего чаще иностранецъ, продавши свой товаръ на деньги, спѣшитъ купить другіе товары.

Но, въ случаѣ войны, когда торговыя сношенія прерваны, откуда мы станемъ получать произведенія, привозимыя къ намъ иностранцами въ мирное время?—Война есть бѣдствіе народное; послѣдствія ея ощущаются во всѣхъ отрасляхъ промышлености; она уменьшаетъ производство, ограничиваетъ насильственно потребленіе. Усилія народовъ должны клониться къ предупрежденію войнъ, и они всего лучше того достигаютъ, оживляя взаимныя сношенія, порождая въ большинствѣ націи интере-

сы къ соблюденію мира. Запретительная система дѣйствуетъ въ сторону совершенно противоположную: она сохраняетъ вражду, зависть и ненависть между народами посреди мира; сильно препятствуя водворенію торговыхъ сношеній, не даетъ укрѣпиться узамъ взаимнаго интереса; при ея господствѣ, успѣхи однихъ становятся страшилищемъ для другихъ; умножая причины и точки столкновенія между общественными интересами разныхъ государствъ, она вызываетъ, подготовляетъ тѣ горестныя событія, тѣ брани, которыя разлучаютъ народы и вооружаютъ ихъ другъ противъ друга огнемъ и мечемъ.

Ксчастію война всегда останется положеніемъ анормальнымъ и, вопреки упорству самихъ враждующихъ, должна прекратиться ихъ взаимнымъ истощеніемъ. Имѣя въ виду положеніе временное и случайное, государство не можетъ совращать въ искусственные и невыгодные пути свое производство постоянное.

Ктому-же, война рѣдко ведется со всѣми иностранными державами въ одно время. Еще остается средство добывать продукты изъ другихъ странъ неутральныхъ и, почему не сознаться, личная корысть, въ ея неодолимомъ стремленіи извлечь наиболѣе выгодъ изъ средствъ, которыми располагаетъ, частію ослабляетъ вліяніе войны, такъ точно, какъ въ мирное время она парализируетъ иногда постановленія, которыми хотятъ предохранить націю отъ привоза иностранныхъ издѣлій.

Когда всѣ правильныя торговыя сношенія прер-

ваны, контрабанда, на зло пушкамъ и крейсерамъ, не страшась ни стука оружія, ни разоренія, ни плѣна, ни даже позорной смерти, угрожающей смѣльчакамъ, продолжаетъ свои тайные промыслы, и еще дѣятельнѣе, нежели посреди мира. Она-то поддерживаетъ сбыты, безъ которыхъ иные промыслы совершенно упали бы въ одномъ государствѣ и, въ то-же время, удовлетворяя потребностямъ другого, частію предохраняетъ его отъ разорительнаго производства. Когда громъ войны умолкаетъ; когда арміи распускаются, или возвращаются на свои обыкновенныя квартиры; когда военные кордоны снимаются, остаются же однѣ оцѣпленія таможенныя, контрабанда продолжаетъ свои дѣйствія. Ея путемъ иностранные товары запрещенные тарифомъ, или обложенные слишкомъ высокими пошлинами, безпрестанно проникаютъ на внутренніе рынки. Никакія постановленія, никакія наказанія, никакіе досмотры не могутъ вполнѣ прекратить эти нарушенія. Высокая премія, которую контрабандистъ надѣется получить за товаръ тайно провезенный, ободряетъ его противъ всевозможныхъ опасностей. Ктому-же, онъ вездѣ находитъ содѣйствіе со стороны населенности, которой доставляетъ товары, хотя и по цѣнѣ дорогой сравнительно съ иностранными, но дешевле и качествомъ лучше туземныхъ.

Еще одинъ доводъ, на который опираются защитники охранительной системы, извлекается ими изъ неравенства положенія мануфактурныхъ промысловъ въ различныхъ государствахъ. Какъ, гово-

рятъ они, существовать мануфактурамъ, если допустить привозъ подобныхъ же издѣлій изъ другихъ мѣстъ, гдѣ, вслѣдствіе раздѣленія занятій и употребленія машинъ, производство значительно облегчено; гдѣ добываніе сырого матеріяла, топлива, припасовъ обходится дешевле; гдѣ производство менѣе обременено налогами? Та часть возраженія, которая основана на сравнительной дешевизнѣ производства, сырого матеріяла и топлива, обращается противъ самихъ возражателей. Она доказываетъ безполезность и невыгоду запретительныхъ мѣръ. Безъ нихъ туземные производители не рѣшились бы посвящать свой трудъ и свои капиталы на предпріятія явно невыгодныя, не соединяющія тѣхъ условій успѣха, которыми отличаются подобныя же у иностранцевъ. Безъ нихъ, къ новымъ производствамъ приступали бы только по-мѣрѣ осуществленія этихъ благопріятныхъ условій, если онѣ могутъ, по свойству своему, осуществиться въ націи, и приступали бы тогда, когда разность въ стоимости иностранныхъ и туземныхъ издѣлій, вслѣдствіе издержекъ доставки первыхъ содѣлалась бы достаточною для обезпеченія прибыли, предпринимателямъ, изготовляющимъ послѣднія. Подобныхъ результатовъ, конечно нельзя, ожидать для множества произведеній, зависящихъ отъ совершенно мѣстныхъ обстоятельствъ. Никогда въ Европѣ, напр., нельзя будетъ производить экономически кофе, чай, индиго и многіе другіе продукты странъ тропическихъ. Но они возможны и безпрестанно осуществляются для многихъ мануфактурныхъ издѣлій. Дозъ

воленіе провозить безпошлинно машины въ Россію не помѣшаетъ утвердиться у насъ машиностроительнымъ заведеніямъ; многія уже возникли, другія возникаютъ; а право, широко предоставленное всѣмъ путешественикамъ, провозить сколько имъ угодно готового бѣлья, платья, обуви, отнюдь не препятствуетъ размноженію портныхъ, швей и сапожниковъ въ нашихъ столицахъ и городахъ.

Скажемъ еще болѣе: промыслы, которые развиваются опираясь на естественныя, а не на искуственныя обстоятельства, имъ благопріятствующія, отличаются силою и могуществомъ, которыхъ не видимъ въ промыслахъ, развитыхъ подъ прикрытіемъ таможеннаго тарифа. Эти скороспѣлки живутъ посреди опасеній и недуговъ; они безпрестанно нуждаются въ врачеваніи пошлинами, запрещеніями; малѣйшее удаленіе этихъ лекарствъ, столь дорого стоящихъ націи, приводитъ ихъ въ содроганіе: малѣйшая перемѣна въ иностранныхъ способахъ производства ставитъ ихъ на край гибели. . . . . .

Кромѣ близости сбыта, отечественное производство можетъ расчитывать на разныя другія преимущества, какими не пользуются иностранцы; и каждое изъ этихъ преимуществъ помогаетъ его развитію, поддерживаетъ его существеннѣе всѣхъ возможныхъ пошлинъ. Къ этимъ преимуществамъ причислимъ: то дешевизну рукодѣлія, то знаніе моды, предпочтеній народныхъ, то разныя мѣстныя удобства. Въ Москвѣ, подлѣ большихъ шелковыхъ фабрикъ, которыя, подъ щитомъ высокихъ пошлинъ, подражаютъ Ліонскимъ издѣліямъ, существуетъ множе-

ство мелкихъ заведеній, изготовляющихъ изъ шемахи издѣлія простыя, дешевыя и грубыя, но годныя для нашихъ поселянъ. Ихъ производство можетъ быть оцѣнено въ нѣсколько мильйоновъ рублей. Въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что это производство не опасается никакого соперничества иностраннаго.

Что-же касается до уравненія налоговъ, то, безъ сомнѣнія, если какое либо произведеніе туземное само, или въ первообразномъ матеріялѣ, обременено податью, справедливость требуетъ распространить эту подать, въ видѣ пошлины, и на подобное произведеніе иностранное. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, всякая новая таможенная пошлина есть только новый налогъ, отъ котораго равно терпятъ и потребители и производители, кромѣ однако отечественныхъ производителей тѣхъ издѣлій, на какія она падаетъ. И не должно терять изъ виду, что налогъ этотъ отнюдь не обращается въ пользу государственной казны,—которая вообще тѣмъ менѣе получаетъ отъ таможенныхъ сборовъ, чѣмъ выше узаконенная пошлина,—но служитъ или основаніемъ чрезмѣрныхъ барышей, осуществляемыхъ производителемъ обложеннаго привозною пошлиною товара, или для покрытія издержекъ дорогого искуственнаго производства. Вообще косвенные налоги, падающіе на потребленіе, способствуютъ дороговизнѣ производства и, въ особенности, задѣльной платы: но, изъ подобныхъ налоговъ, таможенныя пошлины и запрещенія болѣе всѣхъ другихъ клонятся къ этому результату. Смѣшно-же требовать сохраненія ихъ, или усиленія, ссылаясь на необ-

ходимость удешевить производство: гораздо правильнѣе стремиться къ противному.

Система не довольствуется затрудненіемъ ввоза иностранныхъ издѣлій: она поощряетъ преміями вывозъ за границу издѣлій отечественныхъ. Иногда эти преміи суть не что иное какъ возвращеніе (draw-back) пошлины, уплаченной за сырой матеріялъ; но часто онѣ предлагаются купцу за вывозъ опредѣленнаго количества какого-либо товара туземнаго производства. Благодаря этимъ преміямъ, купецъ можетъ понизить цѣну своихъ товаровъ сравнительно съ цѣною товаровъ иностранныхъ на тѣхъ рынкахъ, гдѣ они встрѣчаются. Между-тѣмъ, вывозъ отечественныхъ произведеній увеличиваетъ ихъ цѣнность на внутреннемъ рынкѣ, тѣмъ болѣе, что привозъ подобныхъ запрещается, и въ этомъ увеличеніи находятъ еще новое поощреніе фабриканты. Безспорно они поощряются: но гдѣ-же тутъ содѣйствіе богатству народному? развѣ этимъ не вовлекаютъ капиталовъ въ предпріятія торговыя невыгодныя? о нихъ никто и не думалъ бы, если бы не приманка премій, которыя уплачиваются на счетъ всего государства, и которыя клонятся единственно къ умноженію дороговизны разныхъ предметовъ потребленія (*).

Всего страннѣе притязаніе системы на распространеніе внѣшней торговли, тогда-какъ она закры-

(*) Покойный министръ финансовъ графъ Канкринъ, изъ видовъ политики весьма здравой, придерживался охранительной системы относительно нѣкоторыхъ вѣтвей мануфактуръ, но всегда отвергалъ, какъ средство вредное и убыточное, отвозныя преміи.

ваетъ ей пути. Сбытъ можно предположить лишь тамъ, гдѣ есть предметы для обмѣна: запрещая привозъ множества произведеній, таможенные тарифы всегда стѣсняютъ, а во многихъ случаяхъ рѣшительно уничтожаютъ торговлю между различными государствами.

Запрещая, или облагая пошлинами вывозъ сырыхъ матеріяловъ, система имѣетъ также въ виду поощреніе фабрикъ; этою мѣрою она рѣшительно приносить имъ въ жертву развитіе промысловъ земледѣльческихъ, доставляющихъ сырые матеріялы; съ одной стороны она лишаетъ ихъ сбыта, съ другой, искуственно понижаетъ цѣнность ихъ продуктовъ на внутреннихъ рынкахъ, и принужденно ограничиваетъ ихъ производство. Но всего болѣе бросается въ глаза противорѣчіе системы, когда она распространяетъ свои предохранительныя пошлины на тѣ-же самые продукты земледѣльческіе, которые служатъ сырыми матеріялами для мануфактуръ, и которыхъ изобиліе, а слѣдовательно и дешевизну, желаетъ обезпечить затрудненіями вывоза. Въ этомъ случаѣ она обезпечиваетъ особенныя выгоды земледѣльцамъ, но причиняетъ явный ущербъ мануфактуристамъ, усиливая дороговизну первообразныхъ матеріяловъ.

Таковы же послѣдствія мѣръ, направленныхъ на поощреніе мореплаванія подъ отечественнымъ флагомъ. Облагая высшими пошлинами товары, приходящіе подъ иностраннымъ флагомъ, таможенные тарифы увеличиваютъ цѣну привозимыхъ продуктовъ, и въ особенности громоздкихъ, къ которымъ

принадлежитъ большая часть сырыхъ матеріяловъ, обработываемыхъ на фабрикахъ.

Такъ, во всѣхъ своихъ мѣрахъ заботясь о поощреніи какой-либо одной вѣтви промышлености, система наноситъ ущербъ другой; и если даже успѣваетъ согласить въ своихъ тарифахъ интересы различныхъ—что намъ кажется невозможнымъ — то приноситъ въ жертву личному интересу каждого предпринимателя, въ отдѣльности, интересы всего общества, водворяя въ немъ искуственную дороговизну произведеній, подъ кровомъ которой можетъ существовать неудовлетворительное и отсталое производство, подлѣ и ввиду усовершенствованнаго и крайне дешеваго производства иностраннаго. Желая дѣлать все сама собою, стараясь обойтись безъ помощи другихъ народовъ, нація, точно какъ и частное лице, обрекаетъ себя на вѣчную посредственость. Она размножаетъ, по собственному произволу, препятствія, отдѣляющія отъ нея полезности, въ которыхъ нуждается, между тѣмъ какъ всѣ усилія ея должны бы клониться къ удаленію сихъ препятствій (*).

Но, открывая заблужденія системы; разоблачая наружную благовидность ея доводовъ; заграждая имъ входъ въ изложеніе здравыхъ началъ экономическихъ, не забудемъ, что существованіе этой си-

---

(*) Любителямъ предмета рекомендуемъ брошюрку *Frédéric Bastiat: Sophismes économiques,* Paris 1845 *chez Guillaumin,* въ которой остроумно опровергается и изобличается превратность многочисленныхъ доводовъ, безпрестанно приводимыхъ въ защиту охранительной системы.

стемы на дѣлѣ есть фактъ; что она глубоко проникла въ убѣжденія современниковъ; привилась къ ихъ дѣятельности; укрѣпилась множествомъ живыхъ интересовъ; превратилась въ элементъ политическаго существованія народовъ. Исторически можно объяснить происхожденіе и водвореніе запретительныхъ постановленій; а этого довольно для ихъ оправданія. Сколь ни ложно ихъ основаніе, сколь ни противно настоящимъ законамъ экономическимъ, онѣ однако не могутъ быть отвергнуты безусловно: на ихъ сторонѣ та самая сила обстоятельствъ, которая иногда заставляетъ народы терпѣть величайшія заблужденія, сама собою уготовляя пути для ихъ перехода къ порядку лучшему. Народъ можетъ жить и мужать одержимый заблужденіемъ, такъ точно, какъ живетъ человѣкъ одержимый хроническою болѣзнью. Природа противится крутому уничтоженію послѣдней, тѣмъ паче должно осторожно и осмотрительно дѣйствовать противу первыхъ. Въ высшей степени справедливо это правило когда дѣло идетъ о предохранительныхъ таможенныхъ мѣрахъ.

Въ средніе вѣка на западѣ, какъ мы видѣли, (§ 35) первыя проявленія нѣкоторой независимости труда оказались въ промыслахъ мануфактурныхъ. Земледѣліе было подавлено крѣпостнымъ правомъ; торговля едва дышала подъ желѣзною рукавицею помѣстныхъ владѣльцевъ; единственнымъ убѣжищемъ отъ притѣсненій сильныхъ служили города, возникавшіе изъ взаимнаго соединенія ремесленыхъ общинъ. Безопасность этихъ общинъ, ихъ

сила, зависѣли рѣшительно отъ ихъ обогащенія; и правительства, искавшія въ нихъ оплота противъ притязаній городовъ и непокорной аристократіи, естественно заботились объ ихъ процвѣтаніи. Вотъ начало цеховыхъ привелегій, о которыхъ мы уже упоминали. Тутъ не было выбора: посреди множества враждебныхъ силъ, съ одной стороны феодальныхъ владѣльцевъ, съ другой честолюбиваго духовенства, власти общественной надлежало погибнуть или создать себѣ опору: она ее нашла въ городскихъ сословіяхъ, обогатившихся путемъ привилегій.

Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этихъ привилегій было запрещеніе привоза иностранныхъ издѣлій: это было не что иное, какъ распространеніе внутренней монополіи на иностранцевъ. Государства, по всѣмъ направленіямъ пересѣченныя внутренними таможнями; раздробленныя на провинціи; вооруженныя однѣ противъ другихъ мѣрами запретительными, не могли помышлять о допускѣ произведеній иностранныхъ; еще-же тому противилось совершенное подавленіе внутренней торговли. Доставкою Европѣ нѣкоторыхъ произведеній восточныхъ и колоніяльныхъ занимались исключительно немногіе только приморскіе города, и главныя статьи ихъ привоза состояли въ предметахъ потребленія богатыхъ сословій.

По-мѣрѣ успѣховъ внутренняго порядка, Европа освободжалась отъ ига феодализма; но это освобожденіе совершилось не вдругъ, а постепенно. Вассалы покорились, утратили свое политическое мо-

ществo; провинціяльныя постановленія, если не вполнѣ, то частію, изгладились; благіе единство власти и управленія начало водворяться—но долго еще на западѣ земледѣльческое сословіе оставалось въ угнетеніи, и важнѣйшая часть богатства народнаго сосредотичивалась въ городахъ подъ кровомъ ремесленыхъ привилегій. Тамъ-то образовалось и укрѣпилось среднее сословіе, наконецъ связавшее двѣ, до того совершенно отдѣльныя, части народа: владѣтелей и порабощенныхъ. Созидая это сословіе, открывая ему искуственные пути къ обогащенію и силѣ, правительства измѣнили бы своей политикѣ, еслибъ предали его соперничеству иностранному.

Такъ, не сознавая ея превратности, государства европейскія силою вещей увлекались въ запретительную систему. Тому не мало способствовали особенныя сношенія, между ними существовавшія. Всѣ эти державы образовались медленно, вслѣдствіе продолжительныхъ кровопролитныхъ войнъ, большею частію изъ развалинъ однѣ другихъ. Едва освободившись отъ внутренней борьбы съ феодализмомъ, онѣ стали направлять всѣ свои усилія на разширеніе своихъ владѣній. Брани не прекращались въ Европѣ въ теченіе послѣднихъ трехъ столѣтій. Посреди этой борьбы тѣлъ политическихъ однѣ пали, или утратили свое могущество, другія усилились; во всѣхъ заронилась глубокая взаимная недовѣрчивость и ненависть. Все иностранное казалось непріязненнымъ. Не было искренности въ союзахъ, согласія посреди мира. Малѣйшее усиленіе

или обогащеніе одного возбуждало опасеніе и зависть въ сосѣдяхъ. Такъ и безъ *меркантильной* системы (*), породившей сперва систему *торговаго баланса*, а вслѣдъ за тѣмъ, разсмотрѣнную нами систему *охранительную*, вооруженныя таможенныя оцѣпленія, недоброжелательство къ иностранцамъ, запрещеніе ввоза ихъ издѣлій, были кнесчастію, естественнымъ продолженіемъ военныхъ дѣйствій во время краткихъ перемирій, прерывавшихъ, но не прекращавшихъ, вражду.

Такъ, въ Европѣ, возникли и утвердились промыслы мануфактурные. Тамъ, гдѣ, какъ въ королевствѣ великобританскомъ, имъ благопріятствовали внутренній порядокъ, успѣхи образованности и гражданственности, также обширные сбыты искусно обезпеченные торговыми трактатами и учрежденіемъ колоній въ отдаленныхъ странахъ, мануфактуры достигли высокой степени развитія. Въ нихъ-то осуществились впервые великія примѣненія раздѣленія занятій и машинъ. Тамъ-же, гдѣ трудъ болѣе терпѣлъ отъ стѣсненій, образованность отъ суевѣрій и предразсудковъ, промышленость мануфактурная сдѣлала менѣе успѣховъ, не-

(*) Меркантилисты принимали золото и серебро, т. е. монету, за главное основаніе богатства народнаго: когда эта система господствовала въ Европѣ, то вездѣ запрещали вывозить драгоцѣнные металлы. Мало по малу убѣдились въ безполезности подобныхъ запрещеній, но стали придерживаться системы торговаго баланса, въ томъ состоящей, чтобъ государство менѣе покупало чѣмъ продавало: въ этой системѣ предполагается, что разность доплачивается драгоцѣннымъ металломъ, и что вслѣдствіе того, *при выгодномъ балансѣ*, количество этихъ металловъ увеличивается. Превратность этой мысли сама собою обнаружится въ теченіе дальнѣйшаго изложенія.

смотря на всѣ тарифы и запрещенія. Вездѣ преимущественно развились тѣ вѣтви мануфактуръ, которыя опирались на содѣйствіе мѣстныхъ обстоятельствъ.

Сколько потерялъ свѣтъ и въ богатствѣ, и въ образованности и въ благоденствіи, отъ этого насильственнаго разлученія народовъ: мысль страшится оцѣнить эти потери. Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, государства Европы жили каждое само по себѣ; окружали себя тою стѣной, которою Китай успѣлъ заключить въ своихъ нѣдрахъ все что есть въ немъ варварскаго, не удѣливъ остальному роду человѣческому ни одного изъ сдѣланныхъ имъ открытій; онѣ не пользовались ни успѣхами, ни ошибками однѣ другихъ; вотще Провидѣніе, удивительно расположивши материкъ Европы, призывало ихъ ко взаимнымъ сношеніямъ: онѣ оставались чужды всякому союзу нравственному и, раздѣленныя, изнемогали въ борьбѣ съ заблужденіями и злоупотребленіями. Сколько въ эти времена погасло полезныхъ открытій; сколько утрачено силъ и времени въ попыткахъ, сомнѣніяхъ, колебаніяхъ. Сколько претерплено бѣдствій, вслѣдствіе невѣжества, недоразумѣнія, упрямства, слѣпого самолюбія.

Но, что́ сдѣлано — то сдѣлано. Начертанное въ скрижаляхъ исторіи, не можетъ быть стерто перомъ теоріи. Превратный порядокъ вещей, но сроднившійся съ народною жизнію, руководившій ею нѣсколько столѣтій сряду, не можетъ вдругъ уступить мѣсто порядку иному, хотя и лучшему. Внутреннія привилегіи цеховъ изгладились, и изглаживаются

мало по малу, уступая неодолимой силѣ вещей; такъ точно мало по малу только должны изгладиться и препоны внѣшней торговли. Водворить ея свободу внезапно, нельзя безъ явной несправедливости и не причинивъ множества самыхъ существенныхъ бѣдствій. Подъ кровомъ запретительныхъ мѣръ, огромные капиталы, миожество рукъ, способностей обратились на производство мануфактурныхъ промысловъ. Чрезъ это самое послѣдніе получаютъ право голоса всякій разъ, когда идетъ дѣло объ отмѣнѣ предохранительныхъ тарифовъ. Всего болѣе угрожаетъ имъ допускъ издѣлій изъ государствъ, гдѣ раздѣленіе занятій и употребленіе машинъ наиболѣе удешевили производство. Фабричное сословіе можетъ сказать: «вы поощряли наши промыслы пока «нуждалась въ нихъ ваша политика; вы сами поста«вили насъ въ условія существованія, противныя «нынѣ интересамъ общественнымъ; вашъ долгъ «терпѣть это зло, и облегчить намъ выходъ изъ по«ложенія невыгоднаго.»

Когда-же наступитъ эта пора свободной торговли, когда народамъ можно будетъ открыть свои порты, снять таможенныя рогатки и заставы, не страшась подрыва своихъ промысловъ мануфактурныхъ? Нельзя предсказать; но, быть-можетъ, это время не такъ удалено, какъ кажется многимъ. Политическое равновѣсіе, къ которому столь долго и тщетно стремились державы европейскія, нынѣ кажется водворилось: тридцать лѣтъ безпрерывнаго мира служатъ тому порукою. Еще не изчезли между государствами слѣды взаимнаго опасенія; но онѣ

не дышатъ болѣе ненавистью однѣ противъ другихъ. Народное право сдѣлало между ними успѣхи существенные; независимость слабыхъ уже не приносится въ жертву честолюбію сильныхъ; трактаты и союзы уважаются болѣе, чѣмъ когда-либо; вездѣ начинаютъ убѣждаться, что обогащеніе и благоденствіе однихъ полезны для всѣхъ. Внѣшняя торговля распространяется съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. Ея положеніе становится мѣриломъ, или признакомъ, по которому судятъ о народномъ производствѣ. Вездѣ производятъ огромное количество богатства, имѣя въ виду сбыты иностранные. Желѣзныя дороги, пароходы придадутъ, и уже придали, этимъ сношеніямъ оживленность необыкновенную. Между-тѣмъ книгопечатаніе, періодическія изданія, почты, разносятъ всюду съ быстротою, непостижимою для нашихъ предковъ, извѣстія о всякомъ новомъ открытіи, о малѣйшихъ улучшеніяхъ, о состояніи запроса и предложенія на всѣхъ точкахъ шара земного. Кредитъ, утвердившійся нынѣ на основаніяхъ прочныхъ, охраняетъ сдѣлки, обезпечиваетъ самыя смѣлыя предпріятія. Все приглашаетъ народы оставить производства невыгодныя; все указываетъ имъ прямые и, слѣдовательно, кратчайшіе пути къ умноженію ихъ богатства и благосостоянія.

И вопреки возгласамъ безусловныхъ приверженцевъ охранительной системы, тщетно старающихся ее возвысить на степень теоріи; вопреки сильному сопротивленію личныхъ интересовъ нѣкоторыхъ сословій, интересовъ живущихъ до послѣд-

ней минуты; вопреки заблужденіямъ эмпиризма, глубоко укоренившимся въ умахъ толпы, благодаря неодолимой силѣ вещей уже начинаетъ заниматься заря порядка лучшаго. Во Франціи, правительство явно изъявляетъ сомнѣніе въ дѣйствительности запрещеній и входитъ въ ближайшее разсмотрѣніе промысловъ, наиболѣе требующихъ еще ихъ сохраненія (*). Многочисленныя государства, образующія Германскій Союзъ, по гласу прусскаго королевства вдругъ ниспровергаютъ таможни, ихъ раздѣлявшія, и восьми лѣтъ довольно чтобъ доказать Европѣ всѣ несомнѣнныя выгоды свободной торговли. Мало того: германскій таможенный союзъ никого не отталкиваетъ: онъ простираетъ руку братства ко всѣмъ другимъ державамъ. Его примѣръ уже приноситъ плоды: Бельгія предлагаетъ снять таможенный кордонъ, разлучающій ее отъ Франціи. (**) Австрія, можетъ-быть изъ гордости, чтобъ не покориться вліянію Пруссіи, ищетъ сродниться съ южными государствами Германіи и сѣверной Италіи. Наконецъ въ Англіи, въ глазахъ всего изумленнаго міра, великій министръ смѣло вноситъ топоръ реформы въ таможенныя постановленія, и отмѣняя вовсе однѣ привозныя пошлины, умѣряя другія, поражаетъ безстрашно интересы господствующаго сословія, основанные на искус-

(*) Планы французскаго министерства, предложенные въ 1834 году, не состоялись. Они встрѣтили слишкомъ сильное сопротивленіе въ личныхъ интересахъ сословій промышленыхъ.

(**) Проэктъ таможеннаго союза между Бельгіей и Франціей разстроенъ вліяніемъ личныхъ интересовъ нѣкоторыхъ фабрикантовъ.

ственной дороговизнѣ необходимѣйшихъ предметовъ потребленія (*).

Въ этихъ постепенныхъ успѣхахъ здравыхъ началъ экономическихъ какъ не открыть вліянія науки? Оно слабо, конечно, всравненіи съ ліяніемъ обстоятельствъ, которыя однѣ могли начать и однѣ довершатъ эту благую перемѣну. Но совѣты науки облегчаютъ народамъ достиженіе развязки. Со времени *Адама Смита* и донынѣ истинная политическая экономія неутомимо разоблачаетъ все, что есть ложнаго въ ученіи тѣхъ, которые на превратномъ порядкѣ вещей, силою обстоятельствъ водворенномъ въ Европѣ, хотятъ основать теорію богатства народнаго; безстрашно преслѣдуетъ она софисмы, помощію которыхъ личные интересы ищутъ себѣ опоры въ убѣжденіи современниковъ. Между-тѣмъ, указывая настоящіе пути къ достиженію богатства и благосостоянія; излагая законы производства естественнаго, она готовитъ людей къ принятію тѣхъ перемѣнъ, которыя подъ гнетомъ необходимости могутъ иногда совершаться съ быстротою неожиданною. Съ другой стороны, она обращаетъ вниманіе государствъ на всѣ невыгодныя, и часто гибельныя, послѣдствія искуственнаго возбужденія промысловъ помощію мѣръ запретительныхъ; она предостерегаетъ ихъ отъ дальнѣйшаго послѣдованія политикѣ, отнынѣ безполезной, и побуждаетъ къ пріисканію средствъ для постепеннаго, чуждаго всякому сотрясенію, уклоненія отъ ложной стези,

---

(*) *Сиръ Ребертъ Пиль.* Писано въ 1845 году.

въ которую принужденно вовлекла ихъ сила обстоятельствъ.

57. О ПРОМЫСЛАХЪ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ.

Промыслы, доселѣ нами разсмотрѣнные, удовлетворяютъ множеству потребностей человѣческихъ: ихъ недостаточно, однако, для покрытія одной изъ самыхъ настоятельныхъ— потребности въ пропитаніи. Охота и рыбныя ловли могутъ поддерживать только слабую населенность, разсѣянную на пространствѣ обширномъ. Ктому-же, племена, не имѣющія другихъ средствъ пропитанія, обречены на существованіе жалкое и ненадежное; имъ безпрестанно угрожаютъ неожиданные переходы отъ излишняго изобилія къ крайнему оскудѣнію жизненныхъ припасовъ; и нерѣдко путешественики, возвращаясь на тѣ самые берега, гдѣ за нѣсколько мѣсяцевъ ихъ встрѣчали многолюдныя толпы, находили тамъ одни остовы несчастныхъ дикарей, умершихъ отъ голоду и лишеній.

Люди могутъ размножаться и обезпечивать себѣ нѣкоторый избытокъ въ пропитаніи лишь тамъ, гдѣ перестаютъ полагаться на свободную производительность области, ими занимаемой, и приступаютъ къ разведенію полезныхъ животныхъ и растеній. Въ этомъ разведеніи собственно заключаются промыслы *земледѣльческіе*, съ которыми многіе экономисты напрасно смѣшивали промыслы извлекающіе, направленные на добываніе самовольныхъ произведеній природы.

Глубокое различіе существуетъ между ними. То-

гда-какъ рудокопъ исторгаетъ изъ нѣдръ земли минералы, на размноженіе которыхъ не имѣетъ никакого вліянія; тогда-какъ рыболовъ, охотникъ прибѣгаютъ къ природѣ органической, отнюдь не возбуждая ея производительности, и принужденно довольствуясь ея плодами готовыми, — земледѣлецъ долженъ покорить эту природу, вызвать и направить ея дѣйствія такъ, чтобъ изъ нихъ произошла полезность. Онъ не пользуется просто началомъ жизни разлитымъ въ твореніи: онъ употребляетъ это начало какъ средство; въ немъ главное условіе его производства.

Въ земледѣліи, какъ и въ мануфактурахъ, мы видимъ конечно однѣ только преобразованія элементовъ предсуществующихъ въ мірѣ. Но въ послѣднихъ эти преобразованія совершаются при помощи труда, капиталовъ и нѣкоторыхъ природныхъ силъ неорганическихъ: въ земледѣліи-же, для полученія полезнаго преобразованія, необходимъ еще дѣйствователь совершенно особенный—таинственная сила жизни. Благодаря этой силѣ, оно одно только даетъ бытіе произведеніямъ одушевленнымъ, которыя дышатъ, движутся, живутъ своею собственною жизнію.

Въ этой силѣ, непостижимой для насъ, человѣкъ находитъ опору великую. Въ промыслахъ, чуждыхъ ея участія, результаты строго соразмѣряются съ трудомъ и средствами, примѣняемыми къ производству: они добываются пока не прекратятся усилія производителя; въ нихъ отражается всякая перемѣна, малѣйшее прерваніе этой дѣятельности. Едва

человѣкъ обращается къ содѣйствію природы живой, порядокъ вещей измѣняется: онъ начинаетъ, возбуждаетъ силу жизни, уготовляетъ ей пути,— начатое довершаетъ сама эта сила. Земледѣльцу остается только заботиться о возможномъ удаленіи препятствій къ ея развитію.

И съ какою щедростью вознаграждаются его труды! Мы видѣли какимъ напряженіемъ ума человѣческаго, какому трудному совокупленію матеріяльныхъ средствъ обязаны промыслы мануфактурные и торговые усиленіемъ ихъ производительности; въ земледѣліи довольно луча солнечнаго, капли росы, или дождя, явленій атмосферическихъ, вовсе не зависящихъ отъ воли производителей, для доставленія обильныхъ урожаевъ. Посреди самыхъ обыкновенныхъ обстоятельствъ, тамъ-гдѣ пахарь бросаетъ одно зерно въ землю, онъ пожинаетъ семь, восемь, девять. Одна пара домашнихъ животныхъ, предоставленная просто естественному влеченію природы, служитъ началомъ цѣлаго стада; и нѣкоторыя породы плодятся съ быстротою удивительною. Земледѣльческіе промыслы, какъ и другіе, подвержены неудачамъ, неурожаямъ, падежу: но въ нихъ благоразуміе человѣка можетъ оградить себя противъ гибельныхъ послѣдствій подобныхъ случайностей, опираясь на случайности противоположныя крайняго изобилія.

Физіократы, пораженные огромною производительностію природы органической, полагали единственный источникъ богатства народнаго въ промыслахъ земледѣльческихъ, на ней основанныхъ. Это заблужденіе давно уже опровергнуто. Всѣ про-

мыслы стремятся къ произведенію полезности, и посему всѣ содѣйствуютъ умноженію богатства; и если земледѣліе служитъ однимъ изъ главныхъ условій существованія людей и сохраненія ихъ силъ, доставляя имъ пропитаніе, то не забудемъ, что въ насъ есть множество другихъ потребностей, почти столь-же настоятельныхъ, и что сами произведенія земли большею частію нуждаются въ нѣкоторомъ приспособленіи, которое сообщается имъ другими промыслами. Гораздо правильнѣе сказать, что въ земледѣльческихъ промыслахъ человѣкъ производитъ менѣе чѣмъ во всѣхъ другихъ, хотя его усилія и щедрѣе вознаграждаются: значительнѣйшая часть полезностей, ими добываемыхъ должна быть приписана силѣ *жизненной,* въ употребленіи которой мы открыли ихъ отличительную черту.

«Безъ сомнѣнія, говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ «экономистовъ, произведенія земледѣльческія какъ «и всѣ другія рождаются, размножаются, улучша«ются только при помощи труда: но ихъ нельзя наз«вать дѣломъ человѣка въ такой степени какъ издѣ«лія фабричныя. Земледѣлецъ неговоритъ: я *сдѣлалъ* «эти плоды, эти цвѣты, это пшено, эти деревья, «этихъ животныхъ, подобно фабриканту, который «выражается обыкновенно: я *сдѣлалъ* это орудіе, эту «мебель, эти квасцы, этотъ купоросъ. (*)»

Великимъ дѣломъ пропитанія не ограничивается важность земледѣльческихъ промысловъ. Они доставляютъ множество сырыхъ матеріяловъ для

(*) Ch. *Dunoyer. De la liberté du travail* t. II. p. 397.

одежды, построекъ, домашней утвари. Перемѣщеніе этихъ матеріяловъ и тѣхъ продуктовъ, которые служатъ для пропитанія, ихъ доставленіе съ мѣста производства на мѣсто потребленія составляютъ важнѣйшія занятія промысловъ торговыхъ. На подобномъ перемѣщеніи основана почти вся внутренняя торговля нашего отечества. Земледѣлію всѣ другіе промыслы обязаны животными, которыя служатъ имъ движителями по недостатку иныхъ, болѣе могучихъ. Съ другой стороны, земледѣліе избавляетъ людей, во всѣхъ прочихъ промыслахъ, отъ заботъ добыванія пищи, предлагаетъ имъ въ одно и то-же время драгоцѣнное обезпеченіе и выгодный сбытъ ихъ издѣліямъ. Можно указать и въ древности и въ настоящее время примѣры народовъ, не имѣющихъ собственнаго земледѣлія, и почти исключительно занимающихся мануфактурами или торговлею. Существованіе такихъ народовъ, каковы были Финикіяне, позже Венеціане, Генуезцы, а нынѣ вольные города ганзеатическія: Гамбургъ, Бременъ и Любекъ, всегда, можно объяснить сосѣдствомъ народовъ земледѣльческихъ, дѣлящихъ съ ними путемъ мѣны избытокъ своихъ продуктовъ. Колоніи европейскія, утвердившіяся въ сѣверной и южной Америкахъ, по берегамъ Африки, въ Австраліи, и на островахъ Полинезіи, заставъ тамъ однѣ дикія племена, живущія охотою, будучи отдѣлены океаномъ отъ своихъ метрополій и другихъ народовъ осѣдлыхъ, принуждены были сами расчистить лѣса, осушить болота, оплодотворить песчаныя степи и на правильномъ воздѣлываніи осно-

вать свое народонаселеніе и то обогащеніе, то политическое могущество, которыхъ достигли нѣкоторыя изъ нихъ.

Но если земледѣліе необходимо для производства всѣхъ другихъ промысловъ, оно не можетъ также процвѣтать безъ ихъ содѣйствія. Что сталось бы съ нимъ, еслибъ вдругъ мануфактуры перестали его снабжать орудіями, постройками и тѣми издѣліями, которыя необходимы для жизни; еслибъ торговля прекратила привозъ этихъ разнообразныхъ произведеній, и отказала въ своемъ содѣйствіи сбыту продуктовъ земледѣльческихъ; еслибъ остановились горныя разработки, и лишили его множества необходимѣйшихъ металловъ и минераловъ: желѣза, извести, соли. Самая охота, этотъ промыселъ вытѣсняемый и замѣняемый земледѣліемъ, оказываетъ ему услуги несомнѣнныя: она снабжаетъ его новыми породами животныхъ, новыми растеніями, и почерпая въ вѣчномъ резервуарѣ свободной жизни органической, даетъ средства предохранять отъ искаженія и перерожденія тѣ произведенія органическія, которыя человѣкъ успѣлъ себѣ усвоить.

Промышленость земледѣльческую можно естественно раздѣлить на два большіе отдѣла: въ одинъ войдутъ всѣ промыслы, занимающіеся разведеніемъ полезныхъ животныхъ, въ другой промыслы, занимающіеся разведеніемъ полезныхъ растеній.

Въ природѣ существуетъ тѣсная и глубокая связь между царствомъ растительнымъ и царствомъ животнымъ. Атмосфера служитъ таинственнымъ кольцомъ между ними; въ ней заключаются тѣ первона-

чальные элементы, изъ которыхъ, подъ вліяніемъ свѣта и теплоты образуются всѣ твари живыя. Что вдыхаетъ въ нихъ начало жизни, что-такое это начало, почему оно есть, почему оно изчезаетъ?— вопросы неразрѣшимые: наука открываетъ только постоянный и безпрерывный обмѣнъ элементовъ и силъ между органическими тварями, какъ во время жизни такъ и по смерти.

«Вещество, говоритъ *Дюмасъ* (*), нисходитъ изъ «воздуха въ растенія; путемъ ихъ проникаетъ въ «животныя и, по-мѣрѣ минованія надобности пос- «лѣднихъ, возвращается воздуху. Зеленыя растенія «служатъ великою лабораторіею органической хи- «міи. Онѣ то изъ углерода, водорода, азота, воды «и нашатырной окиси созидаютъ медленно всѣ ор- «ганическія вещества самыя сложныя. Изъ лучей «солнечныхъ, подъ видомъ теплорода или химичес- «кихъ лучей, онѣ извлекаютъ надлежащія силы для «этой работы. Животныя усвоиваютъ, или погло- «щаютъ, вещества органическія, составленныя ра- «стеніями. Мало по малу онѣ искажаютъ ихъ, ист- «ребляютъ. Въ ихъ плоти, въ ихъ сосудахъ, могутъ «родиться вещества органическія новыя, но онѣ «всегда проще, всегда ближе къ элементарному по- «ложенію, нежели вещества, ими принятыя. Онѣ- «то, мало по малу, разрушаютъ вещества, медлен- «но созданныя растеніями; онѣ-то, мало по малу, «приводятъ ихъ снова въ состояніе угольной кис- «лоты, воды, азота, амміака, состояніе, въ которомъ

(*) *Dumas. Essai de Statique chimique des êtres organisés. Paris, 1842 p. 45—46.*

«онѣ могутъ быть возвращены атмосферѣ. Сожи-«гая или уничтожая эти органическія вещества, «животныя всегда производятъ теплородъ, который «отдѣляясь изъ тѣла ихъ, замѣщаетъ въ простран-«ствѣ, теплородъ поглощенный растеніями. Такъ «все, что воздухъ даетъ растеніямъ, растенія усту-«паютъ животнымъ, животныя-же возвращаютъ воз-«духу: вѣчный кругъ, въ которомъ вращается и «проявляется жизнь, но гдѣ вещество только пере-«мѣщается» . . .

Подобная же связь, по необходимости, образуется между двумя великими отдѣлами земледѣльческихъ промысловъ, покрайней-мѣрѣ повсюду, гдѣ они представляютъ нѣкоторую степень развитія. Разведеніе полезныхъ животныхъ можно допустить лишь тамъ, гдѣ предстоитъ изобиліе кормовыхъ растеній; при недостаткѣ этого изобилія, его должно создать. Съ другой стороны, человѣкъ не можетъ надѣяться на послѣднее тамъ, гдѣ воздѣлываніе замель не опирается на обширное скотоводство; гдѣ искуственныя мѣры, черезъ посредство животныхъ не ускоряютъ и не сосредоточиваютъ, на данномъ пространствѣ, возвращенія атмосферѣ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ образуется полезная растительность.

Въ состояніи кочующемъ народы исключительно занимаются скотоводствомъ. Они достигаютъ даже большаго совершенства въ искусствѣ распложенія полезныхъ животныхъ, но не прилагаютъ никакого попеченія къ искуственному возбужденію растительности. Они не нуждаются въ томъ, обладая об-

ширными степями, въ которыхъ природа предлагаетъ постоянно обильный подножный кормъ ихъ табунамъ и стадамъ. Но, какъ мы уже имѣли случай замѣтить (§ 23 и 24), населенность народовъ пастушескихъ принужденно остается весьма ограниченною всравненіи съ пространствомъ, на которомъ они добываютъ себѣ продовольствіе. Она не можетъ выйти изъ предѣловъ соразмѣрности со средствами пропитанія, не подвергаясь усиленію смертности; для разширенія-же этихъ средствъ нѣтъ иного пути, кромѣ присоединенія къ скотоводству воздѣлыванія земель.

Сами народы осѣдлые часто владѣютъ областями, въ которыхъ почти исключительно господствуетъ скотоводство, и гдѣ заботливость людей мало обращается на искусственное поддержаніе растительности. Близь Буэнос-Айреса (конфедерація де Ріо де ла Плата), на огромномъ протяженіи, извѣстномъ подъ названіемъ Пампасовъ (Pampas), блуждаютъ безчисленныя стада лошадей и рогатаго скота, и не видно слѣда воздѣлыванія. Постепенное уменьшеніе населенности мало по малу превратило окрестности Рима, нѣкогда покрытыя селеніями, пашнями и садами, въ обширное и пустынное пастбище. Въ подобныя же пастбища превратились поля Калабріи и Апуліи, усѣянныя развалинами древнихъ городовъ. Въ Россіи, по берегамъ каспійскаго моря, въ землѣ донскихъ казаковъ и вообще въ южныхъ губерніяхъ, въ скотоводствѣ заключаются также главные промыслы земледѣльческіе.

Эти примѣры доказываютъ, что скотоводство можетъ съ успѣхомъ производиться при совершенномъ отсутствіи землевоздѣлыванія, когда населенность находитъ въ немъ достаточное продовольствіе, или когда она окружена, по сосѣдству, населенностью земледѣльческою, предлагающею ей сбыты и другія средства пропитанія. Иногда самое свойство страны принужденно ограничиваетъ скотоводствомъ земледѣльческіе промыслы народа: такъ въ горахъ, при неудобномъ расположеніи почвы для хлѣбопашества, занимаются разведеніемъ рогатаго скота, козъ, овцеводствомъ. Солончаковыя степи часто не допускаютъ никакихъ насажденій, тогда-какъ, напротивъ, предлагаютъ отличный кормъ для животныхъ.

Но если скотоводство иногда существуетъ безъ землевоздѣлыванія, то едва-ли можно указать много примѣровъ противнаго. За исключеніемъ лѣсоводства, которое, по строгости, можетъ безъ того обойтись, успѣхи хлѣбопашества, садоводства, огородничества, винодѣлія, разведенія волокнистыхъ и маслянистыхъ растеній, тутовыхъ деревъ, красильныхъ травъ и кореньевъ, и даже корневыхъ растеній: картофеля, рѣпы, свекловицы и т. п. рѣшительно зависятъ отъ разведенія животныхъ, доставляющихъ удобрительные туки. Эти пашни, эти гряды, эти нивы, даже тамъ, гдѣ странѣ достались въ удѣлъ почва самая плодородная и благопріятный климатъ, скоро истощались-бы и оскудѣвали, еслибъ между ними не существовали хлѣва, скотскіе дворы, конюшни, въ которыхъ животныя достав-

ляютъ человѣку драгоцѣнные элементы плодородія. И чѣмъ лучше земледѣлецъ собираетъ эти элементы; чѣмъ тщательнѣе избѣгаетъ ихъ растраты, тѣмъ болѣе снискиваетъ онъ средствъ поддерживать и усиливать плодородіе своихъ земель, тѣмъ болѣе извлекаетъ изъ нихъ продовольствія.

Сильнѣйшимъ побужденіемъ къ улучшенію земледѣльческихъ способовъ безъ сомнѣнія служитъ размноженіе населенности. Усиливая запросъ на продукты земли, оно неизбѣжно возвышаетъ ихъ цѣнность и вознаграждаетъ величайшія усилія и пожертвованія воздѣлывателя. Эти два явленія, на дѣлѣ, почти всегда сопутствуютъ одно другому; за ними слѣдуетъ третье, которое состоитъ въ постепенно-тѣснѣйшемъ сродненіи скотоводства съ земледѣлываніемъ. Въ странахъ многоземельныхъ, какъ у насъ въ Россіи, особенно въ губерніяхъ удаленныхъ отъ столицъ и большихъ городовъ, скотоводство еще разсматривается иногда какъ предпріятіе отдѣльное и чуждое воздѣлыванію, посреди котораго производится. Въ Германіи и во Франціи, гдѣ населенность тѣснѣе, уже начинаютъ разсматривать рогатый скотъ, мызѣ или фермѣ принадлежащій, какъ необходимую составную часть предпріятія. Въ Англіи и Голландіи, хлѣвъ и пашня сливаются совершенно, одно нейдетъ безъ другого, такъ точно какъ фабрика безъ машинъ, какъ желѣзная дорога безъ паровоза. Тамъ измѣняется также система скотоводства: животныя перестаютъ блуждать по выгонамъ; онѣ остаются постоянно заключенныя въ просторныхъ и къ тому приспособлен-

ныхъ помѣщеніяхъ, чтобъ нималѣйшая частица ихъ тука не была потеряна для земли.

Сколь ни велико участіе производительности природы въ промыслахъ земледѣльческихъ, широкая доля принадлежитъ въ нихъ дѣятельности человѣка. Она должна совокупить тѣ матеріяльныя и нравственныя средства, безъ которыхъ нельзя ожидать успѣха въ этихъ промыслахъ, какъ и въ другихъ: дурно направляемая, слабо поддерживаемая, природа органическая изъ самой щедрой матери неминуемо превращается въ скупую и даже злую мачиху.

Первымъ попеченіемъ всякого земледѣльческаго предпринимателя естественно долженъ быть выборъ мѣстности и ея приспособленіе къ разведенію тѣхъ произведеній органическихъ, которымъ онъ намѣренъ посвятить свои усилія. Безъ сомнѣнія, въ этомъ отношеніи человѣкъ много зависитъ отъ географическаго положенія страны, отъ ея климата и, частію, отъ почвы: тѣмъ не менѣе его дѣло усмотрѣть къ какимъ производствамъ органическимъ наиболѣе удобна область и распредѣлить эти производства по ея различнымъ частямъ, сколь можно согласнѣе съ ихъ мѣстными свойствами.

Всего менѣе видно слѣдовъ подобнаго соображенія въ состояніи пастушескомъ. Въ своихъ кочеваніяхъ, орды слѣдуютъ нѣкоему инстинкту; онѣ переносятся съ одного мѣста на другое, повинуясь этому влеченію, иногда гонимыя преслѣдованіями другихъ ордъ или вытѣсняемыя истощеніемъ луговъ. Замѣчаютъ однако, что онѣ предпочитаютъ

пастбища жирныя, по близости рѣкъ, озеръ, заслоненныя отъ нездоровыхъ вѣтровъ; часто подобныя мѣстности, щедро надѣленныя природою, служатъ между ними яблокомъ раздора и кровопролитныхъ распрей; во всякомъ случаѣ ихъ промыслы тѣмъ успѣшнѣе производятся, чѣмъ болѣе тому благопріятствуетъ мѣстность, ими занятая, чѣмъ болѣе на ней растительности, чѣмъ менѣе угрожаетъ ихъ стадамъ опасныхъ повѣтрій и испареній.

Приступая къ разведенію полезныхъ растеній, собственно къ землевоздѣлыванію, человѣкъ живѣе сознаетъ необходимость обращать вниманіе на выборъ почвы. Самая лучшая нуждается въ приспособленіи, должна быть орошена потомъ оратая. Самая лучшая приноситъ тѣмъ болѣе плодовъ, чѣмъ болѣе произведено на ней полезныхъ работъ; чѣмъ тщательнѣе она очищена, урыхлена, удобрена; чѣмъ существеннѣе предохранена отъ излишней влаги и отъ излишней сухости. Подобное приспособленіе требуетъ времени. Одного года мало для приведенія земли въ положеніе удовлетворительное. Есть почвы глинистыя, песчаныя, каменистыя, въ которыхъ однѣ только упорныя усилія могутъ возбудить производительность. Ктому-же, чтобъ сохранить почву въ этомъ положеніи, чтобъ не истощить ея силъ излишними требованіями, земледѣлецъ принужденъ располагать свой промыселъ такъ, чтобъ земля имѣла отдыхи, или покрайней мѣрѣ обезпечить ей нѣкоторыя періодическія облегченія. Кромѣ того, онъ долженъ неусыпно помогать ея

работѣ, расточая ей удобренія запашки, попеченія всякого рода.

Этихъ пожертвованій, этихъ усилій можно ожидать только отъ владѣльца земли, особенно при началѣ осѣдлости. Кто рѣшится на нихъ, не будучи увѣренъ что воспользуется ихъ плодами, что поле, имъ приспособленное, орошенное его трудомъ и издержками, останется собственностію его и даже его семейства, когда онъ оставитъ эту жизнь. Отъ этого, въ присвоеніи земель заключается необходимое условіе ихъ воздѣлыванія и, какъ мы уже замѣтили (§ 23), оно производится тѣмъ успѣшнѣе, тѣмъ обширнѣе, чѣмъ существеннѣе и полнѣе обезпечиваются законами и властію общественною права поземельной собственности. Напомнимъ еще, что съ этимъ обезпеченіемъ тѣсно связаны выгоды не одного владѣльца, но и всего общества: ему только послѣднее обязано достаточнымъ продовольствіемъ при умноженіи населенности.

При нормальномъ водвореніи права собственности, какъ тому видимъ примѣры въ соединенныхъ сѣверо-американскихъ Штатахъ, въ Сибири, въ Канадѣ, въ англійскихъ владѣніяхъ на землѣ Ван-Дименовой и въ Новой Голландіи, также на мысѣ Доброй Надежды, во французскихъ владѣніяхъ въ сѣверной Африкѣ, обыкновенно присвоиваются сперва земли наиболѣе плодородныя и наилучше расположенныя. Послѣднее условіе принимается даже болѣе въ разсужденіе, нежели первое. Страшась, то чрезмѣрнаго удаленія отъ средоточій населенности, предлагающихъ сбыты и пособія; то, тѣхъ опасно-

стей, которыми угрожаетъ еще страна вновь покоренная, или занятая дикими и варварскими племенами; то, просто повинуясь влеченію духа общественности, первые предприниматели или поселенцы предпочитаютъ земли, лежащія по близости немногихъ, уже возникшихъ, городовъ или приморскихъ пристаней даже и тогда когда, могутъ найти почву несравненно плодороднѣйшую, въ удаленіи отъ нихъ. По-мѣрѣ занятія этихъ окрестностей, земледѣльческіе промыслы лучатся отъ нихъ какъ отъ центра, вдоль рѣкъ, вдоль проложенныхъ военныхъ дорогъ, то располагаются подъ защитою укрѣпленій, мѣстами учрежденныхъ, но вездѣ заботятся о взаимномъ сближеніи; вездѣ сливаются въ селенія, которыя, въ свою очередь, могутъ превратиться въ многолюдные города. Пустыня, которой ищетъ ловецъ, страшитъ земледѣльца, и онъ готовъ работать вдвое и втрое болѣе надъ почвою скупою, но вблизи себѣ подобныхъ, внимая ихъ пѣснямъ и говору; онъ любитъ, трудясь за плугомъ, чтобъ взоры его повсюду встрѣчали на горизонтѣ куполъ его села, и чтобъ до слуха его доходили звуки родного колокола.

Завоеванія могутъ измѣнить въ странѣ положеніе поземельной собственности; покоренные жители порабощаются, какъ произошло въ Европѣ при паденіи римской имперіи, какъ происходитъ еще въ Азіи, большею частію между народами еще мало образованными. Въ такомъ случаѣ, старинныя права уничтожаются или попираются побѣдителями; земля становится ихъ собственностью, но рѣдко

они сами приступаютъ къ ея воздѣлыванію. Большею частію оно предоставляется побѣжденнымъ, съ которыхъ взимаются подати и повинности всякого рода. Такъ вездѣ водворялось и водворяется крѣпостное право. Иногда побѣжденныхъ постигаетъ участь еще злополучнѣе: ихъ превращаютъ въ рабовъ, и употребляютъ наравнѣ съ вьючными животными для обработыванія земель, нѣкогда имъ принадлежавшихъ. Такъ поступили Испанцы покорившіе Мехику и Перу; такъ поступаютъ варварскіе владѣтели средней Африки и малайскаго архипелага. Упадокъ земледѣльческихъ промысловъ бываетъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ подобныхъ завоеваній. Невольничество лишаетъ ихъ той силы, которую они снискивали въ свободномъ трудѣ и личномъ интересѣ землевоздѣлывателей.

Время, мало по малу, исправляетъ горькія послѣдствія насилія и несправедливости. Участь угнетенной населенности облегчается; иногда къ ней присоединяется другая населенность свободная, какъ то произошло въ колоніяхъ испанскихъ; постепенно распадаются оковы, стѣсняющія трудъ; но поземельная собственность перемѣстилась: земли остаются во владѣніи потомковъ завоевателей, большею частію образующихъ аристократическое сословіе. Таково начало настоящаго поземельнаго права собственности почти во всѣхъ государствахъ европейскихъ. Политическія перемѣны много его измѣнили: въ иныхъ державахъ оно осталось исключительною привилегіею одного сословія; въ другихъ сдѣлалось доступно всѣмъ членамъ общества; но

вездѣ, благодаря ему, водворилось откупное земледѣлываніе, основанное на раздѣленіи плодовъ земли между предпринимателемъ воздѣлыванія и законнымъ владѣтелемъ.

Откупщикъ, или съемщикъ, при выборѣ земли руководится частію тѣми же соображеніями, какъ и первоначальный поселенецъ: но первый, замѣтимъ, менѣе стѣсненъ въ своемъ выборѣ именно потому, что обстоятельства допускаютъ его существованіе лишь тамъ, гдѣ общественный порядокъ уже сдѣлалъ немаловажные успѣхи, и гдѣ населенность значительно размножилась. Въ своемъ мѣстѣ мы разсмотримъ свойство экономическихъ отношеній между откупщикомъ и землевладѣльцемъ.

Завоеванія, совершаемыя народами образованными, рѣдко измѣняютъ порядокъ поземельной собственности, въ странѣ покоренной. Утвердившіяся права частныхъ лицъ признаются побѣдителями: населенность подчиняется только иной верховной власти. Въ положеніи земледѣльческихъ промысловъ не ощущается никакого вліянія вслѣдствіе простаго перехода изъ одного подданства въ другое.

Когда выборъ мѣстности для производства земледѣльческаго промысла стѣсняется обстоятельствами, все вниманіе предпринимателя должно обращено быть на приспособленіе почвы. Принужденный утвердиться на участкѣ, можетъ-быть не столь удобномъ, онъ долженъ помнить, что успѣхъ его предпріятія зависитъ отъ тѣхъ удобреній, тѣхъ работъ, которымъ онъ подвергнетъ этотъ участокъ. Въ этомъ приспособленіи заключается важнѣйшая

и, по всему вѣроятію, труднѣйшая часть земледѣльческаго искусства.

Надлежитъ, во-первыхъ, изслѣдовать свойство земли, и не только ея верхняго слоя, или почвы, но и внутренняго состава грунта; должно принять также въ соображеніе окрестную мѣстность. Лежитъ ли почва на грунтѣ болотистомъ, влажномъ: его должно *отводнить,* прорѣзать каналами, открыть въ немъ стоки для водъ. Лежитъ ли она на грунтѣ сухомъ, каменистомъ: должно позаботиться о ея орошеніи, объ открытіи колодцевъ, объ искуственномъ *уводненіи* полей, пажитей. Расположенъ ли участокъ въ долинѣ, въ ущеліи: надо оградить его отъ горныхъ потоковъ, обваловъ, снѣжныхъ лавинъ. Занимаетъ ли онъ мѣсто возвышенное: слѣдуетъ предохранить его отъ вѣтровъ, изсушающихъ растительность, причиняющихъ болѣзни животнымъ. Въ странѣ лѣсистой, для смягченія суровой температуры необходимо вырубить излишніе лѣса, поглощающіе слишкомъ жадно теплородъ атмосферы. Въ странѣ бѣдной лѣсами, напротивъ, грозятъ засухи, и заботы земледѣльца должны клониться къ сохраненію лѣсовъ и разведенію ихъ, особенно по вершинамъ холмовъ. Иногда мѣстность, при самомъ благопріятномъ положеніи въ отношеніи солнца и вѣтровъ или сбыта, вовсе не имѣетъ растительной почвы: трудъ человѣка можетъ побѣдить это важнѣйшее неудобство. Онъ можетъ перенести на обнаженныя ребра скалъ достаточно земли для прозябенія; воздвигнуть плотины, отнять у волны морской песчаныя отмели, покрыть ихъ толстымъ слоемъ

чернозема; совратить теченіе рѣки; осушить илистое дно пруда, озера и, по недостатку другихъ мѣстностей, утвердить на этомъ ложѣ, на этомъ днѣ свой промыселъ. По берегамъ Рейна, въ Ломбардіи, въ Голландіи, сѣверной Фландріи, въ Англіи, путешественикъ на каждомъ шагу встрѣчаетъ подобныя чудеса промышлености.

Удобреніе почвы, возбужденіе и сохраненіе ея плодородія зависятъ отъ умѣнья и рачительности, съ какими собираются и приготовляются туки. «Тукъ, по выраженію одного изъ праотцевъ агро«номіи, *Оливье де Серръ* (*), увеселяетъ, согрѣваетъ, «утучняетъ, мягчитъ, урыхляетъ, укрощаетъ и уб«лажаетъ земли, изнуренныя излишнимъ трудомъ, «также тѣ, которыя отъ природы холодны, сухи, «черствы, упорны и неудобны для обработки.»— «Съ перваго взгляду можно, замѣчаетъ професоръ «*Буссенго* (**), судить объ искусствѣ и смѣтливости «земледѣльца, по тѣмъ стараніямъ, съ которыми «онъ содержитъ навозную кучу.»—Чѣмъ болѣе имѣетъ онъ землеудобрительныхъ туковъ, тѣмъ болѣе и средствъ увеличить урожаи и улучшить поля. Посему-то скотоводство, какъ мы уже замѣтили, служитъ однимъ изъ первыхъ условій успѣшнаго землевоздѣлыванія и, по необходимости, съ нимъ совокупляется.

Въ Россіи часто слышны жалобы на недостатокъ въ землеудобрительныхъ средствахъ. Но прилагаются ли у насъ всевозможныя старанія къ ихъ со-

(*) *Olivier de Serre: Théatre de L' Agriculture.*

(**) *Boussaingault: Economie rurale* 1844, Paris.

биранію? Кромѣ немногихъ просвѣщенныхъ помѣщиковъ, нигдѣ не имѣютъ обыкновенія складывать компосты; навозъ, разбросанный по двору избы, смѣшивается съ грязью, гніетъ и теряетъ большую часть своей силы. Почти вездѣ скотъ весною и лѣтомъ блуждаетъ по полямъ: извѣстно-же что дойная корова, не оставляющая хлѣва, даетъ въ годъ до 30 возовъ тука, тогда-какъ при выгонной системѣ она дастъ 12, или по большей мѣрѣ 18 возовъ (*). Весьма мало вниманія обращается на устройство хлѣвовъ: между-тѣмъ, опытомъ дознано, что отъ него много зависитъ количество собираемаго навоза. Знаменитый агрономъ *Матвей Домбаль* убѣдился опытомъ, что одинакое число скота въ хлѣвахъ, расположенныхъ по бельгійскому способу даетъ *вдвое* болѣе навоза, нежели въ хлѣвахъ, построенныхъ на обыкновенный французскій манеръ (**). Птичій пометъ признанъ однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ туковъ: по изчисленію *Пайена* (***) 480 частей коломбины равняются силою 10,000-мъ частей обыкновеннаго навоза, — у насъ большею частію его бросаютъ безъ пользы. Сколько другихъ веществъ еще, о которыхъ мы не станемъ упоминать, могутъ быть съ великою пользою обращены на удобреніе земли, тогда-какъ нынѣ наполняютъ только зловоніемъ наши города и жилища.

Выборъ сѣменъ, пора, и самый образъ посѣва имѣютъ важное вліяніе на успѣшность жатвы.

(*) *Girardin. Des fumiers considérés comme engrais.* Paris 1844 p. 89.

(**) *Ibid.* p. 84.

(***) *Payen. Cours de chimie organique. Paris, 1842* p. 9.

Опытность, наблюденія и смѣтливость всего лучше руководятъ земледѣльцемъ въ этомъ случаѣ: онъ не долженъ однако пренебрегать совѣтами наукъ, когда можетъ ими воспользоваться. Распредѣленіе посѣвовъ по времени и пространству много зависитъ отъ климата и отношенія между народонаселеніемъ и количествомъ пахатныхъ земель. Тамъ, гдѣ, какъ у насъ, зима устилаетъ поверхность снѣжнымъ покровомъ, предохраняющимъ отъ морозовъ сѣмена въ нее брошенныя, посѣвы могутъ съ выгодою производиться въ осеннюю пору. Ихъ нельзя допустить тамъ, гдѣ царствуютъ зимы дождливыя, перемежающіяся съ гололедицею. Трехпольное хозяйство естественно водворяется и поддерживается при избыткѣ земель, съ которымъ можетъ быть также соглашена выгонная система скотоводства. Оно уступаетъ мѣсто воздѣлыванію плодопеременному въ странахъ много населенныхъ, гдѣ человѣкъ принужденъ ежегодно требовать плодовъ отъ земли. При чередованіи посѣвовъ, измѣняется также система скотоводства: животныя содержатся постоянно въ хлѣвахъ; того требуетъ съ одной стороны необходимость въ обильнѣйшихъ тукахъ; съ другой, ограниченность земель.

Нѣкоторыя породы животныхъ, однако, столь полезны людямъ, что и при повсемѣстномъ водвореніи плодопеременнаго воздѣлыванія земли, разведеніе ихъ можетъ быть предметомъ промысловъ особенныхъ. Таковы конскіе заводы, тонкорунныя овчарни, разведеніе шелковыхъ червей. Впрочемъ, какъ и собственно земледѣльческія, подобныя пред-

пріятія, для успѣшнаго хода, должны быть въ благопріятныхъ условіяхъ мѣстности, климата, и самой почвы, доставляющей необходимую пищу. Не сообразивъ достаточно этихъ условій, предприниматель впадаетъ въ разорительныя и безплодныя попытки.

Многіе экономисты, кажется, излишнюю важность приписываютъ вопросу о преимуществахъ воздѣлыванія въ *большомъ* или *маломъ видѣ*. Одни превозносятъ выгоды перваго, другіе находятъ въ послѣднемъ болѣе обезпеченія. Водвореніе того или другого совершенно зависитъ отъ мѣстныхъ обстоятельствъ. Не только вмѣстѣ съ раздробленіемъ собственности на малые участки дробится воздѣлываніе земель; оно дробится также и тамъ, гдѣ обычай поддерживаетъ систему мелкихъ откуповъ. Чрезмѣрное размельченіе воздѣлываній, особенно въ хлѣбопашествѣ, имѣетъ конечно свои невыгодныя послѣдствія. Оно препятствуетъ работамъ орошенія, осушенія, не благопріятствуетъ введенію улучшенныхъ орудій, содержанію достаточнаго скотоводства. Земледѣльческіе промыслы въ большомъ видѣ представляютъ ту выгоду, общую всѣмъ оптовымъ производствамъ, что издержки надзора, управленія распредѣляются на несравненно значительнѣйшее количество произведеній. Но за то, мелкіе предприниматели, особенно тамъ, гдѣ раздробленіе не простерто до излишества, извлекаютъ изъ земли множество произведеній, которыми пренебрегаютъ большіе предприниматели, и въ которыхъ однако нуждается общество. Въ Англіи, гдѣ господ-

ствуетъ воздѣлываніе въ большомъ видѣ, замѣтенъ чувствительный недостатокъ въ разныхъ мелкихъ земледѣльческихъ продуктахъ, живности, яицахъ, плодахъ, ягодахъ: Лондонъ и приморскіе города на Ламаншскомъ проливѣ выписываютъ ежегодно, на значительныя суммы, этихъ продуктовъ изъ Нормандіи. Мѣстоположеніе страны имѣетъ также вліяніе на обширность земледѣльческихъ промысловъ: на равнинахъ удобнѣе утвердиться большимъ предпріятіямъ; ничто не мѣшаетъ даже множеству мелкихъ помѣстьевъ совокупляться въ одно подобное воздѣлываніе; въ мѣстахъ гористыхъ, по близости городовъ, гдѣ участки на каждомъ шагу разлучаются естественными или искуственными препонами, промышленость земледѣльческая неизбѣжно дробится на мелкія хозяйства. Наконецъ, самое свойство нѣкоторыхъ продуктовъ требуетъ подобнаго раздробленія. Хлѣбопашество, скотоводство, овцеводство, конскіе заводы могутъ, конечно, всегда занимать значительные капиталы и обширныя пространства. Но виноградники, огороды, сады, конопляники, шелководство успѣшнѣе служатъ предметомъ мелкаго воздѣлыванія.

Впрочемъ, во всѣхъ странахъ болѣе или менѣе естественно водворяется и то и другое воздѣлываніе. Въ самой Англіи, особенно въ сѣверной части, земля раздѣлена между множествомъ мелкихъ фермеровъ, такъ называемыхъ cottagers. Ирландія представляетъ одинъ изъ самыхъ поучительныхъ примѣровъ раздробленнаго воздѣлыванія: бѣдствія, въ которыя погружена ея населенность, должно приписать не

этому раздробленію, но иного рода причинамъ, которыхъ мы коснемся въ своемъ мѣстѣ. Во Франціи, гдѣ политическіе перевороты совершенно перемѣстили права поземельной собственности, мелкое воздѣлываніе господствуетъ почти вездѣ, но всего болѣе въ департаментахъ винодѣльныхъ, также на югѣ, гдѣ разводятся тутовыя и оливковыя деревья. Въ нашемъ отечествѣ большое и малое воздѣлыванія слились весьма тѣсно: первое производится помѣщиками, кое-гдѣ казною; второе крестьянами. На послѣднемъ основались даже съ нѣкоторыхъ поръ обширные свеклосахарные заводы въ малороссійскихъ губерніяхъ.

Расположеніе и степень удобства земледѣльческихъ построекъ и самыхъ жилищъ производителей имѣетъ немаловажное вліяніе на успѣшный ходъ этихъ промысловъ. Большею частію, какъ мы уже замѣтили, сельскія жилища сближаются, образуютъ деревни, села. Иногда, однако, особенно при большемъ воздѣлываніи, земледѣльческій предприниматель, помѣщаясь въ средоточіи своихъ работъ, лучше можетъ надзирать за ихъ ходомъ, скорѣе переноситься туда, гдѣ настоитъ надобность въ его присутствіи. Успѣшному охраненію лѣсовъ въ особенности споспѣшествуетъ хорошое расположеніе карауленъ. Анбары для храненія сѣменъ, житницы, должны быть устроены съ большимъ тщаніемъ, такъ, чтобъ продукты были ограждены противъ сырости, противъ опустошеній отъ насѣкомыхъ, полевыхъ птицъ и звѣрей. Особеннаго вниманія требуютъ постройки, служащія для прикрытія жи-

вотныхъ. Мы ужъ упомянули о вліяніи этихъ построекъ на сохраненіе туковъ. Кромѣ того, съ ихъ чистотою, просторностью, съ ихъ уздравленіемъ тѣсно связано сохраненіе животныхъ, ихъ здоровья, ихъ силы.

Въ деревняхъ господствуетъ мнѣніе, будто иныя животныя любятъ грязь и неопрятность: это глубокое заблужденіе. Въ сыромъ и смрадномъ стойлѣ лошадь, волъ не находятъ отдыха; корова хирѣетъ и оттого даетъ менѣе молока; быки, свиньи на откормленіи не жирѣютъ; они безпрестанно безпокоятся, не ложатся, утомляются продолжительнымъ бдѣніемъ; посреди нечистотъ зараждаются повальныя болѣзни между овцами; тутъ-же часто кроется начало падежа лошадей, рогатаго скота; самая дворовая живность чахнетъ и не откармливается. Никогда земледѣлецъ не долженъ забывать, что животныя составляютъ одну изъ необходимѣйшихъ частей его предпріятія. Онѣ служатъ ему работою, снабжаютъ его туками, доставляютъ ему множество полезныхъ продуктовъ. Къ чему бы онъ ихъ ни предназначалъ, онѣ тѣмъ болѣе доставляютъ ему выгоды, чѣмъ сытнѣе ихъ кормъ, чѣмъ лучше за ними ухаживаютъ. Провидѣніемъ дозволено человѣку предавать животныхъ смерти для его пропитанія и другихъ потребностей; но подвергать этихъ тварей дурному обхожденію и безполезнымъ мученіямъ противно нравственности и благой волѣ Создателя (*).

(*) См. *Примѣчаніе 8-е.*

Орудія и машины не принимаютъ столь дѣятельнаго участія въ земледѣліи, какъ въ мануфактурахъ и торговлѣ. Человѣкъ не можетъ помощію ихъ ускорить природное теченіе жизни органической, которая развивается подъ вліяніемъ его работъ. Но онъ можетъ обрѣсти въ нихъ облегченіе своему труду, и тѣмъ существеннѣе, чѣмъ онѣ будутъ совершеннѣе. Безъ плуга, хлѣбопашество не успѣло бы распространиться въ такой степени между народами земледѣльческими. Заступа довольно для небольшихъ насажденій; онъ останется навсегда главнымъ орудіемъ садовника, огородника, винодѣла. Но чуть захотятъ разширить предѣлы разведенія какого-либо растенія, необходимо прибѣгать къ орудіямъ болѣе могучимъ: такъ въ Европѣ уже примѣняютъ плугъ къ воздѣлыванію свекловицы, картофеля, рѣпы. Борона, кирка, корнедеръ, молотильныя и вѣяльныя машины, разнаго рода сѣятельницы, много содѣйствуютъ также облегченію земледѣльческихъ работъ. Отъ хорошихъ орудій много зависитъ удачное замледѣльческое приготовленіе волокнистыхъ растеній, льна, пеньки. Вообще эти машины отличаются простотою: въ нихъ не должно искать слѣдовъ того могущества, которымъ онѣ вооружаютъ трудъ въ его борьбѣ съ природою неорганическою: земледѣльческіе промыслы въ немъ не нуждаются; они почерпаютъ свою главную мощность въ жизненныхъ силахъ природы, ими возбуждаемыхъ и направляемыхъ.

Въ раздѣленіи занятій земледѣліе также не почерпаетъ такого усиленія производительности, какъ ма-

нуфактуры. Сельскія работы подчинены неизбѣжно послѣдовательности; ихъ можно ускорять, каждую въ отдѣльности, но нельзя придать имъ движенія совокупнаго. Нельзя въ одно время пахать и удобрять землю, сѣять и полоть, жать и молотить. На каждую изъ этихъ операцій есть своя пора, и земледѣлецъ не можетъ ни пропустить ея, ни ускорить. Отъ этого большое непостоянство въ сельскихъ работахъ: производители поперемѣнно переходятъ отъ самого спѣшнаго труда къ совершенному досугу. Это неравенство особенно оказывается въ мелкомъ воздѣлываніи, и посему-то послѣднее такъ удобно совокупляется съ нѣкоторыми промыслами мануфактурными. Въ предпріятіяхъ земледѣльческихъ, нѣсколько обширныхъ, занятія могутъ быть ровнѣе распредѣлены, что́ не мало способствуетъ удачному ходу промысла. Дѣйствительно, подобныя предпріятія содержатъ нѣсколько отдѣльныхъ вѣтвей: въ нихъ хлѣбопашество совокупляется съ скотоводствомъ, садоводствомъ, храненіемъ лѣсовъ, разными особенными обработками. Предоставляя каждую часть надзору и попеченію особыхъ исполнителей, предприниматель избѣгаетъ потери времени, иногда драгоцѣннаго, обезпечиваетъ себѣ болѣе стараній, болѣе умѣнія и, что всего важнѣе, можетъ соблюсти болѣе порядка.

Для соединенія всѣхъ этихъ матеріяльныхъ условій успѣха, которыя заключаются въ выборѣ мѣста, его приспособленіи, въ удобреніи почвы, расположеніи посѣвовъ, построекъ, въ содержаніи животныхъ, орудій, въ распредѣленіи занятій между

исполнителями, предприниматель земледѣльческій долженъ опираться на строгую расчетливость. Ему нельзя обойтись безъ неусыпнаго надзора: только глазъ хозяина можетъ усмотрѣть и отвратить множество потерь, неудачъ, безполезную растрату времени. Постоянное наблюденіе за предложеніемъ продуктовъ и запросомъ на нихъ также необходимо: оно одно только способно предохранить отъ производства излишняго, не находящаго сбытовъ. Должно принимать мѣры обезпечительныя противъ непредвидимыхъ бѣдствій и неудачъ, которымъ подвержены сельскіе промыслы. Мало того: подобно торговцу и фабриканту, земледѣлецъ обязанъ вести правильные счеты своимъ дѣламъ, держать книги въ порядкѣ, открывать въ нихъ кредитъ всякому новому заведенію, вносить прибыль имъ доставляемую. Тогда только онъ можетъ имѣть ясное и точное понятіе о своемъ положеніи; судить о выгодѣ и невыгодѣ своихъ различныхъ операцій; преслѣдовать однѣ, оставлять или исправлять другія.

Такъ поступаютъ англійскіе фермеры въ своихъ образцовыхъ предпріятіяхъ земледѣльческихъ. Но много ли найдется подобной, благоразумной расчетливости въ нашемъ отечествѣ? Наши крестьяне отличаются крайнимъ отсутствіемъ всякой предусмотрительности; они живутъ *на-авось,* со дня на день; не заботятся ни объ улучшеніи орудій, ни о выборѣ сѣменъ; въ годы чрезмѣрнаго урожая вмѣсто того, чтобъ благодарить небо, жалуются на неизбѣжную дешевизну хлѣба; а между-тѣмъ не помышляютъ о сохраненіи избытка на случай неуро-

жаевъ, періодически возвращающихся. Если иногда, особенно у крестьянъ великороссійскихъ, внутренность избы отличается опрятностью, то какая нечистота во дворѣ, чрезъ который должно пройти, чтобъ проникнуть въ избу: говорятъ, что это необходимо для навоза—напрасно; навозъ гораздо лучше сохраняется въ кучахъ, и не мѣшаетъ тогда соблюдать чистоту на дворѣ и въ хлѣвахъ. На улицѣ, раздѣляющей селеніе, въ весеннее и осеннее время лежитъ глубокій, непроходимый слой грязи, въ которомъ вязнутъ повозки, лошади, скотъ.

Недостатокъ образованія, а частію недостатокъ интереса извиняютъ крестьянина, особенно барщиннаго или оброчнаго: но что́ могутъ привести въ свое оправданіе нерасчетливые помѣщики, отъ которыхъ всего чаще, однако, слышенъ ропотъ на недостаточные доходы, то на дешевизну, то на голодицу, то на лѣность или дурное поведеніе крестьянъ, этихъ работниковъ или мызниковъ, съ которыми связалъ ихъ законный порядокъ. Можно-ль удивляться подобнымъ результатамъ, когда они сами вовсе не занимаются управленіемъ своихъ земель; поручаютъ его своимъ слугамъ изъ крѣпостныхъ; не знаютъ положенія своего достатка; судятъ о немъ единственно по числу душъ, почти вовсе не принимая въ разсужденіе тѣхъ выгодъ, которыя для нихъ сопряжены съ владѣніемъ землями; когда многіе вовсе не знаютъ какого рода и свойства эти земли; что́ на нихъ воздѣлывается, или разводится; какія на то потребны издержки. Иные живутъ въ своихъ помѣстьяхъ, но тѣмъ не менѣе вовсе не радѣютъ о

надзорѣ за ихъ воздѣлываніемъ. Хозяйство ихъ отличается безпорядкомъ самымъ плачевнымъ. Дворъ наполненъ людьми, оторванными отъ сохи и плуга. Сѣно и хлѣбъ гніютъ въ скирдахъ подъ дождемъ, или гибнутъ жертвою кротовъ и мышей. Посѣвы дѣлаются не вовремя, нерадиво. Жатвы собираются то поздно, то рано. Въ зимнюю пору скотъ худѣетъ отъ дурной пищи и дурного прикрытія. Въ своихъ торговыхъ сдѣлкахъ, такіе помѣщики не руководятся никакими правилами, дѣйствуютъ безъ всякого разсужденія, не наблюдаютъ за цѣнами, и неминуемо впадаютъ въ сѣти спекуляторовъ, подрывая въ то-же время хозяйство своихъ крестьянъ. Сколько труда стоило и стоитъ правительству, справедливо озабоченному продовольствіемъ народнымъ, побудить этихъ владѣльцевъ къ учрежденію запасныхъ магазиновъ въ урожайные годы. На нихъ не дѣйствуютъ никакія выгоды въ будущемъ, никакія опасенія гибельныхъ послѣдствій неосмотрительности: они не могутъ устоять противъ желанія продать свои продукты по самой низкой цѣнѣ, лишь бы получить деньги, которыя скрываются въ сундукѣ, или быстро испаряются въ самомъ безполезномъ мотовствѣ (*).

Ксчастію, нынѣ есть множество исключеній. Благоразумные и просвѣщенные помѣщики ежедневно подаютъ примѣръ тщательной расчетливости. Отъ нихъ рѣдко услышите жалобы, къ которымъ такъ часто прибѣгаютъ другіе. Они умѣютъ

(*) См. *Примѣчаніе 9-е.*

извлекать выгоды какъ изъ чрезмѣрнаго изобилія, такъ и изъ неурожаевъ, повышающихъ цѣну на продукты; умѣютъ оградить себя противъ нерадѣнія крестьянъ, заохочивая ихъ къ улучшенію воздѣлыванія, заставляя ихъ принимать участіе въ успѣхѣ, удаляя причины разоренія, въ особенности питейные домы. Дѣла ихъ содержатся въ порядкѣ; они знаютъ хорошо все, что́ есть на ихъ землѣ, и что́ еще на ней можетъ быть сдѣлано; слѣдятъ за ходомъ торговли и знаютъ когда что́ должно продать и что́ купить. Эти помѣщики могутъ расчитывать постоянно на вѣрный доходъ; они не живутъ, подобно многимъ другимъ, единственно на счетъ труда своихъ крестьянъ; но пользуются производительностью земли, развитію которой способствуютъ собственными попеченіями.

Мало свѣта еще бросили изслѣдованія ученыхъ на то начало жизни, которое служитъ основаніемъ земледѣльческихъ промысловъ, и вѣроятно это начало навсегда останется неразрѣшимою загадкой для ума человѣческаго; тѣмъ не менѣе, нельзя не согласиться, что эти промыслы снискиваютъ важное пособіе въ наукахъ. Порядокъ проявленія жизни органической; законы, которымъ она подлежитъ; условія, въ которыхъ развивается, сохраняется, и при отстутствіи которыхъ изчезаетъ, объясняются только помощію наукъ, не восходящихъ однако до самой сущности этой таинственной силы. Химіи земледѣліе обязано важными открытіями по части удобренія; механикѣ, по части орудій, орошенія, устройства плотинъ, стоковъ; физикѣ, по

части лѣсоводства, предохранительными средствами противъ грозы, града; естественной исторіи, открытіемъ новыхъ породъ растеній, животныхъ, законовъ прививанія отростковъ, перерожденія сѣменъ и породъ; анатоміи, ветеринарными средствами; геологіи, минералогіи, признаками, по которымъ можно судить о внутреннемъ составѣ грунта, о возможности добывать подземныя воды. Въ послѣднія времена образовалась даже собственно наука земледѣлія, такъ называемая *агрономія*. Пренебрегать ея указаніями значитъ отвергать тѣ немногіе свѣтильники, которыми можетъ руководиться, съ нѣкоторыми условіями однако, дѣятельность человѣка въ ея союзѣ съ дѣятельностію природы.

Познанія теоретическія, даже ограниченныя, предохраняютъ земледѣльческіе промыслы отъ слѣпого послѣдованія наслышкѣ. Онѣ располагаютъ къ улучшенію пріемовъ, содѣйствуютъ наблюденіямъ, просвѣщаютъ практику, и придаютъ ей силу, которой безъ нихъ она не имѣла бы. Тамъ же, гдѣ замѣчается отсутствіе этихъ познаній, наблюдатель на каждомъ шагу поражается грубыми суевѣріями, ошибочными и смѣшными заключеніями. Для обезпеченія урожая, поселяне прибѣгаютъ къ глупымъ колдовствамъ, кощунствамъ, вмѣсто того, чтобъ заботиться объ удобреніи полей. Тамъ, приписываютъ *домовымъ* утомленіе животныхъ, не выходившихъ изъ стойла, тогда-какъ причинъ тому должно искать въ нерадивой привязкѣ или дурной пищѣ. Здѣсь, боятся *дурного глаза*, преслѣдуютъ тѣхъ, кому приписываютъ это мнимое пагубное вліяніе. Открывается-

ли въ стадѣ падежъ: никто не заботится объ отдѣленіи больныхъ животныхъ отъ здоровыхъ, о пресѣченіи зла врачеваньемъ, а теряютъ драгоцѣнное время въ заговорахъ, въ безполезныхъ заклинаньяхъ.

Впрочемъ, если въ земледѣліи практика нуждается въ познаніяхъ теоретическихъ, то послѣднія приносятъ пользу только въ соединеніи съ опытностью, съ особеннымъ искусствомъ и навыкомъ. Земледѣлецъ, слѣдующій исключительно совѣтамъ теоріи, не соображая ихъ съ ходомъ вещей, съ мѣстными обстоятельствами, съ порядкомъ уже водвореннымъ, подвергается самымъ опаснымъ заблужденьямъ (*). Онъ никогда не долженъ забывать, что имѣетъ дѣло съ силою, которой проявленія не могутъ съ точностію быть предвидимы, изучены, и никогда не походятъ одно на другое. Какое-либо искусство мануфактурное можетъ вездѣ, во всѣхъ климатахъ и во всѣхъ мѣстностяхъ, слѣдовать одинакимъ законамъ, или съ ничтожными только измѣненіями: подобное однообразіе нельзя допустить въ производствахъ земледѣльческихъ. Ходъ ихъ зависитъ отъ тысячи обстоятельствъ, совершенно мѣстныхъ, которыя невозможно подвести подъ одинъ общій законъ. Въ одной и той-же странѣ, одна и та-же изгородь разлучаетъ двѣ мѣстности, на

(*) Невыгоды излишней приверженности къ теоріи, хотя и съ нѣкоторыми преувеличеніями, хорошо изображены въ статьѣ: *Записки пензенскаго земледѣльца*, г. *Сабурова* (помѣщено въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1843 г). Какъ полезное коррективное противъ слишкомъ безусловныхъ мнѣній сочинителя, рекомендуемъ рецензію его труда, помѣщенную въ *Журн. Мин. Государст. Имуществъ 1845 года.*

которыхъ одни и тѣ-же способы даютъ результаты совершенно различные. Наукою конечно не объяснить причины этого различія; одна практика позволяетъ его замѣтить, и опредѣлить въ какой степени можетъ быть примѣненъ къ воздѣлыванію совѣтъ теоріи. Есть тысячи случаевъ, гдѣ для удачнаго хода земледѣльческаго промысла достаточно здраваго смысла и опытности; едва ли найдется много примѣровъ тому, чтобъ земледѣлецъ могъ удовольствоваться однимъ знаніемъ науки.

Посему-то, оказывая должное уваженіе изслѣдованіямъ наукъ, предприниматели земледѣльческіе обязаны особенно заботиться объ окруженіи себя исполнителями опытными, знающими дѣло, давно ужъ ознакомившимися съ мѣстною природой. Они должны остерегаться пристрастія къ новизнѣ, и никогда не выходить изъ предѣловъ опыта въ своихъ теоретическихъ примѣненіяхъ, пока онѣ не будутъ освящены успѣхомъ несомнѣннымъ. Подлѣ отсталыхъ привычекъ нѣкоторой части нашего земледѣльческаго сословія, въ немъ иногда встрѣчаются примѣры противнаго излишества. Иные хозяева одержимы страстію улучшеній; съ *Бюргеромъ* или *Тейеромъ* въ рукахъ, они смѣло пускаются въ океанъ нововведеній, безъ спасительнаго компаса опытности, и сколь часто этотъ океанъ поглощаетъ у нихъ самые чистые доходы.

Не собственно науками, но благодаря наблюденіямъ и практикѣ, просвѣщеннымъ наукою, «Англичане создали такое множество отличныхъ ти«повъ животныхъ и растеній; открыли столь разно-

«образныя и драгоцѣнныя породы картофеля, мор-
«кови, рѣпы, *turneps;* собрали около двухсотъ
«сортовъ пшена; нашли средство разводить отлич-
«ныхъ лошадей верховыхъ, и другихъ для упряжи;
«коровъ для молока, другихъ для порожденія боль-
«шихъ телятъ; овецъ для сала, другихъ для шер-
«сти; другихъ еще съ малыми костями и мясисты-
«ми членами; свиней низкаго роста, но длинныхъ и
«толстыхъ, пасущихся на полѣ подобно баранамъ,
«и которыхъ откармливаніе почти ничего не сто-
«итъ; однимъ словомъ, животныхъ не только отлич-
«но приспособленныхъ къ ихъ разнымъ назначені-
«ямъ, но также легко-содержимыхъ, и дающихъ ча-
«сто, при одинакихъ издержкахъ, прибыль вчет-
«веро значительнѣйшую» (*).

Разсѣвая людей въ пространствѣ, и принужденно удерживая ихъ на мѣстѣ воздѣлыванія, промыслы земледѣльческіе менѣе другихъ способствуютъ ихъ взаимнымъ сношеніямъ. Это объясняетъ частію медленность, съ которою въ сельскія работы проникаютъ улучшенные способы, упорство, съ которымъ въ нихъ держатся устарѣлые пріемы. Въ этомъ разлученіи нельзя не открыть также неблагопріятнаго вліянія на образованіе нравственное, какъ личное такъ и общественное.

Мнимая невинность нравовъ жителей сельскихъ существуетъ только въ идилліяхъ и эклогахъ по-

(*) *Dunoyer: De la liberté du travail* T. II. p. 422; также *Revue Britannique* T. XIV, p. 171. 1-re série. Объ успѣхахъ сдѣланныхъ Англичанами въ скотоводствѣ смотри извѣстное сочиненіе баварскаго хозяина въ Риттергофѣ *Феликса Виллеруа*; изъ него переводъ *въ Журналѣ Минист. Государственныхъ Имуществъ, Апрѣль 1844 года.*

этовъ. На дѣлѣ все убѣждаетъ, что деревенскіе нравы часто грубѣе городскихъ, не будучи отнюдь ихъ чище. «Конечно, замѣчаетъ *Дюнойе*, посреди того «уединенія, въ которомъ земледѣліе заставляетъ «жить людей, дурныя склонности, кажется, должны «быть менѣе возбуждаемы; но за-то менѣе возбуж«даются и страсти похвальныя (*)». Между поселянами вообще встрѣтимъ менѣе дѣятельности: трудясь въ удаленіи одни отъ другихъ, они не одушевляются соревнованьемъ. На нихъ мало дѣйствуютъ также чужіе примѣры: простое чувство приличія заставляетъ городского жителя обращать вниманіе на опрятность и даже на нѣкоторое изящество въ одеждѣ: селянинъ не стыдится самого грязнаго и неприличнаго прикрытія. Во Франціи поселяне круглый годъ ходятъ въ запачканныхъ блузахъ. Знаменитый агрономъ *Матье Домбаль* (**) находитъ, что сельскіе праздники служатъ отвращеніемъ этихъ послѣдствій чрезмѣрнаго уединенія поселянъ. По его мнѣнію, подобныя празднества много содѣйствовали въ Англіи успѣхамъ земледѣльческихъ промысловъ, распространенію хорошихъ методъ и, въ особенности, возбужденію соревнованія между производителями. У Французовъ подобные же результаты начинаютъ осуществляться, благодаря сельскимъ совѣщаніямъ (comices agricoles).

Расточительность часто встрѣчается въ городахъ, скупость и скряжничество въ селахъ. Страсть ко-

---

(*) *De la liberte du travail* Ч. II p. 403.

(**) *Annales agricoles de Roville t. III, p. 254. T. I p. 144*

пить деньги, зарывать ихъ въ землю, одержащая часто сельскихъ жителей и даже землевладѣльцевъ, сильно вредитъ успѣхамъ воздѣлыванія. Онато поселяетъ въ нихъ преувеличенную робость ко всему новому. Многіе путешественики превозносятъ гостепріимство сельскихъ населенностей, ими посѣщенныхъ. Это похвальное чувство, кнесчастію, скоро искореняется, какъ только начинаетъ умножаться число посѣтителей. Самая мелочная личная корысть заступила его мѣсто въ горахъ альпійскихъ; то-же самое замѣчаемъ вездѣ между поселянами, по сосѣдству столицъ и большихъ городовъ. Но даже и тамъ, гдѣ это гостепріимство еще сохраняется, какъ въ нашихъ деревняхъ внутри Россіи, оно не предохраняетъ поселянъ отъ взаимной зависти, безпрестанныхъ споровъ, сплетней и дракъ. Обыкновенно въ селеніяхъ болѣе набожности нежели въ городахъ, но сколько тамъ и суевѣрій! . . . Страсть къ удобствамъ жизни, которая служитъ могучимъ движителемъ нравственнымъ, оживляющимъ дѣятельность горожанъ, большею частію дремлетъ въ селеніяхъ, или, по-крайней мѣрѣ, не можетъ одолѣть лѣность и *апатію*. Иной крестьянинъ, у насъ, спокойно и сложа руки смотритъ какъ, мало по малу, обваливается его изба; онъ не сдѣлаетъ шагу чтобъ поправить мостки или изгородь передъ своимъ жилищемъ: утварь его неопрятна, неудобна. Несмотря на суровые морозы его дѣти, жена и онъ самъ ходятъ босые: внутренность его избы всегда наполнена дымомъ, самымъ нестерпимымъ смрадомъ, несносными га-

дами и насѣкомыми. Онъ пьетъ дурной и кислый квасъ (т. н. сыровецъ), печетъ хлѣбъ съ мякиною. Мнѣ скажутъ, онъ къ тому принужденъ необходимостью? не думаю; скорѣе — онъ не хочетъ взять на себя трудъ подумать о лучшемъ, которое очень хорошо могъ бы промыслить. Эта апатія поражаетъ нетолько между бѣлорусскими крестьянами, гдѣ ее извиняютъ можетъ-быть обстоятельства, но и между сравнительно богатыми мужиками великороссійскими и малороссійскими. Между сельскими жителями гораздо менѣе встрѣчается качествъ гражданскихъ: они мало постигаютъ важность и необходимость законовъ; менѣе уважаютъ чужую собственность, не сознавая всей несправедливости своихъ нарушеній. Отъ этого, чрезмѣрная трудность предохранять лѣса и даже насажденія отъ ихъ расхищеній; отъ этого, учащенія тяжбъ за незаконное присвоеніе земли; отъ этого, освященіе обычаемъ самыхъ явныхъ нарушеній собственности, какъ то: права выгонять скотъ на чужія поля, послѣ жатвы собирать колосья, оставшіяся на полѣ. Сами по себѣ эти дѣйствія могутъ быть невинны; но онѣ наносятъ чувствительный вредъ вслѣдствіе злоупотребленій, неизбѣжно съ ними сопряженныхъ.

Изъ того, что исключительное положеніе сельскихъ населенностей мало благопріятствуетъ водворенію между ними началъ нравственности личной и общественной, отнюдь нельзя заключить, что земледѣліе можетъ преуспѣвать безъ помощи этихъ началъ. Напротивъ, мы видимъ, что оно процвѣтаетъ лишь тамъ, гдѣ эти начала укоренились,

сроднились съ бытомъ сельскихъ предпринимателей и работниковъ. Этому укорененію должно приписать, частію, совершенство земледѣльческихъ промысловъ во Фландріяхъ, въ сѣверной Италіи, въ Германіи. Не выходя изъ нашего отечества, чтобъ судить о благотворномъ вліяніи нравственной образованности на успѣхи земледѣлія, стоитъ только сравнить положеніе колонистовъ съ сосѣдними деревнями. Подъ кровомъ однихъ и тѣхъ же законовъ, въ одной и той-же странѣ, въ одномъ и томъ-же климатѣ, какая разница въ результатахъ!

Всего болѣе вредитъ успѣхамъ земледѣлія презрѣніе къ труду, овладѣвающее сословіемъ землевладѣльцевъ. Оно-то было главною причиною упадка этой вѣтви промышлености въ древности, когда римскіе патриціи, исключительно занимаясь дѣлами политическими, предоставляли воздѣлываніе полей рабамъ и вольноотпущеннымъ. Оно-же подавляло ее постоянно во времена феодализма, и еще долго по его прекращеніи, пока господствовалъ въ Европѣ духъ, имъ водворенный. Пренебреженіе, со стороны владѣльцевъ, влечетъ тѣ-же результаты даже и тамъ, гдѣ трудъ наиболѣе уважается. Жалкое положеніе Ирландіи безъ сомнѣнія должно приписать непростительному нерадѣнію властелиновъ этой страны, никогда ея не посѣщающихъ и предающихъ ее въ добычу алчнымъ спекуляторамъ. Нельзя ожидать также успѣховъ земледѣлія тамъ, гдѣ расточительность владѣтелей поглощаетъ большую часть доходовъ поземельныхъ, не обращая ихъ на улучшеніе собственности. . . . .

Послѣ соображеній, выше приведенныхъ, намъ не много остается сказать о вліяніи законовъ и порядка государственнаго на успѣшное производство земледѣлія.

И во первыхъ, напомнимъ, что необходимое условіе этой промышлености и ея процвѣтанія заключается въ обезпеченіи права поземельной собственности. Напомнимъ также, что это право, признаваемое изъ видовъ пользы общественной, по необходимости подлежитъ нѣкоторымъ ограниченіямъ. Свобода земледѣльческой промышлености не должна стѣснять свободу другихъ, ни вредить собственному своему развитію. Для промысловъ торговыхъ законы справедливо принуждаютъ земледѣльца уступать необходимую часть его собственности подъ дороги; для свободы горныхъ промысловъ, они постановляютъ условія, въ которыхъ владѣтель земли принужденъ допускать горныя разработки въ его помѣстьяхъ; для предохраненія самихъ земледѣльческихъ предпріятій отъ гибельныхъ злоупотребленій, они предписываютъ принятіе существенныхъ мѣръ, то для сохраненія и разведенія лѣсовъ, то для предупрежденія истощенія и порчи полезныхъ породъ животныхъ и растеній, то для огражденія воздѣлываній противъ права охоты. Всѣ эти ограниченія необходимы; онѣ вполнѣ оправдываются пользою государственною; въ нихъ должно избѣгать только излишняго притѣсненія владѣльцевъ и предпринимателей . . . . . .

Обезпечивая право поземельной собственности, законы допускаютъ свободный переходъ этого пра-

ва изъ однѣхъ рукъ въ другія путемъ сдѣлокъ, купли, дара или завѣщанія. Ограниченіемъ же права землевладѣнія тѣснымъ кругомъ одного какого-либо сословія, они стѣснили бы весьма невыгодно земдѣльческіе промыслы. Тамъ, гдѣ подобный порядокъ водворился и держится силою вещей, онъ неизбѣжно служитъ поощреніемъ небрежности и нерадѣнію владѣльцевъ; онъ лишаетъ другія сословія того сильнаго побужденія, которое заключается въ надеждѣ пріобрѣсти нѣкогда поземельную собственность; лишаетъ самое государство того обезпеченія, которое обрѣтается въ пріобщеніи большей части населенности къ владѣнію землею. Политика иногда заставляетъ поощрять учрежденіе майоратовъ, родовыхъ помѣстій; эти учрежденія особенно льстятъ тщеславію аристократическихъ семействъ, которыя видятъ въ нихъ средство сохранить силу и богатство въ своемъ потомствѣ. Въ отношеніи экономическомъ, онѣ мало благопріятствуютъ успѣхамъ земледѣлія, сосредоточиваютъ часто въ рукахъ неспособныхъ и даже недѣятельныхъ огромныя помѣстья, которыя, раздѣленныя между множествомъ предпринимателей, подстрекаемыхъ желаньемъ извлечь изъ нихъ наиболѣе пользы, несравно болѣе споспѣшествовали бы богатству народному. Примѣръ Англіи, столь часто приводимый въ защиту майоратовъ, скорѣе доказываетъ ихъ невыгоды: безъ майоратовъ, при великомъ развитіи промысловъ городскихъ въ этомъ государствѣ, еще болѣе распространилось бы земледѣліе; тамъ изчезли бы роскошные парки, великолѣпные замки и

пышная жизнь лордовъ и перовъ; но за-то цѣна жизненныхъ припасовъ не возвысилась бы искуственно, и не разверзлась бы столь широко бездна пауперизма, въ которой гибнетъ столько жертвъ на одного майоратнаго владѣльца, утопающаго въ роскоши.

Недостаточность сближенія и соревнованія, которою отличаются земледѣльческіе промыслы, вполнѣ оправдываетъ различныя мѣры, принимаемыя правительствомъ для ихъ поощренія и оживленія. Мы уже упомянули о сельскихъ праздникахъ. Къ нимъ съ выгодою можно присоединить награды, конкурсы, земледѣльческія выставки. Конскія скачки, извѣстно, вездѣ много содѣйствуютъ улучшенію породы лошадей; смѣшное обыкновеніе, существующее во Франціи, водить на масляницѣ по улицамъ быка, наилучше откормленнаго, поселяетъ полезное соревнованіе между предпринимателями откармливанія. Знаки отличія и денежныя преміи, раздаваемыя овцеводамъ за введеніе въ большомъ видѣ тонкорунныхъ овецъ, много содѣйствовали водворенію этого промысла въ Саксоніи.

Нельзя столько же одобрять мѣры, помощію которыхъ, иногда, для поощренія земледѣльческихъ промысловъ, возбуждаютъ искуственную дороговизну продуктовъ на внутреннихъ рынкахъ, затрудняя или запрещая ввозъ подобныхъ же продуктовъ, то изъ одной провинціи въ другую, то изъ земель иностранныхъ. Подобныя мѣры суть не что иное, какъ запретительная система примѣненная къ земледѣлію, и все, что было сказано о ней выше, мо-

жетъ быть здѣсь повторено. Прибавимъ однако, что запрещенія, въ пользу земледѣльческихъ промысловъ, для общества пагубнѣе тѣхъ мѣръ, которыми хотятъ поощрять мануфактуры. Къ великой естественной привилегіи поземельной собственности, уже доставляющей владѣльцамъ выгоды совершенно особенныя, онѣ присоединяютъ еще барыши искуственные, взимаемые ими съ народнаго потребленія. Эти барыши значительно увеличиваютъ ихъ доходы, какъ тому видимъ примѣръ въ Англіи; но они подрываютъ всѣ другіе промыслы. Сырые матеріялы мануфактуриста дорожаютъ. Задѣльная плата, которая принужденно соразмѣряется съ цѣною предметовъ первой потребности и въ особенности хлѣба, повышается; если жъ на ея положеніе дѣйствуетъ въ обратную сторону соперничество умножающейся населенности, если она понижается, то участь рабочаго сословія становится самою жалкою. Ни добровольныя вспоможенія, ни таксы для бѣдныхъ, силою исторгаемыя изъ рукъ владѣтельной касты, не могутъ отвратить зло, причиненное ея искуственнымъ обогащеньемъ. Горестная язва пауперизма раскидывается по всѣмъ частямъ государства; она омрачаетъ поля, покрытыя цвѣтущими насажденіями; разстилается въ городахъ, подлѣ роскошныхъ жилищъ богачей. Ея видъ безпрестанно отравляетъ наслажденія послѣднихъ, безпрестанно поселяетъ въ нихъ опасенія, страхъ; власть общественная, тщетно стараясь сохранить миръ и тишину, прибѣгаетъ часто къ

неимовѣрнымъ усиліямъ для предохраненія привилегированнаго сословія противъ взрыва отчаянія и ожесточенія сословія трудового, принесеннаго ему въ жертву.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

О промыслахъ, производящихъ невещественныя блага.

58. Общія замѣчанія; различные виды этихъ промысловъ.

Промыслы, доставляющіе полезности вещественныя, много способствуютъ благосостоянію людей; но ихъ нельзя разсматривать какъ единственное условіе этого благосостоянія. Достаточно снабженный пищею, одеждою, кровомъ, орудіями, человѣкъ еще не можетъ считаться удовлетвореннымъ, если ему не достаетъ здоровья, силы тѣлесной; если въ немъ не развито и не просвѣщено воображенье; если онъ не имѣетъ довольно познаній, опытности, искусства; если воля его не вооружена началами нравственности; если наконецъ, онъ не обезпеченъ противъ нарушеній, угрожающихъ его собственности и его личности. Ктому-же, безъ помощи этихъ благъ внутреннихъ, невещественныхъ, неосязаемыхъ, но тѣмъ не менѣе живо сознаваемыхъ, нельзя допустить, какъ мы достаточно убѣдились, успѣшнаго производства промысловъ, сообщающихъ полезное преобразованіе вещамъ.

Элементы благъ внутреннихъ предсуществуютъ

въ человѣкѣ, такъ точно какъ элементы благъ внѣшнихъ, вещественныхъ, предсуществуютъ въ природѣ, насъ окружающей. Подобно послѣднимъ, первые заимствуютъ свою новую полезность отъ преобразованія, имъ сообщаемаго. Это преобразованіе требуетъ примѣненія производительныхъ силъ труда, природы и капитала, или, какъ мы приняли для простоты изложенья, средствъ матеріяльныхъ и средствъ нравственныхъ, и оно-то составляетъ предметъ промысловъ, обращающихся не на вещи, но на самихъ людей. Въ общежитіи и въ словесности этимъ промысламъ часто даютъ названье свободныхъ искусствъ (arts libéraux). Не видимъ никакой причины сохранить имъ въ нашемъ изложеніи это названье, которымъ, вѣроятно, встарину ихъ отличали отъ искусствъ, производившихся тогда исключительно сословіями порабощенными. Для насъ всѣ искусства равно достойны труда свободнаго, какъ тѣ, которыя преобразуютъ вещи, такъ и тѣ, которыя преобразуютъ людей. Можетъ-быть правильнѣе было бы называть первыя собственно *вещественными,* какъ имѣющими дѣло съ веществомъ органическимъ и неорганическимъ, съ природой мертвой или неразумной, и клонящимися къ удовлетворенію потребностямъ тѣлесной половины нашего бытія; вторыя же—собственно *нравственными,* какъ имѣющими дѣло съ человѣчествомъ, съ природой свободно-разумной и стремящимися къ удовлетворенію потребностямъ нашей духовной половины.

Не вдаваясь въ глубокія наблюденія физіологическія и психологическія, мы легко откроемъ въ са-

михъ себѣ, въ нашемъ тѣлѣ, нашемъ воображеніи или чувствѣ, нашемъ разумѣ и нашей волѣ, четыре главныя начала побужденій и потребностей, для удовлетворенія которымъ мы принуждены прибѣгать къ преобразованію силъ, доставшихся намъ въ удѣлъ, преобразованію, пораждающему въ насъ блага внутреннія, которыми всякій пользуется тѣмъ долѣе, чѣмъ лучше успѣваетъ ихъ сохранить. Безъ сомнѣнья, совокупности этихъ же началъ надлежитъ приписать происхожденіе всѣхъ другихъ нуждъ и потребностей, которымъ соотвѣтствуютъ полезности вещественныя: но различные промыслы, доставляющіе эти полезности, не дѣйствуютъ прямо на наши силы, а напротивъ нуждаются въ ихъ развитіи или поддержаніи, чему однако сами болѣе или менѣе благопріятствуютъ.

Сохраненіе нашего тѣла въ состояніи здоровомъ есть, конечно, одна изъ важнѣйшихъ цѣлей промысловъ вещественныхъ. Они доставляютъ ему пищу, кровъ, средства возвышать температуру, его окружающую; но этихъ условій недостаточно для обезпеченія намъ здоровья тѣлеснаго. Оно зависитъ отъ множества причинъ внутреннихъ: отъ нашего темперамента, отъ нашего происхожденія, отъ расположенія нашихъ органовъ, отъ привычекъ, которымъ мы подвергаемся; отъ случайностей, возмущающихъ нормальное теченіе нашей жизни. Скудость или дурное свойство благъ вещественныхъ можетъ имѣть гибельное вліяніе на нашъ организмъ тѣлесный; но онъ подверженъ разстройству и посреди изобилія этихъ благъ, при всей удовлетвори-

тельности ихъ качествъ. Заразы, эпидеміи, наслѣдственныя болѣзни, суровость климата—не щадятъ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ; и если силы тѣлесныя первыхъ разслабляются вслѣдствіе лишеній, то сколь часто послѣдніе страдаютъ отъ невоздержности, отъ жизни слишкомъ покойной, отъ избытка наслажденій. Во всякомъ положеніи, здоровье есть благо внутреннее, которое присоединяется къ достатку вещественному: бѣдности оно помогаетъ переносить лишенія; увеличиваетъ и украшаетъ радости избытка. Сохраненіе и возстановленіе этого блага служитъ предметомъ промысловъ, совершенно особенныхъ, которымъ приличествуетъ названіе *гигіеническихъ* или *врачебныхъ*.

Въ промыслахъ вещественныхъ мы открываемъ великое участіе воображенія или чувства (Gemüth), этой способности людей принимать впечатлѣнія и руководиться ими. Оно пораждаетъ въ нихъ идею лучшаго; устремляетъ ихъ на путь подражанія; заставляетъ заботиться о красивости формъ, объукрашеніяхъ, о разнообразіи, о сочетаніи контрастовъ, о симетріи. Его вожделѣніямъ должно приписать особенное разширеніе большей части этихъ промысловъ. Оно вездѣ побуждаетъ человѣка стараться о соглашеніи изящнаго съ полезнымъ. Съ своей стороны промышленость вещественная дѣйствуетъ на воображеніе людей, безпрестанно раздражая его новыми впечатлѣньями. Но ея вліяніе косвенно и смутно. Есть напротивъ промыслы, исключительно направленные на образованіе этой способности человѣческой, придающіе ей особенную силу и пра-

вильность, возвышающіе и облагораживающіе ея внушенія. Эти промыслы, которымъ сохранимъ названіе *художественныхъ,* не только оказываютъ великія услуги людямъ, образуя ихъ вкусъ, но еще служатъ для нихъ источникомъ самыхъ живыхъ наслажденій, развивая въ нихъ чувство прекраснаго.

Нѣтъ ни одного дѣянія человѣческаго, въ которомъ не отражалось бы дѣйствіе способностей умственныхъ. Онѣ служатъ попеременно въ промыслахъ вещественныхъ, то побужденьемъ, то руководствомъ. Но побужденья ихъ тѣмъ свѣтлѣе, руководство ихъ тѣмъ существеннѣе, чѣмъ болѣе развиты онѣ опытностью, наблюденьями, изученьемъ. Промышленая дѣятельность способствуетъ этому развитію, и тѣмъ лучше, чѣмъ болѣе сближаетъ людей, чѣмъ болѣе благопріятствуетъ между ними обмѣну мыслей и заключеній. Но шаги образованія умственнаго, пріобрѣтаемаго путемъ одной опытности, медленны и часто сбивчивы: его успѣхамъ, какъ въ недѣлимыхъ такъ и въ народахъ, гораздо существеннѣе содѣйствуетъ преподаваніе изустное, наглядное или письменное, прямо направленное на укрѣпленіе умственныхъ способностей человѣка, на примѣненіе ихъ къ извѣстнаго рода занятіямъ. Доставленіемъ человѣку этого важнаго блага внутренняго, не только придающаго, какъ мы видѣли, огромную силу его труду, но еще много разширяющаго кругъ его наслажденій, занимаются особенные промыслы, которые можно, кажется, означить названіемъ *учебныхъ.*

Позывы тѣла, вожделѣнія чувства, соображенія и заключенія разума, осуществляются на дѣлѣ, выражаются въ дѣяніи лишь по-мѣрѣ того, какъ преклоняютъ свободную волю человѣка. Въ ней-то заключается послѣдній и ближайшій движитель нашей дѣятельности. Она поддерживаетъ насъ въ борьбѣ съ міромъ вещественнымъ, вооружаетъ нашъ трудъ постоянствомъ, неутомимостью, вселяетъ въ насъ бодрость и неустрашимость. Безъ сомнѣнія укрѣпленію воли много содѣйствуютъ промыслы вещественные, въ которыхъ награда самая положительная почти всегда достается прилежанію и искусству. Но воля, привыкшая слѣдовать единственно побужденіямъ личнаго или минутнаго интереса, не можетъ соглашена быть съ порядкомъ общественнымъ. Она должна быть пріучена къ обузданію своихъ порывовъ, когда эти порывы могутъ нанести вредъ другимъ людямъ или имѣть пагубныя послѣдствія для самой личности человѣка; она должна покоряться убѣжденіямъ нравственности; должна умѣть склоняться на жертвы и соблюдать возможную гармонію въ нашей дѣятельности между побужденіями тѣла, чувства и разума. Мы видѣли въ какой степени успѣшный ходъ промысловъ вещественныхъ, и ихъ свобода, зависятъ отъ развитія этой силы нравственной въ производителяхъ; нельзя ждать отъ простого хода вещей ея постепеннаго водворенія; никакое общество не можетъ обойтись безъ особеннаго *образованія нравственнаго, и религіознаго* прямо дѣйствующихъ на волю человѣческую, то путемъ разсудка, то путемъ чувства или воображенія.

Чтобъ существенно заботиться о собственномъ образованіи гигіеническомъ, художественномъ, умственномъ и нравственномъ, такъ точно, какъ и о снабженіи себя всякого рода благами вещественными помощію промысловъ извлекающихъ, торговыхъ, мануфактурныхъ и земледѣльческихъ, люди по возможности должны быть избавлены отъ заботъ о самоохраненіи противъ покушеній однихъ на другихъ. Эти заботы столь тяжки, что тамъ, гдѣ падаютъ всѣмъ бременемъ на недѣлимыхъ, онѣ рѣшительно подавляютъ ихъ полезную дѣятельность, и препятствуютъ всякого рода промысламъ. По необходимости онѣ должны служить предметомъ силъ совершенно отдѣльныхъ, исключительно направляемыхъ на доставленіе всѣмъ и каждому великаго блага—безопасности личной и общей. Эти силы сосредоточиваются въ рукахъ власти общественной или *правительства*, котораго промыселъ, если дозволено употребить это выраженіе, отличается отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что блага, имъ производимыя, не предлагаются на произволъ потребителей, но расточаются имъ независимо отъ ихъ воли. Вездѣ правительство тѣмъ существеннѣе достигаетъ своей цѣли, чѣмъ болѣе въ немъ единства и могущества. Подобно образованію нравственному, оно дѣйствуетъ на волю людей, но иными путями: нарушенія внутри государства оно предупреждаетъ законами и страхомъ наказанія; нарушенія со стороны другихъ народовъ отвращаетъ силою оружія, распространеніемъ оборонительныхъ средствъ. Хотя главный и общій надзоръ за ходомъ

управленія государственнаго сосредоточенъ въ одномъ лицѣ верховной власти, оно занимаетъ однако множество исполнителей, которыхъ сословіе подраздѣляется на различныя званія.

Постановивъ эти раздѣленія въ промыслахъ или искусствахъ, занимающихся доставленіемъ обществу благъ внутреннихъ, мы должны обратить вниманіе на главную и общую черту, ихъ отличающую. Какъ въ промыслахъ земледѣльческихъ, дѣятельность человѣка и въ нихъ преимущественно опирается на силу жизненную; но здѣсь ей предстоитъ еще болѣе трудностей: она имѣетъ дѣло не съ природою органическою неразумною, покорною влеченію инстинкта; но съ существами, одаренными кромѣ того разумомъ и свободою воли. Успѣхъ, болѣе или менѣе, зависитъ отъ ихъ готовности къ принятію тѣхъ преобразованій, изъ которыхъ должны родиться блага; отъ свойства элементовъ нравственныхъ и физическихъ, въ нихъ предсуществующихъ. Какъ разгадать эти свойства? какъ опредѣлить несомнѣнныя условія успѣха? Вотъ глубокая тайна, сокрытая въ извилинахъ природы человѣческой; мы замѣчаемъ только, что элементы этой природы несравненно выше и чище элементовъ природы органической неразумной, особенно тѣ, которые проявляются въ жизни свободно-разумной; и этому совершенству, безъ сомнѣнія, должно приписать прекраснѣйшіе и полезнѣйшіе результаты тѣхъ искусствъ, къ разсмотрѣнію которыхъ мы можемъ теперь приступить.

Замѣтимъ еще, что это разсмотрѣніе не выходитъ

изъ предѣловъ науки народнаго хозяйства. Оно не можетъ навлечь на нее упрека въ честолюбивомъ разширеніи круга, ей предначертаннаго. Анализируя различныя искусства направленныя на природу человѣческую, политическая экономія не посягаетъ на поприще наукъ, имъ соотвѣтствующихъ: она предоставляетъ медицинѣ изложеніе условій, при которыхъ наилучше можетъ сохраняться здоровье людей; эстетикѣ, въ обширномъ значеніи слова,— изложеніе и изъисканіе законовъ изящнаго; философіи, и вообще наукамъ,—изслѣдованіе истинъ, изъ которыхъ образуются различные отдѣлы человѣческаго знанія; нравоученію и религіи—опредѣленіе правилъ, которыми должна руководиться наша воля; политикѣ и правовѣденію—постановленіе наилучшихъ законовъ для управленія людьми и для обезпеченія наибольшей свободы всѣмъ и каждому;— она старается только объяснить порядокъ, въ которомъ примѣняются къ этимъ искусствамъ производительныя силы націи; ту связь, которая существуетъ между ними и промыслами вещественными; тѣ условія экономическія, при которыхъ народы удобнѣе и успѣшнѣе могутъ предаваться производству благъ внутреннихъ, такъ точно, какъ она излагаетъ условія, наиболѣе благопріятныя производству благъ внѣшнихъ.

59. О ПРОМЫСЛАХЪ ГИГІЕНИЧЕСКИХЪ И ВРАЧЕБНЫХЪ, ИЛИ СОХРАНЯЮЩИХЪ И ВОЗСТАНОВЛЯЮЩИХЪ ТѢЛЕСНЫЯ СИЛЫ ЧЕЛОВѢКА.

Инстинкта самоохраненія, во многихъ случаяхъ, довольно животному неразумному для избѣжанія недуговъ, угрожающихъ разслабленіемъ его организму. Ктому-же Провидѣніе устроило его жизнь такъ, что процесъ ея совершается постоянно вслѣдствіе неизмѣнныхъ законовъ, и одно случайное отсутствіе необходимѣйшихъ условій можетъ нарушить то равновѣсіе различныхъ элементовъ его тѣла, въ которомъ собственно состоитъ здоровье. Человѣкъ, какъ животное, руководится частію тѣмъ же инстинктомъ самоохраненія; его жизнь также подлежитъ въ своихъ проявленіяхъ законамъ естественнымъ. Но, какъ существо свободно-разумное, онъ подверженъ вліянію побужденій, заглушающихъ въ немъ инстинктъ, совлекающихъ его жизнь съ пути естественнаго, побѣждающихъ въ немъ часто чувство самоохраненія, еще чаще совращающихъ это чувство, которое тогда ввергаетъ его въ самыя гибельныя заблужденія.

Отъ этого люди, для сохраненія тѣлесной крѣпости и здоровья, принуждены прибѣгать къ искуственнымъ средствамъ, въ которыхъ не нуждаются существа неразумныя, живущія на свободѣ и слѣпо повинующіяся инстинкту. Нужно ли распространяться о необходимости этихъ средствъ? она признается знаменитѣйшими законодателями рода

человѣческаго, въ отношеніи къ цѣлымъ обществамъ; что-же касается до недѣлимыхъ, кто изъ насъ не ощущалъ или не ощущаетъ ея на самомъ себѣ, на своихъ ближнихъ, на своихъ друзьяхъ, вообще на всѣхъ себѣ подобныхъ, изнемогающихъ подъ бременемъ недуговъ, или являющихъ печальное зрѣлище тѣлеснаго истощенія? Тѣло, разстроенное болѣзнями, разслабленное превратнымъ воспитаніемъ, неспособно къ труду бодрому, существенному. Безъ сомнѣнія въ тѣлѣ слабомъ могутъ быть душа могучая, пылкое воображеніе, обширныя способности умственныя; но эти нравственныя силы терпятъ отъ немощей тѣлесныхъ. Онѣ тухнутъ или увядаютъ, по-мѣрѣ того, какъ изнуренное тѣло или померкшія чувства перестаютъ принимать впечатлѣнія, или порабощаются одному впечатлѣнію страданій, ихъ подавляющихъ.

Всякій можетъ самъ, болѣе или менѣе, содѣйствовать сохраненію своего здоровья, избѣгая излишествъ и опасностей, ему угрожающихъ, стараясь сколь можно болѣе придерживаться естественной стези, отъ которой безпрестанно уклоняетъ насъ искуственный порядокъ вещей, посреди какого мы живемъ. Есть однако минуты въ жизни человѣческой, когда нельзя требовать отъ него подобной разсудительности. Въ младенчествѣ, въ дѣтствѣ и въ первыя лѣта юности, когда еще не созрѣвшему организму всего болѣе угрожаютъ дурныя привычки, внѣшнія вліянія, излишества всякого рода, наше тѣло не можетъ обойтись безъ чужого руководства. Оно обрѣтаетъ его, частію, въ заботахъ роди-

телей: но этихъ заботъ недостаточно, если отцы и матери не имѣютъ нѣкоторой опытности, нѣкоторыхъ здравыхъ понятій о гигіенѣ; ихъ недостаточно, особенно если сами родители уже были заражены такими болѣзнями, которыхъ начала необходимо переходятъ въ кровь ребенка; или если несовмѣстность ихъ темпераментовъ отразилась въ природномъ слабосиліи ихъ изчадія. Одержимый недугомъ, прикованный къ одру страданій, лишенный возможности употреблять свои мускулы и даже свои силы душевныя, человѣкъ принужденъ прибѣгать къ чужой помощи для возстановленія здоровья, котораго не умѣлъ сохранить, или лишился по какому-либо случаю. Даже для сохраненія здоровья при особенныхъ обстоятельстахъ, то при перемѣнѣ климата, то при угрожающей эпидеміи, то подъ вліяніемъ наслѣдственнаго зла, или природныхъ несовершенствъ, необходимы совѣты и помощь опытности, знанія, искусства. Нельзя, наконецъ, обойтись безъ посторонняго содѣйствія, для пріученія тѣла, или нѣкоторыхъ его членовъ, къ разнымъ полезнымъ упражненіямъ.

Это руководство, эта помощь, эти совѣты, это содѣйствіе предлагаются обществу промыслами *гигіеническими*, образующими особенный отдѣлъ. Его можно подраздѣлить на искусства, собственно занимающіяся сохраненіемъ здоровья людей, или *практическую гигіену*; на искусства *врачебныя*, обнимающія медицину и хирургію, съ ихъ многочисленными вѣтвями; и на *гимнастику*, въ которую войдутъ всѣ искусства, развивающія силы тѣлесныя помощію

различныхъ упражненій: танцованія, верховой ѣзды, плаванія, фехтованія и т. п.

Гигіена часто сливается въ одномъ производствѣ съ медициною; но цѣль ихъ различна: первая заботится о сохраненіи здоровья, вторая о его возвращеніи въ случаѣ утраты; послѣдняя начинаетъ дѣйствовать тамъ, гдѣ способы первой становятся недостаточными; одной— первообразнымъ матеріяломъ служатъ люди здоровые; другой—люди больные. И тотъ и другой промыселъ отмѣнно важны и полезны, но нельзя не отдать преимущества гигіенѣ, какъ стремящейся предохранить людей отъ золъ, отъ которыхъ не всегда успѣваетъ избавить ихъ медицина. Такъ судили древніе Греки и Римляне; они обращали наиболѣе вниманія на возможное удаленіе въ ихъ жилищахъ, пищѣ, одеждѣ, образѣ жизни, всего, что могло имѣть вредное вліяніе на ихъ здоровье, и постоянно укрѣпляли тѣло упражненіями. Такъ, говорятъ, судятъ въ Китаѣ, гдѣ каждое семейство имѣетъ своего медика-гигіениста, котораго заботы должны клониться къ предупрежденію болѣзней, и которому плата прекращается, едва въ домѣ оказываются больные. Между современными населенностями европейскими, кнесчастію, почти вездѣ господствуетъ иной образъ мыслей. Однѣ правительства принужденно заботятся о доставленіи народамъ неоцѣненныхъ выгодъ публичной гигіены; но этотъ промыселъ мало проникаетъ до частнаго потребленія. Кромѣ немногихъ семействъ истинно просвѣщенныхъ, помощію гигіены обезпечивающихъ себѣ жизнь покойную; изба-

вляющихъ себя отъ множества недуговъ; успѣвающихъ сохранить красоту и крѣпость тѣлесную въ своемъ потомствѣ, большинство живетъ совершенно чуждымъ благотворному вліянію этого искусства. Въ нашихъ городахъ, мы не только не заботимся объ удаленіи причинъ разстройства тѣлеснаго, но, напротивъ, искуственно окружаемъ себя условіями, посреди которыхъ не можетъ сохраняться здоровье и, пренебрегая гигіеническими совѣтами, безпрестанно прибѣгаемъ къ помощи врачей для исправленія того здоровья, которое столь легко могли бы сохранить. Отъ этого, въ самомъ промыслѣ, гигіена приносится въ жертву медицинѣ. Люди, посвящающіе себя этимъ искусствамъ, почти исключительно занимаются изученіемъ болѣзней и средствъ къ ихъ исцѣленію, пренебрегая изученіемъ средствъ къ ихъ предупрежденію. Это объясняетъ частію странные и незаслуженные упреки, которыми иногда злословятъ врачей, какъ будто они основываютъ свое личное благосостояніе на бѣдствіяхъ рода человѣческаго. Гораздо правильнѣе можно обратить этотъ упрекъ на общественное мнѣніе, которое насильственно ограничиваетъ полезную дѣятельность врача однѣми искусствами цѣлебными.

То-же самое можно замѣтить о гимнастикѣ, которая тѣсно связана съ гигіеною, особенно для дѣтства и юношества, и недаромъ играла столь важную роль въ воспитаніи древнихъ. Нынѣ, въ частномъ быту, самое превратное равнодушіе и даже пренебреженіе встрѣчаютъ промыслы, занимающіеся

развитіемъ и укрѣпленіемъ силъ тѣлесныхъ помощію различныхъ упражненій. Богатые родители прибѣгаютъ къ нимъ единственно для доставленія своимъ дѣтямъ средствъ блистать въ свѣтѣ или умѣнія, въ которомъ они могутъ нуждаться впослѣдствіи: они не видятъ иной цѣли въ танцахъ, въ верховой ѣздѣ, въ искусствѣ владѣть оружіемъ; не заботятся о пріученіи дѣтей къ перенесенію холода, зноя, атмосферическихъ перемѣнъ; держатъ ихъ какъ тропическія растенія подъ колоколомъ; страшатся утомленія ихъ членовъ ходьбою, бѣганьемъ, гимнастическими играми; не учатъ плаванію, забывая, что изъ всѣхъ гимнастическихъ упражненій, оно наиболѣе развиваетъ гибкость тѣлесную. Многіе сѣтуютъ даже на фрунтовое ученье, которое столь благоразумно распространяется правительствомъ во всѣхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Дѣти бѣдныхъ родителей, нашихъ крестьянъ, ремесленниковъ, солдатъ, въ отношеніи гимнастики, пользуются важнымъ преимуществомъ. Родъ ихъ жизни таковъ, что съ самой ранней юности онѣ привыкаютъ переносить тяжкія и продолжительныя работы и всевозможныя перемѣны атмосферы. Ихъ желудокъ приспособленъ къ пищѣ самой грубой, но въ то-же время простой и здоровой, ихъ члены, ихъ мускулы, ихъ чувства отличаются крѣпостью и мѣткостью, которыхъ тщетно ищемъ въ высшихъ сословіяхъ; въ ихъ тѣлосложеніи нельзя не открыть также болѣе истинной красоты формъ, естественной, неподдѣльной. Тальи женщинъ не перетянуты и не искажены убійственнымъ злоупотребленіемъ

корсетовъ, лишающимъ ихъ часто способности произрождать здоровыхъ дѣтей. Кнесчастію, выгоды этого гимнастическаго воспитанія, столь благопріятнаго развитію крѣпости тѣлесной, въ низшихъ сословіяхъ, при отсутствіи важнѣйшихъ условій гигіены, перевѣшиваются вредомъ то отъ недостатка попеченія о младенцахъ, изъ которыхъ (судя по статистическимъ свѣденіямъ) смертность похищаетъ значительную часть; то отъ нездоровыхъ жилищъ или отъ неумѣнья оградить себя противъ заразъ; то отъ неопрятности, или отъ вредныхъ работъ безъ всякихъ предохранительныхъ средствъ; то, наконецъ, отъ неимѣнія врачебныхъ пособій въ случаѣ приключеній.

Успѣхи образованности, развитія богатства и благосостоянія между неселенностями, мало-по-малу убѣждаютъ ихъ въ необходимости заботъ объ укрѣпленіи и сохраненіи силъ тѣлесныхъ; они доставляютъ имъ также возможность къ снисканію этихъ благъ, которыя производятся тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ лучше снабжены промыслы, посвященные ихъ производству, необходимыми средствами матеріяльными и нравственными.

Между первыми приспособленіе мѣстности есть одно изъ важнѣйшихъ условій успѣха. Гигіеническія и врачебныя заведенія, въ которыхъ предпринимаютъ укрѣплять или возстановлять здоровье людей, должны быть устроены такъ, чтобъ въ нихъ все содѣйствовало достиженію этой цѣли. Извѣстно сколь много смертность въ госпиталяхъ зависитъ отъ расположенія покоевъ, печей, оконъ, дверей;

отъ качества строительныхъ матеріяловъ; отъ способовъ нагрѣванья и провѣтриванья; отъ распредѣленія больныхъ; отъ разлученія одержимыхъ заразительными недугами. Не менѣе должно обращать вниманія на самый выборъ мѣста: вліяніе атмосферы, климата, почвы, растительности всегда болѣе или менѣе ощущается людьми; но эти вліянія дѣйствуютъ на выздоровленіе больныхъ или на укрѣпленіе слабыхъ, то какъ пособіе, то какъ препятствіе. Иныя условія атмосферическія благопріятны одного рода болѣзнямъ, вредны другимъ. Соображеніе этихъ условій составляетъ одну изъ труднѣйшихъ частей подобныхъ предпріятій. Но гигіена, медицина, хирургія производятся не только въ особенныхъ заведеніяхъ для того предназначенныхъ: обширное поприще предстоитъ имъ въ самыхъ жилищахъ гражданъ; и тутъ, въ особенности, наблюдатель поражается на каждомъ шагу вліяніемъ расположенія жилищъ на успѣшныя дѣйствія этихъ промысловъ. Сколь часто всѣ надежды искуснаго врача разрушаются неудобствами мѣстными; больной то заключенъ въ дурномъ, спертомъ воздухѣ; то лишенъ защиты противъ суровости климата, то безпрестанно вдыхаетъ тлетворныя испаренія болотъ. Что сдѣлаетъ самый опытный гигіенистъ тамъ, гдѣ его совѣты не могутъ одолѣть предразсудковъ населенности, которая страшится на волосъ отступить отъ образа строенія домовъ, переданнаго ей предками? гдѣ никакія предостереженія не могутъ побудить жителей къ содержанію опрятности въ ихъ покояхъ? гдѣ корысть домохозяевъ

безжалостно стѣсняетъ бѣдныхъ постояльцевъ въ узкихъ пространствахъ, куда не проникаетъ ни лучь солнца, ни струя свѣжаго воздуха, и гдѣ эта корысть находитъ сильное потворство въ невѣжествѣ или безотвѣтности самихъ жертвъ? Какъ много выиграло бы здоровье жителей нашихъ столицъ отъ одного простого улучшенія отопленія, которое позволило бы согласить съ содержаніемъ умѣренной температуры постоянное возобновленіе воздуха въ комнатахъ.

Извѣстно сколь важную роль играетъ баня въ быту русскаго народа. Это, безъ сомнѣнія, одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ гигіеническихъ средствъ, къ которому прибѣгаютъ, и съ пользою несомнѣнною, наши простолюдины, во множествѣ случаевъ. Но развѣ эти бани не могутъ быть лучше устроены, особенно въ отношеніи благопристойности и опасности зараженія. Какъ не подивиться тому, что въ Петербургѣ доселѣ, при изобиліи отличной воды, еще нѣтъ ни одного порядочного заведенія, собственно для ваннъ. Въ Москвѣ еще хуже; а въ другихъ городахъ объ этихъ ваннахъ даже нѣтъ и помину. Давно ли, по примѣру казенныхъ, у насъ начали кое-гдѣ устроиваться лѣтнія купальни и школы плаванья? Нельзя не согласиться, что при отсутствіи подобныхъ заведеній, при неудовлетворительномъ устройствѣ жилищъ, много затрудняются успѣхи гигіены. Въ устройствѣ и расположеніи заведеній гимнастическихъ открываемъ также важныя условія ихъ успѣха и полезности.

Эти заведенія должны быть, между прочимъ,

снабжены особенными орудіями, имъ свойственными. Ихъ нельзя сравнивать съ тѣми, которыя употребляются въ промыслахъ вещественныхъ, но, подобно послѣднимъ, онѣ тѣмъ существеннѣе оказываютъ содѣйствіе, чѣмъ лучше приспособлены. Усовершенствованію однѣхъ орудій, изобрѣтенію другихъ, люди обязаны возможностью избавляться отъ болѣзней, до того непзлечимыхъ, и значительнымъ уменьшеніемъ страданій въ самыхъ сложныхъ операціяхъ. Благодаря отличнымъ инструментамъ, окулистъ легче снимаетъ катаракту; дантистъ удобнѣе избавляетъ отъ зубной боли; медицина замѣняетъ литотритіей жестокую операцію вырѣзыванія камня; хирургія преслѣдуетъ и исторгаетъ наиболѣе углубленныя вѣтви рака, которыя долго считались недосягаемыми. Механическія постели гораздо успѣшнѣе дѣйствуютъ на исправленіе позвоночнаго столба, нежели тяжелый желѣзный крестъ, которымъ прежде его обременяли.

Къ орудіямъ должно присоединить лекарственныя снадобья. Конечно, по замѣчанію искуснѣйшихъ медиковъ, лекарства играютъ въ гигіенѣ и врачеваньяхъ роль второстепенную, но тѣмъ не менѣе ихъ вліяніе весьма полезно; ихъ недостатокъ или дурное качество можно разсматривать какъ великое зло. Природа въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ неистощимомъ изобиліи расточаетъ людямъ цѣлебныя средства, то въ минеральныхъ водахъ, то въ разныхъ другихъ веществахъ. Эти мѣста становятся настоящимъ прибѣжищемъ, куда стекаются больные всѣхъ странъ, и минеральный ключь слу-

житъ не только источникомъ здоровья для однихъ, но также источникомъ обогащенія страны, въ которой, благодаря стѣсненію населенности, развивается обширная дѣятельность промышленая. Однимъ изъ благодѣтельнѣйшихъ послѣдствій открытія Америки для человѣчества, было доставленіе народамъ множества цѣлебныхъ веществъ изъ царства животнаго и растительнаго, дотого вовсе неизвѣстныхъ. Чтобъ дать понятіе о важности этого матеріяльнаго средства для врачебныхъ промысловъ, довольно упомянуть о коровьей оспѣ, о хинхинѣ, о камфорѣ; довольно подумать о благодѣяніи, которое оказало бы людямъ открытіе лекарственныхъ средствъ противъ водобоязни, падучей болѣзни, моровой язвы.

Примѣненіе матеріяльныхъ средствъ, почерпаемыхъ въ природѣ и капиталахъ, къ производству промысловъ гигіеническихъ, должно, по необходимости, какъ и во всѣхъ другихъ, опираться на совокупность средствъ нравственныхъ, осуществляемыхъ въ трудѣ производителей. Хотя и въ меньшей степени, эти промыслы допускаютъ однако нѣкоторое раздѣленіе занятій, усиливающее въ нихъ производительность труда. Въ большихъ заведеніяхъ, какъ то: госпиталяхъ, карантинахъ, клиникахъ, въ гимнастическихъ учрежденіяхъ, работы распредѣляются между множествомъ исполнителей: отъ порядка, въ которомъ онѣ содержатся, отъ точности и раченія, съ которыми каждый исполняетъ свое дѣло, много зависитъ успѣшный ходъ этихъ предпріятій. Производство врачебныхъ промысловъ на

дому потребителей, дробится также между различными дѣйствователями: врачъ осматриваетъ больного, предписываетъ ему лекарства, которыя изготовляются аптекаремъ, примѣняются фельдшеромъ; хирургъ рѣдко можетъ обойтись безъ помощниковъ; часто, для исцѣленія одной и той же болѣзни, должно прибѣгать къ попеченіямъ различныхъ спеціяльныхъ врачей, смотря по части организма, въ которой оказывается разстройство. Самый искусный терапетикъ можетъ нуждаться въ помощи окулиста, зубного лекаря, хирурга; и обратно, послѣдніе должны прибѣгать къ опытности перваго. Отвергая во многихъ случаяхъ всякое постороннее содѣйствіе, врачъ приноситъ въ жертву своему ложному самолюбію здоровье, а часто и жизнь больного.

Нельзя ожидать процвѣтанія гигіеническихъ заведеній, если ихъ предприниматели, или люди ими завѣдывающіе, не обладаютъ надлежащей расчетливостью, которою должны руководиться какъ при самомъ ихъ устройствѣ, такъ и въ управленіи. Послѣднее обнимаетъ множество подробностей, которыя должны быть соображены, предвидѣны и требуетъ неусыпнаго надзора. Особенно расчетливость должна клониться къ тому, чтобъ все въ заведеніи кратчайшимъ и удобнѣйшимъ путемъ стремилось къ достиженію главной предположенной цѣли. Никакъ нельзя одобрить управленіе, ограничивающееся, какъ тому видимъ примѣры во многихъ госпиталяхъ, однимъ блестящимъ содержаніемъ наружной чистоты, или строгимъ счетоводствомъ, въ которомъ ежегодно выводится въ балансѣ экономія.

Что̀ въ этомъ порядкѣ, въ этой внѣшней пышности, если, несмотря на нихъ, между больными господствуетъ сильная смертность? что̀ въ сбереженіяхъ, которыми гордятся управители, если онѣ сдѣланы на счетъ лекарствъ и другихъ пособій? Безъ сомнѣнья, должно обращать вниманье и на чистоту и на правильное счетоводство, но не должно ни на минуту забывать главнаго—наивозможнаго исцѣленія больныхъ. Врачъ, практикующій въ городѣ, избавленъ отъ расчетливости столь сложной; но эта способность не только ему не мѣшаетъ, а даже много помогаетъ. Она-то позволяетъ ему усмотрѣть наилучшія условія практики, руководитъ его въ выборѣ мѣста ея производства, побуждаетъ преимущественно обращать вниманье на тѣ или другіе роды болѣзней; помогаетъ ему содержать нѣкоторый порядокъ въ его дѣлахъ. И эта расчетливость полезна не только ему, но и самимъ больнымъ. Благодаря ей, врачъ, или хирургъ, лучше умѣетъ сообразить средства, предлагаемыя имъ для исцѣленія, съ родомъ жизни и достаткомъ пацієнта; благодаря ей также, онъ можетъ во множествѣ случаевъ оказывать безмездную или дешевую помощь неимущимъ.

Въ промыслахъ гигіеническихъ, теоретическія познанія необходимы. Онѣ служатъ рамой для наблюденій практики, нитью для руководства опытности посреди проявленій организма столь причудливыхъ и непредвидимыхъ. Не зная химіи, физики, анатоміи, естественной исторіи, производитель этихъ промысловъ вѣчно блуждалъ бы въ лѣсу эмпиризма;

и самые драгоцѣнные случаи для наблюденій, для открытія новыхъ средствъ, новыхъ истинъ, утрачивались бы имъ безъ пользы. Практикѣ, а частію случайности, медицина, хирургія и гигіена конечно обязаны многими важнѣйшими открытіями; но немногихъ примѣровъ довольно, чтобъ дать вполнѣ почувствовать важное содѣйствіе наукъ. Пока анатомія не открыла волосяного свойства кровоносныхъ сосудовъ, хирургія не дерзала предпринимать лигатуру артерій; она страшилась, что кровь перестанетъ оживлять членъ, въ который артерія проникаетъ. Изслѣдованіе свойства железовъ и роли, имъ предназначенной въ организмѣ тѣлесномъ, послужило къ открытію настоящихъ средствъ для излеченія опухолей, которыя образуются въ тѣлѣ вслѣдствіе засоренія соковъ. Физіологія не знаетъ, почему печаль причиняетъ образованіе узелковъ въ легкихъ: но она очень хорошо объясняетъ вліянье этихъ узелковъ на дыханье и обращенье крови. Химія еще не знаетъ какъ образуется желчь и какъ она дѣйствуетъ на пищеваренье; но она знаетъ ея составъ и, если оказывается недостатокъ въ одномъ изъ необходимыхъ элементовъ желчи, она позволяетъ врачу предусмотрѣть, и частію отвратить послѣдствія этого недостатка. Въ послѣднее время, особенно, физіологическія и анатомическія изысканія много подвинули впередъ искусства, занимающіяся изученьемъ нашего тѣла. Ботаника и химія ежедневно оказываютъ самую существенную услугу искусству фармацевтическому.

Но въ этихъ искусствахъ, одного умѣнья сообра-

жать и примѣнять самыя глубокія познанія недостаточно, если къ нему не присоединяется способности исполнительной, пріобрѣтаемой практикою, навыкомъ. Здѣсь, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, произведеніе полезности зависитъ отъ исполненья, которое, во множествѣ случаевъ, по необходимости соединяется въ одномъ лицѣ предпринимателя и ученаго. Операторъ, гимназіархъ (*) не могутъ заставить за себя работать другого: полезнаго результата ожидаютъ отъ ихъ собственнаго искусства. Врачъ, конечно, предоставляетъ самому больному, или его прислугѣ, исполненіе своихъ предписаній: но самое предписаніе есть уже исполненіе многотрудное: оно часто требуетъ, со стороны врача, величайшей осторожности, мѣткаго взгляда, рѣшимости, даже твердости духа; отъ нѣсколькихъ строкъ, набросанныхъ на бумагѣ, отъ простого словеснаго приказанья часто зависитъ жизнь или смерть больного. Одинъ видъ сомнѣнія, при выборѣ цѣлительныхъ мѣръ, можетъ повредить ихъ удачѣ. Спускаясь ниже, мы встрѣчаемъ второстепенныхъ агентовъ врачебныхъ промысловъ: аптекарей, фельдшеровъ, госпитальныхъ служителей: они, также, тѣмъ болѣе содѣйствуютъ счастливому результату, чѣмъ лучше знаютъ свое дѣло и чѣмъ болѣе вносятъ рачительности и смѣтливости въ свои работы исполнительныя.

Продолжая нашъ анализъ, мы открываемъ, что въ промыслахъ гигіеническихъ, какъ и во всѣхъ другихъ, доселѣ нами разсмотрѣнныхъ, нравы имѣ-

---

(*) Учитель гимнастики.

ютъ важное вліянье на успѣшное производство. Своимъ поведеньемъ, своей честностью медикъ долженъ внушать и оправдывать довѣріе, побуждающее семейства ввѣрять его попеченьямъ своихъ ближнихъ. Въ особенности много способствуютъ дѣйствительности его стараній неподдѣльное радушіе и ласковость, ободряющія больныхъ, и эти качества совмѣстны только съ душой благородной, съ характеромъ добрымъ и открытымъ. Мы ужъ упомянули о твердости духа, которою долженъ вооружаться хирургъ. Эта добродѣтель предполагаетъ существованіе многихъ другихъ. Безпрестанно имѣя предъ глазами зрѣлище страданій и горестей, врачи должны остерегаться притупленія своей чувствительности, отталкивающаго отъ нихъ довѣренность больныхъ. Всего болѣе они должны вооружаться противъ внушеній эгоизма, самолюбія, чему примѣры, кнесчастью, слишкомъ часты въ этомъ сословіи. Гимназіархъ никогда не долженъ терять изъ виду, что онъ дѣйствуетъ на образованіе тѣлесное своихъ воспитаниковъ столько же совѣтами, сколько и собственнымъ примѣромъ: но сила тѣлесная разрушается, если воля не умѣетъ воздерживаться отъ излишествъ всякого рода.

Въ добронравіи столько-же нуждаются лица, которыя ждутъ собственнаго преобразованія отъ промысловъ гигіеническихъ. Вообще въ производствѣ, которому человѣкъ самъ служитъ первообразнымъ матеріяломъ, послѣдній рѣдко остается совершенно страдательнымъ (*пассивнымъ*); напротивъ, онъ можетъ болѣе или менѣе самъ содѣйствовать успѣху:

въ этомъ-то и заключается главное преимущество искусствъ, имѣющихъ дѣло съ природою свободноразумною, предъ тѣми, которыя дѣйствуютъ на природу органическую неразумную. Въ послѣднихъ, трудъ человѣка безпрестанно находится въ борьбѣ съ началомъ жизни ему неизвѣстнымъ, иногда покорнымъ, но всегда чуждымъ его цѣли, смутно упорнымъ, неподатливымъ; въ первыхъ, напротивъ, между человѣкомъ трудящимся и тѣмъ, надъ которымъ онъ расточаетъ свои усилія, существуетъ, или, по-крайней мѣрѣ, можетъ существовать, единство воли: чѣмъ болѣе согласія въ ихъ обоюдныхъ дѣйствіяхъ, тѣмъ лучше достигается предположенная цѣль. Истина эта подтверждается на каждомъ шагу въ гигіенѣ, медицинѣ, хирургіи, гимнастикѣ. Въ этихъ промыслахъ старанія, наилучше соображенныя, наилучше осуществленныя, остаются тщетны и безполезны, когда ихъ дѣйствіе парализируется упрямствомъ, дурными и закоренѣлыми привычками, слабодушіемъ, неумѣньемъ одолѣть позывы чувственности; когда довѣріе и послушаніе пацієнта безпрестанно оспориваются у истиннаго искусства суевѣріемъ, невѣжествомъ, шарлатанствомъ.

Опасность, сопряженная съ производствомъ промысловъ гигіеническихъ, внѣ надлежащихъ условій познанія и опытности, побуждаетъ правительство принимать строгія мѣры, для предоставленія права ими заниматься только лицамъ, достаточно къ тому приготовленнымъ. Почти вездѣ званіе врача, хирурга, аптекаря пріобрѣтается лишь по окончаніи

опредѣленнаго законами курса ученія теоретическаго и практическаго и по выдержаніи предварительнаго экзамена. Заведенія гимнастическія подчинены также регламентамъ и внутреннему надзору. Все, конечно, оправдываетъ эти предосторожности; но, хотя онѣ существенно удаляютъ отъ поприща гигіеническихъ промысловъ невѣжество и шарлатанство, за то, кнесчастью, онѣ слишкомъ благопріятны для посредственности. Однажды прикрытый дипломомъ, который на всю жизнь обезпечиваетъ ему право практиковать, иной врачъ успокоивается на лаврахъ, и перестаетъ заботиться о дальнѣйшемъ преуспѣяніи въ своемъ искусствѣ. Онъ полагается на это законное свидѣтельство, и оно нѣкоторымъ образомъ служитъ ему ключемъ, открывающимъ двери госпиталей и домовъ.

Выдача дипломовъ, предоставляется ли какому-либо одному сословію, академіи или университету, имъ овладѣваетъ иногда духъ нетерпимости или недовѣрчивости ко всякому лицу постороннему: сколь часто несправедливыя гоненія постигаютъ тогда истинное достоинство. Какъ отвратить эти неудобства, не принося въ жертву безопасности гражданъ?—Вопросъ труденъ, но можетъ быть разрѣшенъ тамъ, гдѣ образованность сдѣлала нѣкоторые успѣхи; гдѣ публика начинаетъ отличать существенное отъ поддѣльнаго. Дипломъ, не вмѣняемый въ обязанность, но выдаваемый единственно желающимъ и послѣ самого строгаго испытанья, можетъ превратиться въ отличное руководство для потребленья общественнаго.

Предохраняя, по возможности, общество противъ

злоупотребленія гигіеническихъ и врачебныхъ промысловъ, правительство съ большой выгодой для государства принимаетъ въ нихъ участіе, не стѣсняя нимало ихъ свободы. Въ своемъ мѣстѣ мы ужъ упомянули о надзорѣ его за безвредностью и возможнымъ уздравленьемъ различныхъ промысловъ вещественныхъ. Кромѣ того, отъ него зависятъ различныя мѣры публичной гигіены: карантины, предостерегающіе страну отъ занесенія заразительныхъ болѣзней; осушеніе болотъ по близости средоточій населенности; сохраненіе лѣсовъ; очищеніе, разширеніе, и вообще, уздравленіе улицъ; полицейскій надзоръ за опрятностью въ домахъ, за расположеніемъ кладбищъ, за устройствомъ и содержаніемъ театровъ, ресторацій, за торговлей съѣстными припасами, за чистотой водъ. Понудительныя средства, къ которымъ оно прибѣгаетъ для достиженья этихъ цѣлей, вполнѣ оправдываются пользой общественной; ктому-же, когда эти средства хорошо направлены и примѣняются безъ излишней суровости, онѣ не только не стѣсняютъ практической гигіены, но много способствуютъ ея водворенію. Древніе простирали гораздо далѣе государственныя мѣры гигіеническія: они включали въ число этихъ мѣръ воспитаніе и даже самое произрожденіе дѣтей; законы Ликурга, Солона, Юстиніана, Магомета предписывали гражданамъ соблюденіе различныхъ правилъ касательно пищи, одежды; у Грековъ, гимнастическія упражненія вмѣнялись въ обязанность не только малолѣтнымъ, но даже взрослымъ и женщинамъ. Многое, въ этихъ

постановленьяхъ, противно нашимъ обычаямъ и кажется страннымъ, когда разсматривается съ точки зрѣнія современной: нельзя не согласиться однако, что совокупность этихъ мѣръ оказывала благопріятное вліяніе на физическую красоту и силу этихъ народовъ.

Нельзя не приписать совершенному отсутствію гигіеническихъ предосторожностей перерожденія и искаженія человѣчества, которыми поражается наблюдатель, особенно въ иныхъ городахъ современной Европы. Еще недавно, во Франціи, военный министръ жаловался законодательному собранію, что въ нѣкоторыхъ департаментахъ изъ пятидесяти конскриптовъ едва восемь или десять годятся подъ знамена. Еще недавно, ни въ Англіи, ни во Франціи, правительство не обращало никакого вниманія на самое предосудительное изнуреніе дѣтей, моложе восьми и десяти лѣтъ, работами мануфактурными, въ смрадной и тлетворной атмосферѣ. Въ Нортурмберлендѣ и Валлисѣ однѣ каменноугольныя разработки размножили, до невѣроятія, число колѣкъ и горбатыхъ. Какихъ плодовъ ожидать отъ людей, съ младенчества изнуряемыхъ и искажаемыхъ: ихъ произрожденіе отличается слабосиліемъ, малорослостію; въ немъ готовится обильная добыча болѣзнямъ, эпидеміямъ и, въ минуту опасности, отечество не находитъ въ этой блѣдной и изможденной толпѣ довольно защиты противъ внѣшнихъ враговъ. Неужели образованные народы, прилагающіе столько заботъ къ улучшенію породъ домашнихъ животныхъ, всегда останутся равно-

душными къ постепенному вырожденію и искаженію своей собственной породы?

60. О ПРОМЫСЛАХЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ, ИЛИ ЗАНИМАЮЩИХСЯ ЭСТЕТИЧЕСКИМЪ ОБРАЗОВАНІЕМЪ ЧЕЛОВѢКА.

Углубляясь въ самихъ себя, между побужденьями тѣла и побужденьями разсудка мы открываемъ множество другихъ, которыхъ начала должно искать въ нашемъ чувствѣ (Gemüth) (*). Въ нихъ-то, безъ сомнѣнья, заключается самая блестящая, самая цвѣтистая часть нашей жизни. Источникъ этихъ побужденій служитъ также источникомъ ихъ удовлетворенія: воображеніе, чувство, сами создаютъ идеалы совершенства; изъ тѣснаго круга нашихъ познаній увлекаютъ насъ въ міръ чудесъ; наполняютъ своими вожделѣніями обширную пучину неизвѣстнаго, посреди которой протекаетъ наша жизнь; переносятъ насъ въ прошедшее; приподы-

(*) «Эту способность не должно смѣшивать съ ощущеніемъ. Въ насъ есть, нѣкоторымъ образомъ, двѣ чувствительности: одна обращена къ міру внѣшнему и передаетъ душѣ его впечатлѣнія; другая сокрыта въ глубинѣ нашего организма и относится къ душѣ, какъ первая относится къ природѣ. Ея дѣло принимать впечатлѣнье и словно отраженіе того, что происходитъ въ душѣ. Открыта-ли нами великая истина: въ насъ нѣчто тому радуется. Совершено-ли нами доброе дѣло: мы снискиваемъ награду въ чувствѣ самодовольствія, не столь живомъ, какъ всѣ пріятныя впечатлѣнія, доставляемыя тѣломъ, но несравненно болѣе чистомъ и продолжительномъ . . . Мы носимъ въ себѣ глубокій источникъ побужденій, въ одно время физическихъ и нравственныхъ, въ которыхъ выражается союзъ нашей двоякой природы. Животное неразумное не переходитъ за предѣлы ощущенья; мысль чисто духовная принадлежитъ одной только природѣ ангела. Чувство, занимающее средину между ощущеньемъ и мыслью, есть

маютъ завѣсу будущаго; плѣняютъ насъ красотою гармоніи; устрашаютъ картиною зла; разжигаютъ въ насъ страсти; оживляютъ нашу чувствительность; поддерживаютъ и питаютъ въ насъ мечты о лучшемъ, погружаясь въ которыя мы забываемъ свое безсиліе, свои немощи, и въ которыхъ обрѣтаемъ новыя вдохновенія для дальнѣйшихъ усилій на поприщѣ усовершенствованій.

На удовлетвореніе этимъ побужденіямъ чувства или воображенія и, въ то-же время, на образованіе и возвышеніе этой способности направлены *промыслы художественные*, разсмотрѣнію которыхъ мы посвятимъ эти страницы.

Въ порядкѣ развитія человѣчества, чувство начинаетъ дѣйствовать прежде разума. Шаги послѣдняго еще робки и нерѣшительны, когда первое уже кипитъ въ душѣ ребенка, уже пріемлетъ и хранитъ въ немъ тысячи впечатлѣній, уже служитъ могучимъ движителемъ его воли. Такъ и въ народахъ:

удѣлъ человѣчества.» *(Cousin: Du Mysticisme,* изъ *Revue des deux mondes* 1845). «Само по себѣ чувство служитъ источникомъ побужденій, но не познаній. Единственная способность познавательная есть разумъ.» (Jd. ibid.) «Сознаніе нравственнаго качества поступковъ человѣческихъ сопровождается движеніемъ душевнымъ, которое мы зовемъ *чувствомъ*. Чувство есть помощь природы, преклоняющая насъ къ доброму прелестію благороднѣйшихъ наслажденій, къ которымъ только способенъ человѣкъ, и отвращающая насъ отъ зла презрѣніемъ, гнушеньемъ, омерзеньемъ, которыя оно внушаетъ намъ.» *(Royer Collard,* Oeuvres de Reid, t. III p. 410—411.) «Чувство сопровождаетъ и оживотворяетъ превыспреннія созерцанія разума: но не должно смѣшивать эти два рода фактовъ, еще менѣе задушать разумъ въ чувствѣ.» (Cousin: ibidem) Эти немногія выдержки, кажется, достаточно объясняютъ способность души, образованіемъ которой занимаются промыслы художественные.

тамъ, гдѣ образованность умственная мало еще сдѣлала успѣховъ; гдѣ изслѣдованія наукъ еще не бросили свѣта на истинныя причины множества явленій, воображеніе силится дополнить эти недостатки познанія. Подъ его вліяніемъ чудесное примѣшивается къ понятіямъ о вещахъ; міръ населяется множествомъ таинственныхъ дѣйствователей, то добрыхъ, то непріязненныхъ; суевѣрія укореняются въ убѣжденіяхъ; слѣды мистицизма, иногда самого грубаго и чудовищнаго, отражаются не только въ обрядахъ богослужебныхъ, въ пѣснопѣніяхъ, праздненствахъ, но и въ одеждѣ, въ пищѣ, въ украшеніяхъ, въ жилищахъ.

По-мѣрѣ успѣховъ образованія умственнаго, кругъ познанія разширяется; рубежъ, отдѣляющій понятное отъ таинственнаго переносится далѣе, но поприще послѣдняго остается, по прежнему, безмѣрнымъ. Каждая новая побѣда разума надъ неизвѣстнымъ и непонятнымъ только переноситъ усилія его на другую точку, болѣе отдаленную: предъ нимъ постоянно отверзта бездна, которую можетъ наполнить одно воображеніе. Правда, открытія разума просвѣщаютъ эту способность, руководятъ ея порывами; уродливое мало по малу вытѣсняется стройнымъ, изящнымъ, простымъ. Этой перемѣнѣ много способствуетъ умственное созерцаніе естественныхъ гармоній. Съ другой стороны, поприще познанія или наукъ начинаетъ отдѣляться отъ поприща фантазіи. Грезы послѣдней уже не принимаются за доказательства, за объясненія.

Тѣмъ не менѣе, воображеніе и чувство сохраняютъ

вполнѣ свои права: онѣ остаются главнымъ нравственнымъ движителемъ сословій низшихъ, куда менѣе проникли познанія положительныя; для нихъ-то художества служатъ самымъ существеннымъ проводникомъ образованности, въ одно и то-же время предлагая пищу ихъ воображенію, ихъ чувству и дѣйствуя глубоко на улучшенія того и другого.

Сложное и обширное образованіе умственное отнюдь не подавляетъ въ людяхъ этого поэтическаго инстинкта; напротивъ, оно придаетъ ему еще болѣе силы, возноситъ его на степень страсти; изъ безотчетнаго стремленья превращаетъ въ пламенную и настоятельную потребность, которая прямо, съ полнымъ сознаніемъ цѣли, ищетъ удовлетворенія въ художествахъ, и здѣсь-то эти промыслы находятъ своихъ лучшихъ производителей, и своихъ вѣрнѣйшихъ адептовъ. Сами ученые, въ дѣятельности которыхъ, безъ сомнѣнья, должно преобладать вліяніе разума, не избѣгаютъ вліянія чувства, котораго, ксчастью, не могутъ изсушить въ нихъ самыя отвлеченныя изслѣдованія. Безъ сомнѣнія, они должны остерегаться внушеній чувства посреди своихъ изысканій: но ничто не препятствуетъ имъ искать въ художествахъ удовлетворенья его побужденіямъ. Скажемъ еще болѣе: успѣхамъ наукъ много благопріятствуетъ его развитіе; оно подстрекаетъ и оживляетъ изслѣдованія разума; возбуждаетъ жажду познаній и, безпрестанно унося въ предѣлы неизвѣстнаго ученость, вооруженную ея положительными знаніями, выводитъ ее на путь аналогіи и содѣйствуетъ новымъ открытіямъ. Еслибъ великій уче-

ный, *Ньютонъ*, не былъ также великимъ поэтомъ; еслибъ онъ не любилъ погружаться въ мечты о неизвѣстномъ, то едва-ли простое паденіе яблока навело бы его на открытіе законовъ тяготѣнія.

Образуя чувство и воображенье, художества исправляютъ народный вкусъ и, вслѣдствіе того, имѣютъ важное вліяніе на множество промысловъ вещественныхъ. Нѣкоторые не могутъ рѣшительно обойтись безъ ихъ прямого пособія, какъ-то: строительное искусство, фабрикація посуды, мебели, узорчатыхъ тканей и т. п. Всѣ заимствуютъ у нихъ оживленіе, изобрѣтательность, много способствующія ихъ успѣхамъ. Всѣ находятъ въ нихъ полезное отдохновеніе, въ которомъ развлеченіе совокупляется съ образованіемъ.

Не менѣе существенно вліяніе художествъ на языкъ, обычаи и нравы народные: ихъ путемъ вносятся туда элементы изящнаго, благозвучнаго, добраго. Они мало по малу изгоняютъ выраженія, оскорбляющія вкусъ и пристойность; замѣняютъ вычурное естественнымъ; побуждаютъ заботиться о красотѣ наружной, съ которой тѣсно связаны опрятность, гигіена, и самыя совершенства внутреннія. Само нравственно-религіозное образованіе людей, почерпаетъ великую помощь въ художествахъ.

Но эти промыслы не только занимаютъ и образуютъ воображеніе и чувства, не только содѣйствуютъ успѣшному производству всѣхъ другихъ промысловъ, какъ направленныхъ на вещи, такъ и на людей—но еще предлагаютъ удовольствія совершенно особенныя, которыми украшается наша

жизнь, и одно лишеніе которыхъ уже можетъ разсматриваться какъ бѣдствіе для того, кто однажды вкусилъ ихъ сладость.

Составивъ себѣ понятіе о роли изящныхъ искусствъ или художествъ въ производствѣ народномъ, мы можемъ опредѣлить ихъ кругъ. Поэзія, это постоянное воззваніе къ пластическимъ способностямъ души, къ чувству, воображенію, — вотъ черта, которою онѣ рѣзко отличаются отъ всѣхъ другихъ промысловъ. Полезность, которой онѣ даютъ бытіе, не имѣетъ ничего вещественнаго, хотя нельзя допустить ея осуществленіе безъ помощи самыхъ вещественныхъ средствъ. Она состоитъ въ раздраженіи души внѣшнимъ впечатлѣніемъ, оставляющимъ въ ней слѣды болѣе или менѣе глубокіе, болѣе или менѣе полезные, смотря по тому, какъ она ихъ пріемлетъ и сохраняетъ. Чтобъ произвесть это впечатлѣнье артистъ принужденно прибѣгаетъ къ посредству внѣшняго проявленія, то къ музыкѣ, то къ живописи, то къ ваянію, то къ зодчеству, то къ мимикѣ, то къ изустному или письменному изложенію. Въ этихъ проявленіяхъ, изъ которыхъ однѣ сохраняются долѣе, другія менѣе, заключаются собственно творенія искусства, та часть полезности, за которую отвѣчаетъ артистъ; вторая и конечная половина этой полезности зависитъ не отъ него, а отъ лицъ, къ которымъ онъ обращается: ихъ дѣло схватить и усвоить себѣ впечатлѣніе, производимое твореніемъ артиста. Только достоинство послѣдняго бываетъ тѣмъ значительнѣе, тѣмъ выше цѣнится, чѣмъ полнѣе, изящнѣе выражена въ немъ мысль,

чѣмъ глубже его вліяніе на чувство или воображеніе.

Напрасно сравниваютъ иногда картину, статую, барельефъ съ произведеньемъ мануфактурнымъ; между ними общаго одинъ только наружный видъ: глубокое различіе въ ихъ назначеніи. Произведенье фабриканта есть собственно вещь, имъ приспособленная къ потребленію: въ произведеніи живописца, скульптора, рѣщика, вещь есть одно только выраженіе, оболочка идеи, которая, дѣйствуя на наше воображеніе, доставляетъ намъ наслажденье, исправляетъ наше чувство. Эта оболочка можетъ прейти вѣка, и ея назначеніе, ея цѣнность не измѣнятся, пока не угаснетъ самый вкусъ къ изящному. Покупая картину, мы не обращаемъ вниманія на ея ветхость, мы цѣнимъ то впечатлѣніе, которое производитъ на насъ ея видъ. Такъ точно мы платимъ за присутствіе на концертѣ, въ театрѣ, единственно надѣясь унести оттуда впечатлѣніе, которое въ одно время услаждаетъ и возвышаетъ наше чувство. Еслибъ архитектура ограничивалась однимъ только искусствомъ строенія, то ее нельзя было бы включить въ разрядъ художествъ; къ ихъ числу она принадлежитъ по ея способности говорить воображенію, то соглашая наружный видъ зданія съ его назначеньемъ, то возбуждая чувство изящнаго стройностью и величіемъ размѣровъ, красотой и приличіемъ подробностей, всегда выражая господствующую идею вѣка и мѣста. Конечно, и въ произведеніяхъ мануфактурныхъ обращается вниманіе на изящество формъ; благодаря этимъ формамъ онѣ

также дѣйствуютъ на воображенье, но въ нихъ это свойство занимаетъ мѣсто второстепенное; оно служитъ только дополненьемъ, украшеньемъ: отнюдь не составляетъ главной и единственной ихъ полезности, какъ въ произведеніяхъ художествъ.

Нельзя также смѣшивать произведенія литературныя съ учеными. И между ними общаго одинъ только видъ: тѣ и другія выражаются письменно; наука можетъ даже заимствовать языкъ литературы, покрайней мѣрѣ прозу. Но, отстранивъ это наружное сходство, тутъ во всемъ остальномъ самое рѣзкое различіе. Наука дѣйствуетъ на наши способности умственныя; она говоритъ разсудку; убѣждаетъ доводами. Литература дѣйствуетъ на наше чувство; увлекаетъ насъ плѣнительнымъ языкомъ поэзіи; обращается къ нашимъ страстямъ, переноситъ насъ мысленно на самое мѣсто дѣйствія; окружаетъ образами, картинами. Въ своихъ изложеніяхъ, она должна, конечно, соблюдать порядокъ логическій: но ей не слѣдуетъ прибѣгать къ догматизму. Она должна достигать тѣхъ-же цѣлей какъ и наука, содѣйствовать народному образованію, но иными путями. Въ ней должно раздаваться одно лишь эхо разума; но «это эхо, говоритъ *Кузенъ*, иногда лучше слышит-«ся нами, нежели голосъ разума, потому-что его «отголосокъ проникаетъ въ самыя сокровенныя и «нѣжныя части души, и потрясаетъ всего человѣ-«ка (*).»

Но довольно объяснять цѣль, пользу, важность и

(*) *Du Mysticisme*, изъ *Revue des Deux Mondes*.

сущность промысловъ, которымъ принадлежитъ исключительно названіе изящныхъ искусствъ: коснемся тѣхъ средствъ, на какія должна опираться ихъ дѣятельность. Тутъ нельзя не открыть въ нихъ стороны общей со всѣми другими промыслами: они также принуждены прибѣгать къ совокупленію средствъ матеріяльныхъ со средствами нравственными.

Первыя конечно играютъ роль второстепенную; но тѣмъ не менѣе вліяніе ихъ на успѣхи художествъ несомнѣнно. Мастерскія, въ которыхъ онѣ производятся, должны быть къ тому приспособлены, и кто не знаетъ, сколь много вниманія артисты обращаютъ на это приспособленіе. Музыкантъ заботится объ акустическомъ свойствѣ концертной залы: она должна быть устроена такъ, чтобъ звуки не терялись въ пространствѣ, не смѣшивались съ излишнимъ гуломъ, не глохли въ поверхностяхъ, ихъ поглощающихъ. Въ рабочую живописца, скульптора, архитектора, свѣтъ долженъ проникать такъ, чтобъ можно было судить объ эфектѣ работъ. «Театръ, говоритъ *Дюнойе* (*), можно разсматри«вать какъ обширное заведеніе, гдѣ множество раз«ныхъ работниковъ, актеровъ, музыкантовъ, пѣв«цовъ, танцоровъ, фигурантовъ и другихъ, чис«ломъ иногда до нѣсколькихъ сотенъ, ежедневно, въ «теченіи нѣсколькихъ часовъ занимаются особен«нымъ преобразованіемъ воображенія и чувства «зрителей, къ которымъ они обращаются, и на ко-

(*) *De la liberté du travail. T. III, 1845.*

«торыхъ дѣйствуютъ, какъ на первообразный ма«теріялъ ихъ производства.» Успѣшность ихъ дѣйствія много зависитъ отъ расположенія театра; отъ устройства сцены, декорацій, отъ размѣщенія зрителей, самихъ артистовъ и музыкантовъ. Какъ можно сравнить настоящую сценическую обстановку хорошихъ театровъ, въ которыхъ обольщеніе зрителей достигаетъ высшей степени и тѣмъ болѣе способствуетъ эфекту, съ старинными представленіями, когда еще актеры находились въ толпѣ зрителей и, въ глазахъ ихъ, по лѣсницѣ взлѣзали на подмостки, служившіе сценою.

Въ художествахъ нельзя также пренебрегать выборомъ помѣщенья: онѣ съ успѣхомъ водворяются и поддерживаются лишь тамъ, гдѣ имъ соотвѣтствуетъ явная потребность; гдѣ онѣ находятъ цѣнителей. Неудивительно, что покровительство, оказываемое монархами изящнымъ искусствамъ, всегда привлекало въ мѣста ихъ пребыванія артистовъ, поэтовъ, литераторовъ. Въ большихъ городахъ, особенно въ столицахъ, гдѣ многіе изъ людей богатыхъ въ состояніи посвятить свой избытокъ на поощреніе художествъ, онѣ всегда представляютъ болѣе развитія нежели тамъ, гдѣ преобладаютъ склонности имъ противныя, или, гдѣ слабая и бѣдная населеность не обѣщаетъ имъ достаточной награды.

Припасы, орудія, даже нѣкоторыя машины необходимы въ этихъ искусствахъ: послѣднимъ много помогаетъ совершенство первыхъ. Хорошія краски позволяютъ живописцу удобнѣе выражать

эфекты. Изобрѣтенію масляныхъ красокъ, безъ сомнѣнья, новѣйшая живопись обязана сохраненьемъ своихъ произведеній. Рукѣ искуснаго скульптора можетъ измѣнить рѣзецъ изъ дурной стали, или неудовлетворительное качество мрамора. Рѣщику на стали оказываютъ важное пособіе разные инструменты и въ особенности гравирный станокъ. Отъ матеріяла, употребляемаго ваятелемъ для отливки статуй, барельефовъ, много зависитъ легкость, изящество, а слѣдовательно, и красота его произведенія. Извѣстно какую высокую цѣнность приписываютъ музыканты инструментамъ. Благодаря усовершенствованію духовыхъ инструментовъ, музыка въ послѣднее время значительно расширила свое поприще. Нигдѣ нельзя лучше судить о вліяніи орудій и припасовъ, какъ въ искусствѣ драматическомъ, которое принуждено прибѣгать къ настоящимъ машинамъ, безпрестанно обращать вниманіе на костюмы, декораціи, освѣщеніе. Въ самой литературѣ, правда менѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ искусствахъ, принимаютъ нѣкоторое участіе пособія матеріяльныя: посредство переписки необходимо, и сколь много книгопечатаніе, замѣнившее ручную переписку, содѣйствовало распространенью этого искусства, и въ особенности, его полезному вліянію.

Раздѣленіе занятій въ художествахъ ограничивается нѣкоторыми пособіями главному дѣйствователю, или художнику. Такъ поэтъ, литераторъ употребляютъ переписчиковъ, наборщиковъ, типографщиковъ; ваятель—работниковъ для приготовленья глины или обтесыванья мрамора; для отливанія ста-

туй; для съемки формъ; музыкантъ, настроїщиковъ, инструментальныхъ мастеровъ; актеръ, пѣвецъ прибѣгаютъ къ помощи суфлера, парикмахера, костюмера; живописецъ заставляетъ растирать свои краски, малевать холстъ, двигать свои лѣса и подмостки. Сколь ни второстепенно участіе этихъ различныхъ помощниковъ собственно въ произведеніяхъ художественныхъ, нельзя не признать однако ихъ пользы несомнѣнной. Они избавляютъ артистовъ отъ труда неизбѣжнаго, который поглотилъ бы у нихъ много времени, причинилъ бы имъ развлеченія, утомленія тѣлесныя, неблагопріятныя ихъ главному дѣлу. Иногда, однако, нѣсколько артистовъ соединяются для произведенія одного и тогоже эфекта: въ такомъ случаѣ, искусство одного помогаетъ искусству другого и производительность обоихъ неминуемо усиливается. Въ картинныхъ галереяхъ можно видѣть многіе пейзажи, въ которыхъ одинъ живописецъ писалъ природу, другой фигуры. Въ концертахъ безпрестанно соединяются различные музыканты; каждый выполняетъ свою партицію, и отъ согласія между этими различными выполненьями зависитъ успѣхъ. Драматическое искусство по необходимости требуетъ совокупленія многихъ артистовъ совершенно различныхъ: оперное представленіе есть самое полное выраженіе этой совокупности; въ немъ участвуютъ и декламаторъ, и пѣвецъ, и танцоръ, и музыкантъ, и живописецъ, и композиторъ, и поэтъ.

Въ лицѣ художника часто соединяется предприниматель и исполнитель: живописецъ, скульпторъ,

солистъ, литераторъ, сами предпринимаютъ, сами обдумываютъ и сами пріискиваютъ средства къ осуществленію своего вымысла, и сами выполняютъ это осуществленіе. Въ такомъ случаѣ расчетливость, въ которой каждый изъ нихъ нуждается весьма проста: онъ долженъ только сообразить свои усилія съ той полезной цѣлью, которой надѣется достигнуть при ихъ помощи. Иногда онъ избавляется отъ этихъ заботъ, когда работаетъ не для себя и частію чужими средствами, подобно архитектору, уступающему пользованіе его талантомъ строителю зданія; или актерамъ и музыкантамъ которыхъ употребляетъ театральная дирекція; или литераторамъ, которые пишутъ по заказу издателей, содержателей типографій, журналовъ и т. п. Въ этихъ случаяхъ, артисту принадлежитъ собственно исполненіе; предпринимателю—расчетливость, и часто самая сложная и самая трудная. По строгости, подобный предприниматель можетъ быть не свѣдущъ въ искусствѣ артистовъ, имъ употребляемыхъ; но если онъ не умѣетъ о немъ судить, то подвергается самымъ гибельнымъ для себя ошибкамъ. Въ особенности онъ долженъ обладать знаніемъ людей, умѣньемъ обращаться съ артистами, съ трудомъ и способностями которыхъ не легко согласить исправность и точность, и въ которыхъ всегда чувствительнѣе нежели въ другихъ исполнителяхъ, дрожитъ струна самолюбія.

Впрочемъ, есть особеннаго рода соображенія, собственно свойственныя изящнымъ искусствамъ, въ которыхъ столько же нуждаются артисты, какъ

и предприниматели, ихъ употребляющіе. Обращаясь въ кругу современниковъ, эти искусства тѣмъ болѣе приносятъ пользы, чѣмъ болѣе встрѣчаютъ сочувствія, чѣмъ прямѣе пролагаютъ себѣ дорогу къ тѣмъ способностямъ душевнымъ, воображенію и чувству, на которыя направлено ихъ дѣйствіе. Для этой цѣли, артисты должны избирать предметы, ближе соотвѣтствующіе интересамъ вѣка, событіямъ и преданіямъ страны, посреди которой призваны дѣйствовать; почерпать свои вдохновенія въ источникѣ общемъ и доступномъ народу, которому принадлежатъ. Тогда ихъ произведенія будутъ отличаться печатью оригинальности, болѣе найдутъ живыхъ струнъ въ душѣ слушателей, зрителей или читателей. Что́ намъ въ Грекахъ и Римлянахъ, жившихъ за тысячелѣтія до насъ? мы не понимаемъ ихъ нравовъ, обычаевъ, не раздѣляемъ ихъ убѣжденій; ихъ пристрастія намъ чужды; вымыслы, заимствованные изъ ихъ быта, становятся для насъ на степень мертвой отвлеченности. Простая народная пѣснь, простая сказка, которую намъ твердили наши няньки, болѣе трогаетъ насъ, нежели всѣ подражанія Горацію и Теокриту, нежели всѣ миѳы Олимпа, Парнаса, полу-боговъ, нимфъ и героевъ. Насъ плѣняетъ, безспорно, превосходное изваяніе Аполлона бельведерскаго или Венеры медичейской: но картина, изображающая великое событіе нашей исторіи, ликъ героя, которымъ гордится наше отечество, нетолько насъ плѣняетъ, но еже возбуждаетъ въ душѣ нашей благородные и высокіе помыслы.

Изучать красоты искусства древняго и иностран-

наго, усвоивать себѣ все, что есть въ немъ пластическаго, выразительнаго, похвально и даже необходимо: но артистъ, истинно понимающій свое призваніе, пламенно желающій успѣховъ, долженъ перенести силы, этимъ изученіемъ пріобрѣтенныя, на поприще отечественное, или, по крайней мѣрѣ, заимствовать свои сюжеты изъ круга современности. Тамъ ему предстоитъ болѣе истинныхъ вдохновеній, внимая которымъ, онъ болѣе встрѣтитъ сочувствія, и болѣе произведетъ благотворнаго дѣйствія на воображеніе и чувство современниковъ.

Познанія теоретическія служатъ важнымъ пособіемъ въ художествахъ. Изящное, по необходимости, предполагаетъ стройное, правильное: одного таланта не всегда довольно артисту для осуществленія этого условія; онъ долженъ, во первыхъ, изучить основанія своего искусства. Кромѣ того, скульпторъ, граверъ не могутъ обойтись безъ знанія анатоміи; къ этому знанію живописецъ долженъ присоединять перспективу; знаніе физическихъ законовъ, по которымъ производится звукъ, можетъ быть весьма полезно музыканту, пѣвцу; психологическія и историческія изученія содѣйствуютъ образованію хорошихъ актеровъ; литература, стихотворство снискиваютъ въ учености силу огромную. Всѣ вообще, занимаясь науками изощряютъ разумъ, который оттого существеннѣе руководитъ ихъ воображеньемъ и, ни мало не стѣсняя ихъ вымысловъ, придаетъ имъ методу и твердость.

Сколь ни существенное содѣйствіе оказываютъ художествамъ средства, нами разсмотрѣнныя: удоб-

ное расположеніе мастерскихъ, орудія, припасы, раздѣленіе занятій, расчетливость, познанія теоретическія,—но все это ничтожно, при отсутствіи таланта. Талантъ есть краеугольный камень, животворное начало изящныхъ искусствъ. Безъ него, въ нихъ нельзя ожидать успѣха. Усилія, удачно управляемыя, могутъ образовать человѣка для всякого иного промысла; могутъ сдѣлать его врачемъ, ученымъ; — чтобъ сдѣлаться художникомъ, въ полномъ значеніи слова, необходимо призваніе. Помощію прилежанія, постоянства, можно пріобрѣсть познанія, опытность—никакія усилія не дадутъ музыкальнаго уха тому, кто его лишенъ; не возбудятъ пластической способности, необходимой въ живописи, въ скульптурѣ; не зажгутъ въ душѣ того внутренняго огня, которымъ живетъ поэзія; не заронятъ въ нее той божественной искры, изъ которой раждается тонкое чувство изящнаго. Эти дары неба расточаются съ неравенствомъ удивительнымъ. Въ иномъ счастливцѣ находимъ условія, необходимыя для всякого рода художествъ; другой, напротивъ, едва можетъ постигать все, что есть въ нихъ прекраснаго. Но въ нихъ столько прелести; онѣ доставляютъ столько наслажденія человѣку, имъ предающемуся; столько обезпечиваютъ уваженія и выгодъ вещественныхъ истинному таланту, что толпы людей, обольщенныхъ надеждою, выходятъ на это скользкое поприще, но . . . ! . . . посредственность тамъ большею частію пожинаетъ одни горькіе плоды неизвѣстности и бѣдности.

Однако и талантъ не долженъ полагаться единственно на самого себя. Онъ не можетъ безнаказанно пренебрегать средствами описанными выше и, въ особенности, ему нуженъ навыкъ, умѣнье начать, умѣнье кончить. Къ врожденной увѣренности въ самомъ себѣ, онъ долженъ присоединять увѣренность пріобрѣтенную, просвѣщенное сознаніе своей силы и ея предѣловъ. Совершенные артисты во всѣхъ родахъ судятъ о своихъ способностяхъ, какъ о чужихъ; одно изъ важнѣйшихъ преимуществъ, которымъ они отличаются предъ талантами неопытными, или еще несозрѣвшими, состоитъ именно въ той осторожности, съ какой они предпринимаютъ работы и берегутъ свои силы такъ, чтобъ онѣ въ равной степени распредѣлялись по всѣмъ частямъ ихъ творенія.

Изящныя искусства возвышаютъ и облагораживаютъ душу. Онѣ пробуждаютъ и сохраняютъ въ ней добрыя побужденія. Между артистами всего болѣе встрѣтимъ открытыхъ характеровъ, искренней привязанности, пылкой любви, человѣколюбія, щедрости, состраданья къ чужимъ бѣдствіямъ. Лицемѣріе, эгоизмъ, мрачныя внушенія зависти, скупость, не могутъ соглашены быть съ ихъ промысломъ, безпрестанно погружающимъ ихъ въ созерцаніе изящнаго. Но онѣ располагаютъ также къ житью разгульному и беззаботному. Артистъ любитъ взирать на эту жизнь, какъ на путь, который ведетъ его, самъ онъ не знаетъ куда, но которымъ должно пройти какъ можно веселѣе. Съ душой открытою для внѣшнихъ впечатлѣній онъ легче дру-

гого уступаетъ страстямъ, вдается въ эпикуреизмъ, въ излишества чувственныя. Правда, онъ увлекается ихъ стороною поэтическою; онъ ищетъ въ нихъ не столько упоенія чувствъ, сколько пищи воображенію: тѣмъ не менѣе эти излишества вредятъ его таланту, вредятъ искусству. Онѣ ослабляютъ или искажаютъ первый, унижаютъ послѣднее, подчиняя его грубымъ внушеніямъ чувственности.

Большая часть артистовъ, снискавшихъ себѣ безсмертіе, умѣли избѣгнуть этихъ опасностей: поведенію ровному и воздержному они, безъ сомнѣнія, были обязаны продолжительнымъ сохраненьемъ, могуществомъ и плодовитостью своего таланта; побѣдѣ надъ чувственностію и постоянному углубленію своего воображенія въ помыслы о высокомъ и прекрасномъ—тѣмъ вдохновеніемъ неземнымъ, которымъ дышатъ ихъ творенія, достигнувшія нашихъ временъ. Какъ объяснить иначе превосходныя музыкальныя созданія Моцарта, Бетховена, Гайдена, Херубини, въ которыхъ раздаются отголоски небесной гармоніи? восхитительныя творенія кисти Рафаэля, Мурильйо, Гвидо-Рени; плѣнительное величіе готической архитектуры; энергическія созданія Шекспира, Гете, Кальдерона; глубокій и вдохновенный лиризмъ Данта, Мильтона.

Кнесчастію, въ произведеніяхъ таланта, все, что льститъ чувственности и страстямъ порочнымъ, все, что ихъ раздражаетъ или поддерживаетъ, что ихъ оправдываетъ, пользуется особеннымъ предпочтеніемъ множества людей, не получившихъ образованія нравственнаго, или не умѣвшихъ избѣг-

нуть развращенія пороковъ. Между ними-то нашла глубокіе отголоски чудовищная литература, которая, какъ мрачное созвѣздіе, въ послѣднее время, явилась на горизонтѣ изящныхъ искусствъ: литература, запятнавшая себя прославленіемъ всевозможныхъ пороковъ и преступленій, провозглашеніемъ и настоящею проповѣдью разврата, поруганіемъ всего, чѣмъ гордились и гордятся народы и, несмотря на то, обогатившая искусныхъ писателей, посвятившихъ себя поддержанію столь превратныхъ началъ.

Хвала и честь, сугубая благодарность артисту, поэту, которые посвящаютъ свои способности служенію нравственности! Услаждая досуги людей, они въ то-же время улучшаютъ ихъ нравы, дѣйствуя на убѣжденіе, чрезъ посредство чувствъ и воображенія. Хвала и честь публикѣ, умѣющей, отличать это великое достоинство, и встрѣчать холодностію и пренебреженіемъ развратъ, прикрытый блестящей мантіей таланта. По недостатку правосудія между современниками, время и потомство воздадутъ всякому должное. Никто не помышляетъ нынѣ о безнравственныхъ стихотвореніяхъ Парни, или безбожныхъ выходкахъ Вольтера, имѣвшихъ столь много успѣха при жизни самихъ авторовъ. *Тартюфъ* и *Мизантропъ* Мольера, продолжаютъ служить наглядными урокомъ для человѣчества, навлекать омерзеніе на лицемѣровъ, посмѣяніе на *Крутоновъ*. Уже большая часть произведеній такъ называемой *бѣшеной литературы* преданы совершенному забвенію: нигдѣ еще не охладѣли къ тво-

реніямъ Ламартина, Шатобріана, согрѣтымъ высшею и чистою нравственностью.

Въ наше время всего менѣе признаютъ необходимость началъ нравственности между артистами сценическими; полагаютъ даже, что эти начала невозможно согласить съ званіемъ актера и особенно актрисы; что въ ихъ ремеслѣ есть нѣчто безчестное, унизительное; что человѣкъ, себя уважающій, не можетъ рѣшиться выйти на театральныя подмостки. Заблужденіе на заблужденіи, предразсудокъ на предразсудкѣ! Какъ люди, какъ артисты,-актеры не могутъ быть обречены безнравственности. Они тѣмъ болѣе нуждаются въ добронравіи, чѣмъ болѣе окружаетъ ихъ соблазновъ. Какъ, ваши страсти, встрѣчая потворство въ господствующемъ мнѣніи, разстилаютъ сѣти обольщенія вокругъ молодой актрисы; вы заставляете ее, для вашего удовольствія, ежедневно, искуственно раздражать въ душѣ своей страсти самыя опасныя, и между-тѣмъ хотите отнять у ея воли послѣднее оружіе противъ искушеній сердца. Вы не вѣрите ея добродѣтели; если она успѣваетъ ее сохранить, порицаете ее какъ притворную суровость; эти мысли, принятыя вами отъ предковъ, передаете вашимъ дѣтямъ; пріучаете ихъ ходить въ театръ не для снисканія тамъ благотворныхъ впечатлѣній, но для удовольствій чувственныхъ; и послѣ того, когда время и опытность укажутъ вамъ на послѣдствія вашего собственнаго легкомыслія, вы жалуетесь на *закулисную безнравственность,* которую сами развили; на вредное вліяніе театровъ;

преслѣдуете вашимъ презрѣніемъ артистовъ; изгоняете ихъ изъ вашего общества... Было время даже, когда имъ отказывали въ могилѣ на кладбищѣ вѣрующихъ! Измѣните столь превратный образъ мыслей, и театральное поприще перестанетъ служить поприщемъ разврата. Уже во всѣхъ странахъ первостепенные артисты драматическіе обоихъ половъ своимъ поведеньемъ, личнымъ уваженіемъ, которымъ они пользуются, служатъ явнымъ опроверженьемъ вашихъ предразсудковъ. И что́, скажите, находите вы унизительнаго въ промыслѣ актера? Цѣль его промысла полезная и благородная; средства, имъ употребляемыя, заслуживаютъ полнаго уваженія. Онъ выставляетъ свою *особу* передъ публикою? но ораторъ, професоръ дѣлаютъ то-же самое. Актеръ принимаетъ на себя личину пороковъ, и слабостей, для возбужденія къ нимъ презрѣнья, но это презрѣнье не можетъ постигнуть его самого; иначе оно должно пасть и на автора драмы, которому однако вы расточаете вѣнки вашего одобренія.

Вліяніемъ изящныхъ искусствъ на народные нравы довольно доказывается вредъ, который можетъ быть съ ними сопряженъ. Общественная власть должна вооружаться противъ этого вреда. Она не можетъ, конечно, прямо преслѣдовать наклонности противныя добродѣтели: на нихъ она дѣйствуетъ путемъ воспитанія, религіи, но ея дѣло карать явныя покушенія на развращеніе нравовъ. Свобода изящныхъ искусствъ, какъ и всѣхъ другихъ промысловъ, не можетъ простираться до злоупотребленія. Никакое правительство, не измѣнивъ своему долгу

не можетъ допустить распространенія безнравственныхъ произведеній литературныхъ; соблазнительныхъ рисунковъ, картинъ и пластическихъ изображеній; не можетъ дозволить сценическія представленія, распаляющія дурныя страсти въ зрителяхъ; поносящія предметы общественнаго уваженія; возбуждающія участіе, и даже любовь, къ тому, что всегда и вездѣ должно служить предметомъ презрѣнія и негодованія.

Удерживая артистовъ въ предѣлахъ полезнаго и нравственнаго, власть общественная должна обезпечивать имъ всякое покровительство; охранять ихъ противъ несправедливыхъ предубѣжденій, которыхъ мы коснулись, говоря объ актерахъ; ограждать ихъ интересы отъ притязаній монополистовъ, которые могутъ существовать въ этихъ промыслахъ какъ и вездѣ. Литературная собственность, это единственное достояніе артистовъ, которымъ въ удѣлъ достался только талантъ, должна быть уважаема. По возможности, государство должно поддерживать ихъ права въ иностранныхъ земляхъ, гдѣ безпрестанно имъ угрожаетъ незаконная поддѣлка.

Кромѣ того, власть общественная можетъ сильно содѣйствовать успѣхамъ художествъ и распространенію къ нимъ вкуса въ народѣ, своимъ примѣромъ, поощреніемъ отличившихся артистовъ, различными заведеніями, предлагающими имъ средства къ усовершенствованію. Безъ помощи музеумовъ, галерей, библіотекъ, куда входъ доступенъ всякому, бѣдные артисты не могли бы воспользоваться безмолвными, но всегда живыми совѣтами ко-

рифеевъ ихъ искусства. Эти заведенія, равно какъ и публичныя зданія, въ которыхъ изящное совокупляется съ величіемъ формъ, дѣйствуютъ также благопріятно на воображеніе и чувство населенности, и возбуждаютъ въ ней болѣе охоты къ пріобрѣтенію художественныхъ произведеній. Подобное же дѣйствіе производятъ выставки. Но всего болѣе споспѣшествуетъ успѣхамъ художествъ вниманіе монарховъ; оно льститъ самолюбію артистовъ; оживляетъ ихъ соревнованіе. Проливая на нихъ росу вещественнаго благосостоянія, нимало не унижая ихъ гордости, покровительство государей обезпечиваетъ имъ спокойствіе душевное и изобиліе въ ихъ внутреннемъ быту, при чемъ они могутъ свободнѣе предаваться мечтамъ изящнаго и осуществленію своихъ поэтическихъ вымысловъ.

61. О ПРОМЫСЛАХЪ УЧЕБНЫХЪ ИЛИ ОБРАЗУЮЩИХЪ УМСТВЕННЫЯ СПОСОБНОСТИ.

Въ теченіи нашего изложенія, мы уже неоднократно обращали вниманіе читателей на необходимость образованія умственнаго. Еще говоря о трудѣ, мы указали вліяніе на его производительность развитія воспитаніемъ тѣлесныхъ, умственныхъ, и другихъ способностей человѣка (§ 31—32). Далѣе, мы объяснили какимъ образомъ это развитіе сохраняется и какъ оно участвуетъ въ производствѣ, въ качествѣ капитала нравственнаго (§ 40). Разсматривая однѣ за другими различныя вѣтви промышлености народной, мы убѣдились, сколь много успѣхъ ихъ зависитъ отъ образованія умственнаго,

тѣсно связаннаго съ расчетливостью, познаніями теоретическими и искусствомъ, въ которыхъ нуждается каждая изъ нихъ. Займемся теперь разсмотрѣніемъ самихъ тѣхъ искусствъ, которыхъ цѣль собственно состоитъ въ оплодотвореніи умственныхъ способностей человѣка.

Ихъ кругъ и предѣлы ясно обозначаются: предоставляя гигіенѣ, въ обширномъ значеніи слова, образованіе тѣлесное; художествамъ — образованіе пластическихъ способностей души; нравоученію и религіи,—образованіе воли, онѣ дѣйствуютъ прямо на способности умственныя, на разумъ, память, умъ; обогащаютъ ихъ познаніями; упражняя ихъ отправленія, пріучаютъ дѣятельность человѣческую сообразоваться съ ихъ внушеніями, въ ея направленіи къ опредѣленнымъ цѣлямъ; вооружаютъ ее заранѣе навыкомъ, опытностью. Ничто не препятствуетъ развивать образованіемъ, въ одно и то-же время какъ умственныя такъ и другія способности человѣка, чему видимъ множество примѣровъ на каждомъ шагу. Не подлежитъ также никакому сомнѣнію, что искусства, сохраняющія въ насъ красоту и силу тѣлесную; возбуждающія чувство и любовь къ изящному; образующія нравы, благопріятствуютъ укрѣпленію самихъ способностей умственныхъ, такъ точно, какъ образованіе умственное, съ своей стороны, помогаетъ образованію гигіеническому, эстетическому и нравственному. Но это соотношеніе, эта взаимность вліянія между промыслами, дѣйствующими на человѣка, нимало не уничтожаетъ ихъ самобытности; въ особенности, все-

гда можно отличить тѣ изъ нихъ, которыя прямо обращаются къ разуму.

Какимъ бы путемъ ни стремились эти искусства къ достиженію предположенныхъ результатовъ, письменно, изустно или наглядно, ихъ производство подлежитъ такимъ же законамъ какъ и производство другихъ промысловъ. Оно должно опираться на совокупность средствъ матеріяльныхъ и нравственныхъ; на трудъ, съ одной стороны,—на капиталы и природу, съ другой. Начнемъ съ послѣднихъ.

Отъ внутренняго устройства учебныхъ заведеній много зависятъ удобство и существенность преподаванія. Но еще гораздо важнѣе выборъ мѣста для расположенія этихъ заведеній; условія его необходимо измѣняются, смотря по назначенію: приходское училище или школа, въ которой правительство, или частный предприниматель, предлагаетъ простое, первоначальное образованіе малолѣтнымъ дѣтямъ бѣдныхъ родителей, тѣмъ лучше достигаетъ своей цѣли, чѣмъ ближе къ нимъ расположена, чѣмъ менѣе причиняетъ имъ потери времени для доставленья въ училище и возвращенья на домъ дѣтей. Гимназіи, пансіоны, лицеи, предназначенные для образованія, болѣе роскошнаго и разнообразнаго, дѣтей родителей достаточныхъ, помѣщаются въ городахъ, посреди самой населенности, которой предлагаютъ свои услуги, и посреди изобилія средствъ, въ которыхъ нуждаются. Въ основаніи древнѣйшихъ университетовъ находимъ уклоненіе отъ этого правила утверждаться по близости потребителей: начало этихъ высшихъ учебныхъ заведеній должно при-

писать соединенію нѣсколькихъ преподавателей, обыкновенно удалявшихся въ мѣста уединенныя, чуждыя шуму и развлеченію городовъ, и привлекавшихъ туда множество слушателей и студентовъ. Такъ возникли собственно университетскіе города въ Англіи Оксфордъ, Кембриджъ; въ Германіи Геттингенъ, Гейдельбергъ и многіе другіе. Стеченію народа, которое способствовало водворенію, по близости, множества необходимыхъ промысловъ, университеты были обязаны своимъ распространеньемъ. Новѣйшіе изъ нихъ успѣли утвердиться только посреди, или по сосѣдству, большихъ городовъ; особенно тѣ, въ которыхъ попеченьями правительства предлагается безмездное преподаванье.

Всего тѣснѣе съ удачнымъ выборомъ мѣста связанъ успѣхъ учебныхъ заведеній спеціяльныхъ. Цѣль ихъ состоитъ не только въ развитіи, укрѣпленіи и обогащеніи познаньями умственныхъ способностей человѣка, но также въ приспособленіи этихъ познаній къ извѣстнаго рода занятіямъ или искусствамъ. Этому результату много содѣйствуетъ, конечно, преподаваніе теоретическое; но онъ достигается всего существеннѣе, всего полнѣе, преподаваніемъ наглядным, практическимъ. Учащійся лучше постигаетъ и усвоиваетъ себѣ искусство, когда переносится на самое мѣсто его производства; слѣдитъ за примѣненіемъ на дѣлѣ законовъ и правилъ, изученныхъ въ аудиторіи; принимаетъ самъ участіе въ работахъ; присоединяетъ впечатлѣнія пластическія къ впечатлѣніямъ умственнымъ; повѣряетъ собственными приложеніями ту опыт-

ность, которую стараются въ немъ развить. Подобнымъ упражненьямъ и наблюденьямъ благопріятствуетъ, или напротивъ препятствуетъ мѣстоположеніе спеціяльнаго училища. При Бурбонахъ, во Франціи, казенный морской институтъ перенесенъ былъ изъ Бреста въ городъ Ангулемъ: молодые люди въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ приготовлялись тамъ къ мореходству не видя моря, изучая на доскѣ или на неподвижной модели морскія эволюціи. Спрашивается, какъ могли они приготовиться къ своему званію? неужели инженеръ горный, или путей сообщенія, изучившій свою часть по книгамъ и запискамъ професоровъ въ какомъ-либо столичномъ институтѣ, можетъ считать себя готовымъ? нѣтъ, его посылаютъ окончить ученье на заводы и горные разработки, или на работы путей сообщенія. Тамъ только онъ пріобрѣтаетъ практику, безъ которой не способенъ къ употребленію.

Для скораго и существеннаго образованія практическаго, располагаютъ училища по близости тѣхъ самыхъ работъ, для которыхъ предназначаютъ воспитаниковъ. Они успѣшнѣе изучатъ врачебное искусство, какъ можно чаще посѣщая госпитали, работая сами въ клиникѣ; технику—посреди мануфактуръ, безпрестанно наблюдая за ихъ производствомъ; земледѣліе—посреди пашенъ и пастбищъ, окруженные тою растительностію, тѣми животными, которыми должны будутъ заниматься; адвокаты, юрисконсульты образуются посреди судовъ и слѣдствій; артисты, передъ глазами и въ обществѣ лучшихъ мастеровъ . . . .

Такъ и съ учебными книгами: отъ мѣста и времени ихъ изданія, или по крайней мѣрѣ ихъ сбыта, много зависитъ ихъ польза. Ученый, посвящающій свои усилія на подобные труды, долженъ впередъ сообразить ихъ соотношеніе съ мѣстнымъ промысломъ и потребностями. Посреди фабричнаго города, можно всегда предвидѣть неудачу трактатовъ о горномъ дѣлѣ, о земледѣліи, которые, напротивъ, весьма полезны въ другихъ мѣстностяхъ. Впрочемъ, благодаря посредству торговыхъ промысловъ, выборъ мѣста для изданія сочиненій не столь важенъ, какъ для расположенія учебныхъ заведеній. Хорошая книга, содержащая истинно-полезныя указанія, можетъ быть перенесена, приближена къ мѣсту потребности: никакія усилія не могутъ окружить заведеніе, дурно расположенное, спеціяльными впечатлѣніями, въ которыхъ оно нуждается, и которыхъ ему не предлагаетъ окрестность.

Преподаваніе, равно какъ и изслѣдованія ученыя, нуждается въ пособіи разныхъ орудій. Лабораторные аппараты, физическіе кабинеты, механическія модели, музеумы естественной исторіи, астрономическія обсерваторіи, инструменты для черченія; для наблюденія; книги, планы, рисунки, пластическія изображенія по части анатоміи, минералогіи и т. п. въ промыслахъ, имѣющихъ въ виду умственное образованіе людей, принимаютъ участіе, хотя не столь существенное, какъ орудія и машины въ мануфактурахъ, но весьма съ ними сходное. Никто не станетъ оспоривать, что оно много способствуетъ ихъ дѣйствительности, и лучшимъ доказательствомъ то-

му служатъ заботы учебныхъ заведеній объ ихъ пріобрѣтеніи и сохраненіи въ исправности.

Безъ пособія машинъ и орудій, множество явленій въ природѣ, поставленныхъ внѣ сферы нашихъ чувствъ, ускользали бы отъ нашего уразумѣнія. Изслѣдованіямъ наукъ на каждомъ шагу препятствовала бы то крайняя малость однѣхъ, то отдаленность другихъ, то мракъ окружающій иныя, то невозможность отдѣлить ихъ отъ другихъ предметовъ, поражающихъ наше зрѣніе, слухъ или осязаніе. Судить о тяжести и температурѣ воздуха нельзя безъ помощи барометра и термометра, ни наблюдать электричество безъ пособія электрическихъ машинъ. Къ какимъ открытіямъ проложили путь микроскопъ въ естественной исторіи, телескопы въ астрономіи! Какимъ множествомъ другихъ обязаны пневматической машинѣ, Вольтову столбу и другимъ инструментамъ физическимъ. «Благодаря имъ, «говоритъ *Дюпойе*, (*) намъ открылся новый міръ, «намъ сдѣлались ясными тысячи истинъ, прежде «сокрытыхъ, и искусства, занимающіяся образова«ніемъ умственныхъ способностей, пріобрѣли средства сообщать имъ фасоны столь-же разнообраз«ные сколь многочисленные и важные.»

Къ орудіямъ и машинамъ ученые изслѣдователи и преподаватели принуждены прибѣгать не только для снисканія или укорененія познаній, но также и для ихъ передачи и распространенія. Въ этомъ отношеніи, наши предки не обладали великими средст-

(*) *De la liberté du travail T. 3, Paris, 1845.*

вами, которыя намъ доставило изобрѣтеніе Гуттенберга. Съ тѣхъ поръ, какъ книгопечатаніе проникло въ промышленость, оно не перестаетъ оказывать самое существенное содѣйствіе образованію умственному. Каждое улучшеніе въ машинахъ имъ употребляемыхъ, дѣлаетъ это образованіе болѣе и болѣе доступнымъ, разширяетъ кругъ его дѣйствія. Благодаря ему, изслѣдованія, сдѣланныя въ одномъ углу свѣта, быстро переносятся торговлею по всѣмъ странамъ, гдѣ въ нихъ нуждаются; професоръ, говорящій съ своей кафедры сотнѣ слушателей, черезъ посредство стенографіи, схватывающей на лету его слова, и печатнаго станка, передающаго ихъ бумагѣ, говоритъ, нѣкоторымъ образомъ, цѣлому свѣту. Благодаря печати, журнализмъ осуществилъ постоянный и оживленный разговоръ между народами о всемъ, что можетъ служить къ исправленью ихъ понятій; о новыхъ открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ, о ходѣ промышлености, о перемѣнахъ въ политикѣ. Этимъ путемъ, конечно, могуть стольже легко разноситься ложныя свѣденія, превратныя сужденія; но это зло, неизбѣжное, даже при отсутствіи всякихъ періодическихъ изданій, покрайней мѣрѣ встрѣчаетъ въ нихъ-же самихъ самое дѣйствительное врачеванье. Заблужденіе, поддерживаемое однимъ, опровергается другими, и изъ этого столкновенія мнѣній, при помощи несомнѣнныхъ свѣденій о фактахъ и произшествіяхъ, лучь истины часто еще свѣтлѣе проливается, нежели прямымъ и безконтрольнымъ путемъ.

Въ промыслахъ вещественныхъ, какъ мы видѣ-

ли, обыкновенно нѣсколько человѣкъ собираются чтобъ соединенными силами сообщить одной и тойже вещи полезное преобразованіе: въ преподаваніи, одинъ человѣкъ, професоръ или учитель, занимается въ одно время преообразованіемъ умственныхъ способностей множества слушателей. Тѣмъ не менѣе трудъ преподавателя допускаетъ нѣкоторое раздѣленіе: онъ можетъ довѣрять нѣкоторую часть своихъ попеченій репетиторамъ, препораторамъ, лаборантамъ, стенографамъ, издателямъ, типографщикамъ; выигрышъ времени, отъ потери котораго избавляютъ его эти различные помощники, обращается въ пользу науки и существенности его лекцій. Но всего болѣе, для достиженія предположеннаго результата, какъ преподаватель такъ и писатель нуждаются въ содѣйствіи самихъ слушателей или читателей, которыхъ можно разсматривать какъ работающихъ, нѣкоторымъ образомъ, подъ его руководствомъ, надъ собственными способностями умственными. Чѣмъ болѣе они приносятъ съ своей стороны вниманья, ревности и понятливости, тѣмъ болѣе извлекаютъ пользы изъ уроковъ, имъ предлагаемыхъ.

Предпріятія, имѣющія въ виду образованіе умственное, нуждаются, какъ и всякія другія, тѣмъ болѣе въ расчетливости, чѣмъ сложнѣе ихъ составъ. Содержатель учебнаго заведенія не можетъ пренебрегать счетоводствомъ, не подвергаясь самому разорительному безпорядку. Всего чаще его забота не ограничивается однимъ образованіемъ умственнымъ: вмѣстѣ съ тѣмъ, на него возлагается также гигіена и нравственное образованіе воспитаниковъ,

ихъ содержанье, иногда одежда. Онъ долженъ сообразить всѣ эти издержки такъ, чтобъ онѣ не превышали той цѣнности, которую въ обществѣ приписываютъ его услугамъ. Ему стольже пагубна излишняя роскошь, какъ и излишняя скупость, и сколь часто учебныя заведенія, въ рукахъ неискусныхъ или нерадивыхъ, погрѣшаютъ противъ этого правила. Сколь часто посреди наружной пышности, въ залахъ, съ роскошью отдѣланныхъ и содержимыхъ, воспитаники получаютъ самое скудное и недостаточное образованіе, потому-что заведенію не остается довольно средствъ для приглашенія хорошихъ наставниковъ. Постороннихъ посѣтителей часто плѣняютъ видомъ исправно и чисто содержимыхъ физическихъ кабинетовъ, библіотекъ, колекцій; но, для сохраненія этихъ учебныхъ пособій, изъ видовъ мнимой экономіи, къ нимъ затрудняютъ или вовсе запрещаютъ доступъ воспитаникамъ. Иная приходская школа поражаетъ красотою и обширностью зданія, а между-тѣмъ, въ ней едва собирается дюжина мальчиковъ. Писатель, предпринимающій изданіе своихъ сочиненій, долженъ сообразить издержки изданія, обширность предстоящаго сбыта и соразмѣрить съ ними количество экземпляровъ и цѣнность матеріяловъ. Предпріятія періодическихъ изданій, журналовъ, газетъ, принадлежатъ къ числу самыхъ трудныхъ промышленыхъ операцій.

Если эта расчетливость, падающая собственно на матеріяльную сторону промысловъ учебныхъ, можетъ показаться нѣсколько мелочною тамъ, гдѣ дѣло идетъ о цѣли столь высокой, то замѣтимъ,

что къ ней должны присоединяться соображенія несравненно высшаго разряда, отъ которыхъ много зависитъ успѣхъ этихъ промысловъ. Какъ писатели, такъ и содержатели учебныхъ заведеній и сами преподаватели должны постоянно слѣдить за потребностями времени, народа и сословія, къ которому обращаются; соображать съ этими потребностями предметы, ими избираемые. Идетъ ли дѣло о первоначальномъ обученіи: оно должно быть ограничено и, въ тоже время, полно въ своихъ границахъ: его цѣль — доставить начальныя средства къ развитію дарованій и пріобрѣтенію познаній, дѣйствуя особенно на смыслъ. Оно едва-ли достигаетъ этой цѣли; обучая, съ грѣхомъ пополамъ, одному чтенію, письму и простымъ правиламъ ариѳметики. Сколь много оно выиграло бы отъ присоединенія элементарныхъ понятій о нравственномъ долгѣ человѣка и нѣкоторыхъ указаній о естественной исторіи, о географіи и исторіи отечественной. Идетъ ли дѣло о второстепенномъ гимназическомъ образованіи: нельзя упускать изъ виду главныхъ наклонностей времени: посреди всеобщаго движенія промышленаго занимая юношество латинскимъ, греческимъ языкомъ, реторикою и піитикою, недолжно забывать о необходимыхъ и существенныхъ познаніяхъ въ наукахъ положительныхъ. Смѣшно знакомить его съ излишними подробностями законовъ и обычаевъ древнихъ, когда можно лучше употребить его время на изученіе законовъ и словесности отечественыхъ. Въ дѣлѣ обученія спеціяльнаго, практика должна безпрестанно соединять-

ся съ теоріей. Мы уже видѣли сколь важное вліяніе на этотъ родъ образованія имѣетъ выборъ мѣстности. Но кромѣ того, необходимо распредѣлять преподаваніе такъ, чтобъ воспитаникъ заранѣе привыкалъ къ своему дѣлу: если онъ готовится быть механикомъ, его надо заставлять самого работать машины; предназначается ли онъ въ химики, въ земледѣльцы, инженеры строительные или путей сообщенія, пріучать его работать въ лабораторіи, на пашнѣ, на строеніяхъ, на дорогѣ; посылать его въ море, чтобъ сдѣлать изъ него мореходца; спускать въ рудники, чтобъ образовать изъ него горнаго инженера; открывать ему входъ въ больницы и клиники, если хотятъ выпустить его медикомъ или хирургомъ. Идетъ ли дѣло о книгѣ: пишите ее такъ, чтобъ она была удобопонятна для возраста или для степени образованія тѣхъ, кому назначаете ее для чтенія. Описывайте въ ней методы, наиболѣе употребляемыя; способы, освященные опытностію, подкрѣпляйте ваши доводы не ссылками на Платона и Аристотеля, не словами писателей, о которыхъ вовсе не знаютъ ваши читатели но фактами, но анализомъ. Вотъ какого рода соображеній требуется въ промыслахъ учебныхъ, а безъ нихъ и самые точные счеты и смѣты не достигаютъ настоящей и главной цѣли.

Безполезно, кажется, распространяться о роли, какую въ промыслахъ учебныхъ играютъ познанія теоретическія. Чтобъ преподавать науки, или писать о нихъ, по необходимости должно быть съ ними знакому; но знанія одной науки рѣдко бываетъ

достаточно: нельзя имѣть о ней ясное и полное понятіе, не сознавая связи ея съ другими науками, по-крайней мѣрѣ къ ея отдѣлу принадлежащими. Взаимное пособіе, которое оказываютъ однѣ другимъ теоретическія познанія, много облегчаетъ трудъ какъ самого преподавателя, такъ и его слушателя или читателя. Другая польза теоріи открывается въ методѣ и порядкѣ изложенія. Практикантъ, изучившій на опытѣ факты, но никогда не восходившій умомъ до совокупленія ихъ въ стройное цѣлое, въ которомъ каждый фактъ, или отдѣлъ фактовъ, объясняется фактами послѣдующими и предшествующими, не успѣетъ передать свои познанія такъ удобно, какъ человѣкъ, знакомый съ теоріей. Въ его изложеніи будетъ царствовать безпорядокъ, затмѣвающій истину. Во всѣхъ частяхъ человѣческаго знанія, успѣхи теоріи сильно содѣйствовали успѣхамъ преподаванія: нынѣ одного года достаточно, чтобъ обнять умомъ подробности самой сложной науки: разумѣется въ этомъ еще не состоитъ собственно изученіе; но сколь много послѣднему помогаетъ общее знаніе главныхъ выводовъ и законовъ.

Къ познаніямъ, въ промыслахъ учебныхъ, долженъ присоединяться талантъ исполненія или изложенія. Конечно, онъ не играетъ здѣсь роли столь важной, какъ въ изящныхъ искусствахъ, но имъ нельзя пренебрегать. Преподаватель тѣмъ лучше достигаетъ своей цѣли, тѣмъ болѣе дѣйствуетъ на убѣжденіе, чѣмъ яснѣе и краснорѣчивѣе выражается; рѣчь вялая, невнятная, сбивчивая утомляетъ

вниманіе слушателей; сухой, и часто варварскій, слогъ изложенія нѣкоторыхъ учебныхъ книгъ рѣшительно отвращаетъ учащихся. То-же должно замѣтить касательно самой печати и бумаги, употребляемыхъ для книгъ: не требуя излишней роскоши, эти орудія разсудка должны однако отличаться благопристойностью и нѣкоторымъ наружнымъ изяществомъ. Исполнительное искусство, въ промыслахъ учебныхъ, не всегда состоитъ въ одной только ясности и красотѣ изложенія: особенно въ образованіи первоначальномъ оно предполагаетъ нѣкоторое знакомство съ дѣтскимъ возрастомъ, умѣнье съ нимъ обращаться, дѣйствовать на его способности умственныя, еще едва развившіяся, говорить языкомъ, ему свойственнымъ и удобопонятнымъ.

Къ мѣрамъ, наболѣе благопріятствующимъ успѣхамъ первоначальнаго образованія народнаго, должно причислить изданіе и распространеніе хорошихъ элементарныхъ книгъ. Кнесчастью, выгоды и слава, сопряженныя съ подобными изданіями столь ограничены, что люди съ дарованьемъ не рѣшаются посвятить имъ свое время и свои таланты: поощренія правительства могутъ возбудить въ нихъ эту охоту. Дѣйствительно, что́ читаютъ нынѣ наши грамотные поселяне, работники, сидѣльцы? Сказки, бредни всякого рода, внушающія имъ самыя превратныя понятія о вещахъ. Сколько бы выиграло просвѣщеніе народное, еслибъ эти книги замѣнить краткими, просто и ясно изложенными описаніями предметовъ природы, событій отече-

ственной исторіи или даже нравственными повѣстями, въ которыхъ героями, вмѣсто Бовы Королевича и Соловья разбойника, были бы люди, подобные самимъ читателямъ.

Въ чистотѣ и непорочности нрава ученый почерпаетъ драгоцѣнныя силы для поддержанія себя въ преслѣдованіи истины. Страсти, обуревающія слабую волю, затмеваютъ разсудокъ, развлекаютъ умозрѣніе; разрушая здоровье тѣлесное, ослабляя чувства, излишества наносятъ самые гибельные удары памяти и соображательной способности. Преувеличенное самолюбіе препятствуетъ ученому пользоваться совѣтами и наблюденьями другихъ. Безусловная самоувѣренность ввергаетъ его въ ошибки и заблужденія, такъ точно, какъ и противуположный недостатокъ слишкомъ слѣпой довѣрчивости. Обращаясь къ слушателямъ или читателямъ, ученый нуждается въ ихъ довѣріи; онъ дѣйствуетъ, правда, на ихъ убѣжденіе доказательствами, но эти доказательства большею частію состоятъ въ фактахъ и наблюденіяхъ, имъ сдѣланныхъ; поведеніе предосудительное поселяетъ сомнѣнье въ истинѣ его доводовъ.

Мы видѣли, расчетливость необходима въ промыслахъ учебныхъ; но, простертая до корысти, она противорѣчитъ цѣли этихъ промысловъ. Професоръ на каѳедрѣ, ученый, въ кругу людей, прибѣгающихъ къ его совѣтамъ, не могутъ расчитывать свои дѣйствія и, такъ сказать, продавать по мѣркѣ или на вѣсъ свои указанія, подобно купцу, торгующему товарами. Это дѣлается, скажутъ:—кен-

счастью, да. . . . Но тамъ, гдѣ чувствомъ личной выгоды побѣждается въ ученыхъ сознаніе высшаго призванія, въ нихъ высказавшагося, не ждите глубокихъ и обширныхъ результатовъ отъ ихъ учености. Ктому-же, поступая такимъ образомъ, ученые лишаютъ себя лучшей награды: они неминуемо уменьшаютъ то уваженіе, которымъ вездѣ пользуется ихъ званіе, и то самодовольствіе, которое каждый изъ нихъ, живо любящій истину, ощущаетъ въ глубинѣ души своей, содѣйствуя ея распространенію.

Во взаимныхъ отношеніяхъ между собой, люди, занимающіеся промыслами учебными, подвержены вліянію соперничества. Это вліяніе полезно тѣмъ, что побуждаетъ каждого обращать наиболѣе вниманія на усовершенствованье своихъ произведеній. Но въ душахъ слабыхъ, или порочныхъ, оно зарождаетъ зависть, недоброжелательство. Это безнравственное побужденье иногда поселяетъ вражду скрытную, иногда-же разжигаетъ явную и жестокую борьбу. Если эта вражда, или эта борьба, не ограничивается однѣми учеными преніями, но простирается до вреда личнаго, до притѣсненій, до присвоенія несправедливыхъ монополій, то она гибельно отражается въ упадкѣ и затрудненіи умственнаго образованія націи. Ученое поприще дробится на непріязненные лагери; драгоцѣнное время, усилія искусства, таланта теряются въ происках, въ безполезныхъ преніяхъ, въ раздорахъ, и, посреди этихъ несогласій, истина скрывается, словно устрашенная кликами враждующихъ. Такъ въ средніе вѣка, и почти до

конца XVIII столѣтія, ученое поприще служило настоящимъ полемъ брани. На немъ проливались неоднѣ только чернила; оно озарялось не однимъ только пламенемъ сожигаемыхъ сочиненій; часто на немъ лилась кровь ратоборствующихъ и воздвигались костры для побѣжденныхъ. Нетерпимость школъ, монополіи университетовъ, притязанія духовныхъ сословій, безпрестанно раздували пламя раздоровъ; ученые не гнушались преслѣдовать одни другихъ самыми жестокими гоненьями.

Нынѣ, ксчастію, не видимъ ничего подобнаго между народами, принадлежащими европейской образованности. Только немногіе слѣды старинной вражды проявляются по временамъ въ дѣйствіяхъ недѣлимыхъ; но различныя мнѣнія не служатъ болѣе знаменами, раздѣляющими ученыхъ на полчища, готовыя поддерживать истину или заблужденіе огнемъ и мечемъ. Нынѣ ученый можетъ разсматриваться какъ гражданинъ цѣлаго свѣта: то уваженіе, которое онъ успѣлъ снискать въ своемъ городѣ, въ своемъ отечествѣ, вездѣ ему сопутствуетъ; его собратія не только не отвергаютъ его, но простираютъ къ нему дружескія объятья; узы, ихъ связывающія, походятъ на узы родства: къ какой бы націи ни принадлежалъ ученый,—посѣщая городъ вовсе ему неизвѣстный, онъ встрѣчаетъ тамъ между учеными туземными не завистливыхъ и недоброжелательныхъ соперниковъ, но друзей, съ готовностію предлагающихъ ему плоды своихъ трудовъ и съ жаждой принимающихъ его сообщенія.

Высокое уваженіе, которымъ отличаютъ уче-

ныхъ, по необходимости дѣйствуетъ благопріятно на ихъ нравы: занимая столь почетное мѣсто во мнѣніи общественномъ, рѣдкій рѣшится посрамить себя недостойнымъ поведеньемъ. Жаль, что это уваженіе доселѣ еще мало простерлось на скромнѣйшіе разряды ученаго сословія. Имъ почти вовсе не пользуются первоначальные преподаватели. Приходскій учитель,—одно это слово ужъ напоминаетъ униженное положенье, въ какомъ почти вездѣ находится столь полезный классъ людей. Всякій не представляетъ ли себѣ жалкаго педагога, изможденнаго нуждою, въ изношенномъ платьѣ, подавленнаго робостью и унизительной зависимостью отъ чужого призрѣнія. У насъ развѣ не случалось даже видѣть наставника юношества, затертымъ въ толпѣ дворни. . . Чего можно ожидать отъ подобныхъ учителей? Пренебреженіе родителей сообщается дѣтямъ, и сколь часто наставникъ, которому, — замѣтимъ, — кромѣ умственнаго, часто поручается и нравственное образованіе малолѣтныхъ, становится жалкимъ посмѣщищемъ своихъ учениковъ.

Посреди равнодушія народнаго, власти общественной предстоитъ великое дѣло облагородить первоначальное образованіе и улучшить положеніе лицъ, посвящающихъ ему свой трудъ. Чѣмъ менѣе признаютъ населенности важность и пользу подобнаго образованія, тѣмъ правильнѣе, въ видахъ пользы государственной, правительства заботятся о его распространеньи. Гораздо менѣе прямыхъ попеченій требуетъ отъ нихъ образованіе второстепенное..... Но правительство ни мало не стѣсняетъ

свободы обученія, содержа собственныя заведенія и въ особенности спеціяльныя. Часто въ этихъ заведеніяхъ лица недостаточныя находятъ возможность снабжать воспитаніемъ своихъ дѣтей. И это воспитаніе, хотя и доставляемое на счетъ казны, можетъ однако разсматриваться не только, какъ частное благодѣянье, но какъ услуга всему государству. То-же самое замѣтимъ объ университетахъ.

Первые университеты произошли изъ учрежденій частныхъ. Въ средніе вѣка, знаменитый професоръ избиралъ себѣ мѣсто жительства въ какомъ-либо городѣ, или даже селеніи, куда стекались слушатели изъ разныхъ частей государства. Чтобъ воспользоваться этимъ стеченіемъ учениковъ, другіе професоры присоединялись къ первому. Сначала они жили отдѣльно, но, мало по малу, между ними, съ одной стороны, и слушателями, съ другой, водворялось нѣкотораго рода товарищество, и такимъ образомъ то, что́ прежде было слѣдствіемъ обстоятельствъ случайныхъ, превратилось въ обычай. На эти учрежденія сначала правительства имѣли мало прямого вліянія. Оно ограничивалось благодѣяньями. Государи, министры вмѣняли себѣ въ честь и удовольствіе принимать университеты подъ свое покровительство, предоставляя имъ впрочемъ полную свободу внутренняго управленья. Професоры избирались по большинству голосовъ общимъ совѣтомъ; ихъ содержаніе состояло изъ платы учениковъ, слушавшихъ лекціи; они сами выбирали своихъ ректоровъ или правителей; имѣли свои пре-

имущества судебныя, свои помѣстья; отвѣчали за поведеніе студентовъ, которые долго не подлежали никакой иной власти судебной, кромѣ университетской. Слѣды этихъ правъ, весьма сходныхъ съ тѣми, которыми пользовались ремесленыя общины, еще сохранились въ регламентахъ древнѣйшихъ университетовъ Германіи, Англіи, Италіи, Испаніи.

Мало по малу эта первоначальная независимость университетовъ подверглась важнымъ ограниченьямъ. Правительства нашли неудобнымъ существованіе въ государствѣ подобнаго *statûs in statu;* съ другой стороны, сами университеты нѣкоторымъ образомъ подчинились власти правительствъ, безпрестанно прибѣгая къ ихъ помощи и пособіямъ. Совѣтъ университетскій, изъ главнаго единственнаго распорядителя каѳедръ, превратился въ одно совѣщательное собраніе; право окончательного назначенія професоровъ и самыхъ предметовъ преподаванія перешло въ руки общественныхъ властей; и наконецъ, издержки по содержанію университетовъ и оклады професоровъ отнесены, большей частію, на счетъ общихъ государственныхъ расходовъ.

Нѣкоторые полагаютъ, что присвоивъ себѣ такимъ образомъ высшее образованіе народное, правительства повредили его независимости; что професоръ, состоящій на постоянномъ окладѣ, увѣренный въ сохраненіи своей должности, менѣе заботится о снисканіи себѣ извѣстности успѣхами въ наукахъ. При старинномъ устройствѣ, говорятъ, путь къ каѳе-

дрѣ былъ открытъ одному истинному дарованію и неподдѣльной учености; нынѣ легче могутъ проложить себѣ этотъ путь способами менѣе законными посредственность и даже невѣжество. *Адамъ Смитъ* замѣчаетъ, что при дисциплинѣ, которой сочли необходимымъ подчинить студентовъ, професору легко скрыть свое незнаніе или неумѣніе, читая по руководству и примѣшивая къ нему только немногія замѣчанія, впередъ заученныя . . . . Но если новый порядокъ иногда сопряженъ съ подобными злоупотребленьями, которыхъ, впрочемъ, намъ кажется, всегда легко избѣгнуть сильному и благонамѣренному правительству, то нельзя не согласиться, что онъ положилъ конецъ множеству неудобствъ несравненно важнѣйшихъ, и доставилъ государствамъ великія выгоды преподаванія высшаго. Въ этой мѣрѣ заключается, безъ сомнѣнья, самое существенное поощреніе родителямъ къ доставленію ихъ дѣтямъ порядочнаго второстепеннаго образованія, безъ котораго нельзя приступить къ университетскимъ курсамъ.

Принимая подъ свое непосредственное покровительство нѣкоторыя ученыя общества, или академіи, правительство придаетъ имъ важность особенную, исключительную предъ другими вольными обществами. Этимъ оно обезпечиваетъ себѣ средства награждать почестями и вещественными преимуществами ученыхъ, оказавшихъ наиболѣе услугъ государству. Съ другой стороны, оно поощряетъ весьма полезное учрежденіе. Академія, собирая, въ опредѣленное время и въ данномъ мѣстѣ,

ученыхъ всякого рода, способствуетъ успѣхамъ наукъ; посреди совѣщаній, мирныхъ ученыхъ преній, разные вопросы разсматриваются со всѣхъ сторонъ, и отъ этого столкновенія мнѣній и мыслей истина вспыхиваетъ ярче и скорѣе. Но, чтобъ академіи вполнѣ осуществляли результаты, отъ нихъ ожидаемые, надо придерживаться нѣкоторыхъ условій. Прежде всего имъ надлежитъ свято сохранять ихъ первоначальное назначенье. Академическое кресло да будетъ всегда удѣломъ одного истинаго достоинства. Этого достигаютъ отчасти чрезъ ограниченіе числа членовъ, и предоставленіе выбора новыхъ самой академіи. Содержимыя часто съ большими издержками, академіи не могутъ оставаться въ рукахъ правительства орудіемъ безполезнымъ: ихъ дѣятельности не слѣдуетъ исключительно поглощаться отвлеченостями. Онѣ, при случаѣ, должны служить правительству совѣтниками, всегда готовыми, для указанія удобнѣйшихъ путей къ достиженію различныхъ цѣлей, имъ предполагаемыхъ.

Обезпечивая съ одной стороны возможную свободу промысламъ, занимающимся народнымъ образованіемъ умственнымъ; съ другой, прямо имъ содѣйствуя, власть общественная справедливо заботится объ отвращеніи злоупотребленій, которыя возможны тутъ какъ и вездѣ, и едва-ли еще не болѣе чѣмъ гдѣ-либо. Тѣ-же самыя средства, которыя служатъ для письменнаго или изустнаго преподаванія истины, могутъ быть обращены на цѣли совершенно иныя, на распространенье превратныхъ

понятій, на увлеченіе мнѣній народныхъ въ гибельныя и опасныя заблужденія. Для предохраненья гражданъ отъ подобныхъ дѣйствій, угрожающихъ не только ихъ личнымъ выгодамъ, но и всему порядку государственному, мѣры существенныя необходимы. Онѣ могутъ быть предупредительныя, каковы: ценсура, которой подчиняется книгопечатаніе; предварительные экзамены и надзоръ, которымъ подвергаются преподаватели и содержатели учебныхъ заведеній. Онѣ могутъ быть карательныя, и, въ такомъ случаѣ, ясно опредѣливъ въ чемъ состоитъ злоупотребленье свободы ученыхъ промысловъ, угрожаютъ строгимъ и неминуемымъ наказаньемъ. И тѣ и другія хороши, смотря въ какой степени достигаютъ предположенной цѣли, не подавляя свободы мыслей, и не стѣсняя слишкомъ учености, которая, по самой сущности своей, не можетъ процвѣтать посреди безпрестанныхъ преслѣдованій и гоненій.

62 и 63.... ЗАКЛЮЧЕНІЕ ГЛАВЫ.

Здѣсь мы должны остановить нашъ анализъ примѣненія производительныхъ силъ народныхъ къ надѣленію общества благами внутренними. Безъ сомнѣнія, жизнь государственная требуетъ отъ человѣка образованія не только эстетическаго и умственнаго, но еще нравственнаго и религіознаго: просвѣтивъ и облагородивъ свое чувство, укрѣпивъ и обогативъ познаньями свой разумъ, онъ еще далекъ отъ возможнаго совершенства, пока не побѣдитъ своей воли и не пріучитъ ея уклоняться отъ по-

бужденій злыхъ и предпочтительно избирать добрыя. Безъ сомнѣнія, подлѣ силъ занятыхъ разнаго рода промыслами, общество должно еще находить силы, исключительно направляемыя на доставленіе ему безопасности, какъ всему, такъ и въ лицѣ каждого изъ его членовъ,—силы, которыя, по самой сущности ихъ назначенія, совокупляются въ рукахъ законной власти или правительства, подчиняются его надзору, предоставляются его распоряженію. Неоспоримо также, что какъ нравственно-религіозное образованіе, такъ и безопасность не могутъ быть доставлены народу безъ участія въ томъ его производительныхъ силъ: природныхъ преимуществъ, доставшихся ему въ удѣлъ, капиталовъ имъ пріобрѣтенныхъ, труда и образованности его членовъ; и что въ высокихъ установленіяхъ, стремящихся къ достиженью этихъ цѣлей, какъ и въ промышлености вообще, дѣятельность человѣческая не можетъ обойтись безъ средствъ матеріяльныхъ и средствъ нравственныхъ; но мы ограничимся однимъ указаньемъ этой аналогіи и не будемъ входить въ подробнѣйшія объясненія, чтобъ не навлечь на себя упрека въ чрезмѣрномъ распространеніи круга науки, которую здѣсь предприняли изложить.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Примѣчаніе 1, къ § 28-му стр. 143.

Въ путевыхъ запискахъ бывшаго професора дерптскаго университета *Шмальца* (1834, — 35,«—36 год.) о Россіи встрѣчаемъ слѣдующія подробности: «Къ большому моему удивленію распредѣленіе работъ введено почти повсемѣстно между русскими крестьянами и достигло высокой степени. У нихъ одинъ занимается исключительно колесами, другой санями, бочками и т. п. Но такое распредѣленіе работъ простирается еще далѣе. Я находилъ напр. во многихъ деревняхъ и во многихъ домахъ, что цѣлыя семейства работали вмѣстѣ въ одной просторной избѣ, занимаясь слѣдующимъ образомъ: мальчикъ отъ 10 до 12 лѣтъ распиливалъ перламутъ на пластинки такого вида какъ онѣ употребляются на черенки для ножей; кромѣ этого онъ ничего уже не дѣлалъ. Другой, нѣсколько постарше, конечно братъ его, обдѣлывалъ эти пластинки и наводилъ на нихъ украшенія, хотя въ грубомъ видѣ; третій еще, старшій, отдѣлывалъ ихъ на чисто; между тѣмъ, изъ работниковъ во всей силѣ возраста, одинъ ковалъ клинки, другой желѣзные кружки, въ которые клинки вставляются, а третій дѣлалъ винты. Одинъ мальчикъ шлифовалъ клинки въ грубомъ видѣ; другой, болѣе искусный, отдѣлывалъ ихъ чище, а нѣкоторые, въ томъ числѣ и дѣвушки, полировали. Одинъ, наконецъ собиралъ всѣ штуки и давалъ вещи надлежащій видъ. Разумѣется, что изготовленные вдругъ, въ довольно значительномъ числѣ, ножи, всѣ одинаковой величины и вида. Такимъ-то образомъ занимаются отецъ семейства, съ своими дѣтьми, зятьями и внуками; и всѣ вмѣстѣ составляютъ маленькую фабрику, которая производитъ очень красивыя вещи за весьма дешевую цѣну. Есть цѣлыя семейства, которыя такимъ же порядкомъ изготовляютъ замки или башмаки, рамы, и сундуки или ящики. Но такъ какъ главное дѣло для русскаго крестьянина состоитъ въ томъ, чтобы въ извѣстное время выработать сколь можно болѣе съ наименьшимъ трудомъ и уси-

ліемъ, то онъ не только работаетъ слегка, но еще чрезвычайно изобрѣтателенъ, особенно въ отношеніи, къ пріемамъ, простымъ инструментамъ и машинамъ.» (См. *Журналъ Министр. Внутрен. Дѣлъ* Августъ 1837 года стр 247 и 248).— Вотъ примѣръ, много говорящій въ пользу политической экономіи: не доказываетъ-ли онъ краснорѣчиво, что важные и правильные выводы этой науки—плоды не отвлеченныхъ умствованій, но строгихъ наблюденій надъ природою человѣческою! Эти крестьяне, такъ раціонально соблюдающіе законъ раздѣленія занятій, отъ кого слышали о немъ? имя *Адама Смита* для нихъ столь же глухо какъ и самой политической экономіи: въ собственномъ здравомъ смыслѣ они почерпнули внушенія, которымъ слѣдуютъ и которыхъ придерживались уже ихъ предки. *Адамъ Смитъ* совсѣмъ не изобрѣтатель раздѣленія занятій: какъ и всѣ другіе великіе экономисты, онъ только хорошо подсмотрѣлъ этотъ законъ человѣчества, ясно и вразумительно его изложилъ и объяснилъ современникамъ.

Примѣчаніе 2, къ § 33-му стр. 170.

О положеніи Негровъ, во французскихъ колоніяхъ на Антильскихъ островахъ, самыя плачевныя подробности заключаются въ сочиненіи *Victor Schoelcher: Des colonies françaises: abolition immediate de l'esclavage.* Paris 1842 chez *Pagnerre.* «Бичь, гов. авторъ, превратился въ необходимое, коренное условіе колоніяльнаго управленія; бичь есть главный агентъ этого управленія, его душа; онъ замѣняетъ звонокъ на плантаціяхъ; возвѣщаетъ минуту пробужденія и минуту окончанія работъ; означаетъ часы отдыха; и подъ звуки того же бича, которымъ наказывается виновный, собираютъ на молитву утромъ и вечеромъ населенность плантаціи: день смерти есть единственный день, когда Негръ вкушаетъ забвеніе жизни неопасаясь пробужденія отъ бича. Бичь (le fouet), однимъ словомъ, есть выраженіе труда на Антильскихъ островахъ. Еслибъ хотѣли символизировать колоніи въ ихъ настоящемъ положеніи, то надлежало бы изобразить пукъ сахарной трости съ бичемъ управителя *(commandeur)*....»— Подобныя же, и еще сильнѣйшія, подробности найдемъ въ рѣчахъ нѣкоторыхъ депутатовъ во время преній о новомъ законѣ касательно черныхъ невольниковъ. См. *Moniteur universel* 1845 года. — О томъ же предметѣ любопытна статья *Ramon de la Sagra: Considérations économiques et sociales sur l'influence de l'émancipation des esclaves dans les colonies à sucre* См. *Journ. des économistes* T. IV. p. 3 и p. 225.

Примѣчаніе 3, къ § 34-му стр. 178.

Въ подтвержденіе и объясненіе нашихъ мыслей о барщинномъ и оброчномъ положеніи крестьянъ, неизлишнимъ считаемъ привести здѣсь нѣкоторыя выдержки изъ журнала, который посвященъ у насъ разсмотрѣнію вопросовъ касающихся сельскаго хозяйства.—«Въ числѣ крестьянъ моихъ», говоритъ пензенской помѣщикъ г. Ж-нъ, «есть такіе, которыхъ при барщинномъ устройствѣ имѣнія, я никакими мѣрами *поправить*, то есть вывести изъ бѣдности былъ не въ силахъ. Но не на бѣдныхъ однихъ, и на достаточныхъ и на богатыхъ крестьянъ также губительно дѣйствуетъ барщина, останавливая въ нихъ всякую предпріимчивость, всякое стремленіе къ обогащенію (*). Зажиточный крестьянинъ не наймется, потому что онъ боится барщины, по многимъ причинамъ, хоть потому ужъ, что не знаетъ какую работу заставятъ его исправлять на барщинѣ: можетъ быть онъ привыкъ работать на подмостяхъ, а его пошлютъ рыть колодезь; или онъ привыкъ копать землю, а его отправятъ на крышу: или онъ привыкъ сидѣть, поджавши ноги и шить зипуны, да ткать чеботы, а его заставятъ скакать сломя голову и т. п. Плохой крестьянинъ наймется, это правда, не побрезгаетъ и барщиной: да порядочной крестьянинъ самъ не найметъ его, не захочетъ ему довѣрить своей лошади. И такъ, барщина, отнимающая возможность у бѣднаго выйти изъ бѣдности, у зажиточнаго разбогатѣть, у человѣка одареннаго какимъ нибудь талантомъ, развивать талантъ этотъ, у промышленика заниматься своимъ промысломъ, дѣйствуетъ на всѣхъ крестьянъ одинаково. Потому удивительно ли, что всякій крестьянинъ на барщинѣ работаетъ плохо, или хуже чѣмъ бы онъ работалъ съ найма, если не дѣйствуютъ на него возбуждающими средствами. Удивительно ли что привыкнувъ работать кое-какъ на барщинѣ крестьянинъ и на своей работѣ плошаетъ? Удивительно ли что помѣщики не получаютъ отъ своей земли, обработываемой барщиною, всѣхъ тѣхъ выгодъ, какія могли бы получить!» (*Журн. Мин. Гос. Имуществъ* Октябрь 1845 хроника.)—А вотъ практическія мнѣнія одного изъ помѣщиковъ оренбургской губерніи *г. Поздюнина* написавшаго любопытное сочиненіе: *Объ оброчныхъ работникахъ или совершенно новомъ образѣ взиманія повинностей съ крестьянъ. Москва 1845.* «Разсматривая оброчное и

(*) «У насъ мало писано о крестьянахъ вообще, но во всемъ написанномъ, какъ только заходила рѣчь о поправленіи состоянія крестьянъ, встрѣчалъ я, большею частію, указанія на полицейскія мѣры. Полиція поддерживаетъ только заведенный порядокъ, а сама не создаетъ ничего. Порядокъ и благосостояніе зависятъ отъ хорошихъ учрежденій, уставовъ.» Ж-нъ.

издѣльное положеніе крестьянъ въ отношеніи непринужденности труда и необходимости его направленія, нельзя не убѣдиться, что оброкъ въ обоихъ случаяхъ удовлетворительнѣе барщины. Трудъ оброчнаго крестьянина, предоставленный собственному его произволу, не можетъ быть употребляемъ на перекоръ умственныхъ способностей и тѣлесныхъ силъ работника. Сильный, ловкій работникъ, знающій хорошо земледѣльческія работы, не сдѣлается смотрителемъ за дѣйствіями машинъ, къ коимъ не имѣетъ ни какого расположенія; малосильный не возмётся за толстое бревно, а употребитъ свою расторопность на то дѣло, которое онъ скорѣе и лучше сдѣлаетъ перваго изъ силачей; немоществующая женщина потрудится надъ тѣмъ что ей по силамъ. Прилежный умный и расчетливый работникъ, сравнительно съ лѣнивымъ и глупымъ, пріобрѣтётъ больше предметовъ, служащихъ къ услажденію его жизни; однимъ словомъ: при произвольномъ трудѣ, всякому воздается по дѣламъ его, и трудолюбіе, охраняемое продолженіемъ собственной жизни каждого изъ работающихъ, поведетъ самымъ ближайшимъ путемъ къ совершенству. При оброчномъ состояніи крестьянъ не нужно подаяніе или, такъ называемое, исправленіе неимущаго крестьянина помѣщикомъ: оно унижаетъ человѣка и дѣлаетъ его безнравственнымъ, дурнымъ. Исправляя неимущаго, надобно болѣе научать его искать въ самомъ себѣ средствъ возвышенія. При подаяніи выражающемъ одну любовь къ ближнему, а можетъ быть и собственный интересъ помѣщика, не разбирается достоинствъ человѣка; слѣдовательно оно не можетъ исправить бѣдности крестьянина, происходящей большею частію отъ лѣности и нераденія его. Такія явленія очень обыкновенны въ имѣніяхъ, состоящихъ на издѣльномъ положеніи, гдѣ помѣщикъ, желая исправить неимущихъ крестьянъ, даетъ имъ все потребное, но, къ удивленію, чрезъ годъ, много чрезъ два, крестьянинъ опять возвращается къ прежней нищетѣ. Это не поэзія, а дѣло, говорящее въ пользу оброчныхъ крестьянъ, при управленіи которыми полезнѣе замѣнить подаяніе наградами достойныхъ;— это составляетъ уже уваженіе къ ближнему и возвышаетъ его въ самомъ себѣ. Безпечность, столь замѣчательная въ издѣльныхъ крестьянахъ и происходящая единственно отъ того, что они, въ нуждахъ своихъ почти безвозмездно получаютъ пособіе отъ помѣщика, при оброчномъ состояніи крестьянъ, если не совсѣмъ уничтожается, то, по крайней мѣрѣ, ослабляется тѣмъ, что какъ бы въ поощреніе трудолюбію, при оброкѣ бываетъ менѣе дурныхъ примѣровъ, при которыхъ помѣщикъ вынужденнымъ находится дѣлать пособіе своимъ крестьянамъ. Чтобы дать правильное, за-

конное направленіе труду, начальнику необходимо, прежде всего, видѣть стремленіе наклонностей въ каждомъ изъ его подчиненныхъ; въ издѣльныхъ имѣніяхъ, это по большей части прикрывается почти постояннымъ опредѣленіемъ: что именно каждый работникъ долженъ дѣлать. Здѣсь не видно влеченія собственнаго его побужденія; напротивъ, оброчный крестьянинъ, предоставленный самому себѣ, тотчасъ выскажетъ свои желанія, направленіе которыхъ по должному, полезному пути уже вполнѣ будетъ зависѣть отъ благоразумія и предусмотрительности начальника.»

«Но вмѣстѣ съ тѣмъ, оброкъ для помѣщика сопряженъ съ разными невыгодами. Оброчные крестьяне неисправно платятъ оброкъ; доходы помѣщика отъ оброчныхъ крестьянъ менѣе доходовъ, получаемыхъ съ издѣльныхъ имѣній, и наконецъ, помѣщики, не имѣющіе возможности вести собственное свое хозяйство вольно-наемными работниками, вовсе его оставляютъ и сами удаляются изъ помѣстья. Недоимки, накопляющіяся на оброчныхъ крестьянахъ, происходятъ главнѣйше отъ того, что помѣщики, не живя сами въ имѣніяхъ, поручаютъ управленіе ими бурмистрамъ, или прикащикамъ, которые имѣютъ въ предметѣ одно лишь исправное собираніе оброка, не подозрѣвая прямой своей обязанности: вести трудъ людей, управленію ихъ ввѣренныхъ, по пути для нихъ самихъ полезному, что при трудѣ оброчныхъ крестьянъ, камъ выше доказано, легко возможно было бы исполнить, если бы эти управители разумѣли дѣло и если бы, не допуская до значительнаго накопленія недоимокъ, не позволяли неисправнымъ отлучаться на дальнее разстояніе отъ мѣстъ ихъ жительства, а управляли бы направленіемъ ихъ труда и нравственности.»—Нельзя не привести тутъ-же замѣчаній, сдѣланныхъ на сочиненіе *г. Поздюнина въ Жур. Мин. Гос. Имущеетвъ*. «Это правда,» говоритъ рецензентъ, «только не совсѣмъ. Пріятно читать такое филантропическое сужденіе, но на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ иначе. Сказанное *г. Поздюнинымъ* оправдывается въ томъ только случаѣ, когда повинность крестьянъ, или оброкъ, взимается соразмѣрно съ доходомъ, какой получается самими крестьянами отъ владѣемой ими земли. Но если, какъ бываетъ въ большей части случаевъ, нѣтъ этой соразмѣрности; если обложеніе повинностями дѣлается безъ правильныхъ основаній и оброкъ опредѣляется смотря потому, много ли, мало ли понадобилось денегъ; если не расчитываютъ сколько даетъ земля и сколько крестьянинъ рукодѣльемъ заработываетъ; если не основываются на справедливости взиманія извѣстной части произведенія или натурою, или по существующимъ, въ разное время цѣнамъ, то крестьянинъ по неволѣ оставитъ соху и

ищетъ выгоднѣйшей заработки, гдѣ бы то ни было. Тогда то именно случается то, что отрицаетъ *г. Поздюнинъ*, т. е., малосильный возмется за толстое бревно и слабосильная баба старается подпирать хоромину соломиной.» . . . . . а далѣе присовокупляетъ: «Всякому свое или всякъ при своемъ! Оброкъ при извѣстныхъ условіяхъ можетъ быть выгоднѣе барщиннаго положенія; а при другихъ выгоднѣе будетъ отправлять и взимать повинности работою, вещественнымъ трудомъ, барщиною. Если гдѣ хлѣбъ, какъ существенная необходимость человѣческой жизни, столь дешевъ, что десять пудовъ его не стоятъ пяти золотниковъ серебра, то тамъ платежъ оброка деньгами весьма затруднителенъ, потому что трудъ рабочаго, будучи расчитанъ на деньги, слишкомъ мало вознаграждается. Отправленіе повинностей работою можетъ для дающей и получающей стороны обоюдно сдѣлаться выгоднымъ тѣмъ, что послѣдняя первую заставляетъ производить то, что окажется цѣннѣе.»

«Другая крайность когда хлѣбъ слишкомъ и чрезмѣрно дорогъ; тогда работникъ трудится изъ того лишь, чтобы кормиться. За трудъ рабочему воздается тогда по мѣрѣ потребности въ рабочихъ. А эта потребность весьма ограничена потому отчасти, что рабочихъ является много, а отчасти потому, что многіе за дороговизною хлѣба, вовсе прекращаютъ работы. Самое благопріятное вліяніе на всѣ сословія гражданственнаго общества имѣютъ цѣны на жизненныя потребности.» (*Журналъ Мин. Гос. Имуществъ. Сентябрь 1845 Библіографія.*)

Въ статьѣ *г. Васильева: крестьянское хозяйство въ Витебской губерніи*, встрѣчаемъ еще: «вообще у крестьянъ, состоящихъ на оброкѣ, хозяйства нѣкоторымъ образомъ во всѣхъ отношеніяхъ въ лучшемъ состояніи противу состоящихъ на хозяйственномъ положеніи; а состоящіе на чиншѣ суть съ тѣмъ вмѣстѣ и зажиточнѣйшіе хозяева даже при значительности платежей, которыми они обязаны временнымъ владѣльцамъ.» (См. *Журналъ Мин. Госуд. Имущ.* Февраль 1844 года ст. 137).

Примѣчаніе 4, къ § 54 стр. 278.

По отчету Главнаго Правленія Россійско-Американской Компаніи за 1842 годъ, капиталъ ея простирался до 2,509,997 рублей серебромъ, раздѣленныхъ на 7,484 акціи. Въ ея вѣденіи состояло разныхъ служителей болѣе 1000 человѣкъ; народонаселеніе въ колоніяхъ, ей подвѣдомственныхъ, состояло изъ:

Мужескаго пола 3956 душъ; въ томъ числѣ русскихъ 613 д.
Женскаго — 3514 — — — — — — 85 —
Всего 7470 — — 698 —

Въ компанейской флотиліи считалось 17 судовъ, изъ которыхъ пароходъ 1, два судна въ болѣе 400 тоннъ, три въ болѣе 200, три въ болѣе 150, остальныя же мелкихъ размѣровъ. — Весьма любопытныя подробности содержатся въ этомъ отчетѣ о мѣрахъ, принимаемыхъ правленіемъ компаніи для поддержанія и распространенія пушного промысла, которые дозволено ей производить съ 1841 года и въ Камчаткѣ. См. *Журналъ Мануфактуръ и Торговли. Августъ 1842 г.*

Примѣчаніе 5, къ § 55 стр. 300.

Заимствуемъ изъ *Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; генваръ 1845* года слѣдующія подробности:» Русскую торговлю въ смыслѣ купечества не довольно дѣлить на *внутреннюю* и *заграничную* на *оптовую,* и *разничную.* У насъ особый разрядъ торговцевъ составляютъ такъ называемые *просолы,* скупающіе товары у производителей на свой собственный счетъ, малыми партіями, для сбыта потомъ на фабрики и заводы или для передачи въ руки оптовыхъ торговцевъ. Отъ нихъ отличаются *кулаки,* которые на базарахъ и рынкахъ перекупаютъ товары у производителей, то есть скупаютъ ихъ не на свой счетъ, а на свое только имя, съ тѣмъ чтобы тутъ же на мѣстѣ съ барышемъ перепродать настоящимъ покупателямъ. За тѣмъ слѣдуютъ *купцы,* торгующіе въ лавкахъ, магазинахъ и другихъ постоянныхъ или временныхъ торговыхъ заведеніяхъ. Тутъ является еще особый классъ такъ называемыхъ *разнощиковъ* и *ходебщиковъ* или *афеней,* которые уже получаютъ товаръ отъ купцовъ для разноса и распродажи по городамъ, по селеніямъ, по домамъ. Верхъ купеческой іерархіи представляется торгующими въ обширныхъ размѣрахъ, для которыхъ нѣтъ у насъ своего домашняго имени, но которыхъ однако весьма прилично называть обрусѣлымъ уже наименованіемъ *негоціантовъ,* относя сюда людей, въ тишинѣ конторъ своихъ или на шумной биржевой сценѣ двигающихъ оптовою внутреннею и заграничною торговлею.»

Примѣчаніе 6, къ § 56 стр. 339.

О происхожденіи и водвореніи *издѣльной* или мануфактурной промышлености въ Россіи, рекомендуемъ читателямъ статью *П. И. Иванова: Исторія управленія мануфактурной*

промышлености въ Россіи (см. *Журн. Мин. Внутреннихъ Дѣлъ, Генварь 1844*). Свѣденія въ ней приводимыя всѣ подтверждены ссылками на достовѣрные источники и на указы. Изъ нихъ видно что въ самой отдаленной древности нашего государства, въ немъ существовали нѣкоторыя мануфактуры, но главное развитіе этихъ промысловъ относится ко временамъ Петра Великаго и Екатерины II. Любопытно видѣть какимъ образомъ великій преобразователь нашего отечества, сообразно духу вѣка, употребилъ самыя энергическія искуственныя мѣры для водворенія у насъ разныхъ фабрикъ, не только тѣхъ, въ которыхъ нуждался для арміи, и флота, но также и всякого рода другихъ для внутренняго потребленія. Поперемѣнно онъ прибѣгалъ то къ привилегіямъ, то къ запрещеніямъ привоза иностранныхъ издѣлій, то къ преміямъ, наградамъ, поощреніямъ. Чтобы поддержать суконныя фабрики, казна раздавала заказы и приплачивала отъ 10 до 20 % сверхъ объявленной крайней цѣны фабрикантовъ. Другія фабрики избавлялись вовсе отъ платежа внутреннихъ повинностей. Всѣмъ вообще облегчалось пріисканіе работниковъ, и тогда-то образовалось у насъ сословіе приписныхъ фабричныхъ крестьянъ. Мануфактурными дѣлами завѣдывало особенное министерство подъ названіемъ мануфактуръ-коллегія. Ей между прочимъ, поручено было наблюдать за качествомъ издѣлій, и на сей конецъ изданы разныя постановленія, впрочемъ не столь положительныя и не столь подробныя какъ постановленія Кольберта во Франціи. Такъ успѣли у насъ утвердиться разныя мануфактуры и подъ конецъ жизни Петра В. уже считалось 21 большая фабрика. И въ послѣдующее время правительство придерживалось той же политики, и продолжало содѣйствовать водворенію мануфактуръ подобными-же искуственными средствами. Можно ль винить его въ томъ? безъсомнѣнія, нѣтъ: тогда всѣ государства европейскія жили особнякомъ; политическое равновѣсіе еще не утвердилось, и безпрестанныя войны принуждали каждую державу сколь можно болѣе заботиться объ огражденіи себя отъ всякой иностранной зависимости. Но нельзя не пожалѣть однако, что всеобъемлющій геній Петра I непредугадалъ истиннаго ученія экономическаго, о которомъ едва только мечтали. Его главная мысль была развить торговлю русскую особенно внѣшнюю, и примѣнить учащеніе сношеній съ иностранными государствами, какъ лучшее средство къ образованію своего народа. Этой мысли онъ посвятилъ, нѣкоторымъ образомъ, лучшую дѣятельность своей жизни: для ней онъ надѣлилъ насъ берегами морскими, завоевалъ Азовъ, основалъ Петербугъ, устроилъ сильные флоты, выписывалъ множество иностранцевъ, силою принуждалъ Рос-

сіянъ къ перемѣнѣ предковскихъ обычаевъ. Онъ успѣлъ, конечно, совершить многое; исполински подвинулъ онъ Россію; далъ ей первое мѣсто на сѣверѣ, ввелъ ее въ кругъ важнѣйшихъ державъ Европы; но, въ тогдашнее время было упущено изъ вида, что самое лучшее поощреніе междонародной торговли, а слѣдовательно и внутренней, заключается въ постоянномъ открытіи сбытовъ, какъ собственно отечественнымъ, такъ и иностраннымъ произведеніямъ. Съ отдаленіемъ отъ насъ иностранныхъ фабрикатъ запрещеніями, высокими пошлинами и монополіями внутренними развились у насъ мануфактуры; но нѣтъ сомнѣнія, что въ тоже время оказалось стѣсненіе въ торговлѣ внѣшней вслѣдствіе пренебреженія главными и естественными источниками нашего богатства—земледѣльческими промыслами. Мануфактуры, говорятъ, способствовали у насъ образованію городовъ и просвѣщенію націи: онѣ породили сбытъ для сырыхъ продуктовъ внутри государства. Едва-ли? города образовались бы и безъ мануфактуръ, предохраняемыхъ тарифами таможенными: для этого довольно промысловъ торговыхъ и ремесленыхъ, или собственно городскихъ; просвѣщеніе столько же, а можетъ быть и болѣе, выиграло бы отъ преуспѣянія земледѣлія, которое пользовалось бы сбытами обширнѣйшими, вслѣдствіе завязавшихся тѣсныхъ сношеній съ иностранными державами . . . .

Какъ бы то ни было, Петръ Великій положилъ первую закладку зданія, котораго не могли оставить недовершеннымъ его Преемники. Порожденная вниманіемъ Монарха, мануфактурная, или правильнѣе сказать фабричная, промышленость могла поддерживаться и существовать только подъ покровительствомъ и непосредственнымъ надзоромъ власти. Когда, уступая новому, тогда распространившемуся образу мыслей, Екатерина II, въ 1773 и 1775 годахъ, попыталась отнять у елва созрѣвшаго древа помощь своей руки, а въ 1779 упразднила совершенно мануфактуръ-колегію, вскорѣ замѣтили неудобства подобной перемѣны и, не желая принести начатое въ жертву иной политики, принуждены были возобновить почти во всей его полнотѣ прежній порядокъ управленія. Указомъ 27 Апрѣля 1797, возстановлена мануфактуръ-колегія, но въ 1803 указомъ 18 Іюля снова уничтожена окончательно, «и дѣла до мануфактуръ относящіяся вошли въ завѣдываніе учрежденной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ экспедиціи государственнаго хозяйства.» По смерти Петра Великаго какъ малыхъ такъ и большихъ мануфуктурныхъ заведеній считалось только 500, а въ 1803 ихъ уже было 2270 (см. стр. 199); въ этомъ числѣ порядочное множество казенныхъ заведеній. Главная забота ми-

нистерства внутреннихъ дѣлъ, по управленію фабриками, сперва состояла въ снабженіи сукнами, и другими издѣліями, войскъ и флота; обращено также дѣятельное вниманіе на уздравленіе и обезопасеніе фабричнаго производства; но съ 1808 года учреждено главное управленіе мануфактуръ и съ того времени министерство стало принимать болѣе прямого участія въ ходѣ этой промышлености. Система прямыхъ пособій, поощреній, заказовъ и льготъ продолжала держаться во всей силѣ; усилены также запрещенія ко ввозу разныхъ иностранныхъ издѣлій, наиболѣе изъ Англіи. Отрадно замѣтить, что опережая въ этомъ отношеніи другія правительства европейскія, наше внимательно наблюдало за отношеніями между фабрикантами и рабочими, и въ особенности пеклось о предостереженіи противъ притѣсненій приписныхъ крестьянъ. «Обозрѣвая сей періодъ», говоритъ *Г. Ивановъ* (съ 1803 по 1819), «должно сознаться что въ немъ положено прочное основаніе развитію нашей мануфактурной промышлености чрезъ разныя поощренія и награды, особенно по производству суконъ и выработываніе шелковыхъ и ситцевыхъ издѣлій. Съ удовольствіемъ можно замѣтить что въ 1812 году было 2332 мануфактурныхъ заведенія, а въ 1814 уже 3253. На всѣхъ фабрикахъ и мануфактурахъ въ 1812 году было: крестьянъ казенныхъ 31,160, помѣщичьихъ 27,292, вольныхъ мастеровыхъ 60,641 ; всего рабочихъ 119,093 человѣка.» — «Впрочемъ.» прибавляетъ онъ, «надобно сказать, что произведенія нашихъ мануфактуръ въ этомъ періодѣ не достигли еще полнаго развитія. Причиною тому можно полагать, что все вниманіе, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, обращено было на выдѣлку одного солдатскаго сукна: вслѣдствіе чего фабриканты, будучи заняты спѣшною выработкою, не могли употреблять должнаго старанія объ усовершенствованіи своихъ произведеній. Военныя дѣйствія также много препятствовали устройству прочихъ мануфактуръ, и особенно нашествіе непріятельское, истребившее огнемъ и мечемъ всѣ полезныя мануфактурныя заведенія, возрожденіе которыхъ требовало времени и капиталовъ. Сверхъ того, неблагопріятствовало успѣшному развитію отечественныхъ мануфактуръ послѣдовавшее въ 1818 году разрѣшеніе на ввозъ иностранныхъ товаровъ въ Россію, отчего всѣ рынки Россіи завалены были англійскими товарами, съ которыми, наши мануфактуры, не достигшія еще полнаго развитія, не могли соперничать, и потому неминуемо должны были приходить въ упадокъ и разстройство.»—Въ 1819 году, главное правленіе мануфактуръ превращено въ департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли, и перешло въ министерство финансовъ.

Первымъ, и безъ сомнѣнія важнѣйшимъ, дѣйствіемъ новаго управленія было возвращеніе къ охранительной системѣ: тарифомъ 1822 года возстановлены всѣ прежнія запрещенія и пошлины: такъ, послѣ кратковременной острастки, фабричная промышленость снова могла опериться. Покойной министръ финансовъ, Графъ Е. Ф. Канкринъ, въ особенности много заботился о ея успѣхахъ. Обезпечивая нашимъ фабрикантамъ монополію внутренняго рынка, онъ непрестанно побуждалъ ихъ къ употребленію въ пользу пожертвованій, которымъ, вслѣдствіе этой монополіи, подвергалась нація. Для содѣйствія этой цѣли дана полная свобода заводить фабрики не только купцамъ и дворянамъ, но и крестьянамъ въ мѣстахъ ихъ жительства, что̀ не мало способствовало нравственному и умственному возвышенію этого сословія. Въ 1828 году учрежденъ технологическій институтъ въ С. Петербургѣ; съ 1831 начали разсылаться на постоянное жительство въ чужіе краи агенты и корреспонденты министерства финансовъ для сообщенія о всякомъ новомъ успѣхѣ въ иностранныхъ мануфактурахъ; изданы постановленія о привилегіяхъ на новыя изобрѣтенія; учрежденъ мануфактурный совѣтъ, съ отдѣленіемъ въ Москвѣ; открыты періодическія выставки отечественныхъ мануфактурныхъ издѣлій въ столичныхъ городахъ: такъ, мало по малу, число фабрикъ въ 1839 году уже возросло до 6,585, на которыхъ работало мастеровыхъ разнаго званія 129,431 человѣкъ (*).

Что̀ сказать объ этихъ фабрикахъ? вся эта мануфактурная промышленость есть ли одно только рухлое зданіе искусственно и непрочно возведенное, которое должно пасть, едва отъ него удалятъ опору высокаго тарифа? Не думаемъ; и спѣшимъ даже удалить отъ себя мысль столь грустную и обидную для нашей народной гордости. Нѣтъ; цѣль Петра В. достигнута; столько заботъ, столько усилій, столько издержекъ не потеряны для отечества; Русскіе искусились въ мануфактурномъ дѣлѣ; многія производства доведены у насъ до высокой степени совершенства; почти во всѣхъ замѣтны успѣхи неоспоримые; всѣ эти опыты, всѣ эти начинанія развили природную смѣтливость нашихъ предпринимателей и работниковъ; мы убѣдились теперь, что можемъ не только орать землю, но и готовить самыя роскошныя, самыя тонкія и вычурныя издѣлія. Цѣлому свѣту Россія (и особенно въ своихъ низшихъ сословіяхъ) показала къ чему

(*) Въ 1843 году въ одной Московской губерніи, считалось 1283 фабрики, занимавшія 106,402 человѣка рабочихъ; сработано же на нихъ товару на 42,183,606 р. сер. *(См. Атласъ промышлености Московской губерніи, Л. Самойлова,* Москва, 1845 г.).

способны ея трудовыя силы, и подъ благодѣтельнымъ руководствомъ своихъ Монарховъ снискала благородную самоувѣренность. Многія изъ фабричныхъ производствъ, возникшія подъ щитомъ тарифа и привилегій, успѣли однако пустить корни глубокіе, сродниться съ промыслами земледѣльческими; таковы: тканье бумажныхъ матерій, занимающее крестьянъ сѣверныхъ великороссійскихъ губерній; выдѣлка суконъ низшей и средней доброты; изготовленіе шелковыхъ тканей; желѣзодѣлательные и ножевные заводы; кожевенные, полотняные, парусинные, канатные. Эти промыслы нашли у насъ основаніе прочное, неискусственное; для нихъ Провидѣніемъ дарованы намъ важныя преимущества, которыхъ не имѣютъ многія другія государства въ Европѣ. Здѣсь, эти преимущества заключаются въ изобиліи матеріяла; тамъ, во врожденной смѣтливости и простонравіи производителей; а тамъ, въ самомъ распредѣленіи временъ года, въ которомъ краткое, но жгучее и плодовитое лѣто, смѣняется продолжительной зимой, столь благопріятной для домашнихъ работъ. Хвала и благодареніе правительству, которое успѣло обратить въ пользу націи самые предразсудки, долго обладавшіе Европой!... Чтобъ довершить великое дѣло возвышенія русской промышлености, намъ остается испытать самихъ себя, и вступить въ явное соперничество съ иностранными издѣліями на нашихъ собственныхъ рынкахъ. Тогда только мы въ точности познаемъ живые элементы нашей мануфактурной промышлености; узнаемъ какая доля принадлежитъ собственно намъ въ общемъ всемірномъ раздѣлѣ занятій и производства. Тогда только мы увидимъ, что въ этой промышлености, которую болѣе 140 лѣтъ у насъ развиваетъ попечительное правительство, есть истинно намъ годнаго и естественнаго. Промыслы, въ которыхъ нѣтъ настоящихъ стихій народности, которые созрѣли какъ чужеземное растеніе въ теплицѣ, прекратятся; но какая въ томъ бѣда? не тратятъ ли на нихъ, безъ пользы, драгоцѣнныхъ силъ и времени. Напротивъ же, мануфактуры, истинно намъ свойственныя, удержатся: и тогда-то онѣ могутъ съ справедливой гордостью сказать націи, указывая на свои отличныя и дешевыя издѣлія: мы дорого вамъ стóили, но ваши пожертвованія не утрачены безъ пользы: вотъ ихъ плоды.....

Примѣчаніе 7 къ § 56, стр. 353.

Приведемъ здѣсь выдержку изъ вступительной рѣчи *г. Гейлана*, московскаго професора технической химіи, читанной 17 Ноября 1837 года: въ ней остроумно выражены нѣкоторые недостатки, частію доселѣ еще свойственные нашимъ мануфактуристамъ: — «У насъ, гов. *Г. Гейманъ*, вѣрованіе въ существованіе секретныхъ средствъ въ фабрич-

ныхъ производствахъ слишкомъ укоренилось, и даже ксожалѣнію находитъ послѣдователей между образованными фабрикантами: это вѣрованіе въ *секреты* до того велико, что многіе всю удачу въ производствѣ завода исключительно имъ припысываютъ,» — забывая, что она зависитъ отъ удовлетворительнаго хода цѣлаго ряда операцій. «*Какъ-нибудь*, несчастное выраженіе, въ которомъ насъ справедливо упрекаютъ иностранцы; *какъ-нибудь*, повѣрьте, есть у насъ одно изъ главныхъ причинъ частой неудачи въ заводскомъ дѣлѣ. Можно ль надѣяться получить хорошее издѣліе, если *какъ нибудь* выберемъ сырой матеріялъ? Дурныя сѣмена не могутъ дать хорошій урожай; можетъ ли быть удачное превращеніе сырого матеріяла въ фабричное издѣліе, когда будетъ какое-либо изъ дѣйствій, составляющихъ производство, произведено *какъ нибудь!....*» См. *Журн. Мануфактуръ и торговли.* Февраля 1838 г.

Авторъ *Атласа промышлености Московской губерніи* (Москва 1845 г.), *Л. М. Самойловъ*, свидѣтельствуетъ о замѣчательныхъ успѣхахъ, сдѣланныхъ тамошней мануфактурной промышленостью, но тутъ же присовокупляетъ: «Отдавая эту справедливость большой части Московскихъ фабрикантовъ, не могу однакожъ не сознаться, что относительно желаемаго распространенія между всѣми производителями, не только основательныхъ теоретическихъ свѣденій, безъ которыхъ никакое фабричное дѣло укорениться не можетъ, но даже пріемовъ практическихъ, составляющихъ типъ независимаго фабриканта,—остается поле открытое на нѣсколько еще десятковъ лѣтъ. Не касаясь химіи, и технологіи, у насъ нѣкоторые купцы, владѣющіе или управляющіе обширными фабричными заведеніями, долго еще будутъ въ зависимости отъ иностранныхъ механиковъ, колористовъ, аппретеровъ и проч., если не посвятятъ себя, сыновей или родственниковъ своихъ исключительно мануфактурному дѣлу. Долго еще они будутъ испытывать неудачи, влекущія за собою убытки и неудовольствія, если не станутъ различать фабричнаго дѣла отъ торговаго. У насъ многіе капиталисты, которымъ фортуна изстари улыбалась въ торговыхъ оборотахъ, полагаютъ, что достаточно имѣть *много денегъ*, чтобъ быть хорошимъ фабрикантомъ. Но пора имъ убѣдиться, что если свобода въ деньгахъ доставляетъ несомнѣнныя выгоды, относительно своевременнаго и дешеваго заготовленія первыхъ матеріяловъ, и возможности продавать приготовляемые товары въ дальніе сроки, не стѣсняясь учетомъ векселей, то знаніе дѣла необходимо въ отношеніи къ скорости, совершенству и дешевизнѣ самого производства.—Которое изъ этихъ двухъ

преимуществъ важнѣе—доказывается тѣмъ, что свѣдущіе русскіе фабриканты и иностранцы, переселившіеся въ Москву, однимъ только знаніемъ дѣла пріобрѣли и продолжаютъ пріобрѣтать значительные капиталы, между тѣмъ какъ нѣкоторые русскіе капиталисты, предпринявшіе фабричныя дѣла безъ знанія, приходили въ упадокъ.—*Урусовы, Кондрашевы, Гучковы, Прохоровы, Сапожниковы, Крюковы, Голубятниковы, Четвериковы*, и множество другихъ московскихъ фабрикантовъ, занимающихъ нынѣ первыя ступени на лѣствицѣ отечественной мануфактурной промышленности, начали не капиталомъ, но знаніемъ дѣла, и процвѣтаютъ..... Что же касается до капиталовъ, утраченныхъ у насъ въ мануфактурномъ производствѣ, именно по причинѣ незнанія дѣла, то можно было бы привести множество примѣровъ, *да чтобъ гусей не раздразнить.* Справедливо, что было въ Москвѣ время (особенно въ первые годы послѣ изданія охранительнаго тарифа 1822 года), когда люди, не знавшіе вовсе фабричнаго дѣла, наживали значительные капиталы по разнымъ отраслямъ мануфактурнаго производства, дѣйствуя чужимъ умомъ. Но это благопріятное время, остановившее однакожь умственное развитіе производителей, прошло, и слава Богу. Нынѣ новое поколѣніе фабрикантовъ не пренебрегаетъ уже знаніемъ, и счастливы тѣ изъ нихъ, которые съ знаніемъ соединяютъ возможность, въ отношеніи вещественномъ» (стр. 33, 34.) Въ этихъ немногихъ словахъ содержится много важныхъ и полезныхъ совѣтовъ.

Примѣчаніе 8-е къ § 57, стр. 408.

Не можемъ не привести здѣсь выдержки изъ превосходной (статьи г. *Лялина: Состояніе скотоводства въ Малороссіи* см. *Журн. Мин. Госуд. Имуществъ, Февраль и Мартъ 1845*), проникнутой здравыми понятіями экономическими: «*Вилльеруа* говоритъ, что въ разведеніи скота состраданіе къ животнымъ составляетъ первое условіе, первую основу всякого улучшенія: это такъ справедливо, что нельзя противъ этого сдѣлать никакого опроверженія. Въ этомъ отношеніи я не знаю народа, который былъ бы болѣе склоненъ къ занятію скотоводствомъ, какъ Малороссіяне: они отъ природы добры и сострадательны. Я разумѣю только тѣхъ Малороссіянъ, которые обработываютъ землю собственными руками, и которые живутъ отдѣльно въ хуторахъ: имъ недостаетъ только убѣжденія, что безъ грамотности, невозможно вести отчетливо свое хозяйство, а слѣдовательно, невозможно достигать лучшаго.—Мысль о необходимости учить крестьянъ грамотѣ болѣе и болѣе распространяется въ кру-

гу помѣщиковъ, по нигдѣ она не приводится въ исполненіе съ такою дѣятельностію, какъ по управленію министерства государственныхъ имуществъ» (стр. 246.)

Примѣчаніе 9-е, къ § 57-му стр. 413.

Въ подтвержденіе этихъ замѣчаній и для отвращенія отъ себя упрека въ несправедливыхъ порицаніяхъ, ссылаемся на слѣдующія статьи, которыя всякій можетъ прочитать въ *Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ*, и въ которыхъ находятся критическія подробности совершенно мѣстныя о сельскомъ хозяйствѣ въ Россіи:—Г. *Лялина:* Нынѣшнее состояніе сельскаго хозяйства Малороссійскаго края (Генварь 1844);—Г. *Раковича:* Замѣчанія о хозяйствѣ Полтавской губерніи (Апрѣль 1844);—Г. *Корниса:* Состояніе хозяйствъ въ Молочанскихъ Меннонистскихъ колоніяхъ въ 1843 году (Май 1844 и Май 1845);—Г. *Есимонтовскаго:* Сельское хозяйство въ Суражскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи (четыре статьи 1844);—Г. *Рудольфа:* Выписки изъ дневника сельскаго хозяина Костромской губерніи, (помѣщаемые въ смѣси; особенно см. стр. 67, 70 и другія Сентябрской книжки 1844);—Г. *Прокопенко:* О солонцеватыхъ земляхъ на Керченскомъ полуостровѣ (Смѣсь Сентябрь 1844);—Г. *Витте* съ примѣчаніями Г. *Стевена:* о сельскомъ хозяйствѣ въ Херсонской, Таврической, Екатеринославской губерніяхъ (1844);—статья: *Что составляетъ главную потребность въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ*, особенно въ примѣненіи, къ остзейскимъ губерніямъ (Генварь 1845);—Г. *Лялина:* состояніе скотоводства въ Малороссіи (Апрѣль и Мартъ 1845); въ этой статьѣ между прочимъ весьма удовлетворительно объясняется почему скотоводство и въ особенности улучшенное не вездѣ въ Малороссіи можетъ приносить достаточныя выгоды;—Г. *Демоль:* Сельское хозяйство въ Новороссійскомъ краѣ (1845);—Г. *Рудольфа:* Дневныя записки Костромскаго и Ефремовскаго земледѣльца (1844—45); —Г. *Бауманъ:* о хозяйствѣ народовъ по сѣвернымъ берегамъ азовскаго моря живущихъ (тамъ-же); —Г. *Лоде:* о причинахъ недостаточнаго содержанія рогатаго скота; удостоено награжденія золотою медалью отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ (Іюнь 1845);—Г. *Пелля:* Хозяйственные замѣтки о казенной и нѣкоторыхъ частяхъ Нижегородской, Пензенской, Вятской и Симбирской губерніи (Августъ 1845);—Статья: *Описаніе Заволжскаго края въ топографическомъ и агрономическомъ отношеніяхъ* (Сентябрь 1845);—Г. *Беникѣ:* хозяйственные очерки Могилевской Минской и Волынской губерніи (Декабря 1845); и другіе.

ОПЕЧАТКИ

ЗАМѢЧЕННЫЯ ВЪ ПЕРВОМЪ ТОМѢ.

Напечатано:	*Страницы.*	*Строки.*	*Читать:*
чуство	3	5 съ низу	чувство
различія, не	7	3 — —	различія не
положимъ, также что	12	27 съ верху	положимъ также, что
сокупности	13	29 — —	совокупности.
въ ткани служащей, для одежды и	15	17 и 18 —	въ ткани, служащей для одежды, и
неограниченныхъ	21	3 съ низу	естественныхъ
которыхъ не можетъ одолѣть, и которымъ	27	5 — —	препятствія которыхъ не можетъ одолѣть, и которыми
почему	37	11 — —	Почему
значительнѣе	48	2 съ верху	значительнѣйшую
возросъ;	53	18 — —	возросъ,
2	57	3 — —	12.
произведенія	57	11 — —	произведеніе
ссужжаемъ	62	4 — —	ссужаемъ
насѣкомые	95	6 — —	насѣкомыя
смуты	106	6 съ низу	смуты,
лагорифмы	141	1 съ верху	логарифмы
послѣдствіи	148	1 — —	послѣдствія
сексанты	151	16 — —	секстаны
призваніемъ	188	14 — —	признаніемъ
учавствовать	213	4 съ низу	участвовать
благіе	377	2 съ верху	благое
съ ліяніемъ	383	5 — —	съ вліяніемъ
Сиръ Ребертъ	383	1 съ низу	Сиръ Робертъ
чувства	461	5 — —	чувство
раждается	472	13 — —	рождается
направленіи	480	17 — —	стремленіи
земнаго	1	11 съ верху	(*) земного

(*) и вездѣ гдѣ встрѣтится, какъ эта, такъ и всѣ послѣдующія опечатки.

Напечатано:	*Страницы.*	*Строки.*	*Читать:*
расширяется	2	8 съ верху	разширяется
исчислить	2	20 — —	изчислить
расшевелить	2	30 — —	разшевелить
къ счастію	5	3 — —	ксчастію
нисшей	7	6 съ низу	низшей
всякаго	10	13 — —	всякого
изключенія	10	15 съ верху	исключенія
каждаго	10	18 — —	каждого
отыскивать	11	8 — —	отъискивать
втораго	12	14 — —	второго
другаго	12	17 — —	другого
обвѣтшанія	12	19 — —	обветшанія
исчезаетъ	12	25 — —	изчезаетъ
стояло	16	3 съ низу	стопло
въ послѣдствіи	26	3 съ верху	впослѣдствіи
чужаго	26	20 — —	чужого
простаго	28	4 съ низу	простого
больнаго	54	8 съ верху	больного
самаго	66	15 — —	самого
немогутъ	73	6 — —	не могутъ
въ сравненіи	128	1 съ низу	всравненіи
промышленные	134	14 съ верху	промышленые
ремесленникъ	135	3 — —	ремесленикъ
затмѣвающіе	209	5 — —	затмевающіе
большаго	275	8 — —	большого

БУТОВСКАГО

ОПЫТЪ

О

НАРОДНОМЪ

БОГАТСТВѢ

1.

В Б.